UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 01355548 7

Сельская школа.

С. А. Ивановскаго.

Presented to
The Library
of the
University of Toronto
by
Mrs. Raymond Daniell

Rachinsky, Sergyei Aleksandrovi
III

СЕЛЬСКАЯ ШКОЛА

Selskaya shkola

Сборникъ статей

С. А. Рачинскаго

Изданіе третье, дополненное

3 ed.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СУНОДАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ
1898

Дозволено цензурой. Москва 5 декабря 1897 года.

Ed, H
R

626414
9.1.56

Статьи, помѣщенныя въ этомъ сборникѣ, не составляютъ систематическаго цѣлаго. Возникли онѣ въ разное время, подъ впечатлѣніями минуты, написаны наскоро, авторомъ, поглощеннымъ практическою школьною работою. Полагаю, что этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ и объясняется оказанное имъ вниманіе. Перепечатываются онѣ безъ измѣненій, причемъ, во избѣжаніе недоразумѣній, обозначается годъ перваго появленія ихъ въ печати. Дѣло въ томъ, что въ краткій періодъ отъ 1881 по 1896 годъ, дѣло нашей сельской школы развивалось съ возрастающею поспѣшностію. За эти пятнадцать лѣтъ мы были свидѣтелями быстраго размноженія земскихъ школъ, еще болѣе быстраго роста школы церковной, переполненія школъ министерскихъ. Колебанія этого развитія и вызванныя ими настроенія не могли не отразиться на содержаніи книги, въ ущербъ ея цѣльности, къ оживленію, быть можетъ, ея историческаго интереса.—Остается пожелать, чтобы предлагаемый сборникъ встрѣтилъ читателей столь же снисходительныхъ, какъ и прежнія изданія включенныхъ въ него статей.

С. Р.

ЗАМѢТКИ О СЕЛЬСКИХЪ ШКОЛАХЪ *).

Камень, егоже не въ ряду сотвориша зиждущіи, той бысть во главу угла.

Сужденія сельскаго учителя о школьномъ дѣлѣ не могутъ отличаться ни многосторонностію, ни строгимъ безпристрастіемъ. Явленія школьной жизни, входящія въ его кругозоръ, знакомы ему близко, извѣстны ему въ такихъ подробностяхъ, которыя ускользаютъ отъ посторонняго наблюдателя. Но кругозоръ его узокъ, и онъ безпрестанно подвергается опасности принимать мѣстное и частное за общее, основывать свои выводы на слишкомъ недостаточныхъ данныхъ. Съ другой стороны, самая близость его къ дѣлу можетъ препятствовать правильной оцѣнкѣ многихъ существенныхъ его сторонъ. По свойственному всѣмъ людямъ самообольщенію, онъ можетъ преувеличивать свое значеніе въ дѣлѣ, которому онъ призванъ служить,—можетъ взва-

*) *Русь*, 1881 г., №№ 45—53.

лить на другихъ отвѣтственность за такія его несовершенства, которыя онъ могъ бы самъ устранить...

Тѣмъ не менѣе, всякое искреннее слово человѣка, преданнаго своему дѣлу, объ этомъ, кровномъ его дѣлѣ, имѣетъ относительную цѣну, какъ данная, какъ матеріалъ для людей, имѣющихъ возможность обсудить это дѣло съ точекъ зрѣнія болѣе общихъ, отрѣшенныхъ отъ всякихъ мѣстныхъ случайностей, отъ всякаго личнаго пристрастія. Это соображеніе и даетъ мнѣ смѣлость взяться за перо.

I.

Скажу прежде всего нѣсколько словъ объ особенностяхъ, присущихъ, въ силу вещей, нашей сельской школѣ, насколько онѣ начинаютъ выясняться за краткій періодъ ея существованія.

Читая наши педагогическія руководства, прислушиваясь къ толкамъ печати, бесѣдуя о школахъ съ представителями нашей интеллигенціи, постоянно чувствуешь, что рѣчь идетъ не о той сельской школѣ, въ которой приходится намъ трудиться, но о сельской школѣ вообще, о какой-то схемѣ, заимствованной изъ наблюденій надъ школами иностранными, преимущественно нѣмецкими. Но та школа, которая возникаетъ на нашихъ глазахъ, среди народа, глубоко отличающагося отъ всѣхъ прочихъ своимъ прошлымъ, своимъ религіознымъ и племеннымъ характеромъ, своимъ общественнымъ составомъ,—среди обстоятельствъ, безпримѣрныхъ въ исторіи, — съ этою схемою имѣетъ очень мало общаго. Постараюсь указать на самыя рѣзкія изъ ея отличительныхъ особенностей.

Въ противоположность школамъ западнымъ, наша сельская школа возникаетъ, при весьма слабомъ уча-

стіи духовенства *), при глубокомъ равнодушіи образованныхъ класовъ и правительственныхъ органовъ, изъ потребности *безграмотнаго* населенія дать своимъ дѣтямъ извѣстное образованіе. Въ этомъ ея слабость, въ этомъ и ея сила, въ этомъ ключъ къ объясненію всѣхъ прискорбныхъ и отрадныхъ явленій въ жизни нашихъ сельскихъ школъ.

Изъ этого порядка вещей прямо слѣдуетъ, что преподаваніе въ сельскихъ школахъ не можетъ имѣть никакого направленія, кромѣ даннаго тѣми же безграмотными родителями, что за ними не можетъ быть иного контроля, кромѣ контроля тѣхъ же родителей.

То, что я говорю, многимъ покажется чудовищнымъ парадоксомъ. Наши сельскія школы находятся подъ четвернымъ контролемъ: дирекціи народныхъ училищъ, епархіальнаго начальства (черезъ благочинныхъ и особо назначаемыхъ надзирателей), училищныхъ совѣтовъ и мѣстной полиціи. Кажется, на недостатокъ направляющихъ и контролирующихъ силъ жаловаться нечего. Но чѣмъ же на дѣлѣ выражается вся эта роскошь надзора и контроля?

Директоры и инспекторы народныхъ училищъ не пользуются сочувствіемъ нашей печати. Она преисполнена самыми рѣзкими нападками на ихъ бездѣйствіе или на ложное направленіе ихъ дѣятельности. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этихъ должностяхъ человѣкъ неблагонамѣренный можетъ принести много вреда. Но принести пользу человѣкъ благонамѣренный (а таковы всѣ члены инспекціи, съ которыми меня сводила судьба) положительно не можетъ. Все зимнее время этихъ почтенныхъ чиновниковъ поглощено составленіемъ многосложныхъ

*) *Замѣтки* появились впервые до возникновенія церковно-приходскихъ школъ.

отчетовъ (за гражданскій годъ), а лѣтомъ, какъ извѣстно, всѣ школы закрыты. Этотъ порядокъ вещей, съ одной стороны, не даетъ инспекторамъ физической возможности посѣтить тѣ сотни школъ, разбросанныхъ на сотни верстъ, которыя состоятъ въ ихъ вѣдѣніи, съ другой,—ведетъ къ составленію отчетовъ изъ невѣрныхъ цифръ (ибо по каждой школѣ числятся и ученики окончившіе курсъ весною, и поступившіе осенью).

Участіе училищныхъ совѣтовъ въ школьномъ дѣлѣ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, ограничивается ходатайствомъ передъ земствомъ объ отпускѣ денежныхъ суммъ, огульнымъ распредѣленіемъ ихъ по наличнымъ школамъ и назначеніемъ членовъ для присутствованія на экзаменахъ.

Благочинные и спеціальные надзиратели за преподаваніемъ Закона Божія посѣщаютъ школы нехотя и только для исполненія формальности.

Полицейскіе чины, по свойственному русскому человѣку здравому смыслу, вовсе не вмѣшиваются въ школьное дѣло, въ коемъ они ничего не смыслятъ.

И при всемъ томъ, число школъ ростетъ, уровень ихъ медленно поднимается и, что̀ бы ни говорили алармисты, онѣ не только остаются нетронутыми нигилистическою пропагандою, но пріобрѣтаютъ все болѣе религіозный, церковный характеръ, и центральнымъ предметомъ преподаванія все болѣе становится въ нихъ—Законъ Божій, тотъ самый Законъ Божій, отъ преподаванія котораго, въ большинствѣ случаевъ, упорно отказываются священники, или который, по молчаливому согласію, они предоставляютъ учителю!

О тѣхъ отрадныхъ исключеніяхъ, которыя представляютъ школы съ ревностнымъ къ дѣлу народнаго образованія законоучителемъ—и говорить нечего.

Результатъ этотъ тѣмъ болѣе замѣчателенъ, что

все, повидимому, при возникновеніи нашихъ сельскихъ школъ, клонило ихъ въ направленіе противоположное: равнодушіе къ нимъ духовенства, краткое увлеченіе ими (перешедшее затѣмъ въ совершенное охлажденіе) мѣстной интеллигенціи, отношеніе къ нимъ министерства, наконецъ, — естественное стремленіе элементовъ противуобщественныхъ, антирелигіозныхъ овладѣть этою возникающею школою. О равнодушіи духовенства распространяться теперь не стану: на эту тему писано много, съ явнымъ впрочемъ злораднымъ преувеличеніемъ. Отношеніе нашей интеллигенціи къ религіозному элементу въ школѣ—извѣстно: она допускаетъ его лишь ради соблюденія какихъ-то консервативныхъ приличій, или какъ уступку невѣжественнымъ требованіямъ простонародья,—и это лицемѣрное отношеніе къ нему вреднѣе прямаго гоненія. Что касается министерства, то его постановленія, циркуляры, инструкціи преисполнены выраженіями неустанной заботливости о процвѣтаніи религіознаго элемента въ школахъ всѣхъ возможныхъ наименованій. Но во всемъ этомъ мало искренности. Стоитъ только вспомнить то приниженное положеніе, которое отведено преподаванію Закона Божія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Относительно сельскихъ школъ, стоитъ только заглянуть въ *Каталогъ книгъ для употребленія въ сельскихъ школахъ,* изданный Министерствомъ въ 1875-мъ г. (Вышло ли новое изданіе—мнѣ неизвѣстно, во всякомъ случаѣ по школамъ оно не разослано.) Слѣдуетъ замѣтить, что всякая книга, не входящая въ этотъ каталогъ (распадающійся на списки книгъ рекомендованныхъ, одобренныхъ и допущенныхъ), безусловно запрещена *). Повѣритъ ли мнѣ читатель, если

*) Соблюденіе этого запрещенія, какъ извѣстно, обезпечивается особыми мѣрами, которыя были бы крайне стѣснительны для школъ, если бы существовала какая-либо возможность привести ихъ въ дѣйствіе.

я скажу ему, что въ этомъ каталогѣ не значится ни Часослова, ни Псалтири, ни Ветхаго Завѣта! *Новый* Завѣтъ—„одобренъ“, но не „рекомендованъ“... Всякому, конечно, извѣстно, что безъ Часослова и Псалтири сельская школа у насъ немыслима, что Ветхій Завѣтъ во всякой школѣ необходимъ. Тѣмъ не менѣе, употребленіе этихъ книгъ въ школахъ оказывается *„безусловно запрещеннымъ“* со стороны министерства *). Наконецъ, всѣмъ понятно, что нигилистическій походъ *въ народъ*, въ программу коего, между прочимъ, входило и отравленіе сельской школы, окончился полнѣйшею неудачею.

Какимъ же путемъ совершается это воздѣйствіе оффиціально безправнаго, безграмотнаго, повидимому, совершенно некомпетентнаго населенія на дѣло, въ коемъ въ сущности оно одно искренно заинтересовано? Медленнымъ, почти безсознательнымъ, но упорнымъ давленіемъ снизу,—пассивнымъ сопротивленіемъ всему, неподходящему къ народному понятію о школѣ, выживаніемъ негодныхъ учителей, поощреніемъ удовлетворяющихъ народнымъ нуждамъ,—неотразимымъ вліяніемъ учащихся на учащихъ.

Само собою разумѣется, что этимъ преобладаніемъ здороваго, но темнаго, еще мало осмысленнаго вліянія на наши сельскія школы, рядомъ съ ихъ несомнѣнною жизненностію, обусловливаются многія ихъ слабости и недостатки, устранимые только временемъ. Наше дѣло зиждется неустаннымъ трудомъ поколѣній, и не можетъ созрѣть въ краткій періодъ человѣческой жизни...

Этотъ религіозный, церковный характеръ, налагаемый на нашу школу силою вещей, обусловливаетъ дру-

*) Въ новыхъ каталогахъ это недоразумѣніе, понятно, не повторяется. Св. Писаніе и богослужебныя книги нынѣ занимаютъ въ школѣ подобающее имъ мѣсто.

гую ея рѣзкую особенность—учебную программу, отличающуюся отъ учебныхъ программъ всѣхъ школъ иноземныхъ.

Кромѣ всѣхъ предметовъ, преподаваніе которыхъ желательно или нужно во всякой сельской школѣ, польза и необходимость которыхъ еще смутно сознается нашимъ безграмотнымъ населеніемъ, русская сельская школа уже теперь обязана сообщать своимъ питомцамъ знаніе *церковно-славянскаго языка.*

Не могу достаточно настаивать на громадномъ значеніи этого обстоятельства, на неоцѣненномъ преимуществѣ, которое оно даетъ русской сельской школѣ надъ всѣми прочими. Обязательное изученіе языка мертваго, обособленнаго отъ отечественнаго цѣлымъ рядомъ синтаксическихъ и этимологическихъ формъ, а между тѣмъ столь къ нему близкаго, что изученіе его вполнѣ доступно на первыхъ ступеняхъ грамотности,—это такой педагогическій кладъ, которымъ не обладаетъ ни одна сельская школа въ мірѣ. Это изученіе, составляя само по себѣ превосходную умственную гимнастику, придаетъ жизнь и смыслъ изученію языка русскаго, придаетъ незыблемую прочность пріобрѣтенной въ школѣ грамотности.

Дѣйствительно, по условіямъ нашего сельскаго быта, по бѣдности и малодоступности нашей свѣтской литературы, для грамотнаго крестьянина не существуетъ иного постояннаго упражненія въ грамотности, кромѣ чтенія Псалтири по покойникамъ и участія въ богослуженіи. Свѣтскихъ книгъ, доступныхъ и полезныхъ крестьянину, у насъ слишкомъ мало, и онѣ попадаются ему рѣдко. Между тѣмъ, неисчерпаемыя богатства нашего богослужебнаго круга,—этого сокровища поэзіи, нравственнаго и догматическаго поученія, на ряду съ Священнымъ Писаніемъ и житіями святыхъ,—даютъ

постоянную пищу уму, воображенію, нравственной жаждѣ нашего грамотнаго крестьянина, поддерживаютъ въ немъ способность къ тому серьезному чтенію, которое одно полезно и желательно. Вотъ почему, между прочимъ, лишь тѣ школы, которыя устроены при церквахъ, плодятъ у насъ истинныхъ грамотѣевъ.

Подобная роль, и по тѣмъ же причинамъ, предстоитъ въ будущемъ въ нашихъ сельскихъ школахъ изученію пѣнія (церковнаго). Вернусь къ нему впослѣдствіи.

Мнѣ остается указать на третью особенность нашихъ сельскихъ школъ (сѣверной полосы)—особенность, обусловленную причинами чисто внѣшними, но имѣющую на ея внутреннюю жизнь неизмѣримое вліяніе.

Особенность эта заключается въ слѣдующемъ. Девять десятыхъ изъ учениковъ нашихъ сельскихъ школъ не *ходятъ* въ школу, а *живутъ* въ ней. Деревни наши такъ разбросаны, ученики наши такъ малы и такъ плохо одѣты, что лишь изъ одной, много изъ двухъ, трехъ деревень они могутъ ходить ежедневно въ школу. Всѣ живущіе въ деревняхъ болѣе отдаленныхъ приходятъ на цѣлую недѣлю, съ запасомъ хлѣба, цѣлый день сидятъ въ школѣ, или толкутся около нея, ночуютъ, гдѣ попало—въ классѣ, церковной сторожкѣ; болѣе зажиточные въ особо нанятыхъ квартирахъ: у причетниковъ и т. д. Школы, при которыхъ устроено для учениковъ особое помѣщеніе, или даже правильное общежитіе, составляютъ весьма рѣдкое исключеніе.

Нельзя обратить достаточно вниманія на эту особенность нашихъ сѣверныхъ сельскихъ школъ. Во первыхъ она объясняетъ то *нежеланіе* родителей посылать дѣтей въ школу, въ которомъ такъ часто, и совершенно напрасно, упрекаютъ нашихъ крестьянъ. Всякій отецъ, всякая мать согласится, что нужно очень сильное *же-*

ланіе дать своимъ дѣтямъ посильное образованіе, большая увѣренность въ пользѣ этого образованія, чтобы при такихъ условіяхъ посылать своихъ дѣтей въ школу. Помѣщеніе дѣтей къ живущимъ по близости отъ школы часто сопряжено съ немалыми хлопотами и издержками. Эти хлопоты и издержки могутъ быть значительно уменьшены при устройствѣ въ самой школѣ приличнаго помѣщенія, при разумной иниціативѣ священника или учителя, берущаго на себя организацію правильнаго общежитія. Но подобныя общежитія пока обязательными сдѣлать нельзя, ихъ распространеніе будетъ дѣломъ времени и опыта. Всего этого не слѣдовало бы забывать нашимъ ревнителямъ обязательнаго и дароваго обученія. Даровое обученіе пока обходится у насъ очень дорого.

Это исключительное положеніе нашихъ сельскихъ школъ имѣетъ громадное вліяніе на всю постановку нашего школьнаго дѣла. Оно даетъ родителямъ право быть чрезвычайно требовательными къ ученію, достающемуся цѣною столь явныхъ неудобствъ; оно возлагаетъ на школу разные виды отвѣтственности, о которыхъ не можетъ быть рѣчи въ школахъ западной Европы и южной Россіи. Оно, по силѣ вещей, превращаетъ сельскую школу изъ учебнаго заведенія въ воспитательное. Школа захватываетъ всю жизнь ребенка, и становится великою силою, налагающею на него неизгладимую печать. Какую? Это зависитъ отъ духа школы, отъ ея организаціи, отъ лицъ, ею управляющихъ.

Само собою разумѣется, что это обстоятельство имѣетъ также рѣшающее вліяніе на самый планъ преподаванія, на его способы и методы. Вопросъ уже не въ томъ, какъ разумно распредѣлить занятія въ теченіе четырехъ, пяти часовъ ученія, а въ томъ, какъ разумно занять весь день ребенка. Счастлива та школа, которая

имѣетъ лампу, освѣщающую длинные зимніе вечера, въ которой ребята не вынуждены съ трехъ часовъ пополудни сидѣть въ потемкахъ или читать при свѣтѣ догорающей печки. Но не легка задача учителя, который беретъ на себя исполнить свои обязанности до конца, дополнить свои дневные уроки вечерними занятіями, безъ которыхъ не имѣетъ смысла жизнь несчастныхъ школьниковъ, оторванныхъ отъ семьи, пользующихся ученіемъ лишь въ теченіе двухъ, трехъ зимъ, отъ Покрова до Свѣтлаго праздника.

Сказаннаго, полагаю я, достаточно, чтобы убѣдить читателя въ коренномъ своеобразіи русской сельской школы. Задачи ея труднѣе, шире, чѣмъ задачи какой-либо сельской школы въ мірѣ. Чтобы стать на высоту этихъ задачъ, ей предстоитъ выработать себѣ особый типъ учебный и нравственный, которому нѣтъ образца въ школахъ западно-европейскихъ. Да хранитъ ее Богъ на первыхъ невѣрныхъ шагахъ ея труднаго существованія. Въ ней кроется зародышъ великаго блага или великаго зла...

Постараюсь, въ слѣдующихъ замѣткахъ, разъяснить по мѣрѣ моихъ силъ, какимъ образомъ отражаются эти коренныя отличія русской сельской школы на всѣхъ сторонахъ ея учебнаго и нравственнаго дѣла,—на ея жизни, внѣшней и внутренней.

II.

Переходя къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается жизнь русской сельской школы, остановлюсь прежде всего на самомъ важномъ изъ нихъ,—на ея ученикахъ.

При первомъ же взглядѣ на всякую нашу школу, въ ней поражаетъ отсутствіе или малое количество дѣво-

чекъ. Ясно, что наша школа дѣлаетъ лишь половину своего дѣла, а что другая, быть-можетъ, самая важная половина ускользаетъ отъ нея.

Отсутствіе дѣвочекъ объясняется очень просто,—тѣми же внѣшними условіями, которыя затрудняютъ помѣщеніе въ школу мальчиковъ. Понятно, что эти условія для дѣвочекъ еще болѣе неблагопріятны и стѣснительны. Поэтому вы въ нашихъ сельскихъ школахъ, кромѣ дочерей причетниковъ, встрѣтите развѣ дѣвочекъ изъ самыхъ ближайшихъ деревень. Никакого общаго предубѣжденія противъ обученія дѣвочекъ у крестьянъ однако не существуетъ. Тамъ, гдѣ возможно прилично устроить ихъ при школѣ, ихъ охотно отдаютъ въ ученіе.

Впрочемъ, появленіе дѣвочекъ въ нашихъ сельскихъ школахъ—явленіе совершенно новое. Трудно сказать, какіе размѣры оно приметъ въ ближайшемъ будущемъ. Если не возникнетъ внѣшнихъ препятствій, все заставляетъ думать, что наплывъ дѣвочекъ годъ отъ году будетъ расти. А такое внѣшнее препятствіе существуетъ уже теперь.

Для того, чтобы ребенокъ пріобрѣлъ прочную грамотность, ему необходимо посѣщать школу по крайней мѣрѣ три зимы. (По моимъ наблюденіямъ, этотъ срокъ достаточенъ только для дѣтей самыхъ способныхъ,—для всѣхъ же прочихъ нужны четыре зимы.) Притомъ, необходимо начинать не ранѣе десяти лѣтъ, и съ этимъ вполнѣ согласна практика крестьянъ: они понимаютъ что ребенокъ, оставляющій школу одиннадцати, двѣнадцати лѣтъ, рискуетъ все перезабыть. Между тѣмъ, Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія строго воспрещено обучать вмѣстѣ съ мальчиками дѣвочекъ старше 12-ти лѣтъ. Это запрещеніе равняется безусловному исключенію дѣвочекъ изъ сельской школы. Объ отдѣльныхъ для нихъ школахъ у насъ еще не можетъ быть и рѣчи.

Помѣстить осьми, девятилѣтнюю дѣвочку въ нашу сельскую школу почти невозможно (ни при одной изъ нихъ нѣтъ, да и не можетъ быть, особаго общежитія для дѣвочекъ). Довести дѣвочку, поступающую въ школу лѣтъ 10-ти, 11-ти, до полной грамотности — запрещено. Сообщить дѣйствительную грамотность крестьянкѣ наша школа можетъ только *при явномъ нарушеніи закона.*

Легко смѣяться надъ этимъ постановленіемъ словно изданнымъ въ Парижѣ и для Парижа, надъ тѣмъ баснословнымъ незнаніемъ сельскаго быта, сельскихъ нравовъ, которое одно можетъ его извинить. Но, право, намъ не до смѣха. Появленіе дѣвочки въ сельской школѣ, это — нашъ первый успѣхъ, наше первое, дорого купленное завоеваніе, это—залогъ всего будущаго развитія нашей сельской школы. То, чего недостаетъ нашимъ ученикамъ при школѣ самой совершенной, чего мы имъ не въ силахъ замѣнить, та атмосфера грамотности внѣ школьныхъ стѣнъ, которая одна можетъ поднять наше дѣло на степень жизненности и прочности, которая ей подобаетъ,—эта атмосфера можетъ создаться лишь при посредствѣ грамотныхъ матерей. Между тѣмъ, дѣвочки уже изгнаны изъ министерскихъ сельскихъ училищъ, а въ прочихъ училищахъ онѣ только терпимы: учебныя власти *обязаны* ихъ изгнать. Дивиться ли тому, что у многихъ рука не подымается при видѣ бѣдныхъ крошекъ, худенькихъ и слабыхъ, какъ осьмилѣтнія дѣти зажиточныхъ классовъ, но имѣвшихъ несчастіе родиться двѣнадцать лѣтъ тому назадъ и потому лишенныхъ права пріучить свои неумѣлые пальцы къ твердому держанію пера и иглы *), свой пробуждающійся умъ къ самымъ элементарнымъ пріемамъ мышле-

*) Наши крестьянки вышиваютъ великолѣпно, но шьютъ отвратительно.

нія, свою безсмертную душу къ созерцанію Божества? (Дѣвочка, не учащаяся въ школѣ—у насъ и въ церкви никогда не бываетъ.) Но другія начальствующія лица болѣе исполнительны,—и ихъ за это винить невозможно.

Пишу эти строки въ Субботу вечеромъ. Ученіе въ школѣ еще не началось: завтра соберутся ученики, чтобы пѣть обѣдню. Но ученица изъ самой дальней деревни нашего прихода (18 верстъ) уже тутъ. Она поетъ на правомъ клирѣ: это радость и гордость ея жизни. Изъ темной глубины притвора, гдѣ за густою толпою мужчинъ, вздыхая и крестясь, перешептываются деревенскія кумушки, она вознесена на высоту того таинственнаго алтаря, въ который она не можетъ вступить. О ней молятся на сугубой ектеніи. Тѣ святыя и страшныя слова, отъ которыхъ содрогаются сердца и гнутся колѣни,—она оглашаетъ ими церковь, и мало-по-малу, въ строгомъ строѣ созвучій, въ благоговѣйномъ вниманіи, напрягающемъ весь хоръ, передъ нею раскрывается глубокій смыслъ этихъ словъ, неизъяснимый никакими школьными толкованіями...

Но боюсь распространяться о дѣвочкахъ. Предпринимать ихъ характеристику, быть-можетъ, еще слишкомъ рано. Поговорю лучше о мальчикахъ. О нихъ позволяю себѣ имѣть свое сужденіе. Оно же и всего лучше поясннть читателю, почему я считаю полезнымъ, чтобы вмѣстѣ съ ними учились и дѣвочки.

Мальчикъ, поступающій на одиннадцатомъ году въ сельскую школу, мало похожъ на своего сверстника изъ образованныхъ классовъ. Онъ не видалъ еще букваря, но твердо знаетъ азбуку жизни. Онъ уже испыталъ много недѣтскаго горя, участвовалъ во многихъ недѣтскихъ трудахъ. Едва онъ сталъ твердо держаться на ногахъ, ему поручили няньчить младшаго братца или сестру. Черезъ это няньченье прошли всѣ наши дере-

венскіе ребята, и мальчики, и дѣвочки. На порогѣ сознательной жизни на нихъ возлагается самая страшная изъ отвѣтственностей—отвѣтственность за жизнь безпомощнаго, дорогаго, но докучливаго существа, которое безъ ихъ постоянной заботы существовать не можетъ. Вѣдь мать боронуетъ и пашетъ, коситъ и жнетъ. Какъ только являются признаки физической силы, на мальчика возлагаются работы, превышающія эту силу, работы, сопряженныя съ отвѣтственностію за самыя цѣнныя части крестьянскаго инвентаря—за скотъ и лошадей. Онъ—дѣятельный участникъ всѣхъ трудовъ и заботъ семьи. Среди этихъ тяжелыхъ, лихорадочныхъ трудовъ не до того, чтобы скрывать отъ него какія-либо грязныя или темныя стороны жизни. Онъ узнаетъ все, не изъ шутливыхъ разсказовъ, а изъ горькаго личнаго опыта. Онъ видитъ вблизи и смерть, со всѣми ея ужасающими подробностями, во всемъ ея таинственномъ величіи, и научается смотрѣть на нее трезво и просто, съ покорностію и надеждою. Онъ неучъ передъ пятилѣтнимъ ребенкомъ образованныхъ классовъ, онъ неизмѣримо зрѣлѣе для жизни, чѣмъ двадцатилѣтній юноша, выхоленный въ богатомъ, просвѣщенномъ семействѣ.

Въ школу онъ поступаетъ съ радостію. Тутъ его ожидаетъ жизнь относительно привольная и легкая, безъ непосильнаго труда, физическаго или умственнаго,—ожидаетъ его роскошь, составляющая потребность дѣтскаго возраста, роскошь, на которую нѣтъ времени въ его семейной жизни: постоянное вниманіе къ нему старшихъ, постоянная забота о немъ. Но онъ приноситъ съ собою пріобрѣтенное въ семьѣ чувство отвѣтственности за свои поступки, за свое время, сознаніе необходимости труда, напряженія своихъ силъ. Отъ учителя зависитъ не дать заглохнуть этимъ драгоцѣннымъ задаткамъ, но укрѣпить и направить ихъ. Приноситъ онъ съ собою и темное,

но высокое и благоговѣйное понятіе объ ученіи, какъ о ключѣ къ тайнамъ молитвы, жизни вѣчной, Божественной мудрости. Онъ, крестясь, цѣлуетъ первую книгу, которую даютъ ему въ руки.

Съ товарищами дружится онъ скоро. Въ крестьянскихъ семьяхъ нѣтъ тѣхъ различій тона, взглядовъ, привычекъ и мнѣній, которыя въ нашемъ образованномъ обществѣ дошли до вавилонскаго смѣшенія языковъ и мѣшаютъ его дѣтямъ понимать другъ друга и сближаться.

Старшіе ученики принимаютъ новичковъ съ радушіемъ и ласкою. Эти мальчики—любимцы школы. По доброй домашней привычкѣ, съ ними носятся и няньчатся. Мерзкій обычай нѣмецкой школы, перешедшій и въ наши среднія учебныя заведенія, обычай дразнить и мучить новичковъ, совершенно чуждъ школѣ русской,—а такова, пока, лишь наша бѣдная сельская школа. Но этого мало. Заботливость старшихъ о новичкахъ составляетъ такую же характерную особенность въ нашей школѣ, какъ противоположная черта въ школѣ нѣмецкой. Эта заботливость проявляется во всемъ: въ играхъ, въ работахъ, въ постоянной помощи старшихъ младшимъ въ школьныхъ занятіяхъ. Она сопровождается изумительнымъ въ дѣтяхъ терпѣніемъ и умѣніемъ обращаться съ дѣтьми младшаго возраста, умѣніемъ, которое было бы непостижимо, если бы мы не знали, что оно пріобрѣтается внѣ школы раннею, продолжительною практикою.

Страннымъ, почти чудовищнымъ можетъ показаться людямъ, чуждымъ сельской жизни, это няньченье крошекъ малютками, этотъ тягостный искусъ, возлагаемый на дѣтей, слишкомъ юныхъ, чтобы понять все его нравственное значеніе. Таковымъ казался онъ когда-то и мнѣ. Но что, если онъ отражается на дѣтяхъ именно своею нравственною стороною, оставляетъ въ ихъ душѣ глубокое чувство жалости къ безпомощнымъ и малымъ —

именно потому, что онъ не произвольное насиліе, а горькая необходимость?...

....Приводятъ въ школу осьмилѣтняго мальчика. — Малъ онъ еще, говорю я,—лучше подождать годъ или два.—Помилуйте, отвѣчаетъ мать,—пора его освободить: онъ уже четыре года няньчитъ...

Въ школѣ заходитъ рѣчь о томъ, чтобы завести куръ, для того чтобы не пропадали крохи отъ общей трапезы. Одинъ изъ живущихъ въ школѣ учениковъ, нервный и впечатлительный мальчикъ, морщится и блѣднѣетъ:— что хотите заводите, только не куръ! Этотъ мальчикъ— внукъ птичницы при господскомъ дворѣ. Все его раннее дѣтство прошло въ няньченьѣ ребятъ и въ вознѣ съ домашнею птицею. Тотъ же мальчикъ (12 лѣтъ) способенъ цѣлыми часами заниматься съ цѣлымъ классомъ новичковъ, — учитъ ихъ съ жаромъ, съ толкомъ, съ увлеченіемъ и приковываетъ ихъ вниманіе не хуже любого патентованнаго учителя.

Почти во всякомъ изъ нашихъ школьниковъ есть педагогическая струнка, часто весьма сильная. Учитель, умѣющій играть на этой стрункѣ, пріобрѣтаетъ драгоцѣнное, почти необходимое подспорье въ почти неограниченной работѣ, возлагаемой на него исключительными условіями нашей школьной жизни. Во всякой школѣ найдется два-три толковыхъ и усердныхъ мальчика, которымъ, съ великою обоюдною пользою, можно смѣло поручить младшихъ товарищей для извѣстныхъ, нехитрыхъ, но необходимыхъ упражненій. Замѣчательная распространенность этой склонности между крестьянскими ребятами имѣетъ огромное значеніе для всей будущности нашего школьнаго дѣла. Она поведетъ, и уже начинаетъ вести, къ распространенію элементарной грамотности внѣ школьныхъ стѣнъ. Она обезпечиваетъ намъ тотъ громадный контингентъ дешевыхъ сельскихъ

учителей, который понадобится намъ въ близкомъ будущемъ, и который не можетъ быть почерпнутъ ни откуда, какъ только изъ среды грамотнаго крестьянства.

Наши школьники поступаютъ въ школу съ твердымъ намѣреніемъ сдѣлаться грамотными, большею частію по собственной неотступной просьбѣ, съ полною готовностію учиться безъ перерыва съ утра до вечера. Таково и желаніе родителей. Школа, въ которой ограничиваются четырьмя-пятью часами занятій, признанными достаточными педагогическою наукою, считается плохою школою. И родители правы. Они мало цѣнятъ тѣ весьма скудныя свѣдѣнія, которыя могутъ быть пріобрѣтены на показъ въ теченіе трехъ-четырехъ зимъ казеннаго ученія, но высоко цѣнятъ тѣ необходимыя *умѣнья,* которыя дѣйствительно могутъ быть пріобрѣтены въ этотъ срокъ, но лишь при весьма интенсивной работѣ. Все это неудержимо тѣснитъ нашу школу къ увеличенію числа учебныхъ часовъ, и главнымъ двигателемъ тутъ являются сами ученики. Ихъ постоянное присутствіе въ школѣ, ихъ по истинѣ ненасытная жадность къ ученію волею-неволею заставляетъ всякаго внимательнаго учителя умножать число классныхъ занятій, въ особенности въ первой половинѣ зимы, когда нужно пользоваться всѣмъ краткимъ днемъ, и затѣмъ настаетъ длинный вечеръ, въ который ученикамъ и бѣгать по улицѣ невозможно. О тѣхъ особенностяхъ, которыя столь интенсивное ученіе по необходимости вноситъ и въ учебный планъ, и въ школьную дисциплину, скажу впослѣдствіи. Настаиваю теперь только на томъ, что такое интенсивное ученіе не есть насиліе надъ дѣтьми, но уступка ихъ требованіямъ: они пришли учиться, и кромѣ школы дѣваться имъ некуда. Чтобы выжить ихъ изъ класса, буквально нужно погасить лампу. Дѣлаютъ они свое дѣло съ терпѣніемъ и настой-

чивостію, вполнѣ понимая, что дѣло это трудное и важное. Это отношеніе дѣтей къ школѣ одно и даетъ учителю возможность вести такое усиленное ученіе, которое, впрочемъ, всякому учителю крестьянину представляется вполнѣ нормальнымъ.

Въ прямой связи съ этимъ дѣловымъ направленіемъ нашихъ школьниковъ находится ихъ отличное, бодрое и веселое, но скромное и ровное поведеніе въ школѣ. Имъ не до шалостей, не до ссоръ. Въ нихъ нѣтъ и слѣда того отвратительнаго сквернословія и скверномыслія, которыми заражены наши городскія учебныя заведенія, въ особенности столичныя. Въ нормальной крестьянской жизни нѣтъ мѣста тѣмъ преждевременнымъ возбужденіямъ воображенія, тѣмъ нездоровымъ искушеніямъ мысли, которыми исполненъ бытъ нашихъ городскихъ классовъ. Русскій народъ, вошедшій въ пословицу своимъ сквернословіемъ, въ сущности самый стыдливый народъ въ мірѣ. Грязь въ глазахъ русскаго человѣка есть грязь. Когда въ немъ проснется звѣрь, живущій въ каждомъ человѣкѣ, онъ кидается ею. Но пока онъ трезвъ, пока онъ остается самъ собою, онъ чистъ въ мысляхъ и словахъ. Гаденькая, любезничающая грязноватость, проникнувшая изъ Франціи въ нравы нашего полуобразованнаго общества, въ нашу литературу низшаго разряда—глубоко ему чужды. Каждый нашъ крестьянскій мальчикъ—такой, еще не испорченный, русскій человѣкъ. Считаю это замѣчаніе нелишнимъ потому, что пугливость нашего министерства относительно совмѣстнаго обученія дѣвочекъ и мальчиковъ, вѣроятно, происходитъ отъ того, что оно судитъ о послѣднихъ по гимназистамъ и кадетамъ ихъ возраста. Ошибочнѣе этого сближенія ничто быть не можетъ. Мальчики и дѣвочки, проводящіе въ деревнѣ, безъ всякаго надзора и безъ всякаго вреда, всю

свою жизнь вмѣстѣ, не повредятъ другъ другу и въ школѣ.

Но за то они могутъ принести и приносятъ другъ другу немалую пользу. Все сказанное мною объ отношеніяхъ мальчиковъ къ школѣ можно сказать и о дѣвочкахъ. Но нельзя не замѣтить на сторонѣ мальчиковъ извѣстнаго преимущества въ развитіи, въ ширинѣ умственнаго кругозора. Это неравенство, весьма сильное между взрослыми крестьянами и крестьянками, по самымъ условіямъ ихъ жизни, въ дѣтяхъ является лишь въ зачаткѣ и сглаживается совмѣстнымъ обученіемъ въ школѣ.

Предоставляю судить читателямъ, не желательнѣе ли такое уравненіе, чѣмъ искусственное усиленіе неравенства черезъ затрудненіе дѣвочкамъ доступа къ прочной грамотности. Не полезно ли для самихъ мальчиковъ съ ранняго дѣтства убѣдиться въ томъ, что ихъ сестры, ихъ будущія жены нисколько не уступаютъ имъ въ умственныхъ способностяхъ?

Средній уровень способностей нашихъ крестьянскихъ дѣтей, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, вообще очень высокъ. Послѣднія, быть можетъ, еще превышаютъ первыхъ понятливостію и терпѣніемъ. Способности эти разнообразны, но преобладаютъ замѣтно способности математическія и художественныя. Умственный счетъ—любимая забава дѣтей въ промежутки между классными занятіями, и въ немъ легко достигается значительная быстрота и ловкость, такъ же, какъ и въ рѣшеніи сложныхъ письменныхъ задачъ. Пѣніе, при сколько-нибудь умѣломъ преподавателѣ, прививается несравненно успѣшнѣе, чѣмъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Успѣху въ этомъ отношеніи, конечно, способствуетъ сочувствіе родителей. Пѣніе — единственный предметъ преподаванія, о результатахъ котораго могутъ непосредственно судить и безграмотные, который получаетъ не-

медленное практическое приложеніе, возвышая красоту и торжественность церковной службы. Оно же нѣкоторымъ образомъ дастъ очевидную мѣрку усердія и умѣлости учителя. Но и независимо отъ этихъ выгодныхъ условій, музыкальная даровитость нашихъ крестьянъ поистинѣ изумительна. Ничуть не менѣе распространена другая художественная способность, которая, при нынѣшнемъ зачаточномъ состояніи нашей сельской школы, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ имѣетъ возможность проявиться—способность къ рисованію. Количество дремлющихъ художественныхъ силъ, таящихся въ нашемъ народѣ—громадно, и о немъ пока можетъ составить себѣ приблизительное понятіе лишь внимательный сельскій учитель.

Остается мнѣ дополнить эту бѣглую характеристику нашихъ сельскихъ учениковъ нѣсколькими словами объ ихъ отношеніи къ предметамъ религіознымъ и нравственнымъ. Оно не можетъ быть иное, какъ отношеніе къ нимъ ихъ родителей, лишь болѣе безсознательное и смутное. Мы тутъ вступаемъ въ область, мало изслѣдованную и обширную, въ которую до сихъ поръ бросаютъ яркіе лучи свѣта лишь указанія, разбросанныя въ твореніяхъ трехъ незабвенныхъ покойниковъ: А. С. Хомякова, К. С. Аксакова и Ѳ. М. Достоевскаго. Область эта совершенно выходитъ изъ рамокъ краткой журнальной замѣтки, и я долженъ ограничиться осторожными намеками.

Та высота, та безусловность нравственнаго идеала, которая дѣлаетъ русскій народъ народомъ христіанскимъ по преимуществу; которая въ натурахъ спокойныхъ и сильныхъ выражается безграничною простотою и скромностію въ совершеніи всякаго подвига, доступнаго силамъ человѣческимъ; которая въ натурахъ страстныхъ и узкихъ ведетъ къ ненасытному исканію, часто

къ чудовищнымъ заблужденіямъ; которая въ натурахъ широкихъ и слабыхъ влечетъ за собою преувеличенное сознаніе своего безсилія, и, въ связи съ нимъ, отступленіе передъ самыми исполнимыми нравственными задачами, необъяснимыя, глубокія паденія; которая во всякомъ русскомъ человѣкѣ обусловливаетъ возможность внезапныхъ побѣдоносныхъ поворотовъ отъ грязи и зла къ добру и правдѣ,—вся эта нравственная суть русскаго человѣка уже заложена въ русскомъ ребенкѣ. Велика и страшна задача русской школы въ виду этихъ могучихъ и опасныхъ задатковъ, въ виду этихъ силъ, этихъ слабостей, которыя она призвана поддержать и направить. Школѣ, отрѣшенной отъ церкви, эта задача не по силамъ. Лишь въ качествѣ органа этой церкви, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, можетъ она приступить къ ея разрѣшенію. Ей нужно содѣйствіе всѣхъ наличныхъ силъ этой церкви, и духовныхъ, и свѣтскихъ...

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Парижѣ учебное начальство возымѣло оригинальную мысль подвергнуть статистическому изслѣдованію задушевныя желанія парижскихъ ребятъ. Съ этою цѣлію во всѣхъ начальныхъ школахъ было задано единовременно всѣмъ учащимся сочиненіе на одну тему. Всякій долженъ былъ высказывать, какъ бы онъ желалъ провести свою жизнь. Этотъ матеріалъ былъ подвергнутъ тщательной классификаціи и изслѣдованію, и въ общемъ выводѣ получился успокоительный результатъ, что идеаломъ большинства парижскихъ дѣтей нужно считать честный трудъ и пріобрѣтаемый имъ скромный достатокъ.

Не задаваясь столь строго-научными цѣлями, я часто задаю своимъ ученикамъ темы тождественныя или подобныя: ученики на нихъ пишутъ охотно, и учитель можетъ почерпнуть изъ ихъ отвѣтовъ полезныя

указанія. Отвѣты эти самые разнообразные, смотря по возрасту, характеру, степени развитія, минутному настроенію ученика. Но весьма замѣчательно въ этихъ сочиненіяхъ частое повтореніе одного мотива, который, ручаюсь за это, во всякой школѣ, кромѣ русской, можетъ явиться лишь какъ рѣдкое исключеніе.

Большинство мальчиковъ, внимательно относящихся къ заданной темѣ, нарисовавъ себѣ жизнь, соотвѣтствующую ихъ вкусамъ и наклонностямъ (по большей части хозяйственнымъ, — изъ земныхъ благъ самымъ желательнымъ оказывается собственный кусокъ земли), заключаютъ ее отреченіемъ отъ всего мірскаго, раздачею имущества бѣднымъ,—поступленіемъ въ монастырь!

Да, монастырь, жизнь въ Богѣ и для Бога, отверженіе себя,—вотъ что совершенно искренно представляется конечною цѣлью существованія, недосягаемымъ блаженствомъ этимъ веселымъ, практическимъ мальчикамъ. Эта мысль не могла имъ быть навязана учителемъ, нимало не сочувствующимъ нашимъ современнымъ монастырямъ. Монастыря они и не видали. Они разумѣютъ тотъ таинственный, идеальный, неземной монастырь, который рисуется передъ ними въ разсказахъ странниковъ, въ житіяхъ святыхъ, въ собственныхъ смутныхъ алканіяхъ ихъ души...

Осенью 1876-го г. ко мнѣ явился двадцатилѣтній юноша, безземельный сирота, ужъ грамотный, умоляя меня принять его въ число моихъ учениковъ. Въ то время моя школа не была еще переполнена. Я позволилъ ему поселиться въ ней, возложивъ на него нѣкоторыя обязанности по школьному хозяйству, надзору за учениками, и т. д. Радости его не было конца, и онъ съ жаромъ принялся за ученіе. Его ровный и веселый характеръ, горячее участіе, съ которымъ онъ во-

шелъ во всѣ интересы школы, въ нѣсколько дней сдѣлали изъ него общаго любимца.

Приближался наборъ, надвигалась Восточная война, въ неизбѣжности которой никто въ крестьянскомъ мірѣ не сомнѣвался. Всѣ разговоры вертѣлись около этой предстоящей войны. Мой Иванъ Самсоновъ съ радостію готовился къ слишкомъ вѣроятному поступленію на военную службу. Но не надежда отличиться на этой войнѣ, не великое значеніе ея, которое онъ вполнѣ понималъ, одушевляли его, а *надежда быть убитымъ* на этой войнѣ, искренняя и радостная надежда. Въ Ноябрѣ онъ вынулъ жребій и попалъ въ войска, расположенныя въ Варшавскомъ военномъ округѣ. Я часто получалъ отъ него письма, исполненныя возрастающаго нетерпѣнія. По объявленіи войны, это нетерпѣніе достигло крайнихъ предѣловъ, и онъ вздумалъ *бѣжать* въ ряды дѣйствующей арміи, но, къ счастію, предварительно обратился ко мнѣ за совѣтомъ. Скоро его желанія сбылись. Его полкъ двинули къ Дунаю. „Наконецъ“, писалъ онъ, „мнѣ удастся омыть своею кровью мое грѣшное тѣло“. Затѣмъ послѣдовало лишь нѣсколько печальныхъ строкъ изъ-подъ Плевны... До сихъ поръ не знаю, когда и какъ онъ погибъ.

Правъ ли я былъ, утверждая, что къ нашей сельской школѣ нельзя подойти съ одними отвлеченными педагогическими понятіями и пріемами?

Все сказанное мною объ ученикахъ нашихъ школъ относится къ ученикамъ нормальнымъ, дѣтямъ порядливыхъ и болѣе или менѣе зажиточныхъ крестьянъ, которые одни до сихъ поръ пользуются у насъ ученіемъ. Но кромѣ ихъ, въ составъ учащихся въ сельской школѣ входятъ и другіе элементы: дѣти причетниковъ, служащихъ при господскихъ усадьбахъ, бездомныя сироты, обучающіяся и живущія при школахъ на средства доб-

рыхъ людей, дѣти сельскихъ торгашей и кабатчиковъ, мелкопомѣстныхъ дворянъ (весьма многочисленныхъ въ нашей мѣстности); наконецъ, въ школѣ, въ которой я учу, дѣти латышей-арендаторовъ, въ значительномъ числѣ поселившихся въ нашемъ приходѣ. Не стану говорить въ отдѣльности о всякомъ изъ этихъ разрядовъ учениковъ, вообще малочисленныхъ; но не могу не сказать нѣсколько словъ о двухъ изъ нихъ, представляющихъ особыя затрудненія для учителя.

Истинную язву нашихъ сельскихъ школъ составляютъ дѣти торгашей и кабатчиковъ. Эта денежная аристократія нашихъ селъ, ничего не дѣлающая для школъ *), отлично умѣетъ пользоваться ими для первоначальнаго обученія своихъ дѣтей, затѣмъ нерѣдко поступающихъ въ гимназіи и городскія училища. Эти дѣти, выросшія въ кабакѣ, въ праздности и относительной роскоши, въ атмосферѣ грязи и обмана, рѣзко отличаются отъ всѣхъ прочихъ учениковъ. Школа, въ которой они рѣдко живутъ, не въ силахъ перевѣсить тлетворныя вліянія домашняго очага. Ихъ сквернословіе, ихъ мерзкія шалости составляютъ грубый диссонансъ въ мирномъ строѣ сельской школы.

Менѣе испорчены, но также весьма затруднительны для учителя тѣ несчастныя дѣти, которыя попадаютъ въ школу послѣ нѣсколькихъ лѣтъ нищенства. Очень трудно побѣдить въ нихъ привычку къ праздности, къ бродячей жизни, разные сопряженные съ нею дурные

*) Кабатчики, впрочемъ, нерѣдко съ великимъ шумомъ и трескомъ основываютъ школы. Это *основаніе* заключается въ пожертвованіи какой-либо негодной постройки и обѣщаніи дальнѣйшей поддержки, подъ условіемъ перенесенія волостнаго правленія въ сосѣдство кабака, принадлежащаго жертвователю. Крестьяне постоянно попадаются на эту удочку. Разумѣется, какъ только цѣль достигнута, всякая помощь школѣ прекращается. Исключенія весьма рѣдки: мнѣ извѣстно только одно.

навыки. Число этихъ дѣтей пока еще весьма незначительно. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ касается нашей сельской школы общественная и частная благотворительность. Но обращаю вниманіе на этотъ незначительный контингентъ, потому что увеличеніе его крайне желательно. Тѣ печальныя послѣдствія, физическія и нравственныя, которыя влечетъ за собою раннее нищенство дѣтей, настоятельно указываютъ не необходимость предотвращать его помѣщеніемъ дѣтей въ школы и изыскать нужныя для этого денежныя средства.

Быть можетъ, дочитывая эту замѣтку, читатель заподозритъ меня въ излишнемъ пристрастіи къ ученикамъ сельской школы, спроситъ себя: не подкрашиваю ли я дѣйствительность, подбирая для ихъ характеристики черты исключительно свѣтлыя, симпатическія. Самъ задаю себѣ этотъ вопросъ, но по совѣсти долженъ отвѣчать на него отрицательно. Пусть вспомнитъ читатель, что до сихъ поръ мы въ сельскихъ школахъ имѣемъ дѣло съ дѣтьми лучшаго меньшинства нашего крестьянства. Дай Богъ, чтобы духъ, воцарившійся съ ними въ нашей сельской школѣ, не измѣнился и не заглохъ, а упрочился и развился.

Пусть вспомнитъ также читатель, что съ нимъ говоритъ не случайный посѣтитель, подкупленный веселымъ и бодрымъ видомъ школы, а учитель, проводящій въ ней всю свою жизнь. Зимою онъ съ 8-ми часовъ утра до 8-ми часовъ вечера окруженъ семьюдесятью крестьянскими ребятами, въ будни и праздники. Этотъ учитель — человѣкъ больной и старый, избалованный инымъ образомъ жизни. Поручите ему, при тѣхъ же условіяхъ, столько же дѣтей того же возраста, самаго тщательнаго воспитанія, изъ самыхъ лучшихъ нашихъ семействъ, — и онъ черезъ недѣлю сошелъ бы съ ума. Физическое утомленіе, неизбѣжное при этомъ образѣ

жизни, съ избыткомъ вознаграждается тѣмъ душевнымъ отдыхомъ, который онъ нашелъ на склонѣ лѣтъ и силъ,—такъ близко, такъ легко.

Да проститъ мнѣ читатель нескромность этого, чисто личнаго аргумента. Покоряюсь на его насмѣшку, если только мнѣ удалось возбудить въ немъ малѣйшее желаніе заглянуть въ этотъ скромный міръ, столь доступный и, какъ мнѣ кажется, столь мало еще знакомый нашему образованному обществу.

III.

Поговоривъ объ ученикахъ сельской школы, мнѣ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ объ ея учителяхъ. Будучи самъ однимъ изъ нихъ, прошу напередъ извиненія у читателей, если, несмотря на всѣ мои старанія, мнѣ не удастся удержаться при этомъ въ границахъ строгаго безпристрастія.

Учителя, подвизающіеся въ нашихъ оффиціально признанныхъ сельскихъ школахъ, распадаются на три разряда, рѣзко отличающіеся между собою. Укажу на особенности каждаго изъ нихъ, въ порядкѣ появленія ихъ на поприщѣ сельскаго учительства.

Первый разрядъ, и по времени появленія, и по внутреннему достоинству, составляютъ молодые люди, окончившіе курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ и готовящіеся къ священническому сану. Наша сельская школа не имѣетъ, и долго не будетъ имѣть, контингента учителей болѣе солидно и многосторонне подготовленныхъ. Основательность ихъ свѣдѣній, въ особенности по русскому и церковно-славянскому языку и по Закону Божію, вполнѣ вознаграждаетъ нѣкоторую недостаточность въ знакомствѣ съ пріемами элементарнаго обуче-

нія. Эта недостаточность, впрочемъ, лишь относительная. Въ духовныхъ семинаріяхъ преподается педагогика, при нихъ существуютъ воскресныя школы для упражненія воспитанниковъ *). На той ступени умственнаго развитія, которая достигается нашими семинаристами, всякій методъ преподаванія усваивается сознательно и легко. Громадное преимущество доставляетъ имъ также полное практическое знакомство съ богослуженіемъ и извѣстный навыкъ къ церковному пѣнію. Тѣ немногіе изъ нихъ, для которыхъ священство есть дѣло призванія, и многіе другіе, въ силу своей умственной зрѣлости, относятся къ своему дѣлу добросовѣстно и серьезно. Привлеченіе ихъ къ дѣятельности въ сельской школѣ (чрезъ особую, назначенную имъ стипендію) составляетъ дѣйствительную заслугу Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Но само собою разумѣется, что этотъ цѣнный контингентъ, при возрастающемъ количествѣ школъ, при повсемѣстномъ недостаткѣ въ священникахъ, совершенно исчезаетъ сравнительно съ потребностію въ учителяхъ. Рѣдкому изъ этихъ молодыхъ людей доводится провести въ должности учителя положенные закономъ три года: они только проходятъ черезъ сельскую школу и оставляютъ ее, не успѣвъ пріобрѣсти тотъ навыкъ, ту опытность, которые одни могли бы сдѣлать изъ нихъ безукоризненныхъ сельскихъ учителей.

Другой разрядъ нашихъ сельскихъ учителей, и самый многочисленный, составляютъ молодые люди, пріобрѣтающіе это званіе посредствомъ экзамена при гимназіяхъ, уѣздныхъ училищахъ, etc. Экзаменъ этотъ, относительно легкій, даетъ доступъ къ учительской долж-

*) Въ настоящее время онѣ преобразованы въ ежедневныя „образцовыя школы“.

ности всякому, кто способенъ ее исполнить въ предѣлахъ, начерченныхъ оффиціальною программою сельскихъ школъ. Молодые люди, сдающіе его, по большей части окончили курсъ въ уѣздномъ или духовномъ училищѣ, или не окончили его въ какомъ-либо среднемъ учебномъ заведеніи. Какъ весьма рѣдкія исключенія, появляются между ними крестьяне, обучавшіеся въ сельскихъ школахъ, и затѣмъ нашедшіе случай пополнить свои свѣдѣнія до уровня, требуемаго программою учительскаго экзамена. Такіе учителя, если не ошибаюсь, встрѣчаются въ Тульской губерніи, въ сферѣ дѣятельности Ясно-Полянской школы графа Л. Н. Толстаго. Въ небольшомъ количествѣ встрѣчаются они и въ Смоленской губерніи.

Само собою разумѣется, что общая характеристика этого разряда учителей невозможна: между ними встрѣчаются учителя отличные, посредственные и изъ рукъ вонъ плохіе, смотря по ихъ личнымъ свойствамъ, по той школѣ, которую они прошли до экзамена. Лишенные всякой теоретической педагогической подготовки, они вынуждены пользоваться пріемами той школы, изъ которой они вышли, подражать пріемамъ учителей, болѣе опытныхъ, или ощупью создавать себѣ собственные пріемы, сообразно своимъ умственнымъ силамъ и матеріальнымъ средствамъ школы, въ которой они учатъ. Инспектора народныхъ училищъ, какъ уже сказано, по несоразмѣрной обширности своего круга дѣйствій, по множеству возложенныхъ на нихъ канцелярскихъ трудовъ, не имѣютъ физической возможности направить дѣятельность этихъ учителей, придать ей какое-либо методическое единство. Между тѣмъ, этотъ разрядъ учителей, постоянно возрастающій въ числѣ, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Это пока единственные полноправные учителя, которые по карману нашимъ

крестьянскимъ обществамъ, нашимъ волостямъ, нашимъ приходамъ. Это люди, сознательно выбравшіе себѣ учительскую должность, иногда за неимѣніемъ лучшей, иногда по дѣйствительной склонности или призванію, напередъ знакомые съ ея болѣе чѣмъ скромною обстановкою, дорожащіе этою должностію, по меньшей мѣрѣ какъ своимъ единственнымъ окончательнымъ ремесломъ, или какъ замѣною обязательной воинской повинности. Размноженіе этихъ учителей—плодъ дѣйствительной потребности, и притязанія ихъ нейдутъ далѣе дѣйствительно достижимаго.

Третій разрядъ нашихъ сельскихъ учителей составляютъ тѣ учителя ex professo, которые выходятъ изъ нашихъ учительскихъ семинарій. Количество ихъ возрастаетъ, но не такъ быстро, какъ можно было бы ожидать по количеству этихъ заведеній. Прибыль ослабляется постоянною убылью, по причинамъ, которыя я тотчасъ изложу.

Наши учительскія семинаріи наполняются, съ одной стороны, молодыми крестьянами, окончившими курсъ въ двухклассныхъ сельскихъ училищахъ, съ другой—юношами изъ всѣхъ прочихъ сословій. Причины, побуждающія ихъ поступать въ эти заведенія — разнообразны, но лишь въ рѣдкихъ случаяхъ между ними играетъ видную роль—сознательное желаніе поступающаго посвятить себя учительскому званію. Преобладающимъ мотивомъ со стороны родителей-крестьянъ является тутъ смутное желаніе вывести своихъ дѣтей въ *господа;* со стороны родителей другихъ сословій—вполнѣ сознательное желаніе избавить своихъ дѣтей отъ воинской повинности и доставить имъ три года казеннаго содержанія и ученія, а затѣмъ—казенное мѣсто. Желающихъ поступить въ учительскія семинаріи всегда больше, чѣмъ можно ихъ принять.

Эти юноши въ теченіе трехъ лѣтъ проходятъ тотъ многосложный курсъ ученія, программа котораго подробно изложена на страницахъ *Руси,* въ статьѣ г. Николаевскаго. Самое поверхностное усвоеніе такого курса въ столь краткое время стоитъ не малаго труда. О серьезномъ, дѣйствительномъ усвоеніи не можетъ быть и рѣчи. Особенно печально отражается это несоотвѣтствіе между содержаніемъ курса и его продолжительностію на усвоеніи самыхъ основныхъ предметовъ—русскаго и математики. Но кромѣ массы отрывочныхъ полузнаній, воспитанники учительской семинаріи пріобрѣтаютъ въ ней еще нѣчто другое. Крестьянскаго парня, проведшаго въ ней три года, невозможно узнать. Общество юношей иныхъ сословій, нѣмецкое платье, французскіе танцы, быстрое усвоеніе всѣхъ *внѣшнихъ* признаковъ образованности, столь соблазнительное для впечатлительной, художественно-подражательной русской натуры, неизбѣжно и безповоротно переводятъ его въ разрядъ *господъ* (въ крестьянскомъ смыслѣ этого слова). Онъ вполнѣ отпадаетъ отъ крестьянской среды, и, поступивши на мѣсто, вдали отъ своей родины, прямо примыкаетъ къ среднему слою сельскаго общества, состоящему изъ духовенства, небогатыхъ помѣщиковъ, кабатчиковъ и деревенскихъ кулаковъ. Въ этомъ кругу онъ является образованнымъ, всюду желаннымъ и приглашаемымъ кавалеромъ, затмѣвающимъ недоучившихся барчуковъ и тяжеловатыхъ, робкихъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій. Его преподаваніе, по новымъ методамъ, имѣющимъ свои достоинства, но мало отношенія къ потребностямъ сельской школы, строгій порядокъ и благообразіе, водворенное имъ въ училищѣ, приводятъ въ восхищеніе мѣстную интеллигенцію, обезпечиваютъ ему одобреніе вѣчно торопящагося учебнаго начальства.

Между тѣмъ, столь выгодное общественное положеніе, укрѣпляющее его въ высокомъ мнѣніи о себѣ, вынесенномъ изъ семинаріи,—имѣетъ свою весьма существенную оборотную сторону: скудость матеріальныхъ средствъ—повсемѣстную принадлежность нашей сельской школы. Его жалованье, превышающее жалованье прочихъ учителей (воспитанникамъ семинарій достаются лучшія мѣста), все-таки слишкомъ мало, и на улучшеніе въ этомъ отношеніи не имѣется надеждъ. Это жалованье, при полубарскомъ его образѣ жизни, не даетъ ему возможности откладывать на черный день, не даетъ права разсчитывать на женитьбу въ томъ кругу, въ которомъ онъ вращается. Отсюда быстро развивающееся недовольство своимъ положеніемъ, желаніе улучшить его во что бы то ни стало. Первымъ, ближайшимъ выходомъ является поступленіе въ учительскій институтъ, сулящее впереди лучше обезпеченное мѣсто городскаго учителя, сопричисленіе къ служебному чиноначалію, возможность безграничной карьеры... Но всѣмъ воспитанникамъ учительскихъ семинарій нѣтъ возможности поступать въ учительскіе институты; это — удѣлъ немногихъ счастливцевъ. Остальные вынуждены искать иного выхода и рано или поздно его находятъ. Бойкій и грамотный молодой человѣкъ, примкнувшій къ средѣ *господъ* и купцовъ, всегда найдетъ себѣ положеніе менѣе тягостное, чѣмъ положеніе сельскаго учителя, съ вознагражденіемъ не въ примѣръ большимъ. Внѣшній лоскъ, пріобрѣтаемый въ учительскихъ семинаріяхъ, несомнѣнно приноситъ пользу ихъ воспитанникамъ, но не учебному дѣлу.

Конечно, есть исключенія. Есть воспитанники учительскихъ семинарій, съ любовью погружающіеся въ свое дѣло и поэтому довольствующіеся его скромною обстановкою, тщательно пополняющіе собственнымъ тру-

домъ пробѣлы, оставленные въ ихъ образованіи учительскою семинаріею, вырабатывающіе изъ себя превосходныхъ, прочныхъ сельскихъ учителей. Но такіе молодые люди поступаютъ въ семинарію лишь случайно. Поступленіе въ нее опредѣляется въ весьма раннемъ возрастѣ. Двухклассныя сельскія училища, главные, почти единственные разсадники семинаристовъ изъ крестьянъ (а они должны считаться нормальными воспитанниками семинаріи), не имѣютъ права оставлять при себѣ для приготовленія въ эти заведенія мальчиковъ старше 16-ти лѣтъ. Въ эти лѣта угадать призваніе трудно—да и некому на это обратить вниманіе.

Все это въ высшей степени ненормально и должно измѣниться... Но не хочу прерывать мою характеристику настоящаго предположеніями о будущемъ.

Всѣмъ извѣстно, что кромѣ нашихъ оффиціальныхъ, регистрованныхъ училищъ, находящихся подъ номинальнымъ контролемъ разныхъ лицъ и учрежденій, у насъ существуетъ сельская школа, ускользающая отъ всякаго контроля *), отъ всякой статистики, школа, предшествовавшая учрежденію нашихъ правильныхъ училищъ и продолжающая дѣйствовать наряду съ ними. Эта чисто-деревенская школа заключается въ наймѣ жителями какой-либо деревни грамотея, переходящаго изъ дома въ домъ и обучающаго дѣтей этой деревни. Школы этого рода, на которыя до сихъ поръ смотрѣли съ пренебреженіемъ, почти враждебно, наши ревнители просвѣщенія, начинаютъ обращать на себя то вниманіе, котораго онѣ вполнѣ заслуживаютъ. Слышатся даже голоса, указывающіе на нихъ, какъ на единственную нормальную форму сельской школы въ Россіи.

*) Съ 1890-го г. школы грамотности подчинены правильному надзору духовенства.

Не впадая въ эту крайность, мы должны признать, что эти самородныя школы сильно способствуютъ распространенію грамотности въ Россіи, той элементарной, но прочной грамотности церковнаго характера, которая соотвѣтствуетъ пробуждающейся потребности нашихъ крестьянъ въ образованіи. Онѣ имѣютъ предъ школами волостными и приходскими то громадное и бытовое преимущество, что не отрываютъ своихъ учениковъ отъ семьи. Онѣ, что бы ни говорили наши записные педагоги, составляютъ могучее подспорье правильной школы, облегчая ея трудъ, сокращая въ ней срокъ ученія.

Но было бы ошибочно думать, что онѣ могутъ вполнѣ замѣнить эту правильную школу. Это видно уже изъ того, что вездѣ, гдѣ существуетъ дѣйствительно хорошая волостная или приходская школа, деревенскія школы въ ея окрестностяхъ исчезаютъ.

Но исчезаютъ онѣ, я въ этомъ убѣжденъ, только для того, чтобы въ ближайшемъ будущемъ возродиться въ новомъ, улучшенномъ видѣ. На мѣсто разныхъ проходимцевъ, занимающихся теперь ремесломъ обученія ребятъ, станутъ грамотные крестьяне тѣхъ же деревень, ученики приходской школы, дѣйствующіе въ ея духѣ и подъ ея руководствомъ. Онѣ составятъ нѣчто въ родѣ параллельныхъ классовъ низшихъ отдѣленій этой школы, подчасъ и старшихъ. Лишь этимъ путемъ, какъ я постараюсь показать ниже, можетъ быть достигнуто, въ сѣверной и средней полосѣ Россіи, поголовное обученіе крестьянскихъ дѣтей грамотѣ. Мысль эта — не новая. Она уже была выражена, съ полною отчетливостію и ясностію, гр. Л. Н. Толстымъ, въ его замѣчательной брошюрѣ о народномъ образованіи. Ту же мысль, не въ столь опредѣленной формѣ, высказывалъ и покойный Ѳ. М. Достоевскій.

Но и въ теперешнемъ ихъ состояніи, эти деревенскія школки заслуживаютъ сочувствія и поощренія. Ихъ, часто весьма плохіе, учителя, имѣя дѣло съ небольшимъ числомъ учениковъ, вынужденные постояннымъ контролемъ родителей къ усиленной дѣятельности, по этому самому достигаютъ результатовъ замѣчательныхъ, по какому бы методу они ни вели свое преподаваніе. Встрѣчаются между ними и люди весьма умные и талантливые, доведенные пьянствомъ и распутствомъ до скитальческой жизни. Само собою разумѣется, что примѣръ ихъ не полезенъ дѣтямъ, не способенъ внушить родителямъ высокаго мнѣнія о благахъ образованія. Но за то всякое опасеніе какой-либо неблагонадежности, политической или религіозной — тутъ невозможно: контроль имѣется полный, единственный дѣйствительно существующій въ Россіи...

Таковы учителя, которыми нынѣ располагаетъ наша сельская школа. Читатель видитъ, что они оставляютъ желать многаго, что типъ русскаго сельскаго учителя еще далеко не выработался. Тѣмъ не менѣе, уже теперь исключительныя условія нашей сельской школы налагаютъ на ея учителя особый отпечатокъ. Если онъ человѣкъ по личнымъ качествамъ достойный своего званія, если это званіе не есть только ремесло, навязанное ему случайными обстоятельствами, — онъ неминуемо беретъ на себя нелегкій трудъ приладиться къ этимъ тяжкимъ, своеобразнымъ условіямъ, чтобы извлечь изъ нихъ какую-либо пользу для своихъ учениковъ. Эти ученики поручены ему на краткій срокъ, но за то они у него подъ руками съ утра до вечера. Чтобы добиться какого-либо результата, онъ волею-неволею долженъ умножить число классныхъ занятій, или придумать для дѣтей полезныя занятія внѣ классовъ. Отношенія его къ ученикамъ становятся живѣе, ближе,

чѣмъ въ школѣ, дѣйствующей только въ опредѣленные часы. Сила вещей заставляетъ его заботиться о многомъ другомъ, кромѣ успѣховъ этихъ учениковъ въ ариѳметикѣ и чистописаніи. Его затягиваетъ дѣло, по самой своей жизненной сложности, и онъ привязывается къ нему навсегда, если онъ склоненъ къ нему достаточно, чтобы не отказаться отъ него послѣ нѣсколькихъ лѣтъ настойчиваго, слабо вознаграждаемаго труда.

Но однимъ учителемъ не исчерпываются учебныя силы школы. Рядомъ съ нимъ, во всякой школѣ, заслуживающей названіе нормальной, дѣйствуетъ законоучитель-священникъ.

Читателю тотчасъ приходятъ на умъ повторяемые на всѣ лады и, къ сожалѣнію, отчасти справедливые упреки нашему сельскому духовенству за его якобы полное равнодушіе къ дѣлу сельской школы.

Да, эти упреки справедливы, но они преувеличены. Изъ среды нашего сельскаго духовенства рѣзко выдѣляется постепенно возрастающее меньшинство священниковъ, беззавѣтно преданныхъ дѣлу народнаго образованія, видящихъ въ немъ необходимое дополненіе своей пастырской дѣятельности. Благо той школѣ, которая обладаетъ такимъ законоучителемъ! Она не умретъ, какія бы ее ни постигли внѣшнія и внутреннія невзгоды. Она пуститъ и глубокіе корни, и широкія вѣтви.

По самому свойству нашей сельской школы, священникъ, принимающій къ сердцу ея преуспѣяніе, пріобрѣтаетъ въ ней кругъ дѣятельности несравненно болѣе широкій, чѣмъ простое преподаваніе Закона Божія. Онъ раздѣляетъ или беретъ на себя труды учителя по преподаванію церковно-славянскаго языка. Обладая, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, несравненно болѣе

солидными и обширными познаніями, чѣмъ учитель *), онъ имѣетъ благотворное вліяніе и на всѣ прочія отрасли преподаванія, ибо, если онъ искренно преданъ школьному дѣлу, онъ человѣкъ непритязательный и скромный, какъ всѣ наши хорошіе священники, щадящій самолюбіе своего младшаго товарища.

Но еще важнѣе воспитательное вліяніе священника на школу. Урокъ Закона Божія, этотъ любимый урокъ нашихъ учениковъ, исходя изъ устъ любимаго священника, учащаго своею жизнію, пріобрѣтаетъ громадную силу, помимо тѣхъ элементарныхъ свѣдѣній, которыя въ немъ сообщаются. Священникъ, и внѣ классовъ слѣдящій за жизнью учениковъ, оторванныхъ отъ семьи, приходящій въ ихъ бѣдныя жилища на утреннюю и вечернюю молитву, входящій въ ихъ маленькія горести, въ ихъ горькія нужды,—дѣлаетъ больше и лучше, чѣмъ самый искусный преподаватель. Онъ придаетъ смыслъ этой насильственной жизни дѣтей вдали отъ роднаго дома, подъ сѣнію церкви. Онъ завязываетъ съ своею паствою тѣ неразрывныя связи, которыя однѣ даютъ прочность и дѣйственную силу его школьнымъ поученіямъ. Хорошій священникъ—душа школы; школа—якорь спасенія для священника. Все это не предположенія, не благія пожеланія, а краткая отповѣдь моихъ личныхъ наблюденій.

И при всемъ томъ, упрекъ нашему духовенству въ равнодушіи къ школѣ, этотъ страшный упрекъ, заставляющій многихъ сомнѣваться въ нормальности и жизненности нашей сельской школы, въ жизненности самой нашей церкви,—въ общемъ и цѣломъ не теряетъ своей силы. Гдѣ искать причинъ этого прискорбнаго, подавляющаго явленія?

*) Обратное отношеніе можетъ встрѣтиться лишь въ томъ случаѣ, когда учитель также окончилъ курсъ въ духовной семинаріи.

Оглянемся на себя! Вспомнимъ хоть на мгновеніе, что мы не католики, что въ церковныхъ вопросахъ мы не имѣемъ права отдѣлять себя въ качествѣ безсильныхъ, ни за что не отвѣтственныхъ мірянъ, отъ непогрѣшимаго, всѣмъ управляющаго клира. Вѣдь церковь—это также мы; въ вопросахъ образованія и ученія, это преимущественно мы, люди досуга и знанія, надѣленные и временемъ, и данными для оцѣнки неизмѣримой важности этихъ вопросовъ. Будемъ откровенны, будемъ искренни. Для многихъ ли изъ насъ вопросы вѣры—вопросы жизни? Принялъ ли хоть одинъ изъ насъ на себя эту должность священника, о важности и святости которой мы такъ охотно толкуемъ? Что я говорю! Многіе ли изъ насъ пошевельнутъ пальцемъ, чтобы имѣть въ своемъ приходѣ достойнаго священника, чтобы удержать его въ немъ? Многіе ли изъ насъ смотрятъ на религіозный элементъ въ школѣ, какъ на самую ея суть, а не какъ на благовидный, безвредный придатокъ?

И мы жалуемся на то, что священники наши плохи, что вліяніе ихъ на нашу школу ничтожно!

Да, священники наши плохи. Наше духовенство чахнетъ и гибнетъ, гибнетъ медленною, позорною смертію, похожею на самоубійство. Долго замкнутое въ строгую касту, оно постоянно выдѣляло и продолжаетъ выдѣлять изъ себя всѣ живыя силы, сохраняя въ своихъ нѣдрахъ лишь элементы слабые и косные, да тѣ немногія сильныя личности, въ которыхъ случайно призваніе совпало съ рожденіемъ. Нынѣ замкнутость духовнаго сословія уничтожена закономъ. Двери настежь (онѣ и прежде всегда бы раскрылись передъ твердою волею, передъ искреннимъ призваніемъ), но никто въ нихъ не входитъ. Кто же въ этомъ виноватъ?

Легко ссылаться на Петровскія реформы, на цѣлый

рядъ правительственныхъ постановленій, облекшихъ нашу церковь въ мертвящія формы казеннаго вѣдомства. Но все это еще не корень зла, а вопіющій его признакъ. Надъ живою церковью никакое правительство въ мірѣ не властно; зло не въ мѣрахъ правительства, а въ медленномъ, постепенномъ, по большей части безсознательномъ отпаденіи отъ церкви всего, что у насъ есть образованнаго, богатаго, властнаго. Дивиться ли тому, что это отпаденіе, у людей образованныхъ обставленное всѣми приличіями сдержанной недосказанности, въ подражающей имъ полуобразованной массѣ выражается безобразнымъ кощунствомъ или грубымъ лицемѣріемъ? Дивиться ли приниженному матеріально и нравственно положенію нашего духовенства, въ свою очередь выталкивающему изъ него, почти поголовно, всѣ силы, которыя могли бы поднять его нравственный уровень, его нравственный авторитетъ? Полу-робкому, полу-раздраженному отношенію его къ школѣ, водворяемой въ нашихъ селахъ этимъ нецерковнымъ, или даже противуцерковнымъ элементомъ нашего общества? Тому, что у насъ попадаются священники, вовсе не понимающіе значенія церкви для школы и школы для церкви? Тому, что большинство изъ нихъ выжидаетъ, чтобы искренность настояній на ихъ участіи въ школьномъ дѣлѣ выразилась хотя бы назначеніемъ имъ какого-либо вознагражденія за ихъ учительскіе труды *)? Что священникъ, *только для виду* приглашаемый въ

*) Нѣкоторыя земства, рѣшившіяся наконецъ прибѣгнуть къ этому средству для привлеченія священниковъ къ законоучительству въ сельской школѣ, съумѣли обставить его крайне стѣснительными и непрактическими условіями. Священнику выдается почасная плата, по аттестаціи учителя. Во-первыхъ, этимъ напередъ ставится предѣлъ его школьной дѣятельности. Во-вторыхъ, слѣдуетъ вспомнить, что учитель— нерѣдко мальчишка, исключенный изъ средняго учебнаго заведенія за

школу, *только для виду* исполняетъ въ ней свои обязанности *)?

Дивиться нужно скорѣе тому, что у насъ встрѣчаются сельскіе священники, и число ихъ не мало, въ тишинѣ и смиреніи совершающіе свое святое дѣло, за которое никто никогда не скажетъ имъ спасибо.

Это печальное положеніе продлится до тѣхъ поръ, пока не измѣнится отношеніе къ церкви нашихъ образованныхъ классовъ, и пока эти классы будутъ задавать тонъ нашей сельской школѣ. Тутъ не помогутъ никакіе министерскіе циркуляры, никакія архипастырскія увѣщанія. Лишь созданіе въ большинствѣ грамотнаго, сознающаго свои вещественныя и духовныя нужды крестьянства можетъ, въ числѣ тысячи противорѣчій нашей общественной жизни, разрѣшить и тотъ узелъ, который до сихъ поръ связываетъ нормальное развитіе нашей сельской школы, и это созданіе неминуемо совершится, даже помимо всякихъ оффиціальныхъ школъ, въ теченіе двухъ-трехъ поколѣній. Оно же и оживитъ нашу церковь наплывомъ новыхъ силъ въ наше духовенство, могучею поддержкою тѣхъ добрыхъ элементовъ, которые въ немъ уцѣлѣли.

Положеніе нашей церкви опасно. Опасно оно не для самой церкви — ея побѣдоносная жизненность проявляется и теперь для всякаго, кто имѣетъ глаза, чтобы видѣть, уши, чтобы слышать. Оно опасно для тѣхъ,

---

неспособность усвоить правила элементарной орѳографіи—но читающій газеты, напитанный *передовыми* идеями, считающій долгомъ, по примѣру старшихъ, относиться къ священнику, передъ которымъ онъ совершенный неучъ, съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ и канцелярскою придирчивостью. Само собою разумѣется, что этою организаціею священникъ отталкивается отъ школы.

*) Повторяемъ, что *Замѣтки* написаны до изданія правилъ о церковно-приходскихъ школахъ.

которые отъ нея отпали. Не тайнымъ ли сознаніемъ этой опасности объясняется позорное равнодушіе нашей интеллигенціи къ дѣлу образованія нашего народа, ея торопливая жажда захватить внѣшнюю власть, за неимѣніемъ внутренней?

Спасти эту интеллигенцію отъ гибели, которую она себѣ готовитъ, могутъ только дружныя усилія людей мыслящихъ и вѣрующихъ, неустанная ихъ работа на почвѣ церкви, на почвѣ школы. Медлить невозможно. Предостереженій было довольно.

IV.

Перехожу къ внѣшней организаціи школьнаго дѣла въ нашихъ деревняхъ и селахъ и къ его матеріальной обстановкѣ.

Въ этомъ отношеніи наши сельскія училища представляютъ крайнее разнообразіе. У насъ существуютъ училища министерскія, содержаніе которыхъ почерпается изъ Государственнаго Казначейства при значительной прибавкѣ изъ мѣстныхъ средствъ; училища земскія, въ содержаніи которыхъ въ большей или меньшей мѣрѣ участвуютъ мѣстныя крестьянскія общества—волости или приходы; училища волостныя и приходскія *), пользующіяся болѣе или менѣе щедрою поддержкою отъ земства; наконецъ, училища, исключительно или преимущественно содержимыя на средства частныхъ лицъ. Училища, обезпеченныя принадлежа-

*) Эти послѣднія училища, учрежденныя по уставу 1828-го г., и которыхъ не слѣдуетъ смѣшивать съ церковно-приходскими школами, существуютъ въ видѣ исключенія и понынѣ, и подчинены Министерству Народнаго Просвѣщенія

щимъ имъ капиталомъ, составляютъ весьма рѣдкое исключеніе. Денежная помощь, оказываемая Государственнымъ Казначействомъ сельскимъ школамъ не министерскимъ, совершенно ничтожна.

Это разнообразіе отрадно и поучительно. Оно свидѣтельствуетъ о сильной потребности въ элементарномъ образованіи, изыскивающей всѣ средства для своего удовлетворенія; оно даетъ намъ возможность исподволь собирать данныя для будущей, окончательной организаціи нашего школьнаго дѣла.

Прежде всего, конечно, нужно сказать нѣсколько словъ объ училищахъ министерскихъ: они именуются образцовыми и предназначены служить типомъ для всѣхъ прочихъ сельскихъ училищъ.

Такимъ высокимъ назначеніемъ этихъ учебныхъ заведеній, конечно, объясняется ихъ чрезвычайная дороговизна. Учреждаются они не иначе, какъ при пожертвованіи подъ училище десятины земли и при ежегодномъ взносѣ, изъ мѣстныхъ средствъ, не менѣе 400 р., суммы достаточной для содержанія, безъ всякаго участія министерства, вполнѣ благоустроеннаго училища, находящагося въ вѣдѣніи и подъ контролемъ жертвователей. Учрежденіе двухкласснаго училища требуетъ еще большихъ пожертвованій отъ мѣстнаго населенія. Эти издержки были бы, разумѣется, ничтожны, если бы въ министерскихъ училищахъ мы имѣли передъ собою образцы, которымъ было бы желательно и возможно подражать.

У насъ существуютъ сельскія министерскія училища двухклассныя и одноклассныя. Первыя образцами служить не могутъ, ибо открывать двухклассныя училища не-министерскія не разрѣшается. Подражаніе однокласснымъ министерскимъ училищамъ не желательно.

Основаны эти училища въ предположеніи, что уче-

ніе въ сельской школѣ можетъ продолжаться бо́льшую часть года, прерываясь совершенно лишь на шесть недѣль. Курсъ въ этихъ училищахъ трехлѣтній. Въ первые два года полагается по три часа уроковъ въ день, въ третій—по четыре. Но дѣйствительное учебное время у насъ обнимаетъ семь мѣсяцевъ (отъ 1-го Октября по 1-ое Мая), изъ коихъ выпадаетъ одинъ мѣсяцъ на Святки, Страстную и Святую недѣлю *). Въ такіе сроки и при такомъ количествѣ учебныхъ часовъ, сообщить ребенку среднихъ способностей прочную грамотность невозможно. Изъ министерскихъ училищъ исключены дѣвочки, которымъ удается врываться въ прочія, необразцовыя школы. Это обстоятельство не можетъ внушать сочувствія къ образцовымъ. Наконецъ, въ министерскомъ училищѣ учитъ воспитанникъ учительской семинаріи, совершенно отчужденный отъ родителей своихъ учениковъ, совершенно отъ нихъ независимый, человѣкъ казенный, не вѣдающій иного надзора, иного контроля, какъ со стороны учебнаго начальства, не имѣющаго физической возможности, сверхъ обязательнаго пріѣзда на торопливый экзаменъ, посѣтить училище болѣе одного раза въ годъ. Представляютъ ли эти данныя какое-нибудь ручательство въ успѣхѣ? Не нужно ли, напротивъ, стеченіе совершенно исключительныхъ обстоятельствъ для того, чтобы ученіе, организованное такимъ образомъ, давало какіе-либо ощутимые результаты?

Да, подражаніе нашимъ образцовымъ училищамъ не желательно. Не желательно и ихъ размноженіе. Та доля пользы, которую они несомнѣнно приносятъ, указывая намъ, какъ не слѣдуетъ устраивать сельскую школу,

*) Это время можетъ быть увеличено на одинъ мѣсяцъ, но лишь для дѣтей болѣе или менѣе зажиточныхъ родителей.

служа, какъ говорятъ нѣмцы, als abschreckendes Beispiel *), вполнѣ достигается наличнымъ ихъ числомъ.

Несравненно нормальнѣе поставлено дѣло въ тѣхъ нашихъ училищахъ, по которымъ издержки и контроль дѣлятся между земствомъ и мѣстными крестьянскими обществами. Положеніе ихъ пока тѣмъ нормальнѣе, чѣмъ бо́льшая доля издержекъ падаетъ на мѣстное общество, чѣмъ бо́льшая доля контроля, по этому самому, имъ принадлежитъ. Дѣйствительно, при нынѣшнемъ слишкомъ недостаточномъ числѣ сельскихъ училищъ, значительное расширеніе издержекъ земства на народное образованіе едва ли желательно и справедливо. Десятокъ, другой училищъ, разбросанныхъ по цѣлому уѣзду, приноситъ пользу развѣ сотой части его населенія: нѣтъ основанія разлагать издержки по содержанію этихъ училищъ на всѣхъ плательщиковъ земскаго сбора. Съ другой стороны, чѣмъ незначительнѣе доля денежнаго участія мѣстнаго общества въ содержаніи училища, тѣмъ, разумѣется, слабѣе его вліяніе на него, его контроль надъ нимъ, тѣмъ меньше шансовъ на его улучшеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ на усиленіе его матеріальныхъ средствъ. Контроль же земства, при нашихъ разстояніяхъ, при бѣдности нашихъ училищныхъ совѣтовъ людьми, преданными дѣлу народнаго образованія и обладающими педагогическою опытностью, по необходимости весьма слабъ и поверхностенъ, и не можетъ быть усиленъ соразмѣрно съ увеличеніемъ денежныхъ тратъ земства на содержаніе школъ.

Это обстоятельство такъ важно, что можетъ-быть требуетъ болѣе точнаго разъясненія. Наши сельскія училища до сихъ поръ крайне бѣдны, и этимъ затрудняется привлеченіе въ нихъ хорошихъ учителей. Эта

*) Устрашающимъ примѣромъ.

бѣдность зависитъ отъ того, что земства, по вышеизложеннымъ причинамъ, не могутъ тратить на нихъ значительныхъ суммъ, а крестьянскія общества, *на первыхъ порахъ*, облагаютъ себя на содержаніе школы въ крайне ограниченныхъ размѣрахъ,—огромное же большинство нашихъ сельскихъ училищъ существуетъ съ весьма недавняго времени. Тѣ же самые крестьяне готовы заплатить каждый въ десять разъ больше учителю, который училъ бы ребятъ въ ихъ деревнѣ. Зажиточный крестьянинъ нерѣдко платитъ и въ сто разъ больше грамотею, котораго онъ нанимаетъ для обученія своихъ дѣтей. Количество денегъ, тратимое крестьянами на этотъ предметъ, уже теперь было бы достаточно, чтобы содержать въ каждомъ приходѣ порядочную школу.

Причина этого явленія вполнѣ понятна. Чѣмъ болѣе родители чувствуютъ себя хозяевами въ обученіи своихъ дѣтей, чѣмъ менѣе предвидится по этому предмету дополнительныхъ хлопотъ и издержекъ, тѣмъ болѣе они расположены жертвовать на этотъ предметъ. Отсюда, на первыхъ порахъ, предпочтеніе, оказываемое ими деревенской школѣ передъ приходскою, приходской—передъ волостною. Трудно брать на себя поголовный, равномѣрный взносъ на совершенно неравномѣрное удовлетвореніе одной и той же потребности. Имѣть школу въ верстѣ или въ двадцати верстахъ отъ своего дома—двѣ вещи совершенно разныя. Понятно, что такой взносъ, при возникновеніи новой школы, въ большинствѣ случаевъ не можетъ быть значителенъ.

И при всемъ томъ, этотъ взносъ возрастаетъ вездѣ, гдѣ является школа, сколько-нибудь достойная своего имени. Вездѣ, гдѣ является умѣлый и усердный учитель, гдѣ имѣется священникъ, радѣющій о школѣ, возрастаніе это происходитъ быстро и достигаетъ той цифры, при которой незначительная помощь отъ зем-

ства совершенно достаточна для исправнаго веденія дѣла. Тамъ, гдѣ крестьяне имѣютъ возможность поручить выборъ учителя и призоръ за училищемъ лицу, пользующемуся ихъ довѣріемъ, они и при основаніи училища готовы обложить себя гораздо болѣе значительнымъ взносомъ.

Все это вполнѣ разумно, вполнѣ законно. Но при этомъ естественно возникаетъ вопросъ о той сельской единицѣ, къ которой на практикѣ всего удобнѣе пріурочивать наши училища, о томъ кругѣ дѣйствія, достаточно обширномъ, чтобы обезпечить ихъ матеріально, достаточно тѣсномъ, чтобы заинтересовать родителей возможностію контроля,—который для этихъ училищъ желателенъ.

У насъ до сихъ поръ преобладаютъ два типа сельскихъ училищъ: негласная, совершенно частная деревенская школа и оффиціально признанное, пользующееся надзоромъ отъ правительства и поддержкою отъ земства волостное училище, возникшее по иниціативѣ того же земства, дѣятельнаго волостнаго старшины или ближайшихъ къ волостному правленію деревень.

Всякому ясно, что наша сѣверная деревня—единица слишкомъ мелкая, слишкомъ бѣдная матеріальными и умственными силами, чтобы создать себѣ удовлетворительную школу. Деревенская школа, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, не можетъ повести своихъ учениковъ далѣе голой грамотности церковнаго характера, къ тому же недостаточно осмысленной. Она драгоцѣнна, она въ ближайшемъ будущемъ станетъ необходимою, какъ подспорье, какъ дополненіе къ школѣ болѣе совершенной, но дальнѣйшее самостоятельное развитіе ея почти невозможно.

Но для всякаго, кто близко стоитъ къ школьному дѣлу, столь же ясно, что по отношенію къ этому дѣлу

волость—единица слишкомъ крупная, слишкомъ искусственная, и должна быть замѣнена единицею болѣе тѣсною; болѣе органическою, а именно — приходомъ *). Эта замѣна кое-гдѣ начинаетъ совершаться на практикѣ. Не стану тутъ касаться вопроса о правахъ прихода на значеніе основной единицы земской. Въ этомъ вопросѣ не считаю себя компетентнымъ. Но тѣмъ съ большею настойчивостью считаю себя въ правѣ утверждать, что въ знакомомъ мнѣ дѣлѣ сельской школы приходъ, а не волость, есть та единица, которая для этого дѣла представляетъ прочную, надежную почву.

Чтобы предварительно освоиться съ внѣшнею стороною вопроса, прошу только читателя принять въ соображеніе, что число дѣтей школьнаго возраста составляетъ приблизительно 10% всего населенія; что населеніе нашихъ волостей считается тысячами, а населеніе нашихъ приходовъ—сотнями; что школа при одномъ учителѣ можетъ взяться за дѣло съ десятками учениковъ, а съ сотнями справиться не можетъ.

Да будетъ мнѣ позволено пояснить эти слишкомъ общія соображенія частнымъ примѣромъ. Волость, въ которой я живу, считаетъ около 4000 душъ крестьянскаго населенія обоего пола. Это волость, по нашимъ условіямъ,—средняя. Распадается она на три прихода, также среднихъ и почти равныхъ, съ населеніемъ отъ 1300 до 1400 душъ. Предполагая курсъ ученія четырехлѣтнимъ, мы имѣемъ въ нихъ дѣло съ 400 дѣтей—отъ 130 до 140 дѣтей на каждый приходъ. Это цифры дѣйствительныя, а не выведенныя изъ общихъ соображеній). Каждый изъ трехъ приходовъ имѣетъ школу и

*) Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, въ которыхъ, по мысли Положенія 19-го февраля, волость совпадаетъ съ приходомъ, соединены самыя выгодныя условія для веденія школьнаго дѣла. Но такіе приходы страдаютъ слишкомъ значительнымъ объемомъ.

во всѣхъ трехъ школахъ вмѣстѣ обучается отъ 140 до 150 дѣтей. Въ настоящее время потребность въ обученіи удовлетворена. Но мы можемъ предвидѣть время, когда этихъ трехъ школъ не хватитъ. Возьмемъ предѣльное число 130 или 140 учениковъ на школу. При такомъ наплывѣ приходская школа можетъ удѣлить каждому ученику только два года, а остальные два года (первые) онъ долженъ обучаться въ школѣ деревенской—и такой порядокъ вполнѣ совмѣстимъ съ успѣхомъ дѣла. Я предположилъ случай крайній, невѣроятный. Но и въ этомъ случаѣ приходская школа, и *только* приходская, какъ увидимъ ниже, можетъ исполнить свое дѣло.

Замѣчу притомъ, что въ упомянутой волости ощущается крайняя нужда въ выдѣленіи нѣкоторыхъ деревень изъ всѣхъ трехъ приходовъ въ особый самостоятельный приходъ. Возникновеніе этого новаго прихода и устройство при немъ школы, разумѣется, значительно упростило бы дѣло.

Представимъ себѣ одно училище на всю эту волость. Оно бы уже теперь было недостаточно,—не говоря о будущемъ.

Слѣдуетъ вспомнить, съ другой стороны, что наши волости—единицы новыя, подлежащія безпрестаннымъ видоизмѣненіямъ и перекройкамъ, что до сихъ поръ онѣ успѣли установить между своими членами лишь весьма слабую внѣшнюю связь; что ихъ центръ безпрестанно переносится съ мѣста на мѣсто, по волѣ всесильныхъ заправителей сельскаго самоуправленія—деревенскихъ кабатчиковъ; что школа при волостномъ правленіи, т. е. при кабакѣ, есть положительное зло. Слѣдуетъ вспомнить также, что наши приходы сложились вѣками, въ силу географическихъ условій и духовныхъ нуждъ населенія, что ихъ вѣковое существованіе уста-

новило между входящими въ ихъ составъ деревнями преемственную и нравственную связь, поддерживаемую общеніемъ въ молитвѣ, въ заботахъ о благолѣпіи храма, обычаемъ родственныхъ союзовъ; что наконецъ приходъ есть единственная у насъ мелкая единица всесословная, включающая въ себѣ людей всѣхъ степеней богатства и образованія.

Не стану отрицать, что объемъ и распредѣленіе нашихъ сельскихъ приходовъ представляетъ значительныя ненормальности. На многихъ изъ нихъ остались слѣды крѣпостного права въ видѣ произвольнаго насильственнаго распредѣленія деревень по приходамъ. Многіе изъ нихъ нуждаются въ исправленіи границъ, многіе—въ раздѣленіи на два или три самостоятельныхъ прихода (нужда въ сліяніи встрѣчается весьма рѣдко). Эти измѣненія, требующія крайней осмотрительности и осторожности *), отчасти совершаются уже теперь, и осуществились бы гораздо быстрѣе и успѣшнѣе, если бы тому не препятствовалъ абсентизмъ, вещественный и нравственный, нашихъ имущихъ и образованныхъ классовъ. Но при всемъ томъ, за приходомъ послѣ деревни остается значеніе единственнаго дѣйствительнаго *живаго* союза въ нашемъ сельскомъ быту.

---

*) Дѣйствительно, слить съ приходомъ деревню, которая къ нему не тянетъ, почти невозможно. Послѣ 1812 года, въ наше сосѣдство были переселены изъ Сычевскаго уѣзда государственные крестьяне и причислены къ нашимъ старымъ приходамъ. Они до сихъ поръ составляютъ особнякъ, въ свои приходскія церкви не ходятъ (отъ нихъ расположена гораздо ближе церковь, находящаяся въ Тверской губерніи), браковъ съ коренными прихожанами не заключаютъ, рѣдко съ ними знакомятся. Въ одной изъ этихъ переселенныхъ деревень (самой отдаленной) расплодился расколъ. Лишь со времени открытія школъ началось нѣкоторое сближеніе между этими новыми прихожанами и старыми.

Другое соображеніе первостепенной важности заставляетъ желать, чтобы всѣ по возможности наши сельскія школы приняли характеръ школъ приходскихъ. Такой ихъ характеръ одинъ можетъ привлечь къ нимъ и окончательно за ними обезпечить живое участіе нашего сельскаго духовенства. Въ приходской школѣ священникъ является не наемнымъ преподавателемъ, а исполнителемъ прямыхъ своихъ обязанностей относительно своей паствы. Помимо всякаго денежнаго вознагражденія, онъ своею дѣятельностію въ школѣ возвышаетъ и упрочиваетъ свое положеніе въ приходѣ, и тѣмъ самымъ упрочиваетъ свое благосостояніе. Хорошо веденная приходская школа, возвышая красоту богослуженія, распространяя пониманіе церковной службы и любовь къ ней, прямо ведетъ къ увеличенію церковныхъ доходовъ.

Такова чисто внѣшняя сторона дѣла. Но имѣетъ она и сторону внутреннюю, несравненно болѣе важную. Наша сельская школа, сдѣлавшись приходскою, тѣмъ самымъ пріобрѣтетъ характеръ *церковный* въ широкомъ смыслѣ этого слова, станетъ дѣломъ всѣхъ церковныхъ элементовъ сельскаго населенія, духовныхъ и свѣтскихъ, безъ различія состоянія и сословія. Прежде всего она станетъ дѣломъ самихъ священниковъ. Они уже имѣютъ предъ собою слишкомъ рѣдкіе до сихъ поръ примѣры школъ, возникшихъ въ селахъ исключительно по почину ихъ священниковъ, живущихъ ихъ неусыпными попеченіями; но ихъ пугаютъ трудности новаго дѣла, пользу и важность котораго они не могутъ не понять. Между тѣмъ, большинство молодыхъ священниковъ поступаютъ на мѣста съ неопредѣленнымъ желаніемъ сдѣлать для своего прихода нѣчто большее, чѣмъ простое исполненіе службъ и требъ. Эти желанія впослѣдствіи глохнутъ за неимѣніемъ поддержки и общаго напра-

вленія. Эту поддержку, это направленіе должна имъ дать та часть нашего образованнаго общества, для которой интересъ къ школѣ неразрывенъ съ интересомъ къ церкви. Уже теперь, всякій сельскій священникъ, дѣйствуя съ терпѣніемъ, безкорыстіемъ и энергіею, можетъ собрать въ своемъ приходѣ средства, необходимыя для содержанія школы. Но не всѣ одинаково одарены этими свойствами. Помощь въ большинствѣ случаевъ необходима.

Распространеніе у насъ приходскихъ школъ будетъ истиннымъ благодѣяніемъ для нашего духовенства. Жизнь нашихъ сельскихъ батюшекъ пуста. Лѣто ихъ кое-какъ наполняется хозяйственными заботами. Но зимою самое добросовѣстное исполненіе службъ и требъ оставляетъ широкіе пробѣлы, поневолѣ наполняющіеся разъѣздами по гостямъ, игрою въ карты, пошлыми общественными развлеченіями. Не говорю уже о тѣхъ печальныхъ случаяхъ, когда они наполняются пьянствомъ и развратомъ. Пора вытянуть ихъ изъ болота, затягивающаго ихъ.

Искреннимъ, дѣятельнымъ участіемъ священника въ школѣ разрѣшается и вопросъ о контролѣ за преподаваніемъ, о томъ ежедневномъ, доброжелательномъ контролѣ, который ей нуженъ. Право на этотъ контроль принадлежитъ всему приходу, но имъ во многихъ отношеніяхъ не могутъ пользоваться родители учениковъ, за недостаткомъ времени и свѣдѣній. Оно на дѣлѣ по необходимости переносится на компетентнаго человѣка, пользующагося довѣріемъ прихода, а таковымъ, за неимѣніемъ дѣятельнаго и образованнаго попечителя, рѣдко достающагося на долю сельской школы, неминуемо является священникъ, стоящій на высотѣ своего призванія. Даровать это право огульно нашему сельскому духовенству было бы величайшимъ зломъ. Но всякій

священникъ въ отдѣльности можетъ и долженъ завоевать себѣ это право, не въ силу своего сана, а въ качествѣ истиннаго пастыря своего прихода, радѣющаго о всѣхъ его духовныхъ нуждахъ.

Наконецъ, мы должны предвидѣть тѣ случаи, въ которыхъ приходская школа станетъ слишкомъ тѣсною для всѣхъ желающихъ въ ней учиться, и потребуетъ себѣ въ помощь содѣйствіе подготовительныхъ деревенскихъ школъ. Единственнымъ человѣкомъ, который можетъ въ этихъ мелкихъ школахъ придать ученію желательное направленіе, кто можетъ служить связующимъ звеномъ между ними и школою приходскою, опять таки является священникъ. Придаю этому соображенію особую важность. Не вытѣснить нашу самородную деревенскую школу призваны возникающія у насъ школы болѣе совершенныя, но поднять ее, устроить и дополнить.

Предвижу, что читатель, даже сочувствующій общему смыслу моихъ предположеній, возразитъ мнѣ, что они неосуществимы, пока нашъ приходъ не получитъ болѣе правильной организаціи, болѣе опредѣленныхъ правъ относительно выбора своихъ пастырей и внутренняго управленія. Признаюсь, что не могу стать на эту точку зрѣнія, хотя и не отвергаю ея относительной справедливости. Дѣло въ томъ, что въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, расширенію нашихъ правъ, по крайнему моему разумѣнію, долженъ бы предшествовать дружный приступъ къ исполненію нашихъ обязанностей. Все ли сдѣлано въ нашихъ приходахъ, что возможно при настоящихъ условіяхъ? Сдѣлано ли хоть что-нибудь? Гдѣ тѣ признаки оживленія нашей приходской дѣятельности, которые указали бы на необходимость для нея большаго простора? Увы! мы живемъ среди пустыхъ рамокъ и, не думая ихъ наполнить нашей дѣятельно-

стью, жалуемся на ихъ тѣсноту и требуемъ ихъ расширенія! Никакая организація, какъ бы ни была она совершенна, не можетъ создать организма, не можетъ создать жизни, а всякая жизненная дѣятельность неминуемо создаетъ органы ей свойственные, ей необходимые. Будемъ же хлопотать о первомъ, а второе приложится намъ. Всякая общественная дѣятельность слагается изъ личныхъ усилій, возбуждающихъ и поддерживающихъ другъ друга. За отсутствіемъ этихъ личныхъ, свободныхъ починовъ, всякая организаціи является усыпляющею ложью или мертвящимъ насиліемъ. Поэтому предоставляю другимъ чертить подробности будущаго устройства нашего прихода; ограничиваюсь отрывочными указаніями на дѣло, которое ему предстоитъ. Конечно, не моему слабому голосу разбудить спящихъ, ободрить унывающихъ. Но къ нему, надѣюсь, присоединятся иные голоса, болѣе вѣскіе, болѣе громкіе. Надѣюсь, что самый голосъ вещей дойдетъ до нашего слуха, заставитъ насъ одуматься и очнуться....

V.

Обращаясь къ преподаванію въ сельской школѣ, остановлюсь прежде всего на русскомъ языкѣ, этомъ необходимомъ орудіи всякаго ученія книжнаго и устнаго, на той степени умѣнья говорить, читать и писать, которая можетъ быть достигнута и дѣйствительно достигается въ этой школѣ.

Результаты, достигаемые въ ней, весьма разнородны, смотря по умѣнью учителя и продолжительности ученія. Требованія, изложенныя въ правилахъ для испытанія на льготу по воинской повинности, столь неопредѣленны

и слабы, что удовлетворить имъ нетрудно. Этотъ минимумъ представляетъ мало ручательствъ въ прочности пріобрѣтенной въ школѣ грамотности, и поэтому всякій добросовѣстный учитель старается пойти дальше и сдѣлать лучше.

Вотъ что представляется мнѣ достижимымъ при четырехлѣтнемъ курсѣ ученія:

1. Умѣніе говорить безъ *ошибочныхъ* мѣстныхъ оборотовъ и реченій. Это умѣніе достигается благодаря постояннымъ внѣклассным сношеніямъ учениковъ съ учителемъ въ нашей сельской школѣ, если только этотъ учитель самъ говоритъ правильно по русски, чего нельзя сказать даже о всѣхъ воспитанникахъ учительскихъ семинарій, но что составляетъ преимущество учителей духовнаго происхожденія, даже не прошедшихъ черезъ духовную семинарію. Крестьянина, прошедшаго четыре зимы въ хорошей школѣ, тотчасъ можно отличить по болѣе правильному его говору.

2. Умѣніе читать съ полнымъ пониманіемъ доступную по содержанію прозу и стихотворенія Пушкинскаго періода. Всякій хорошій ученикъ дѣльной сельской школы на 15-мъ году съ наслажденіемъ прочтетъ *Капитанскую дочку* и *Дубровскаго, Бориса Годунова* и *Русалку, Полтаву* и *Пѣснь про купца Калашникова, Тараса Бульбу* и *Ночь передъ Рождествомъ, Ундину* Жуковскаго, *Семейную Хронику* Аксакова *), а также нѣкоторыя вещи второстепенныхъ ихъ современниковъ, Лажечникова, Загоскина, Даля, наконецъ подходящаго къ ихъ строю *Князя Серебрянаго* графа А. Толстаго. Мало того, онъ съ живымъ участіемъ выслушаетъ (при необходимыхъ

*) Весьма желательно народное изданіе *Семейной Хроники*, отдѣльно отъ *Воспоминаній*. Эта книга займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ будущихъ нашихъ сельскихъ библіотекахъ.

поясненіяхъ) чтеніе историческихъ драмъ Шекспира, *Иліады* Гнѣдича и *Одиссеи* Жуковскаго *). *Потерянный Рай* Мильтона, несмотря на дубоватый переводъ, приведетъ его въ восторгъ.

За то вся наша послѣ Пушкинская литература (за исключеніемъ развѣ разсказовъ А. Печерскаго) для него абсолютно неудобоварима. О нашихъ журналахъ и газетахъ и говорить нечего.

Остановимся на этомъ замѣчательномъ явленіи. О немъ стоитъ подумать. Въ немъ есть двѣ стороны, которыя слѣдуетъ строго различать.

Первымъ препятствіемъ къ проникновенію въ народъ нашей новѣйшей литературы служитъ ея языкъ, и это опять въ двухъ отношеніяхъ. Языкъ этотъ все болѣе и болѣе обременяется, отчасти по нуждѣ, отчасти изъ небрежности, иностранными словами. Изъ газетъ, гдѣ эти слова часто неизбѣжны, они все болѣе и болѣе переходятъ въ журналы и книги. Становятся необходимыми словари иностранныхъ словъ, необходимыми и въ сельской школѣ, не для учениковъ, а для учителей, которые безъ ихъ помощи не могутъ прочесть ни одной журнальной статьи, ни одной серьезной книги. Это обстоятельство наконецъ заставило правительство приступить къ изданію особой газеты, которую можно было бы понять, не зная французскаго языка **).

Другое отличіе нашего современнаго литературнаго языка отъ языка Пушкинскаго періода заключается въ

*) Эти слова вызываютъ во многихъ читателяхъ недоумѣніе. Но оно легко разрѣшается, если принять во вниманіе, что рѣчь идетъ о сравнительно взрослыхъ, кончившихъ курсъ ученикахъ,—притомъ, конечно, болѣе или менѣе исключительныхъ.

**) Могу засвидѣтельствовать, что первые нумера *Сельскаго Вѣстника* читаются грамотными крестьянами съ живымъ интересомъ. Этому изданію, если его будутъ вести съ тѣмъ же тщаніемъ, котораго оно заслуживаетъ, предстоитъ блестящая будущность.

злоупотребленіи свободною, лишенною всякой симметріи періодическою формою, въ накопленіи вводныхъ и придаточныхъ предложеній, слабо сцѣпленныхъ между собою,—складъ рѣчи Гоголевскій, дающій писателю неограниченный просторъ для развитія и окраски своей мысли, но затрудняющій быстрое пониманіе и плавное чтеніе.

Но есть другая, внутренняя, существенная причина, по которой весь Гоголевскій періодъ русской литературы остается и навсегда останется недоступнымъ русскому народу. Онъ не болѣе, какъ яркое отраженіе переходнаго состоянія русскаго, отчасти европейскаго общества, отраженіе такихъ внутреннихъ процессовъ его сознанія, которые совершались лишь въ верхнемъ его слоѣ, которые не имѣютъ ни общечеловѣческаго, ни всенароднаго значенія. Нужно было пережить то, что пережило нынѣ старѣющееся поколѣніе, чтобы понять вполнѣ Бельтова и Базарова, Обломова и Рудина, Левина и Раскольникова. Будущимъ поколѣніямъ они станутъ столь же загадочными, какъ для нынѣшняго юношества становятся загадочными Онѣгинъ, Чацкій и Печоринъ. Переживетъ насъ только *Война и миръ* графа Л. Н. Толстаго, и то не благодаря Петру Безухову и князю Андрею, а благодаря Кутузову и Наташѣ, благодаря грандіозной общечеловѣческой подкладкѣ. Впрочемъ, графъ Л. Н. Толстой еще долженъ написать (не *для народа,* а для себя) книгу, которая проникнетъ въ самую глубь народа и останется, и эту книгу онъ напишетъ. Въ массы проникаютъ только произведенія вѣчныя.

Само собою разумѣется, что тутъ я говорю о результатахъ ученія въ сельской школѣ, а не о томъ матеріалѣ, который можетъ служить ему орудіемъ. Сказать два слова объ этихъ результатахъ необходимо, ибо

сельская школа есть школа окончательная, а не подготовительная. Но и при этой оговоркѣ боюсь, чтобы сказанное мною не показалось страннымъ многимъ изъ моихъ читателей. Смѣю увѣрить ихъ однако, что я говорю не на основаніи какихъ-либо отвлеченныхъ соображеній, а на основаніи опыта, купленнаго длиннымъ рядомъ исканій и ошибокъ. Сохраняю постоянныя сношенія съ бывшими учениками моей школы. Они гостятъ въ ней по долгу на Святкахъ, проводятъ со мною цѣлые дни передъ праздниками для спѣвокъ. Имѣю случай много читать съ ними, много говорить съ ними о томъ, что они читаютъ. Что же дѣлать, если вся наша поддѣльная народная литература претитъ имъ, и мы принуждены обращаться къ литературѣ настоящей, неподдѣльной? Если при этомъ оказывается, что Некрасовъ и Островскій имъ въ горло не лѣзутъ, а слѣдятъ они съ замираніемъ сердца за терзаніями Брута, за гибелью Коріолана? Если Мильтоновскій сатана имъ понятнѣе Павла Ивановича Чичикова? (*Потеряннаго Рая* я и не думалъ заводить, они сами притащили его въ школу). Если *Записки Охотника*, этотъ перлъ Гоголевскаго періода, по прозрачной красотѣ формы принадлежащій Пушкинскому, оставляетъ ихъ равнодушными, а *Ундина* Жуковскаго съ первыхъ стиховъ овладѣваетъ ими? Если имъ легче проникнуть съ Гомеромъ въ греческій Олимпъ, чѣмъ съ Гоголемъ въ бытъ петербургскихъ чиновниковъ?

Нужно ли присовокуплять, что вся наша публицистика для грамотныхъ крестьянъ, въ большинствѣ случаевъ и для учителей сельской школы,—вовсе не существуетъ? Что та „рабья манера писать“, въ которой она все болѣе изощряется, въ которой въ сущности и заключается весь ея вредъ для полуобразованныхъ классовъ, дѣлаетъ ее совершенно недоступною и непонят-

ною для того грамотнаго люда, который стоитъ на ступени образованія элементарнаго, хотя бы самаго тщательнаго?

Но ничто не можетъ сравниться съ тѣмъ обаяніемъ, которое производятъ творенія Пушкина, начиная съ его сказокъ и кончая *Борисомъ Годуновымъ*. Когда я еще не приступалъ къ занятіямъ въ школѣ, я думалъ, что знаю Пушкина и умѣю его цѣнить. Я ошибался. Узналъ я его только теперь. Этотъ свѣтлый, реальный міръ, который меня окружаетъ, міръ бодрой вѣры и трезваго смиренія, міръ духовной жажды и здраваго смысла,— этотъ міръ столь новый и какъ будто давно знакомый, это *его* міръ, съ ранняго дѣтства плѣнявшій и манившій насъ. Онъ *его* пѣвецъ, онъ *его* пророкъ...

Пушкинъ! Наше образованное общество недостойно такого поэта. Да, мы воздвигли ему памятникъ. Мы рукоплескали вдохновеннымъ рѣчамъ, которыми немногіе избранные почтили его память. Но гдѣ тотъ „памятникъ нерукотворный“, который *онъ* воздвигъ себѣ, который онъ намъ ввѣрилъ, умирая? Онъ повергнутъ во прахъ, кучами грязи засыпана къ нему народная тропа. По безумной прихоти монополиста-издателя, наша школа, нашъ народъ лишены величайшаго сокровища, какимъ обладаетъ Россія. Да одинъ ли онъ виноватъ? О чемъ думаетъ общество? Вѣдь есть же сумма, за которую это злополучное право изданія можетъ быть выкуплено! Вѣдь находятся же у насъ деньги, не только на французскій театръ и итальянскую оперу, но и на дѣла милосердія, на помощь неимущимъ, на пропитаніе голодающихъ? Когда же вспомнимъ мы, наконецъ, что не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, когда поймемъ, что русскій человѣкъ—менѣе всякаго *)?

*) Писано до 1887 г., т. е. до истеченія права литературной собственности на сочиненія Пушкина и до появленія общедоступныхъ его изданій.

Экземпляръ сочиненій Пушкина необходимъ во всякой грамотной семьѣ, во всякомъ среднемъ учебномъ заведеніи. Но еще болѣе необходимъ онъ во всякой сельской школѣ. Языкъ Пушкина, этотъ волшебный языкъ,—единственный мостъ, соединяющій народную рѣчь съ рѣчью нашей литературы. Его творчество, это всемогущій талисманъ, сразу раздвигающій вокругъ всякаго грамотнаго тѣсные предѣлы времени и пространства, въ которыхъ до тѣхъ поръ вращалась его мысль.

Но вернемся къ самому чтенію. Дѣйствительно, хорошее громкое чтеніе, столь рѣдкое даже въ образованныхъ классахъ, рѣдко также пріобрѣтается въ сельской школѣ. За то способность къ нему нерѣдко развивается по выходѣ изъ нея. Грамотныхъ ребятъ заставляютъ цѣлыми вечерами читать вслухъ ихъ родители. Эта усиленная практика, стараніе быть вполнѣ понятными безграмотнымъ слушателямъ, составляетъ въ этомъ отношеніи лучшую школу.

3. Умѣніе написать при должномъ вниманіи безъ ошибокъ противъ русскаго языка и правописанія то, что бываетъ нужно писать въ крестьянскомъ быту: родственное письмо, прошеніе, условіе.

Этимъ требованіямъ рѣдко удовлетворяетъ сельская школа, и они могутъ показаться чрезмѣрными. Тѣмъ не менѣе удовлетворить имъ при четырехлѣтнемъ курсѣ возможно и должно. Сельская школа есть школа окончательная. Русская сельская школа располагаетъ средствами, которыхъ лишена всякая другая элементарная школа.

Но, конечно, для того, чтобы достигнуть этихъ результатовъ, нужно нѣсколько отступить отъ модныхъ педагогическихъ пріемовъ, вести дѣло прямѣе и проще, сосредоточивать свои усилія на изученіи русскаго язы-

ка, не задаваясь при этомъ цѣлію сообщить въ придачу ученикамъ энциклопедію реальныхъ свѣдѣній. Нужно просто-напросто пройти съ учениками элементарный, но дѣльный курсъ грамматики, подкрѣпляемый безчисленными упражненіями, добиться отъ нихъ полнаго пониманія и сознательнаго употребленія всѣхъ формъ русскаго языка. Это существенное, неотъемлемое пріобрѣтеніе несравненно важнѣе для нихъ всякихъ отрывочныхъ свѣдѣній de omni re scibili, которыя улетучиваются столь же быстро, какъ они воспринимаются. Только овладѣвъ вполнѣ русскимъ языкомъ, пріобрѣтаютъ они способность читать изъ книги, а не *въ книгу*, по характерному выраженію нашихъ безграмотныхъ крестьянъ.

Удовлетворительнаго учебника грамматики для сельскихъ школъ я до сихъ поръ не отыскалъ, и поэтому грамматика у насъ преподается устно, съ начала до конца. Преподаемъ мы ее безъ всякихъ усовершенствованій, сперва этимологію, потомъ синтаксисъ, называя всѣ части рѣчи и предложенія, всѣ формы ихъ подлинными именами. Мы убѣдились, что совмѣстное обученіе этимологіи и синтаксису даетъ результаты быстрые, но неточные. Въ головахъ большинства учениковъ оно порождаетъ плачевное смѣшеніе между понятіями объ имени существительномъ и подлежащемъ, глаголѣ и сказуемомъ и т. д., которые затѣмъ приходится распутывать съ великимъ трудомъ. Модныя выраженія: предметъ, качество, дѣйствіе ни на волосъ не понятнѣе крестьянскимъ ребятамъ, чѣмъ выраженія: имя существительное, прилагательное, глаголъ, безъ которыхъ въ концѣ концевъ не обойдешься; если же они эти выраженія поймутъ, выходитъ еще хуже: приходится имъ объяснять, что бѣлизна не есть качество, писаніе не есть дѣйствіе и т. д., что довольно затруднительно.

Для того, чтобы тутъ достигнуть прочнаго результата, необходимо приняться за дѣло съ терпѣніемъ и рѣшимостію, не обходя трудностей, не скрадывая ихъ полуточными облегчительными пріемами, а побѣждая ихъ медленно и постепенно. Въ моей школѣ, приступъ къ грамматикѣ почти совпадаетъ съ приступомъ къ чтенію. Я бы никогда не рѣшился на эту смѣлость. Этотъ пріемъ придумали мои помощники—крестьяне: я имъ предоставляю веденіе младшихъ группъ, въ которомъ они несравненно искуснѣе меня. Въ теченіе перваго года ученики пріобрѣтаютъ немногое: способность ясно различать имя существительное, глаголъ и предлогъ. Но это немногое имѣетъ для всего послѣдующаго громадную важность. Въ теченіе втораго года они выучиваются отличать всѣ части рѣчи, и знакомятся съ склоненіями, въ третій—проходятъ этимологію, въ четвертый—синтаксисъ. Вотъ въ общихъ чертахъ планъ, вырабатывающійся на практикѣ въ нашей школѣ, вѣроятно еще требующій измѣненій. Считаю неумѣстнымъ входить тутъ въ дальнѣйшія подробности.

Точно также не стану утомлять читателей разборомъ тѣхъ многообразныхъ пріемовъ, которые предлагаются и практикуются для самаго приступа къ обученію грамотѣ. Замѣчу только, что тутъ выбору метода въ нашей педагогической литературѣ придается преувеличенная важность. По крайнему моему убѣжденію, лучшій методъ тотъ, съ которымъ лучше всѣхъ освоился учитель. По всякому методу, негрѣшащему особою нелѣпостію, усвоеніе буквъ и складовъ, способности медленно *читать*, совершается при усиленной работѣ, закипающей въ нашихъ школахъ въ началѣ учебнаго года—въ двѣ-три недѣли. Это—наименьшая изъ трудностей школьнаго дѣла.

Само собою разумѣется, что въ столь короткій срокъ невозможно совмѣстное обученіе чтенію и *письму*, при-

знанное полезнымъ большинствомъ нашихъ педагоговъ. Признаюсь, что выгоды этого совмѣстнаго обученія кажутся мнѣ чрезвычайно сомнительными. Имъ безъ нужды затрудняется доступъ къ грамотѣ: для каждаго звука ученики должны разомъ усвоить два знака, печатный и курсивный; имъ затрудняется пріобрѣтеніе хорошаго почерка: прежде чѣмъ заставлять ребенка чертить буквы, нужно утвердить его руку на каллиграфическихъ элементахъ... Оттягивать искусственно тотъ вожделѣнный моментъ, когда ребенку дается въ руки книга и съ нею возможность самому, внѣ уроковъ, испытывать свои силы — не желательно.

Но существуетъ видоизмѣненіе этого метода, заслуживающее полнаго вниманія. Заключается оно въ томъ, чтобы начинать обученіе грамотѣ съ совмѣстнаго обученія чтенію и письму на языкѣ церковно-славянскомъ. Совпаденіе славянскаго устава съ печатнымъ начертаніемъ буквъ тутъ дѣлаетъ изъ письма дѣйствительно подспорье чтенію. Самое чтеніе на церковно-славянскомъ языкѣ несравненно легче, чѣмъ на русскомъ, ибо произношеніе вполнѣ соотвѣтствуетъ правописанію. Писать уставомъ (какъ пишутъ наши грамотеи-самоучки) несравненно легче, чѣмъ писать курсивомъ или рисовать буквы гражданской печати. Неправильности, неизбѣжныя при всякомъ писаніи буквъ ex abrupto, тутъ не отражаются на курсивѣ, къ которому ученики приступаютъ гораздо позже, утвердивъ свою руку на писаніи палочекъ и прочихъ элементовъ буквъ.

По этому методу дѣло начинается съ звуковаго разбора и писанія самыхъ краткихъ, самыхъ употребительныхъ молитвъ. Ребенокъ, пріобрѣтающій въ нѣсколько дней способность писать: *Господи, помилуй* и *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному,* заинтересовывается дѣломъ несравненно живѣе, чѣмъ если вы заставите его пи-

сать: *оса, усы, Маша, каша.* За одно съ обученіемъ грамотѣ тутъ идетъ твердое заучиваніе молитвъ. Переходъ отъ церковной азбуки къ гражданской совершается съ поразительной легкостію и быстротою. Этотъ пріемъ съ полнымъ успѣхомъ практикуется въ одной изъ школъ нашей волости. Онъ, повторяю, заслуживаетъ внимательной и дѣятельной разработки. Не слѣдуетъ забывать при этомъ, что славянская грамота составляетъ такую же необходимую принадлежность нашей сельской школы, какъ и русская, и что порядокъ, въ которомъ пріобрѣтается та и другая, въ сущности безразличенъ.

Но несравненно важнѣе, чѣмъ вопросъ объ усвоеніи азбуки и механизма чтенія—вопросъ о первой *книгѣ,* которая дается въ руки ученикамъ нашихъ сельскихъ школъ. Для этой цѣли почти повсемѣстно употребляется *Родное слово* Ушинскаго, книга замѣчательная, единственная въ своемъ родѣ въ нашей литературѣ. Кромѣ матеріала для школьнаго чтенія, она содержитъ систематическій рядъ школьныхъ упражненій, расположенныхъ въ виду трехгодичнаго курса ученія. Впрочемъ, третій годъ (грамматика) несравненно менѣе распространенъ, чѣмъ первые два года. Но, къ сожалѣнію, книга эта писана для дѣтей иного возраста (7—10 лѣтъ) и иного сословія, чѣмъ ученики нашихъ сельскихъ школъ. Пользуется она въ нашемъ оффиціально-педагогическомъ мірѣ авторитетомъ почти каноническимъ, и поэтому добросовѣстно и безжалостно употребляется въ нашихъ министерскихъ училищахъ. Но въ большей половинѣ прочихъ школъ она служитъ просто книгою для чтенія, ибо заключающіяся въ ней упражненія черезчуръ ребячливы для нашихъ сельскихъ учениковъ. Но и въ этомъ послѣднемъ качествѣ она въ сельской школѣ крайне неудобна—по своему содержанію. Покойный авторъ, имѣя въ виду дѣтей городскихъ сословій,

всего болѣе хлопочетъ о томъ, чтобы знакомить ихъ съ сельскимъ бытомъ, съ сельскою природою, съ народнымъ говоромъ, которые ученикамъ нашихъ сельскихъ школъ извѣстны несравненно лучше, чѣмъ самому Ушинскому. Къ той же публикѣ приноровлено и все остальное содержаніе книги. Не стану распространяться о второстепенныхъ ея недостаткахъ, а ихъ не мало *).

Несравненно выше, какъ матеріалъ для школьнаго ученія, стоятъ *Новая Азбука* графа Л. Н. Толстаго и его *Книги для чтенія*. Если онѣ не вытѣснили до сихъ поръ *Родное Слово*, то отчасти потому, что большая *Азбука* того же автора, изобилующая драгоцѣнными указаніями относительно пріемовъ преподаванія, не представляетъ такой строгой и легко примѣнимой системы, какъ сочиненія Ушинскаго. Другая и главная причина—безвкусіе нашего педагогическаго міра и равнодушіе, съ которымъ отнеслась къ дѣтскимъ книгамъ графа Л. Толстаго наша литературная критика. Я неоднократно имѣлъ случай убѣдиться, что даже почитатели таланта ихъ знаменитаго автора—вовсе ихъ не читали.

Между тѣмъ, ихъ слѣдуетъ знать всякому образованному русскому человѣку. Ни въ одной европейской литературѣ ничего подобнаго не существуетъ. Мы, кажется, забываемъ, что гр. Л. Н. Толстой — величайшій изъ *нынѣ* живущихъ писателей, не только въ Россіи, но и въ цѣломъ мірѣ. Этотъ великій писатель посвятилъ нѣсколько лѣтъ своей жизни сельской школѣ, много училъ въ ней и многому въ ней научился. Его дѣтскія книги (пригодныя для дѣтей всѣхъ сословій)—

*) Увлеченіе Ушинскимъ уступило мѣсто противуположному взгляду, и нынѣ 1-й годъ *Роднаго Слова* запрещенъ къ употребленію въ народныхъ школахъ.

не плодъ художественной прихоти, а жизненное дѣло, совершенное съ глубочайшимъ вниманіемъ ко всѣмъ его практическимъ подробностямъ, съ высокою простотою и смиреніемъ. Во многихъ своихъ очеркахъ и мелкихъ разсказахъ онъ доходитъ до чисто Пушкинской трезвости и силы. Отъ нихъ можно прямо перейти къ прозѣ Пушкина.

И при всемъ томъ, та книга, которая нужна въ сельской школѣ—вмѣщающая матеріалъ и для чтенія, и для дѣльнаго обученія русскому языку,—еще не написана...

Остается мнѣ сказать нѣсколько словъ о преподаваніи церковно-славянскаго языка. Начинается оно обыкновенно въ нашихъ школахъ со втораго года ученія, но, какъ мы видѣли, можетъ быть начато и съ перваго. Приступаютъ къ нему посредствомъ разбора общеупотребительныхъ молитвъ, и необходимо довести его до полнаго пониманія *языка* церковно-славянскаго Новаго Завѣта. Это недостижимо безъ практическаго знакомства съ тѣми грамматическими формами, которыми церковно-славянскій языкъ разнится отъ русскаго. Главнымъ орудіемъ тутъ служитъ неоднократное, внимательное чтеніе въ классѣ всѣхъ четырехъ Евангелій, сперва съ помощью русскаго перевода, потомъ по одному церковно-славянскому тексту, съ терпѣливыми остановками на каждомъ оборотѣ, который можетъ подать поводъ къ недоразумѣнію.

Но на ряду съ чтеніемъ Евангелія необходимо въ школѣ и чтеніе Псалтири, вопреки всякимъ дидактическимъ соображеніямъ, которыя можно привести противъ ея чтенія.

Псалтирь—книга трудная. На ней, болѣе чѣмъ на какой-либо другой книгѣ Ветхаго Завѣта, отразилось затмевающее вліяніе двойнаго перевода, слишкомъ бук-

вальнаго. Русскій ея текстъ (прямой переводъ съ еврейскаго), своими явными отступленіями отъ текста церковно-славянскаго, болѣе затрудняетъ, чѣмъ облегчаетъ точное толкованіе послѣдняго. Если въ Евангеліи коегдѣ попадаются выраженія, необъяснимыя безъ обращенія къ греческому тексту, то въ Псалтири на каждомъ шагу встрѣчаются такія, которыя могутъ быть разъяснены лишь сличеніемъ и съ текстомъ греческимъ, и съ еврейскимъ. Не у всякаго учителя подъ рукою такое пособіе, какъ толкованіе на псалмы Палладія *). Но Псалтирь—единственная священная книга, проникшая въ народъ, любимая и читаемая имъ, и того, что въ ней непосредственно понятно, уже достаточно, чтобы потрясать сердца, чтобы дать выраженіе всѣмъ скорбямъ, всѣмъ упованіямъ вѣрующей души. Темныя рѣченія, встрѣчающіяся въ ней, и многія другія, которыя разъяснить легко, даютъ полуграмотнымъ людямъ поводъ къ самымъ произвольнымъ, часто чудовищнымъ толкованіямъ. Школа обязана укрѣпить нашъ народъ въ обладаніи этимъ сокровищемъ назиданія и поэзіи, раскрыть, насколько это возможно, передъ своими учениками его высокій, вѣчный смыслъ.

При этомъ не нужно упускать изъ виду одного практическаго соображенія первостепенной важности. Псалтирь читается надъ покойниками. Намъ, людямъ имущимъ, хорошо. Не успѣемъ мы опрятать дорогаго намъ покойника, окружить его цвѣтами и благоговѣйною траурною обстановкою, какъ причетникъ съ Псалтирью возсталъ изъ земли. Могли ли бы мы обойтись безъ его чтенія? А въ той тѣсной избѣ, гдѣ толпятся сосѣди,

*) Изданіе учебной Псалтири — учебной не только по крупному шрифту, но и снабженной сжатымъ и дѣльнымъ подстрочнымъ комментаріемъ — было бы крайне желательно.

гдѣ кричатъ дѣти, гдѣ готовится обѣдъ, развѣ мыслимо безъ него обойтись? И вотъ, первымъ дѣломъ, посылаютъ въ школу за учениками. *Въ этой просьбѣ никогда, ни подъ какимъ предлогомъ не должно быть отказа.* Тѣ два-три дня въ году, которые черезъ это выпадаютъ для каждаго ученика старшей группы—не потерянные дни, а необходимое дополненіе къ школьному ученію: та школа, которая не можетъ удовлетворить этой законной потребности прихода, никуда не годится.

Такое же необходимое дополненіе къ школьному ученію составляетъ послѣдовательное чтеніе въ церкви шестопсалмія, часовъ, Апостола...

Мнѣ скажутъ, что мои требованія чрезмѣрны, что слишкомъ много труда возлагаю я на учителя. Да, трудъ немалъ, но онъ необходимъ; но въ нашей сельской школѣ онъ вознаграждается успѣхами, превышающими его мѣру.

Завтра 1-е Октября. Это начало нашего учебнаго года, и вмѣстѣ съ тѣмъ нашъ храмовой праздникъ. Школа наполнена учениками, учащимися и отучившимися, собравшимися для спѣвокъ. Завтра также память св. Романа, творца кондаковъ. Помните ли вы, читатель, его краткое „житіе“? Каждый годъ, въ это время, приходится намъ его читать, и съ этимъ временемъ года оно неразрывно связалось въ моемъ воображеніи. Бѣднаго безграмотнаго пономаря, долгіе годы въ глубокомъ смиреніи служившаго церкви, молившаго Бога о просвѣтлѣніи своего разума, злые церковники тащатъ на амвонъ и говорятъ ему: пой! То, что мы до сихъ поръ сдѣлали для нашей сельской школы, похоже на эту насмѣшку гордыхъ своимъ знаніемъ книжниковъ. И что же? Романъ запѣлъ, запѣлъ пѣснь новую, дотолѣ неслыханную. То, что достигается нашею заброшенною, какъ бы на смѣхъ оффиціально признан-

ною сельскою школою, всегда представляется мнѣ началомъ такого же чуда.

Чудо совершится до конца. „Иже первѣе досаждаху ему о простотѣ и невѣжествіи, тіи по семъ у него учахуся“...

VI.

Постороннихъ посѣтителей, изрѣдка заглядывающихъ въ мою школу, всего болѣе поражаетъ умственный счетъ ея учениковъ. Та быстрота и легкость, съ которою они производятъ въ умѣ умноженія и дѣленія, обращаются съ мѣрами квадратными и кубическими, соображаютъ данныя сложной задачи, то радостное оживленіе, съ которымъ они предаются этой умственной гимнастикѣ, наводятъ на мысль, что въ этой школѣ употребляются особые усовершенствованные пріемы для преподаванія ариѳметики, что я обладаю въ этомъ отношеніи какимъ-то особымъ искусствомъ или секретомъ.

Ничто не можетъ быть ошибочнѣй этого впечатлѣнія. Конечно, *теперь* я владѣю нѣкоторымъ навыкомъ къ умственному счету, могу импровизовать ариѳметическія задачи въ томъ быстромъ темпѣ, въ которомъ онѣ рѣшаются моими учениками. Но до этихъ скромныхъ умѣній довели меня или, лучше сказать, домучили сами ученики.

Именно домучили. Никогда не занимался я спеціально ариѳметикою, упражняться въ умственномъ счетѣ никогда и не думалъ. Принялся я за преподаваніе счета въ сельской школѣ, не подозрѣвая, на что я иду.

Не успѣлъ я приступить къ упражненіямъ въ умственномъ счетѣ, которыя до тѣхъ поръ въ школѣ не

практиковались, какъ въ ней къ нимъ развилась настоящая страсть, не ослабѣвающая до сихъ поръ. Съ ранняго утра и до поздняго вечера стали меня преслѣдовать то одна группа учениковъ, то другая, то всѣ вмѣстѣ, съ требованіемъ умственныхъ задачъ. Считая эти упражненія полезными, я отдалъ себя въ ихъ распоряженіе. Очень скоро оказалось, что они опережаютъ меня, что мнѣ нужно готовиться, самому упражняться. На пятомъ десяткѣ нѣкоторыя умственныя способности утрачиваютъ свою эластичность. Эта первая зима была для меня очень тяжела.

Къ этому вскорѣ присоединилась страсть къ письменнымъ упражненіямъ въ счетѣ. Ребята вздумали щеголять другъ передъ другомъ быстрымъ и точнымъ умноженіемъ и дѣленіемъ на доскѣ многозначныхъ чиселъ, не поддающихся умственному счету. Тутъ я было совершенно сталъ въ тупикъ. Эти припадки обыкновенно случались вечеромъ. Наши вечернія занятія, теперь все болѣе и болѣе принимающія характеръ правильныхъ уроковъ, тогда были гораздо свободнѣе, да и теперь, во избѣжаніе утомленія, часто приходится нарушать ихъ однообразный строй. Вечеромъ же происходили и спѣвки, въ которыхъ участвовали всѣ мои помощники, всѣ лучшіе ученики. Я оставался одинъ съ непоющими учениками. Этого только и ждали мои мучители. Разомъ, всѣ они, человѣкъ тридцать, сорокъ, накидывались на меня съ дощечками: „Сергѣй Александровичъ, дѣленьице! — Мнѣ на сотни! — Мнѣ на единицы!—Мнѣ на милліоны!—Мнѣ на тысячи!“ И рѣшенія подавались съ такою быстротою, что я едва успѣвалъ писать задачи. Повѣрять — никакой физической возможности!

Тутъ однажды, въ минуту отчаянья, я безсознательно тиснулъ у себя въ мозгу какую-то невѣдомую

мнѣ пружинку, и всѣ дѣленія стали выходить безъ остатка.

Восторгу ребятъ не было границъ. Но увы! На слѣдующій вечеръ они потребовали отъ меня того же, и я не могъ исполнить ихъ желанія. Лишь впослѣдствіи, мало-по-малу, выяснилъ я себѣ то простое сочетаніе мнемоническихъ пріемовъ съ быстрымъ умственнымъ умноженіемъ, которое даетъ возможность придумывать безостановочно безконечный рядъ десяти-и двѣнадцатизначныхъ чиселъ, дѣлимыхъ безъ остатка на любыя другія числа, и вмѣстѣ съ тѣмъ — безконечный просторъ для импровизаціи задачъ, устныхъ и письменныхъ.

Эта безпрестанная усиленная возня съ цифрами нагнала на меня настоящій ариѳметическій кошмаръ, загнала меня въ теорію чиселъ, заставила меня неоднократно открывать Америку, т. е. неизвѣстныя мнѣ теоремы Ферма та и Эйлера...

Часто задавалъ я себѣ вопросъ, какими основными способностями обусловливается та необыкновенная ловкость въ обращеніи съ числами, тотъ живой интересъ къ цифрамъ и къ сочетаніямъ, которымъ отличаются наши крестьянскіе ребята. Нѣтъ сомнѣнія, что тутъ значительную роль играетъ ихъ удивительная память. Но кромѣ памяти, тутъ очевидно участвуютъ и другія способности: воображеніе, живо рисующее передъ ними составъ чиселъ изъ первоначальныхъ множителей и ихъ сочетанія *), способность связывать внѣшній видъ цифры съ этимъ составомъ. Почти всегда у хорошихъ счетчиковъ оказывается и художественная струнка.

*) Вчера одинъ мальчуганъ на вопросъ, сколько 84×84, отвѣчалъ *мгновенно*: 7056. Какъ ты считалъ? спросилъ я его. — «Да это квадратная сажень (т. е. число въ ней кв. дюймовъ): я взялъ 50×144 и выкинулъ 144».—Проще произвести это умноженіе, чѣмъ превративши 84^2 въ $7^2 \times 12^2$—невозможно.

Этому обстоятельству, впрочемъ, особаго значенія придавать нельзя. Крестьянскія дѣти тѣмъ и отличаются отъ дѣтей высшихъ сословій, что односторонніе способности встрѣчаются у нихъ весьма рѣдко. Тотъ изъ нихъ, который способенъ къ пѣнію, непремѣнно окажется способнымъ и по ариѳметикѣ, и по русскому языку,—и наоборотъ, мальчики, умственно слабые, рѣдко имѣютъ какія-либо художественныя способности и склонности. Эта соразмѣрность дарованій распространяется даже на сферу нравственную и придаетъ этимъ дѣтямъ ихъ особенную привлекательность.

Говоря тутъ о преподаваніи ариѳметики въ сельской школѣ, ограничиваюсь бѣглыми указаніями на мои наблюденія и впечатлѣнія. Подробныя разсужденія о методикѣ этого предмета были бы неумѣстны на этихъ страницахъ... Но считаю возможнымъ связать съ вышесказаннымъ два замѣчанія, имѣющія практическую важность.

Первое касается того приступа къ преподаванію ариѳметики, который выработанъ нѣмецкими педагогами и получилъ у насъ права гражданства, благодаря повсемѣстному распространенію учебниковъ Евтушевскаго. Основанъ онъ на долговременномъ и всестороннемъ изученіи чиселъ перваго десятка, за которымъ слѣдуетъ столь же кропотливое изученіе чиселъ первой сотни. Пріемъ этотъ, быть можетъ, необходимый, когда приступаешь къ дѣлу съ пятилѣтними дѣтьми (или съ идіотами), отзывается чрезвычайною искусственностію, когда имѣешь дѣло съ дѣтьми вдвое старшими, уже умѣющими считать болѣе ста, уже имѣющими практическое понятіе о десятичной системѣ, благодаря извѣстному имъ счету на копѣйки, гривенники и рубли. А таково большинство дѣтей, поступающихъ въ наши сельскія школы. Нерѣдко приходилось мнѣ наблюдать

любопытный фактъ, что крестьянскія дѣти, не умѣющія *называть* чиселъ далѣе двадцати, подчасъ имѣютъ ясное *представленіе* о числахъ до ста и далѣе. Поддерживать съ такими дѣтьми фикцію, что далѣе десяти—чиселъ нѣтъ, или что они имъ неизвѣстны, совершенно непрактично. Разумѣется, имъ по большей части совершенно прозраченъ лишь первый десятокъ, и составъ чиселъ первой сотни долженъ быть имъ разъясненъ рядомъ упражненій. Но въ этихъ упражненіяхъ нужно избѣгать педантической медленности, постоянно ощупывать дорогу впередъ, имѣя въ виду необыкновенную воспріимчивость количественнаго созерцанія въ нашихъ крестьянскихъ ребятахъ. Притомъ нѣтъ никакой причины скрывать отъ нихъ, въ теченіе всего перваго года, существованіе тысячей, десятковъ и сотенъ тысячъ—безконечную перспективу чиселъ, группирующихся по системѣ, уже извѣстной имъ по копейкамъ, гривенникамъ и рублямъ. Конечно, нужно избѣгать упражненій, превышающихъ силы учащихся, сообщенія такихъ математическихъ истинъ, которыя могутъ быть восприняты только ихъ памятью. Но не менѣе того нужно избѣгать слишкомъ долгаго пережевыванія уже извѣстнаго ученикамъ: оно порождаетъ скуку, отучаетъ ихъ отъ необходимыхъ умственныхъ усилій. Свойствамъ чиселъ первой сотни нѣтъ конца. Если бы мы вздумали ихъ исчерпать прежде, чѣмъ двинуться далѣе, мы бы никогда не дошли до второй.

Другое замѣчаніе, болѣе общаго свойства, сводится къ тому, что ничтожныя знанія, пріобрѣтаемыя въ сельской школѣ, только и получаютъ нѣкоторую цѣну, если сопряжены съ соотвѣтствующими умѣніями. Въ области ариѳметики,—разумѣю тутъ быстрый и вѣрный счетъ, умственный и письменный,—этихъ умѣній инстинктивно добиваются сами ученики, и обязанность учителя—вся-

чески помогать ихъ пріобрѣтенію. Такъ, въ моей школѣ, всякій ученикъ, постигшій тайны дѣленія, считаетъ долгомъ сдѣлать внѣ уроковъ нѣсколько сотенъ *дѣленьицъ* на всѣ числа подъ рядъ, начиная отъ 2-хъ до 300, 400, 500, смотря по усердію,—чтобы набить себѣ руку. Это положительно полезно: мнѣ остается только благодарить Бога, что у ребятъ на это хватаетъ терпѣнія, и поддерживать ихъ похвальное рвеніе задаваніемъ имъ дѣленій безъ остатка или съ остаткомъ, по ихъ заказу, и цѣлымъ рядомъ подобныхъ письменныхъ и умственныхъ упражненій.

Для успѣха дѣла, разумѣется, нужно, чтобы учитель сельской школы владѣлъ пріемами умственнаго счета и имѣлъ къ нему порядочный навыкъ. Къ сожалѣнію, знакомство съ этими пріемами, этотъ навыкъ—у нашихъ учителей встрѣчается рѣдко. Особенно слабы въ этомъ отношеніи тѣ, которые прошли черезъ учительскія семинаріи. Практическое знакомство съ цифрами, какъ и съ формами русскаго языка, необходимо учителю для того, чтобы придать нѣкоторое оживленіе неизбѣжнымъ внѣкласснымъ занятіямъ.

И это опять приводитъ насъ къ истинной оцѣнкѣ того громаднаго преимущества, которое даетъ русской школѣ одна изъ самыхъ затруднительныхъ, повидимому, ея особенностей—*постоянное* присутствіе въ ней учениковъ. Эта особенность, конечно, отчасти обусловливается причинами чисто внѣшними: невозможностью для дѣтей уходить домой между классами. Но только отчасти. Вездѣ, гдѣ есть внимательный учитель, ученики, живущіе въ двухъ шагахъ отъ школы, точно также проводятъ въ ней всю свою жизнь. Это соотвѣтствуетъ и собственному ихъ инстинкту, и совершенно сознательному желанію ихъ родителей. Эти родители отлично понимаютъ, что при краткихъ срокахъ ученія,

которыми пользуются ихъ дѣти, для достиженія какого-либо успѣха нужно пользоваться каждою минутою. Требовательность какъ учениковъ, такъ и родителей, относительно учителей не знаетъ границъ. Имъ не приходитъ въ голову, чтобы въ учебное время учитель могъ подумать объ отдыхѣ.

И они тысячу разъ правы! Развѣ дома, въ тѣсной и темной избѣ, возможны для крестьянскихъ дѣтей какія-либо самостоятельныя занятія? Развѣ при казенномъ количествѣ учебныхъ часовъ возможны какіе-либо результаты, кромѣ оффиціально-удовлетворительныхъ отвѣтовъ на экзаменахъ, кромѣ умноженія свидѣтельствъ на льготу по воинской повинности? Развѣ дѣло въ этихъ жалкихъ экзаменахъ, въ этой несчастной льготѣ? Нѣтъ, дѣло не въ томъ, и это понимаютъ тѣ, для которыхъ сельская школа составляетъ не отвлеченный предметъ сочувствій, а кровное дѣло, тѣ, которые ввѣряютъ ей всю жизнь своихъ дѣтей.

Вотъ почему я твердо вѣрю въ будущность этой бѣдной, темной, едва возникающей сельской школы, ощупью создаваемой на нашихъ глазахъ безграмотнымъ народомъ. Ибо—не нужно обольщаться—все, что въ ней есть живаго, добраго, внесено въ нее не нашими просвѣщенными стараніями, не мѣрами правительства, но здравымъ смысломъ и нравственнымъ строемъ этого безграмотнаго народа.

О, еслибъ въ нашихъ образованныхъ классахъ замѣчалась хоть тѣнь этого прямаго, безкорыстнаго духовнаго отношенія къ дѣлу, хоть тѣнь этой истинной вѣры въ пользу истиннаго просвѣщенія! Съ какою радостію сказалъ бы я безъ ограниченій, что вѣрю въ будущность русской школы.

VII.

Изъ всѣхъ сторонъ нашей школьной практики ни одна быть-можетъ не даетъ поводовъ къ столькимъ недоразумѣніямъ, какъ преподаваніе Закона Божія въ сельской школѣ. Коснусь лишь одного изъ нихъ, потому что оно затрогиваетъ самую сущность дѣла и разъясненіе его необходимо.

Въ теченіе послѣднихъ годовъ и въ литературѣ, и въ сферахъ земскихъ и правительственныхъ неоднократно былъ поднимаемъ вопросъ о предоставленіи лицамъ свѣтскимъ права преподаванія Закона Божія въ сельскихъ училищахъ. Въ пользу такого расширенія правъ сельскаго учителя приводились и приводятся самые вѣскіе аргументы: необходимость обезпечить въ сельскихъ школахъ правильное преподаваніе этого важнаго предмета; существованіе школъ въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ по отдаленности церквей трудно или невозможно пользоваться преподаваніемъ священника; слишкомъ частый отказъ священниковъ отъ законоучительства тамъ, гдѣ этихъ препятствій не существуетъ; совершенная возможность для благочестиваго человѣка, обладающаго самымъ скромнымъ образованіемъ, успѣшно сообщать крестьянскимъ дѣтямъ тѣ элементарныя свѣдѣнія, которыя требуются существующими программами по Закону Божію; то возвышеніе авторитета учителя въ глазахъ учениковъ и ихъ родителей, которое проистекло бы изъ порученія ему столь святаго и жизненнаго дѣла; примѣръ классическихъ странъ народнаго образованія, Германіи и Даніи.

Въ виду обилія и внушительности этихъ доводовъ, считаю нелишнимъ сопоставить съ ними нѣкоторыя чисто практическія соображенія, не съ тѣмъ, чтобы по-

вліять такъ или иначе на правительственное рѣшеніе вопроса (мои замѣтки чужды такихъ притязаній), но чтобы обратить на него вниманіе тѣхъ изъ моихъ читателей, которымъ дорого преуспѣяніе нашей сельской школы.

Прежде всего нужно замѣтить, что во многихъ нашихъ сельскихъ школахъ, то-есть во всѣхъ тѣхъ, въ которыхъ священникъ не можетъ или не хочетъ принять на себя преподаваніе Закона Божія, или только числится законоучителемъ, этотъ предметъ преподается, независимо отъ всякихъ разрѣшеній, лицомъ свѣтскимъ, а именно учителемъ. Преподаваніе это противозаконно. Но прекращеніе его равнялось бы немедленному закрытію школы. Безъ преподаванія Закона Божія русская сельская школа существовать не можетъ. Нѣкоторые инспекторы училищъ силятся искоренить это беззаконіе, распекаютъ священниковъ, распекаютъ учителей, увѣщеваютъ послѣднихъ замѣнить преподаваніе Закона Божія перепискою съ начальствующими мѣстами и лицами о *понужденіи* священника къ преподаванію этого предмета. Но старанія эти безплодны. Учителю очень хорошо извѣстно, что этою перепискою онъ никакой помощи отъ священника не добьется, а добьется развѣ своего изгнанія изъ школы. Ему извѣстно также, что самый усердный инспекторъ не посмѣетъ отрѣшить его отъ должности за то, что онъ выучилъ своихъ учениковъ десятку, другому молитвъ, что онъ сообщилъ имъ краткія свѣдѣнія о земной жизни Спасителя...

Въ томъ-то и дѣло, что мы тутъ вступили въ ту область, гдѣ безсильно всякое запрещеніе, гдѣ безплодно всякое принужденіе.

Итакъ, опытъ преподаванія Закона Божія мірянами налицо, опытъ не единичный, а повсемѣстный. Это до сихъ поръ почти скорѣе норма, чѣмъ исключеніе.

Каковы же результаты этого опыта? Скажу не обинуясь, что при самыхъ выгодныхъ условіяхъ, при полномъ усердіи и достаточномъ знаніи учителя, результаты эти крайне неудовлетворительны, и это по причинамъ неустранимымъ, по силѣ вещей. Дѣти пріобрѣтаютъ тѣ знанія, которыя имъ нужны для экзамена, и только.

Иначе и быть не можетъ. Пусть читатель попытается поставить себя на мѣсто учителя, вынужденнаго заниматься постоянно съ тремя группами (попросту—тремя классами) учениковъ заразъ. Можно за нужду единовременно диктовать одной изъ нихъ, слѣдить за чтеніемъ другой, задавать третьей ариѳметическія задачи. Отъ каждаго изъ этихъ занятій можно отрываться разъ десять въ часъ, на минуту или двѣ, не прерывая занятій учениковъ. Но пусть читатели представятъ себѣ, во что̀ обращается, при этихъ условіяхъ, преподаваніе Закона Божія, для котораго соединить всѣ три группы невозможно! Оно неминуемо сводится къ задаванію и выспрашиванію уроковъ, къ упражненію дѣтей въ зубреніи молитвъ и библейскихъ разсказовъ, которому они подвергаются съ покорностію и терпѣніемъ, но безъ всякой ощутительной пользы. Русская сельская школа, въ томъ видѣ, въ которомъ сложилась она подъ гнетомъ обстоятельствъ, положительно не по силамъ *одному* человѣку. Тамъ, гдѣ на помощь учителю не приходитъ священникъ, она своего дѣла исполнить не можетъ.

Такова внѣшняя, такъ сказать осязаемая сторона дѣла. Но насколько важнѣе сторона внутренняя! Если по простому соображенію времени и среднихъ силъ человѣческихъ, преподаваніе Закона Божія должно быть поручено иному лицу, чѣмъ учителю, преподающему всѣ прочіе предметы, то этимъ лицомъ не можетъ быть никто иной, какъ мѣстный священникъ, — духовный

отецъ учениковъ, знавшій ихъ еще до поступленія въ школу, призванный ихъ учить и по выходѣ изъ нея. Онъ имѣетъ возможность не только вести преподаваніе съ каждою группою отдѣльно, въ видѣ безпрерывной, благоговѣйной бесѣды; онъ имѣетъ возможность сказать каждому изъ учениковъ то слово, въ которомъ нуждается душа его, и та власть вязать и рѣшить, которою онъ облеченъ, придаетъ этому слову такую силу, которой никогда не достигнуть слову свѣтскаго человѣка.

Не слѣдуетъ забывать также, что та элементарная программа, которая утверждена Св. Синодомъ для преподаванія Закона Божія въ сельскихъ училищахъ, представляетъ собою лишь minimum того, что должно быть сообщаемо ея ученикамъ. Она разсчитана на нормальный школьный возрастъ (до 13-ти, 14-ти лѣтъ), и поэтому изъ нея благоразумно устранено все, что превышаетъ пониманіе дѣтей этого возраста. Но въ нашихъ сельскихъ школахъ, рядомъ съ малыми дѣтьми, безпрестанно обучаются отроки 16-ти, 17-ти лѣтъ. Это ученики, попавшіе въ школу поздно, на тринадцатомъ, четырнадцатомъ году, и такихъ учениковъ въ нашихъ сельскихъ школахъ еще долго будетъ много, ибо сознаніе необходимости ученія все болѣе распространяется, отъ семьи къ семьѣ, отъ деревни къ деревнѣ, и особенно сильно проявляется въ подрастающемъ поколѣніи. Многіе крестьянскіе мальчики попадаютъ въ школу лишь послѣ нѣсколькихъ лѣтъ неотступныхъ просьбъ. Эти старшіе (и лучшіе) ученики сельскихъ школъ почти всегда отличаются особымъ интересомъ ко всему, что касается вѣры и церкви. Ихъ любознательность прежде всего обращается на подробности богослуженія, а затѣмъ переходитъ и на вопросы догматическіе, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ къ населенію примѣшаны элементы раскольничьи и иновѣрческіе. Законоучитель

безпрестанно бываетъ вынужденъ, въ своихъ бесѣдахъ съ учениками, выходить изъ тѣсныхъ рамокъ обязательной программы. Онъ долженъ обладать такимъ подробнымъ и точнымъ знакомствомъ съ богослуженіемъ нашей церкви, котораго невозможно требовать отъ свѣтскаго учителя. Онъ долженъ имѣть и догматическія познанія, достаточно ясныя и полныя, чтобы не затрудняться отвѣтомъ на неожиданные вопросы самаго серьезнаго свойства. И этихъ познаній нѣтъ, и не можетъ быть, у огромнаго большинства нашихъ сельскихъ учителей. Это обстоятельство не можетъ скрыться отъ старшихъ учениковъ въ тѣхъ случаяхъ, когда эти учителя берутъ на себя преподаваніе Закона Божія, и конечно не можетъ способствовать возвышенію авторитета учителя въ глазахъ учащихся. Наконецъ, самое практическое участіе въ богослуженіи, самое чтеніе и пѣніе въ церкви имѣетъ свою освященную преданіемъ технику, въ которой усердные ученики добиваются возможнаго совершенства. И въ этомъ отношеніи учителю, наряду съ учениками, приходится учиться у священника.

Какую же пользу для дѣла можемъ мы ожидать отъ дарованія оффиціальной санкціи тому жалкому способу, которымъ нынѣ ведется преподаваніе Закона Божія въ большинствѣ нашихъ сельскихъ школъ, благодаря именно тому, что оно ведется лицомъ свѣтскимъ, тѣмъ же учителемъ, которому и безъ того слишкомъ много дѣла? Развѣ признаніе плохаго преподаванія удовлетворительнымъ сдѣлаетъ его хорошимъ?

Не должны ли мы, напротивъ, опасаться, что такое признаніе повлечетъ за собою послѣдствія, положительно вредныя? Въ настоящее время все болѣе и болѣе распространяется обычай назначать за преподаваніе Закона Божія въ сельской школѣ денежное вознагражденіе,

хотя и скудное, но весьма соблазнительное для нашихъ плохо обезпеченныхъ учителей. Признаніемъ за учителемъ одинаковыхъ съ священникомъ правъ на преподаваніе Закона Божія между этими лицами было бы возбуждено опасное соперничество, способное въ конецъ подорвать всякій авторитетъ сельской школы.

Итакъ, не гораздо ли естественнѣе хлопотать о замѣнѣ плохаго лучшимъ, то есть о привлеченіи священниковъ къ участію въ школьномъ дѣлѣ?

Тѣ немногія школы, которыя удалены отъ церквей, тѣ исключительные случаи, гдѣ въ одномъ приходѣ существуетъ нѣсколько школъ, тутъ вовсе не входятъ въ разсчетъ. Количество школъ у насъ, сравнительно съ количествомъ приходовъ, еще такъ мало, школы такъ естественно возникаютъ по близости отъ церквей, что говорить о недостаткѣ священниковъ-законоучителей—просто смѣшно. Въ случаѣ же дѣйствительнаго затрудненія въ этомъ отношеніи и по закону, и на практикѣ разрѣшается преподаваніе Закона Божія мірянами, по усмотрѣнію епархіальныхъ начальствъ, которыя никогда не отказываютъ въ этомъ разрѣшеніи учителю, маломальски къ тому способному, очень хорошо зная, что и безъ этого разрѣшенія Законъ Божій имъ будетъ преподаваться.

Всего менѣе, какъ мнѣ кажется, долженъ насъ смущать, по отношенію къ этому вопросу, примѣръ тѣхъ высокообразованныхъ странъ, въ которыхъ процвѣтаетъ дѣло народнаго образованія. Вѣдь эти страны, между прочимъ, протестантскія, а Россія, если не ошибаюсь, страна православная. Едва ли это различіе такъ ничтожно, что можетъ быть совершенно упущено изъ виду, когда дѣло идетъ о преподаваніи Закона Божія. Православная церковь признаетъ нѣкоторое таинство, протестантами отвергаемое, именуемое священствомъ.

Этимъ таинствомъ, по ученію церкви, въ числѣ другихъ даровъ Духа Святаго, сообщается и благодать наставленія въ вѣрѣ. Этотъ даръ, какъ и всѣ прочіе евангельскіе таланты, можетъ быть зарытъ въ землю недостойными служителями церкви, но эта возможность не уменьшаетъ его цѣнности. Священникъ, достойный своего званія (и съ этимъ согласится не только всякій человѣкъ вѣрующій, но и всякій безпристрастный наблюдатель) преподаетъ Законъ Божій успѣшнѣе, т. е. лучше преподавателя свѣтскаго, не только въ силу болѣе обширнаго знанія, но и въ силу того, что онъ священникъ.

Да, мы не протестанты, и намъ не пристало пренебрегать участіемъ духовенства въ дѣлѣ духовнаго образованія народа. Но мы также не католики. Намъ не пристало считать это дѣло исключительнымъ достояніемъ духовенства. И тамъ, гдѣ въ школѣ учитъ, рядомъ съ учителемъ, усердный священникъ, учитель нисколько не устраняется отъ участія въ его трудахъ. Постоянное его общеніе съ дѣтьми, упражненія въ церковнославянскомъ чтеніи, необходимыя въ извѣстныя времена года репетиціи уроковъ законоучителя, отвлеченнаго другими обязанностями, даютъ ему безпрестанные ежедневные случаи бесѣдовать съ дѣтьми о предметахъ вѣры и нравственности, не принимая на себя роли законоучителя. Это участіе даже необходимо. Лишь при дружномъ сотрудничествѣ законоучителя и учителя возможенъ успѣхъ въ преподаваніи Закона Божія, возможенъ правильный ходъ всего школьнаго дѣла.

Прошу сельскихъ читателей *Руси* (для нихъ пишутся эти замѣтки) обратить вниманіе на эти соображенія. Прошу объ этомъ священниковъ, учителей, попечителей сельскихъ школъ, всѣхъ тѣхъ, которые имѣютъ съ этими школами непосредственное соприкосновеніе. Отъ

нихъ, а не отъ правительства, не отъ земствъ зависитъ исцѣленіе тѣхъ недуговъ, которыми страдаетъ сельская школа, естественнымъ путемъ труда и вниманія, а не путемъ опасныхъ экспериментовъ.

VIII.

Русскимъ языкомъ, ариѳметикою (цѣлыхъ чиселъ), Закономъ Божіимъ исчерпывается обязательная программа нашихъ сельскихъ школъ (такъ-называемыхъ одноклассныхъ училищъ). Въ двухклассныхъ министерскихъ училищахъ къ этимъ предметамъ преподаванія присоединяются ариѳметика дробныхъ чиселъ, геометрія, черченіе, элементы геодезіи, географія, русская исторія, естественныя науки, пѣніе и гимнастика, и изученіе какого-либо ремесла. На усвоеніе всѣхъ этихъ добавочныхъ предметовъ полагается два года *).

Желательно ли ввести преподаваніе всѣхъ этихъ предметовъ, или нѣкоторыхъ изъ нихъ, или какихъ-либо иныхъ, во всѣ наши сельскія школы? Возможно ли, и въ какой мѣрѣ, расширеніе ихъ программы? Эти вопросы очень важны, не для всѣхъ ясны и вызываютъ самые разнорѣчивые отвѣты.

О томъ, что желательно увеличить сумму дѣйствительныхъ знаній, сообщаемыхъ всякою школою, къ какому бы она ни относилась разряду, кажется, не можетъ быть и спору; о той степени опасности, которую представляетъ расширеніе программы безъ соотвѣтствующаго улучшенія и усиленія учащаго персонала, безъ

*) Т. е. двѣ зимы. Нормальное число учебныхъ дней въ году вертится около 140.

достаточнаго удлиненія учебнаго времени, мнѣнія повидимому раздѣлены гораздо болѣе. Наконецъ, вопросъ о томъ, въ какомъ порядкѣ должно совершаться расширеніе учебной программы нашихъ сельскихъ школъ, къ чему можно приступить немедленно, что до времени слѣдуетъ отложить, рѣшается способами, разнообразными до-нельзя.

Всего естественнѣе обратиться за примѣромъ къ существующимъ у насъ образцовымъ министерскимъ двухкласснымъ училищамъ. Примѣръ этотъ дѣйствительно поучителенъ, но только въ смыслѣ отрицательномъ. Преподаваніе добавочныхъ предметовъ во второмъ классѣ этихъ заведеній не достигаетъ своей цѣли и по недостаточной подготовкѣ учениковъ въ первомъ классѣ, и по сложности программы, и по недостатку времени, и по недостаточной подготовкѣ учителей. Этотъ второй классъ приноситъ пользу лишь въ качествѣ повторительной школы, придающей прочность знаніямъ и умѣньямъ, пріобрѣтеннымъ въ первомъ, который по опредѣленному уставомъ числу уроковъ совершенно недостаточенъ въ смыслѣ окончательной начальной школы. Что касается до мнимыхъ знаній по добавочнымъ предметамъ, входящимъ въ программу втораго класса, то пользы принести ученикамъ они, конечно, не могутъ никакой, но свидѣтельство объ обладаніи ими приноситъ имъ вредъ, вселяя въ нихъ желаніе и надежду подняться выше крестьянскаго сословія—надежду, которая не оправдывается ихъ дѣйствительными знаніями.

Итакъ, двухклассныя училища не даютъ намъ прямыхъ практическихъ указаній насчетъ расширенія программы народныхъ училищъ. Этихъ указаній скорѣе слѣдуетъ искать въ школахъ не-министерскихъ, находящихся въ относительно выгодныхъ условіяхъ. Изъ

наблюденій надъ такими школами можно вывести слѣдующія данныя.

Во-первыхъ, одинъ изъ существенныхъ элементовъ успѣха при расширенномъ преподаваніи, удлиненіе учебнаго времени, совершенно зависитъ отъ учащихъ въ школѣ учителя и законоучителя. Если только школа ведется ими усердно и исправно, родители охотно оставляютъ въ ней дѣтей не только на четыре, но и на пять, шесть лѣтъ. Къ льготнымъ свидѣтельствамъ они питаютъ глубокое равнодушіе. Нерѣдко они берутъ дѣтей изъ школы за мѣсяцъ до экзамена и столь же часто посылаютъ доучиваться въ школу дѣтей, уже выдержавшихъ экзаменъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ они держатся разумнаго правила или вовсе не учить дѣтей, или довести ихъ до настоящей прочной грамотности. Тамъ, гдѣ школа существуетъ уже много лѣтъ, они отлично понимаютъ, что такая грамотность дается не вдругъ. Итакъ, первымъ условіемъ возможнаго расширенія существующей программы начальной школы является ея *добросовѣстное исполненіе.* Какъ только родители *увѣруютъ* въ школу, убѣдятся, что она сообщаетъ прочную, практически приложимую грамотность, церковную и гражданскую, навыкъ къ быстрому и точному счету, что она учитъ дѣтей молитвѣ и страху Божію, школа смѣло можетъ расширить свой учебный курсъ и по времени, и по содержанію. Они очень основательно заключаютъ, что такая школа, расширяя свое преподаваніе, имѣетъ въ виду пользу ихъ дѣтей, даже когда не понимаютъ спеціальной пользы того или другаго вновь вводимаго предмета.

Во-вторыхъ, несомнѣнно, что никакое существенное расширеніе программы нашей сельской школы не можетъ быть осуществлено безъ усиленія ея учащаго персонала. Слѣдить за занятіями болѣе трехъ группъ уче-

никовъ заразъ совершенно невозможно. Безъ такого усиленія всякое введеніе новыхъ предметовъ преподаванія въ нашу школу будетъ ложью и поведетъ только къ ослабленію въ ней преподаванія. Въ этомъ заключается одна изъ самыхъ существенныхъ трудностей дѣла. Наша школа, какъ извѣстно, матеріально крайне бѣдна. Постараюсь указать ниже на самые экономическіе способы для достиженія этой цѣли.

Наконецъ, слѣдуетъ выяснить себѣ, въ какомъ порядкѣ, въ какой постепенности могутъ быть введены въ нашу сельскую школу тѣ предметы преподаванія, которые желательно присоединить къ ея программѣ.

На первомъ планѣ тутъ стоитъ церковное пѣніе, и потому, что ни одинъ предметъ преподаванія не дополняетъ столь удачно нашей скудной школьной программы, ни одинъ не возбуждаетъ къ школѣ столько сочувствія въ сельскихъ жителяхъ всѣхъ степеней образованія, и потому, что при свѣдущемъ и даровитомъ учителѣ онъ не требуетъ усиленія учащаго персонала. Чтобы по возможности сократить слишкомъ длинный рядъ моихъ замѣтокъ, позволю себѣ побесѣдовать объ этомъ предметѣ съ читателями *Руси* отдѣльно, впослѣдствіи, тѣмъ болѣе, что о желательности распространенія пѣнія въ сельскихъ школахъ, кажется, нѣтъ и спору.

Затѣмъ, самымъ желательнымъ и полезнымъ шагомъ къ расширенію программы нашей сельской школы представляется введеніе въ нее ариѳметики дробныхъ чиселъ и элементарной геометріи. И то, и другое еще не выходитъ изъ предѣловъ возможнаго при одномъ усердномъ и дѣльномъ учителѣ и при четырехлѣтнемъ курсѣ. Разумѣется, въ такомъ случаѣ учителю нужно оставлять учениковъ по два года въ одной группѣ (второй). Геометрія—именно первый новый предметъ,

который надлежитъ ввести въ нашу сельскую школу, потому что онъ одинъ даетъ намъ средства къ дальнѣйшему расширенію ея программы, къ введенію въ нее географіи, безъ которой невозможно преподаваніе исторіи, потому что онъ имѣетъ множество примѣненій (въ техническомъ рисованіи, геодезіи, всѣхъ строительныхъ и художественныхъ ремеслахъ); потому наконецъ, что онъ приводитъ въ дѣйствіе такія умственныя способности ребенка, которыхъ не затрогиваютъ прочія его занятія въ школѣ. На этотъ предметъ должно быть обращено особенное вниманіе нашихъ учительскихъ семинарій. Для того, чтобы принести пользу, преподаваніе геометріи должно быть тщательно и серьезно обставлено обильными упражненіями въ рѣшеніи задачъ и черченіи. То поверхностное преподаваніе геометріи, которое нынѣ практикуется въ двухклассныхъ училищахъ, есть чистая потеря времени.

Идти далѣе, при одномъ учителѣ, немыслимо. Поэтому столь желательное введеніе въ программу сельскихъ школъ географіи и отечественной исторіи пока возможно лишь въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда школа обладаетъ значительными денежными средствами. Притомъ нужно замѣтить, что преподаваніе русской исторіи въ сельской школѣ есть дѣло величайшей трудности. Оно требуетъ отъ преподавателя точныхъ и обильныхъ свѣдѣній по этому предмету. Оно должно быть подробно и живо. Необходимый скелетъ (хронологическій, географическій, генеалогическій) долженъ быть прочно усвоенъ дѣтьми и одѣтъ плотію и кровію. Не должно забывать, что крестьянскія дѣти лишены всѣхъ тѣхъ *иллюстрацій*, которыя для дѣтей высшихъ сословій оживляютъ школьный остовъ исторіи, и которыя приноситъ имъ сама жизнь—въ литературѣ, въ театрѣ, въ произведеніяхъ искусствъ, въ разгово-

рахъ старшихъ, въ лицезрѣніи памятниковъ старины. Все это должно быть замѣнено учителемъ и тѣми немногими книгами, которыя соединяютъ живое, понятное изложеніе съ дѣльнымъ содержаніемъ *). Другое затрудненіе заключается въ томъ, что взгляды нашихъ историковъ на значеніе самыхъ основныхъ моментовъ русской исторіи расходятся почти діаметрально, и что это разногласіе отражается и въ нашей популярной и дѣтской литературѣ. Въ этомъ хаосѣ трудно разобраться не только ученикамъ сельской школы, но и ихъ учителю.

Что касается до введенія въ программы сельскихъ школъ преподаванія естественныхъ наукъ, то толки о немъ кажутся мнѣ основанными на странномъ недоразумѣніи. Единственный разумный приступъ къ преподаванію наукъ естественныхъ (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова)—наглядное ознакомленіе дѣтей съ мѣстною флорою и фауною, совершенно немыслимъ въ нашей сельской школѣ, въ которой учебный періодъ обусловливается періодомъ покоя органической природы. То же, что можетъ быть сообщено въ нашихъ сельскихъ школахъ путемъ устнымъ и книжнымъ, не имѣетъ ни малѣйшаго значенія, ни воспитательнаго, ни практическаго, и обречено на неизбѣжное забвеніе. Единственный отдѣлъ наукъ физическихъ, который могъ бы съ пользою быть введенъ въ ихъ программу, при условіяхъ исключительно благопріятныхъ, есть экспериментальная физика—разумѣется, вслѣдъ за геометріею.

*) Изъ такихъ литературныхъ „иллюстрацій“ особеннаго вниманія заслуживаютъ *Разсказы изъ Русской Исторіи* покойнаго Разина. Вплетенныя въ нихъ романическія нити самаго невиннаго свойства, и нанизанныя на нихъ историческія подробности весьма обильны и выбраны съ тактомъ. Продолженіе этихъ *Разсказовъ*, составленное другимъ авторомъ, гораздо слабѣе.

Вообще можно сказать смѣло, что при нынѣшнемъ зачаточномъ и крайне неравномѣрномъ развитіи нашей сельской школы, общія мѣры, направленныя къ расширенію ея программы введеніемъ новыхъ предметовъ преподаванія, вовсе не желательны. Желательны усиленіе и правильная постановка тѣхъ предметовъ, которые уже нынѣ преподаются, и умноженіе школъ элементарной грамотности.

Но тѣмъ съ большею внимательностію должны отдѣльныя мѣстности, поставленныя въ особенно благопріятныя условія, единичныя школы, обладающія исключительными денежными средствами и учебными силами, пользоваться всякою возможностію расширить свои учебныя программы, неизмѣнно держась правила вводить лишь то, что по силамъ наличному учебному персоналу, что можетъ уложиться въ мѣстные сроки учебнаго времени. Такія мѣстныя попытки, такіе образцы дѣйствительнаго осуществленія желательныхъ расширеній элементарнаго образованія несравненно сильнѣе подвинутъ дѣло, силою примѣра, указаніями на практическія его трудности и способы ихъ побѣдить, чѣмъ всякія общія мѣропріятія, обреченныя въ большинствѣ случаевъ на существованіе бумажное, призрачное, на роли благовидной ширмы, закрывающей отъ насъ печальную дѣйствительность.

Я говорилъ до сихъ поръ лишь о желательномъ расширеніи общеобразовательнаго курса нашихъ сельскихъ школъ, насколько оно возможно. Но есть расширеніе иного рода, которое необходимо, и на которое, слава Богу, у насъ начинаютъ обращать серьезное вниманіе. Говорю о распространеніи у насъ, путемъ сельской школы, свѣдѣній и умѣній техническихъ, объ основаніи школъ ремесленныхъ, земледѣльческихъ, доступныхъ нашимъ крестьянскимъ дѣтямъ. Поднятіе

кустарной промышленности тамъ, гдѣ она существуетъ, введеніе новыхъ отраслей труда въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя представляютъ для нихъ благопріятную почву, были бы великими неоцѣненными благодѣяніями. Но при этомъ прежде всего нужно обратить вниманіе на два обстоятельства первостепенной важности.

Во-первыхъ. Основной, повсемѣстный промыселъ нашего сельскаго люда, наиболѣе нуждающійся въ поднятіи, наиболѣе страдающій отъ недостатка положительныхъ знаній и умѣній у кормящихся имъ—есть земледѣліе. Намъ прежде всего нужны крестьянскія земледѣльческія школы. Ихъ нужно намъ много, по крайней мѣрѣ по одной на уѣздъ. Эти школы должны представлять самостоятельныя образцовыя хозяйства, владѣть угодьями, совершенно достаточными для обезпеченія дѣйствительной доходности, по возможности и лѣсными дачами, на которыхъ могъ бы быть поданъ примѣръ правильнаго лѣснаго хозяйства. При такихъ школахъ необходимо обученіе тѣмъ мастерствамъ, которыя имѣютъ прямое отношеніе къ земледѣлію (плотничьему, столярному, кузнечному, слесарному, гончарному). Ремесленники по этимъ частямъ необходимы вездѣ, и ихъ отсутствіе составляетъ одинъ изъ главныхъ тормазовъ въ развитіи нашего сельскаго хозяйства, на ряду съ отсутствіемъ рабочихъ, умѣющихъ обращаться съ усовершенствованными земледѣльческими орудіями. Съ земледѣльческою школою должна быть соединена мастерская для изготовленія прочныхъ и возможно дешевыхъ сельско-хозяйственныхъ орудій, болѣе совершеннаго устройства, чѣмъ нынѣ употребляемыя. Такая мастерская сдѣлалась бы для школы значительнымъ источникомъ дохода и разсадникомъ сельскихъ мастеровъ по этой части, въ которыхъ ощущается крайняя нужда.—Вслѣдъ за этими школами, разумѣется, должны

быть основаны и школы чисто ремесленныя, соотвѣтствующія потребностямъ данныхъ мѣстностей.—Тутъ кончается роль сельскихъ обществъ всѣхъ наименованій, слишкомъ слабыхъ и бѣдныхъ для такой задачи, и начинается роль земствъ, при содѣйствіи отдѣльныхъ личностей, щедрыми пожертвованіями деньгами и землею.

Во-вторыхъ. Столь трудное и неудобное соединеніе школы технической съ обученіемъ элементарной грамотѣ становится съ каждымъ годомъ менѣе нужнымъ, благодаря быстрому размноженію сельскихъ школъ. Усвоеніе прочной грамотности, при краткости нашихъ учебныхъ сроковъ, требуетъ всего времени и всѣхъ силъ ребенка. Возрастъ самый благопріятный для этого усвоенія предшествуетъ тому, въ которомъ физическія силы позволяютъ ему приняться производительно за трудъ ремесленный или земледѣльческій. Этотъ послѣдній, въ свою очередь, для того, чтобы привить ребенку дѣйствительныя умѣнія, долженъ сдѣлаться главнымъ, преобладающимъ его дѣломъ. Занятія ремеслами по одному часу въ день, какъ они практикуются въ нѣкоторыхъ училищахъ, могутъ имѣть значеніе развѣ лишь гигіеническое, на ряду съ гимнастикою, но научить ребенка какому-либо мастерству не могутъ, и желательно было бы совершенно ихъ отмѣнить, какъ лишнюю трату времени и денегъ, которыя съ гораздо большею пользою могли бы быть обращены на прочія учебныя нужды этихъ заведеній. Впрочемъ, профессіональная школа вполнѣ можетъ удѣлить часть своего времени на дополненіе знаній своихъ учениковъ по нѣкоторымъ необходимымъ предметамъ, каковы геометрія, черченіе, физика, и служить по прочимъ школою повторительною.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, всего удобнѣе было бы принимать въ школы земледѣльческія и ремеслен-

ныя мальчиковъ, окончившихъ курсъ въ начальныхъ училищахъ, и эти профессіональныя школы прежде всего слѣдовало бы заводить въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя обладаютъ сплошными группами училищъ элементарныхъ. При этомъ условіи, новыя училища быстро наполнялись бы учащимися и въ свою очередь дали бы сильный толчекъ размноженію сельскихъ школъ грамотности, предоставляя ихъ ученикамъ преимущество первостепенной важности.

Ограничиваюсь этими бѣглыми указаніями по предмету, требующему несравненно болѣе обстоятельнаго обсужденія, но о которомъ рѣшаюсь высказать лишь тѣ соображенія, которыя вытекаютъ изъ моихъ личныхъ наблюденій надъ преподаваніемъ ремеслъ въ сельской школѣ.

IX.

Въ заключеніе этихъ замѣтокъ, необходимо остановиться на вопросѣ, отъ рѣшенія котораго долженъ зависѣть весь нашъ взглядъ на нашу сельскую школу.

Что даетъ эта школа своимъ ученикамъ? Чѣмъ отражается ученіе на ихъ послѣдующей жизни, матеріальной и нравственной? При рѣшеніи этихъ вопросовъ можемъ принимать въ соображеніе лишь школы хорошія. Результаты ученія въ школахъ плохихъ могутъ сводиться къ нулю, и такія школы имѣютъ значеніе лишь постольку, поскольку легче улучшить школу существующую, чѣмъ основать новую.

Итакъ, присмотримся къ заурядному ученику школы хорошей.

Прежде всего, онъ отличается отъ своихъ безграмотныхъ односельчанъ болѣе правильною русскою рѣчью.

Отличіе это не маловажно. Съ нимъ сопряжено болѣе точное пониманіе рѣчи образованныхъ классовъ, рѣчи письменной, литературной. Это пріобрѣтеніе въ безчисленныхъ случаяхъ обыденной жизни приноситъ ему практическую пользу. Оно неоцѣненно, какъ средство къ дальнѣйшему расширенію его умственнаго кругозора. Во вторыхъ, онъ пріобрѣлъ способность писать письма и, при должномъ указаніи, тѣ дѣловыя бумаги, которыя бываетъ нужно писать въ крестьянскомъ быту. Въ третьихъ, онъ пріобрѣлъ способность читать для своей забавы, для своего поученія и назиданія, и эта способность приноситъ пользу не только ему, но и окружающему его безграмотному люду. Грамотныхъ парней зимою по деревнямъ много заставляютъ читать вслухъ, на посидѣлкахъ, во время долгихъ ночныхъ работъ *). Наконецъ, и это всего важнѣе, то искреннее благочестіе, тотъ интересъ къ вопросамъ вѣры и духа, который вынесли изъ дома и внесли въ сельскую школу ея ученики, въ ней становятся сознательнѣе и глубже, становятся могучими будильниками ума и впослѣдствіи поддерживаютъ тѣ навыки и знанія, которые пріобрѣтены ими въ школѣ. Духовная жажда становится для нихъ главнымъ побужденіемъ не только къ чтенію, но и къ писанію, находящему въ ихъ быту такъ мало постоянныхъ практическихъ приложеній. Въ свободныя

*) Старики заставляютъ читать себѣ преимущественно Священное Писаніе Новаго и Ветхаго Завѣта, на русскомъ языкѣ, Житія Святыхъ, въ переложеніи А. Н. Бахметевой, и другія книги духовно-назидательнаго содержанія (подлинный текстъ Четьи-Миней доступенъ только грамотеямъ, и это безспорно ихъ любимая книга). Молодежь безпрестанно требуетъ чтенія сказокъ изъ сборника Аѳанасьева, разсказовъ изъ книги для чтенія графа Л. Н. Толстаго, но болѣе всего—сказокъ Пушкина. У насъ есть безграмотные крестьяне, знающіе наизусть всю длинную сказку о царѣ Салтанѣ. Этотъ краткій репертуаръ деревенскихъ чтецовъ постоянно расширяется.

минуты, они съ величайшею охотою переписываютъ молитвы, духовныя стихотворенія, отрывки церковно-назидательнаго содержанія. Пониманіе церковно-славянскаго языка, знакомство съ богослуженіемъ, способность участвовать въ немъ пѣніемъ или чтеніемъ привязываетъ ихъ къ церкви. Крестьянина, прошедшаго черезъ школу, въ которой отведено должное мѣсто церковному элементу, не легко совратить въ расколъ. Въ матеріальномъ отношеніи школьная грамотность пріобрѣтаетъ особенную важность для тѣхъ крестьянъ, которые ищутъ занятій въ городахъ, а также для поступающихъ въ военную службу. Независимо отъ двухгодовой льготы, она значительно облегчаетъ имъ эту службу, въ большинствѣ случаевъ доставляя имъ должность инструктора, полковаго писаря и т. п.

Вотъ что выноситъ изъ хорошей школы заурядный ученикъ, ограничивающій ею свое умственное образованіе, и право уже изъ-за этого результата стоитъ потрудиться. Но имъ не ограничивается то, что можетъ почерпнуть въ такой школѣ мальчикъ, одаренный прилежаніемъ и способностями, превышающими средній уровень. Для такого мальчика сельская школа можетъ сдѣлаться первымъ шагомъ къ дальнѣйшему умственному развитію, можетъ служить ступенью къ выходу въ иныя сферы жизни. Мальчикъ, поступившій въ сельскую школу рано, легко можетъ перейти въ первый или приготовительный классъ гимназіи. Уже теперь въ нашихъ провинціальныхъ гимназіяхъ начинаютъ появляться дѣти зажиточныхъ крестьянъ.

Возможность эта важна въ виду тѣхъ исключительныхъ случаевъ, въ которыхъ желательно довести крестьянскаго мальчика до высшаго образованія. Но спѣшу прибавить, что въ большинствѣ случаевъ крестьянскій мальчикъ можетъ только проиграть отъ помѣщенія въ

наши средне-образовательныя заведенія. Окончательный, бозповоротный разрывъ съ крестьянскою средою, неизбѣжный при такомъ шагѣ, рѣдко вознаграждается пріобрѣтеніемъ истиннаго образованія. Говорю это не въ укоръ нашему гимназическому преподаванію. Но таково неизбѣжное слѣдствіе отношеній, установленныхъ между нашею учебною системою и государственною службою, взглядомъ на учебное дѣло, развившихся подъ ея вліяніемъ въ нашемъ быстро разростающемся полуобразованномъ обществѣ. Въ силу этихъ условій, наши среднія учебныя заведенія, отчасти и высшія, все болѣе становятся разсадниками не просвѣщенія, а чиновничества. Вотъ почему они переполнены, почему они плодятъ недовольныхъ, почему не окончить въ нихъ курса становится истиннымъ бѣдствіемъ. Вѣдь знанія, пріобрѣтаемыя въ нихъ—въ глазахъ учащихся и ихъ родителей—ничто. Все дѣло въ дипломѣ, въ служебныхъ правахъ. Знаніе латинскихъ спряженій, не увѣнчанное полученіемъ 14-го класса, считается такимъ горемъ, что наталкиваетъ нашихъ сбитыхъ съ толку гимназистовъ на всякія безумства, до самоубійства включительно. Рѣдкій крестьянинъ имѣетъ терпѣніе и средства довести своего сына до окончанія гимназическаго курса. Неполный курсъ прививаетъ къ нему гораздо болѣе несбыточныхъ желаній, чѣмъ истинныхъ знаній. Даже при окончаніи курса, ученіе въ большинствѣ случаевъ бросаетъ его въ слишкомъ многочисленную уже голодающую и ненасытную армію нашихъ мелкихъ чиновниковъ.

Обращаю на эти соображенія особенное вниманіе завѣдующихъ школами, попечителей и т. п. Отъ этихъ лицъ, отъ ихъ указаній и совѣтовъ часто зависитъ направить тѣхъ крестьянскихъ дѣтей, которымъ родители желаютъ и могутъ дать иную профессію, чѣмъ земле-

дѣліе. Къ счастію, передъ способными учениками сельскихъ школъ открываются иные пути, чѣмъ помѣщеніе въ наши теплицы для выгонки чиновниковъ. Существуютъ, независимо отъ разныхъ ремеслъ, профессіи, болѣе или менѣе хлѣбныя, къ которымъ мы можемъ ихъ направить, не облекая ихъ въ мундиръ, вещественный и нравственный, не прибѣгая къ тому опасному насилію, которое покойный Достоевскій называлъ „откалупываніемъ отъ народа“. Укажу на нѣкоторыя изъ нихъ.

Вездѣ, гдѣ по близости отъ школы существуетъ земская больница, изъ способныхъ учениковъ сельскихъ школъ можно образовать надежныхъ фельдшеровъ. Для тѣхъ изъ нихъ, которымъ предстоитъ военная служба, даже неполное обученіе этому дѣлу, не доводящее ихъ до фельдшерскаго званія, есть великое благодѣяніе, ибо по вступленіи въ службу они неминуемо попадаютъ въ фельдшерскіе ученики и со временемъ дѣлаются военными фельдшерами.

Точно также вездѣ, гдѣ по близости отъ школы живетъ или продолжительно работаетъ опытный землемѣръ, легко обученіе крестьянскихъ мальчиковъ практической геодезіи, которая составляетъ драгоцѣнное знаніе и въ сельской жизни и на военной службѣ.

Для юношей, одаренныхъ художественными способностями, превосходнымъ выходомъ служатъ иконописныя школы при нашихъ монастыряхъ, дающія имъ возможность усовершенствоваться въ весьма прибыльномъ художественномъ ремеслѣ, а въ случаѣ выдающагося таланта, убѣдиться въ его размѣрахъ, прежде чѣмъ вступить на трудный путь самостоятельнаго искусства. Дай Богъ, чтобы эти прекрасныя учрежденія размножались и улучшались, чтобы къ нимъ присоединились и монастырскія школы церковнаго пѣнія, для образо-

ванія дѣльныхъ регентовъ, въ которыхъ повсюду ощущается настоятельная нужда. Да и то ли еще могли бы сдѣлать, и сдѣлаютъ когда нибудь, для алчущихъ ученія наши монастыри, эта громадная дремлющая сила, которой еще суждено проснуться.

Я упоминалъ до сихъ поръ лишь о профессіяхъ болѣе или менѣе исключительныхъ, доступныхъ лишь при извѣстныхъ, хотя и нерѣдко встрѣчающихся условіяхъ. Но есть двѣ профессіи, въ которыя наплывъ изъ нашихъ сельскихъ школъ всегда возможенъ, въ которыя онъ желателенъ, нуженъ, необходимъ!

Первая изъ нихъ—профессія сельскаго учителя. Сельскихъ учителей намъ нужно много—дѣльныхъ, непритязательныхъ, прочныхъ, исполняющихъ свое трудное дѣло съ любовью и терпѣніемъ. Контингентъ, доставляемый нашими учительскими семинаріями, и качественно, и количественно недостаточенъ. Школьныхъ учителей должна плодить сама сельская школа. Разумѣется, за это дѣло можетъ взяться лишь та, которая съ честью исполняетъ свое прямое назначеніе. Истинно хорошій сельскій учитель, окончившій курсъ въ духовной семинаріи, или одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ воспитанниковъ учительской семинаріи, которые дѣйствительно усвоили себѣ курсъ этихъ заведеній, легко можетъ приготовить своихъ учениковъ къ учительскому экзамену. Но, конечно, не въ этомъ экзаменѣ дѣло. Дѣло прежде всего въ *выборѣ* тѣхъ юношей, изъ которыхъ могутъ выработаться дѣйствительно полезные сельскіе учителя. Ибо учительство въ русской сельской школѣ не есть ремесло, но *призваніе*, низшая степень того призванія, которое необходимо, чтобы сдѣлаться хорошимъ священникомъ. Этого тезиса не стану доказывать, ибо считаю его доказаннымъ всѣмъ рядомъ моихъ замѣтокъ. Призваніе это между нашими крестьянами встрѣчается

относительно часто. Дѣло учителя и прежде всего священника-законоучителя—его угадать. Пріобрѣтеніе практическихъ навыковъ преподаванія, истиннаго пониманія обязанностей учителя относительно учениковъ—совершается гораздо успѣшнѣе въ живой дѣйствительной школѣ, гдѣ ученики являются цѣлью, а не средствомъ, чѣмъ въ экспериментальныхъ школахъ при учительскихъ семинаріяхъ, гдѣ ученики болѣе или менѣе низводятся на степень учебныхъ пособій для преподаванія педагогики и дидактики. Лучшая школа для начинающаго учителя—не упражненіе въ даваніи образцовыхъ уроковъ, но порученіе ему, подъ руководствомъ опытнаго наставника, послѣдовательнаго, сообразнаго съ его силами дѣла, сопряженнаго съ отвѣтственностію, сперва легкою, потомъ постепенно осложняющеюся. Нѣсколько лѣтъ такой работы, при должномъ расширеніи познаній (на это остается свободною большая половина года), достаточны, чтобы образовать вполнѣ удовлетворительнаго сельскаго учителя.

Въ каждомъ уѣздѣ найдется нѣсколько школъ, представляющихъ возможность приготовлять этимъ путемъ учителей изъ крестьянъ, не отрывая ихъ отъ условій сельскаго быта, не дѣлая изъ нихъ чиновниковъ. Такіе учителя намъ необходимы въ виду потребности въ деревенскихъ школахъ, дополняющихъ приходскія. Тѣ школы, которыя возвысятся до способности приготовлять такихъ учителей, тѣмъ самымъ пріобрѣтутъ и другое, громадное преимущество. Читатель, пробѣжавшій мои предъидущія замѣтки, пойметъ, до какой степени расширяется область возможнаго въ школѣ, гдѣ при учителѣ имѣется одинъ помощникъ, не говоря уже о двухъ или трехъ. Устройство и поддержка правильнаго, плодотворнаго общежитія при сельской школѣ безъ такихъ помощниковъ просто немыслимо. Оно превышаетъ силы одного человѣка.

Настаиваю на великой пользѣ этого способа приготовленія сельскихъ учителей, и это въ силу личнаго опыта. Если я чему-нибудь научился въ теченіе моей школьной практики, то, конечно, не отъ записныхъ педагоговъ, не отъ учителей казеннаго издѣлія, но отъ учителей-крестьянъ, никогда не покидавшихъ своего глухаго угла, не знавшихъ иной школы, кромѣ сельской. Ихъ добросовѣстность и терпѣніе, ихъ умѣніе обращаться съ дѣтьми и приковывать ихъ вниманіе, угадывать, что въ данную минуту затрудняетъ ребенка и какъ помочь ему, ихъ цѣльное, духовное отношеніе къ дѣлу—по истинѣ несравненны. Съ ними можно дѣлать дѣло истинное, а не бумажное, вести школу не на показъ инспекторамъ училищъ, а на умственную и духовную пользу ученикамъ...

Но еще несравненно важнѣе другой исходъ для способнѣйшихъ учениковъ нашихъ сельскихъ школъ, а именно полная возможность поступать въ духовныя училища и со временемъ достигнуть священства. Уже теперь дѣти причетниковъ, даже сельскихъ священниковъ, именно этимъ путемъ начинаютъ свое образованіе. Сносная сельская школа вполнѣ приготовляетъ къ первому классу духовнаго училища. Одинъ изъ учениковъ моей школы поступилъ во второй, усвоивъ отъ Мая до Августа все, что въ первомъ классѣ проходится изъ латинскаго языка (это былъ самый легкій изъ моихъ учительскихъ трудовъ). Въ остальномъ онъ былъ уже готовъ. Само собою разумѣется, что избирать этотъ путь для ребенка слѣдуетъ еще внимательнѣе и осторожнѣе, чѣмъ всякій другой.

Наши духовныя училища, при всѣхъ своихъ несовершенствахъ, имѣютъ передъ учебными заведеніями свѣтскими громадное преимущество. Они, не предрѣшая судьбы своихъ учениковъ, ставятъ предъ ними цѣль

духовную, пріобрѣтеніе званія несравненной нравственной высоты, обставленнаго униженіемъ и бѣдностію... такъ въ глазахъ дѣтей духовнаго сословія; поэтому большинство изъ нихъ, лишенное призванія, стремится къ переходу въ учебныя заведенія свѣтскія, сулящія чины и богатые оклады. Но въ глазахъ крестьянина бѣдность сельскаго священника есть богатство, возможность удовлетворить той духовной жаждѣ, которая не по днямъ, а по часамъ растетъ въ его темной средѣ— удѣлъ святой и высокій. Даже должность причетника многимъ кажется выгодною и почетною.

Наплывъ въ наше духовенство элементовъ не сословныхъ составляетъ настоятельную потребность нашей церкви. Прежде всего этого наплыва слѣдуетъ ожидать со стороны крестьянства. Помочь этому движенію прежде всего должна сельская школа. Но не мѣшало бы и нашимъ земствамъ содѣйствовать ему основаніемъ стипендій при духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ.

Кончаю слишкомъ длинный рядъ этихъ безсвязныхъ замѣтокъ, неосторожно предпринятыхъ мною среди иныхъ трудовъ, исключающихъ возможность тщательной литературной работы. Благодарю благосклоннаго читателя, имѣвшаго терпѣніе слѣдить за мною до конца. Не ошибаюсь, предполагая въ немъ сочувствіе къ моему дѣлу, сознаніе его трудностей. Поэтому обращаю къ нему, лично къ нему, мое послѣднее слово, ибо его, какъ и меня, тревожатъ глубокіе вопросы, слишкомъ бѣгло затронутые мною по поводу сельской школы. Обращаюсь именно къ нему, ибо отъ него, отъ каждаго изъ насъ, а не отъ правительственныхъ учрежденій зависитъ рѣшеніе этихъ тревожныхъ вопросовъ.

Дѣло народной школы шире и глубже, чѣмъ всякая иная общественная дѣятельность. Для того, чтобы осилить его, намъ нужно совершить внутренній подвигъ. Нужно намъ выйти изъ того лабиринта противорѣчій, въ который завела насъ вся наша внутренняя исторія новаго времени — совмѣстное расширеніе нашего умственнаго горизонта и съуженіе кругозора духовнаго, совмѣстное развитіе у насъ европейской культуры и крѣпостнаго права. Внѣшній узелъ разрубленъ. Пора разрѣшить внутренній.

Достаточно мы жаловались на то взаимное непониманіе, на то полное отчужденіе, ту бездну, которая отдѣляетъ у насъ массу народа отъ образованныхъ его слоевъ и тормозитъ всѣ отправленія нашей будничной жизни, поражая безсиліемъ всѣ наши благія начинанія, направленныя къ ея устройству. Достаточно оплакивали мы тотъ роковой разрывъ, который составляетъ суть нашей внутренней исторіи новаго времени и однако не мѣшалъ въ великія минуты этой исторіи нашему полному единенію. Пора намъ вспомнить, что у насъ подъ ногами есть общая почва, и твердо и сознательно стать на нее. Пора сознать, что настало время взаимодѣйствія, благотворнаго для обѣихъ сторонъ, не того мгновеннаго, случайнаго взаимодѣйствія и единенія, которое вызывается событіями чрезвычайными, а взаимодѣйствія постояннаго, ежедневнаго. Почва этого взаимодѣйствія, этого единенія — церковь; орудіе его — школа, и по преимуществу—школа сельская.

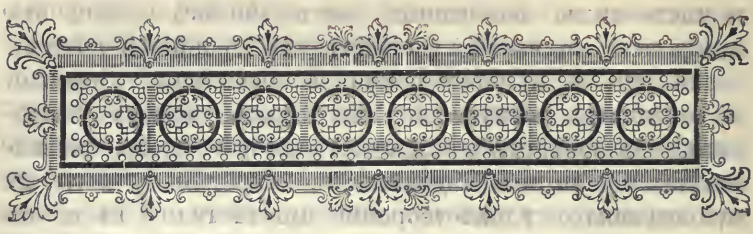
Нельзя упрекнуть наше образованное общество въ равнодушіи къ матеріальнымъ нуждамъ меньшей братіи. Въ этомъ отношеніи оно не отстало отъ правительства. Стоитъ вспомнить освобожденіе крестьянъ, исторію нашего земства, обратить вниманіе на весь тонъ нашей текущей литературы, чтобы въ этомъ убѣдиться. Сдѣ-

лано многое, готовится большее. Если эти заботы нашего образованнаго общества до сихъ поръ не повели къ его сближенію съ нуждающеюся духовно и вещественно массою, къ лучшему взаимному пониманію и единенію, то это именно потому, что онѣ до сихъ поръ почти исключительно были направлены на удовлетвореніе нуждъ матеріальныхъ. Касались эти заботы и народнаго образованія, но опять-таки преимущественно съ точки зрѣнія народнаго благосостоянія, а не внутренняго просвѣщенія народа. Мы какъ бы отмежевали для себя область интересовъ духовныхъ—умственныхъ, нравственныхъ и художественныхъ, въ молчаливомъ предположеніи, что въ этихъ сферахъ у насъ съ народомъ единенія быть не можетъ. Въ этомъ-то высокомѣрно-доброжелательномъ отношеніи нашемъ къ народу—вся наша бѣда. Насъ болѣзненно поражаютъ въ нашихъ крестьянахъ неизбѣжные слѣды прошлаго, и мы не замѣчаемъ, что мы сами остались благодѣтельными помѣщиками временъ крѣпостнаго права.

Нѣтъ, именно въ этой забытой нами области, въ сферѣ интересовъ духовныхъ, возможно то единеніе, котораго мы тщетно ищемъ въ сферѣ матеріальной. Надъ всѣми неравенствами, созданными исторіею, царитъ великое равенство передъ Богомъ. Сознать это равенство, терпѣливо, упорно бороться противъ всего, что затемняетъ его, противъ невѣжества массъ, въ которомъ мы сами виновны, противъ собственнаго высокомѣрія, отнимающаго у насъ и то, что съумѣли сохранить эти темныя массы, это—долгъ всякаго мыслящаго христіанина, долгъ, грозно напоминаемый намъ обстоятельствами настоящаго времени.

Итакъ, мой благосклонный читатель, загляните въ ту сельскую школу, которая у васъ подъ руками. Вы ей нужны, и она вамъ нужна. Помогите ей по мѣрѣ

вашихъ силъ. Въ девяти случаяхъ изъ десяти она нуждается во всемъ, начиная отъ грошевой помощи чернилами и бумагою и кончая тысячами, нужными на ея вѣчное обезпеченіе. Но дороже всякихъ матеріальныхъ пожертвованій будетъ доброе слово, сказанное вами учащимъ и учащимся, искреннее участіе къ ихъ трудамъ, къ ихъ нуждамъ духовнымъ. Говорю это по опыту. Много денегъ, по незнанію, по легкомыслію, истратилъ я безплодно. Всякое евангельское слово, сказанное съ любовію, въ сознаніи моего безсилія, принесло плодъ сторицею.



НАРОДНОЕ ИСКУССТВО И СЕЛЬСКАЯ ШКОЛА *).

I.

Съ нѣкотораго времени наши газеты и журналы повидимому сильно озабочены вопросомъ о народномъ искусствѣ, объ удовлетвореніи эстетическихъ потребностей полуграмотной и безграмотной массы, имѣющей столь громадный численный перевѣсъ надъ нашимъ полуобразованнымъ и образованнымъ обществомъ.

Въ добрый часъ! Эти заботы своевременны. Но, къ сожалѣнію, онѣ начинаются не съ того конца. Сводятся онѣ почти исключительно къ толкамъ о необходимости народнаго театра — театра по цѣнамъ и репертуару доступнаго всѣмъ и каждому.

Значеніе театра громадно. Драматическое искусство — цвѣтъ человѣческаго искусства, отрѣшеннаго отъ цѣлей практическихъ. Въ эпохи великаго творчества, въ эпохи Софокловъ и Шекспировъ, Мольеровъ и Шиллеровъ, оно составляетъ могучій элементъ нравственнаго

*) *Русь*, 1882 г., №№ 40—42.

и умственнаго воспитанія, даетъ обильную, здоровую пищу всенароднымъ художественнымъ потребностямъ.

Но таково ли наше время? Таково ли наше русское драматическое искусство? Увы! у насъ, какъ и въ другихъ образованныхъ странахъ міра, есть прекрасные актеры. Но не эстетическихъ наслажденій, не высшаго нравственнаго удовлетворенія ищетъ толпа въ современномъ театрѣ, а нервныхъ раздраженій и пошлой забавы. Типическія явленія этого театра—Сара Бернаръ, два раза въ день умирающая на сценѣ въ конвульсіяхъ, заученныхъ въ госпиталяхъ, и грязноватая оперетка Оффенбаховскаго стиля.

За неимѣніемъ геніальныхъ драматурговъ театръ есть рабъ полуобразованной толпы. Театръ, ставящій себѣ задачею воспроизводить великія творенія всѣхъ временъ и народовъ, обреченъ на денежные убытки, ибо требуетъ первоклассныхъ силъ и привлекаетъ лишь избранную публику. Такіе театры существуютъ въ столицахъ образованнаго міра. Таковыми должны бы быть и наши Императорскіе театры. Такіе театры, пожалуй, можно назвать народными въ томъ отношеніи, что высочайшія произведенія драматическаго искусства, при образцовомъ исполненіи, становятся доступными всѣмъ и каждому. Ничто при этомъ условіи не можетъ быть популярнѣе *Гамлета* и *Скупаю, Донъ-Жуана* и *Жизни за Царя*. Но совершенство—дорого и рѣдко. Такія высокохудожественныя учрежденія, какъ парижская «Comédie Française» и нѣкоторыя германскія «Hofbühnen» остаются безъ всякаго непосредственнаго вліянія на массы. Ничего подобнаго Россія не имѣетъ и долго имѣть не будетъ по крайней малочисленности нашего истинно образованнаго общества, и если бы имѣлись такіе театры въ Москвѣ и Петербургѣ, мечтать о значеніи ихъ для всего Русскаго народа было бы просто смѣшно.

Что же касается до того театра, который удовлетворяетъ эстетическимъ вкусамъ нашей столичной интеллигенціи, который, въ формѣ пряныхъ шансонетокъ и пошлыхъ комическихъ разсказовъ, простираетъ свое вліяніе далеко за предѣлы правильной сцены, то да избавитъ Богъ нашъ народъ отъ всякаго съ нимъ соприкосновенія!

Нѣтъ, не въ сферѣ отрѣшеннаго искусства нужно искать удовлетворенія эстетическихъ потребностей народа, а въ сферѣ его практическихъ нуждъ, въ сферѣ его обыденной жизни.

Русскій народъ—народъ глубоко вѣрующій, и первая изъ его практическихъ потребностей, на ряду съ удовлетвореніемъ нуждъ тѣлесныхъ, есть общеніе съ Божествомъ. Эта потребность, источникъ и условіе всякаго человѣческаго искусства, прежде всего должна быть удовлетворена, и можетъ быть удовлетворена лишь при помощи искусства. Не театръ ему нуженъ, а церковь, достойная своего высокаго назначенія, а школа, раскрывающая передъ нимъ сокровища церкви.

Глохнутъ и гаснутъ въ народѣ народная пѣсня, народная сказка, эти живучіе отголоски иной вѣры, иного міросозерцанія. Уже нужны чуткій слухъ художника, зоркій трудъ ученаго, чтобы уловить и спасти отъ забвенія ихъ драгоцѣнные обломки. Среди тягостнаго однообразія сѣрой, трудовой жизни, среди лжи и пошлости, вѣющей отъ полуобразованнаго слоя сельскаго населенія, гдѣ просвѣтъ для души нашего крестьянина, гдѣ отзывъ на тѣ стремленія, которыя лежатъ на днѣ этой души, составляютъ существеннѣйшую ея суть? Въ церковномъ праздникѣ, приносящемъ ему полуискаженный отголосокъ дивнаго древняго напѣва; въ баснословномъ, но согрѣтомъ вѣрою, разсказѣ темнаго странника; въ долго откладываемомъ, наконецъ

удавшемся походѣ въ дальній монастырь, гдѣ его молитва обрѣтаетъ достойные ея звуки, укрѣпляющую ее обстановку, гдѣ онъ видѣлъ, увы! лишь призракъ истинно христіанской жизни, и еще—все чаще и чаще нынѣ—въ долгихъ чтеніяхъ, при свѣтѣ лучины, въ безконечные зимніе вечера — Священнаго Писанія или Житій Святыхъ...

И если въ настоящее время, въ минуты пробужденія въ нашемъ народѣ сознательнаго христіанства, соперникомъ церкви является кабакъ; если пьяный разгулъ слишкомъ часто заглушаетъ въ немъ всякое движеніе духа; если въ этой борьбѣ не произойдетъ скорый, рѣшительный поворотъ,—то вѣчный позоръ всѣмъ намъ, людямъ досуга и достатка, мысли и знанія, печатнаго слова и правительственной власти! Позоръ и проклятіе нашему мертвому образованію, нашей праздной болтовнѣ, нашей духовной пустотѣ и безсилію!

Совершенно правы поборники народнаго театра, усматривая связь между народнымъ пьянствомъ и отсутствіемъ у народа духовной пищи, умственной и художественной. Но странно искать врачеваніе для болѣзней воли въ пассивномъ воспріятіи возбуждающихъ впечатлѣній. Всякое *дѣйствительно* общедоступное зрѣлище, искусственно устроенное, роковымъ образомъ сводится къ типу византійскихъ ристалищъ, испанскаго боя быковъ — или парижскаго café chantant *). Къ такимъ возбужденіямъ пріучать массы легко, но далеко не желательно, и противодѣйствовать пьянству они не могутъ. Помочь тутъ можетъ не это опасное палліативное средство, а развѣ, въ числѣ другихъ условій,

*) Естественный, дѣйствительно народный театръ можетъ возникнуть лишь властью генія изъ элементовъ народныхъ.

скромная, но постоянная и благоговѣйная *дѣятельность*, умственная и художественная.

Такой дѣятельности открываетъ широкій просторъ наша церковь для всякаго человѣка, получившаго дѣйствительное, а не мнимое элементарное образованіе, возможное въ русской сельской школѣ. Эта дѣятельность заключается въ церковномъ чтеніи и пѣніи.

Церковное чтеніе есть искусство, имѣющее свои преданія, свои неписанные законы, искусство, требующее и природнаго таланта, и многолѣтняго упражненія, искусство, которое можетъ быть доведено до высокой степени совершенства, самое популярное изъ искусствъ. Руководители въ этомъ искусствѣ разсѣяны повсюду, въ лицѣ хорошихъ сельскихъ священниковъ и причетниковъ, въ лицѣ благочестивыхъ любителей; оно процвѣтаетъ въ нашихъ монастыряхъ, въ извѣстныхъ городахъ и епархіяхъ. Образовательное вліяніе его громадно. Хорошее церковное чтеніе предполагаетъ полное пониманіе читаемаго, т. е. съ формальной стороны усвоеніе цѣлой системы сложныхъ и смѣлыхъ конструкцій, съ внутренней — цѣлаго міра высокой поэзіи и глубокаго богословскаго мышленія. Вспомнимъ громадное содержаніе хотя бы однихъ паримій, апостоловъ и каноновъ Страстной седмицы. Обращаюсь къ суду людей невѣрующихъ, но искреннихъ, но знающихъ то, о чемъ я говорю. Тотъ, кто *это* понялъ, кто *это* прочувствовалъ, тотъ, кто своимъ чтеніемъ довелъ до сознанія безграмотныхъ слушателей хотя бы десятую долю этого вѣскаго содержанія, — можно ли отказать ему въ умственномъ, въ художественномъ развитіи? Можно ли сомнѣваться въ томъ, что ему будетъ, eo ipso, доступно и по содержанію, и по формѣ все, что представляетъ прочнаго, истинно цѣннаго наша свѣтская литература?

Само собою разумѣется, что такого развитія не можетъ дать наша сельская школа. Она только ведетъ къ нему, кладетъ ему основу, и это—оставаясь въ предѣлахъ своей элементарной программы, добросовѣстно исполненной. Не знаніями, по необходимости крайне скудными, которыя можетъ она сообщить, сильна наша сельская школа, но пріобрѣтаемыми въ ней умѣніями, дающими средства къ дальнѣйшему, внѣшкольному развитію; не нашими измѣнчивыми взглядами на цѣли и объемъ преподаванія, но яснымъ и твердымъ взглядомъ на эти вопросы самого народа.

Я не сочиняю, не придумываю, а говорю на основаніи долгихъ наблюденій. Нѣтъ, не къ газетѣ и театру, какъ во Франціи, тяготѣетъ нашъ грамотный народъ, а къ церкви и книгѣ, и въ этомъ залогъ его будущаго духовнаго развитія—здороваго и прочнаго.

Но еще болѣе широкій просторъ истинно народной художественной дѣятельности даетъ церковное пѣніе. Въ немъ можетъ участвовать всякій, кто обладаетъ хотя бы самыми ограниченными голосовыми средствами, хотя бы самою посредственною музыкальною способностію. Эти задатки, столь распространенные въ нашемъ народѣ, совершенно недостаточные для одиночной художественной дѣятельности, въ хоровомъ пѣніи пріобрѣтаютъ глубокій смыслъ, высокую цѣну, даютъ доступъ къ высшимъ сферамъ человѣческаго искусства.

Есть ли надобность передъ людьми, обладающими хоть тѣнью музыкальнаго чутья, настаивать на несравненной красотѣ нашихъ древнихъ церковныхъ напѣвовъ? Есть ли нужда читателю, хотя сколько-нибудь знакомому съ нашимъ богослуженіемъ, напоминать о ихъ неисчерпаемомъ разнообразіи? Тому, кто окунулся въ этотъ міръ строгаго величія, глубокаго озаренія всѣхъ движеній человѣческаго духа, тому доступны

всѣ выси музыкальнаго искусства, тому понятны и Бахъ, и Палестрина, и самыя свѣтлыя вдохновенія Моцарта, и самыя мистическія дерзновенія Бетховена и Глинки *).

Но считаю не лишнимъ присовокупить слѣдующее замѣчаніе. Наша оффиціальная педагогика, допуская въ школѣ церковное пѣніе, рядомъ съ нимъ ставитъ, съ особою настойчивостію, пѣніе свѣтское, пѣніе искаженныхъ для школъ пѣсенъ народныхъ и цѣлой литературы, весьма низкопробной, искусственныхъ дѣтскихъ пѣсенокъ. Весь этотъ хламъ безусловно нужно выбросить за бортъ. Все это дѣти съ удовольствіемъ споютъ въ школѣ, ибо всякая правильная послѣдовательность трезвучій имѣетъ для нихъ прелесть новизны. Но все это лишь портитъ ихъ вкусъ и за предѣлы школы не выходитъ. Народная пѣснь, измѣненная въ своемъ напѣвѣ, ради чуждой ея характеру гармонизаціи, перестаетъ быть народною. Пѣсни, заученныя въ школѣ, дома не поются, — и слава Богу. Достойная четырехголосная гармонизація нашихъ народныхъ напѣвовъ— дѣло будущаго. Пока плодотворно и жизненно въ школѣ—лишь пѣніе церковное **).

„Служенье музъ не терпитъ суеты", сказалъ поэтъ. Тѣмъ паче служеніе, принадлежащее развѣ той небесной музѣ, которую призывалъ Тассо:

O Musa, tu, che di caduchi allori
Non cincondi la fronte in Elicona;

*) Мнѣ случилось проиграть (на фортепіано) мальчикамъ, не знавшимъ иной музыки, кромѣ церковной, цѣлую музыкальную хрестоматію. Одобренія ихъ удостоились только отрывки изъ *Донъ-Жуана* и изъ *Passions-musik* Баха. Впослѣдствіи пониманіе ихъ расширилось.

**) Во время похода моей школы въ Нилову пустынь, учениковъ въ деревняхъ безпрестанно просили пѣть молитвы. Никто не просилъ ихъ спѣть пѣсенку.

Ma su, nel ciel, fra i beati cuori
Hai di stelle immortali aurea corona *).

А попытайтесь-ка объяснить это нашимъ записнымъ педагогамъ!

Но и внѣ педагогическаго міра, обладающаго, такъ сказать, оффиціальною привиллегіей непониманія, многимъ могутъ показаться неумѣстными и странными эти толки о высшихъ сферахъ искусства по поводу нашей темной мужицкой школы. Постараюсь, въ мое оправданіе, войти въ слѣдующей моей замѣткѣ въ нѣкоторыя ближайшія подробности.

Пока ограничусь напоминаніемъ, что эти строки пишутся не литераторомъ, а школьнымъ учителемъ, не въ кабинетѣ столичной редакціи, а въ сельской школѣ, въ которой пишущій проводитъ всю свою жизнь.

II.

Въ оправданіе того громаднаго художественнаго и образовательнаго значенія, которое я придаю нашему церковному пѣнію, напомню прежде всего о неисчерпаемомъ богатствѣ художественнаго матеріала, коимъ оно располагаетъ.

Кругъ нашихъ церковныхъ пѣснопѣній далеко не исчерпывается тѣми мелодіями, которыя изложены въ нотныхъ изданіяхъ Святѣйшаго Синода, тѣми многочисленными обработками и самостоятельными духовно-музыкальными сочиненіями, которыя имѣются въ пе-

*) О Муза, ты, которая тлѣнными лаврами не осѣняешь чела на Геликонѣ, но на небѣ, среди блаженныхъ хоровъ, имѣешь изъ безсмертныхъ звѣздъ золотую корону.

чати. Все это составляетъ лишь малѣйшую долю нашего живаго, дѣйствительнаго богатства. Нашъ богослужебный кругъ живетъ въ цѣломъ рядѣ мѣстныхъ, возникшихъ въ разное время *распѣвовъ,* отличающихся одинъ отъ другаго не только характеристическими видоизмѣненіями общихъ всѣмъ основныхъ мелодій, но обладающихъ каждый самостоятельными напѣвами для изустныхъ церковныхъ текстовъ. Характеръ этихъ напѣвовъ, какъ и характеръ нашей церковной архитектуры, представляетъ дивное сліяніе элементовъ заимствованныхъ, вмѣстѣ съ христіанствомъ, изъ Греціи и элементовъ чисто-русскихъ, народныхъ.

Ни одинъ изъ этихъ мѣстныхъ распѣвовъ не изданъ вполнѣ *), ни одинъ не переложенъ достойнымъ образомъ на четыре голоса. Всего болѣе въ этомъ отношеніи сдѣлано для распѣва *придворнаго,* распѣва искусственнаго, своднаго, возникшаго въ Императорской пѣвческой капеллѣ изъ сліянія и взаимодѣйствія мѣстныхъ напѣвовъ, занесенныхъ въ Петербургъ изъ всѣхъ краевъ Россіи пѣвчими придворнаго хора. Гармонизація придворной капеллы, распространяемая путемъ печати, имѣетъ громадное значеніе, какъ единственный сборникъ четырехголосныхъ церковныхъ пѣснопѣній, удовлетворяющій главнѣйшимъ практическимъ нуждамъ богослуженія. Но этотъ сборникъ оставляетъ желать многаго и относительно полноты, и относительно доступности голосовымъ средствамъ скромнаго церковнаго хора. На практикѣ онъ постоянно пополняется заимствованіями изъ мѣстныхъ распѣвовъ, вставками изъ твореній нашихъ извѣстныхъ композиторовъ и еще чаще изъ безыменныхъ твореній, массами распространяющихся въ рукописи изъ нашихъ пѣвческихъ хоровъ,

*) Нынѣ приступлено къ такому изданію распѣва Московской епархіи.

архіерейскихъ и монастырскихъ. Эти творенія—по большей части не что иное, какъ четырехголосныя переложенія, болѣе или менѣе удачныя, любимыхъ мѣстныхъ напѣвовъ. Тѣмъ же путемъ распространяются нерѣдко сочиненія чисто искусственныя, лишенныя церковнаго характера, единственное достоинство коихъ — легкая исполнимость.

Итакъ, въ области нашего церковнаго пѣнія мы имѣемъ дѣло не съ мертвымъ капиталомъ, завѣщаннымъ намъ минувшими вѣками, а съ живымъ творческимъ процессомъ *), постоянно поддерживаемымъ настоятельною практическою потребностію въ стройномъ, осмысленномъ, возвышающемъ душу богослуженіи. Эта потребность, издавна сильная въ центрахъ гражданской и церковной жизни, въ городахъ и монастыряхъ, нынѣ, съ распространеніемъ грамотности, съ умственнымъ и духовнымъ пробужденіемъ массы, распространяется въ ширь и глубь и неминуемо должна вызвать въ нашемъ музыкальномъ искусствѣ новыя направленія, новую, усиленную дѣятельность.

Если мы постараемся опредѣлить въ самыхъ общихъ чертахъ тѣ причины, которыя за послѣдніе два вѣка имѣли рѣшающее вліяніе на видоизмѣненіе нашихъ церковныхъ напѣвовъ, то на первомъ мѣстѣ мы несомнѣнно должны упомянуть о распространеніи у насъ музыки западной, пріучившей нашъ слухъ къ сложной полифоніи въ двухъ ладахъ (*дуръ* и *молль*), на Западѣ вытѣснившихъ всѣ прочіе. Но наши церковные напѣвы, какъ и древніе напѣвы Запада, создались не въ этихъ ладахъ, а въ ладахъ *церковныхъ*, соотвѣтствующихъ осьми *гласамъ* нашего Октоиха. Въ то время, когда

*) Нѣкоторые распѣвы, какъ Успенскій, Симоновскій, возникли въ самое недавнее время.

многоголосное церковное пѣніе сдѣлалось у насъ общею потребностію, гармонизація въ этихъ ладахъ на Западѣ уже вышла изъ употребленія, и вмѣстѣ съ широкимъ примѣненіемъ полифоніи въ наше церковное пѣніе вторглись западные лады. Едва ли мы ошибемся, если вліянію этихъ ладовъ припишемъ особенности распѣва Кіевскаго, всего легче поддающагося гармонизаціи въ этихъ ладахъ. Несомнѣнно, что имъ опредѣлился характеръ распѣва придворнаго. То же вліяніе продолжаетъ дѣйствовать на все наше церковное пѣніе. Все, что написано нашими композиторами для церкви, написано въ ладахъ западныхъ. Слѣды полифоніи въ ладахъ церковныхъ сохранились лишь въ нѣкоторыхъ монастыряхъ. Мы давно привыкли подъ осьмью *гласами* разумѣть не восемь самостоятельныхъ ладовъ, а восемь характеристическихъ мелодій, движущихся въ гаммахъ *дуръ* и *молль*. Между тѣмъ истинное осьмигласіе сохранилось у насъ въ унисонномъ пѣніи и имѣетъ свою, весьма элементарную, традиціонную полифонію.

Итакъ, наше церковное пѣніе доказало свою жизненность, приспособивъ свои мелодіи къ гармоническимъ требованіямъ ладовъ западныхъ и тѣмъ усвоивъ себѣ всѣ музыкальныя средства и пріемы современнаго искусства, а между тѣмъ сохранило въ неизмѣнномъ видѣ, въ живомъ употребленіи, и свои древніе напѣвы, требующіе гармонизаціи иной, въ ладахъ церковныхъ.

Въ такой-то гармонизаціи чувствуется нынѣ настоятельная потребность. Сознаніе ея необходимости давно проникло въ наши музыкальныя сферы. Безсмертный Глинка посвятилъ послѣдніе годы своей жизни изученію нашихъ церковныхъ напѣвовъ и церковныхъ ладовъ, и лишь преждевременная смерть помѣшала ему совершить въ нашей церковной музыкѣ благотворный поворотъ, равносильный тому, который совершилъ онъ въ

нашей музыкѣ свѣтской. Сохранились интересныя его попытки на этомъ поприщѣ *). Послѣ него покойный Потуловъ издалъ обиходную литургію, въ четырехголосной гармонизаціи, строго церковной. Эта добросовѣстная работа не имѣла успѣха, потому что ея авторъ, болѣе теоретикъ, чѣмъ художникъ, не обладалъ тою силою дарованія, которая прокладываетъ дорогу новымъ направленіямъ въ искусствѣ. Въ настоящее время вниманіе къ этому дѣлу вновь возбуждено въ средѣ самыхъ талантливыхъ нашихъ композиторовъ, и ближайшее будущее принесетъ намъ на этомъ поприщѣ новые плодотворные труды.

Читатели извинятъ это длинное отступленіе. Оно было необходимо, чтобы напомнить имъ весь объемъ музыкальныхъ сокровищъ, коими обладаетъ наша церковь, все громадное развивающее значеніе, которое принадлежитъ нашему церковному пѣнію и въ настоящемъ, и въ будущемъ, всю жизненность этого искусства, единственнаго у насъ, носителемъ котораго является весь народъ, отъ великаго художника, витающаго въ высшихъ сферахъ человѣческаго творчества, до дряхлаго дьячка, свято хранящаго напѣвы, унаслѣдованные отъ отцовъ и дѣдовъ, до полуграмотнаго школьника, впервые съ радостнымъ благоговѣніемъ познающаго дивную силу, даруемую его слабому голосу сочетаніемъ съ другими голосами въ хвалѣ Всевышняго Бога.

Считаю необходимымъ присовокупить еще слѣдующее замѣчаніе. По мнѣнію многихъ авторитетныхъ художниковъ и знатоковъ церковнаго пѣнія, употребленіе въ немъ западныхъ ладовъ есть отступленіе отъ истиннаго характера православнаго пѣснопѣнія, и должно быть

*) Въ книгѣ Разумовскаго о церковномъ пѣніи упоминается литургія Глинки. Почему она не издана?

безусловно замѣнено гармонизаціею въ ладахъ церковныхъ. Позволяю себѣ думать, что это требованіе преувеличено, что художественная дѣятельность послѣднихъ двухъ столѣтій не можетъ быть выкинута изъ исторіи нашего церковнаго пѣнія, что рядомъ съ искаженіями, которыя надлежитъ устранить, она внесла въ его область дѣйствительное обогащеніе. Лучшія сочиненія и переложенія Бортнянскаго и его школы (въ особенности Турчанинова) не могутъ быть исключены изъ сокровищницы нашихъ церковныхъ пѣснопѣній *). Лады западные изъ нея не исчезнутъ. Слѣдуетъ только заключить ихъ употребленіе въ должныя границы, возстановить въ ея правахъ гармонизацію въ ладахъ церковныхъ, естественная область которыхъ несравненно обширнѣе, чѣмъ область ладовъ западныхъ. Опредѣлить, разграничить эти области — дѣло художественнаго чутья, будущей дѣятельности геніальныхъ композиторовъ, — еще болѣе, чѣмъ дѣло музыкальной теоріи. И не на основаніи теоретическихъ соображеній позволяю я себѣ выразить это мнѣніе, а на основаніи практическихъ наблюденій.

Гармонизація въ ладахъ церковныхъ проще, бѣднѣе гармонизаціи въ общеупотребительныхъ западныхъ ладахъ. Но древняя италіанская церковная музыка (школа Палестрины) доказала, какія богатства заключаются въ этой относительной бѣдности, въ этой величавой простотѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что гармоническая разработка

*) Попытаюсь пояснить мою мысль сравненіемъ. Наше церковное зодчество XVII-го вѣка, столь обильно принявшее въ себя элементы западные, можетъ ли считаться мертвою вѣтвію нашего народнаго искусства? Вспомнимъ церкви въ Филяхъ и Московскія церкви Успенія на Покровкѣ и Воскресенья въ Катошахъ, Крутицкія архіерейскія палаты и т. п. Вычеркнемъ ли мы изъ исторіи нашей архитектуры эти западныя гармонизаціи русскихъ мотивовъ?

нашихъ древнихъ церковныхъ напѣвовъ поведетъ къ умноженію этого богатства. Особенно умѣстна, даже необходима, строго-церковная гармонизація для всѣхъ краткихъ, часто повторяемыхъ молитвословій и для напѣвовъ великопостныхъ. Она должна получить самое широкое примѣненіе въ переложеніяхъ, назначенныхъ для скромныхъ сельскихъ хоровъ, ибо церковный напѣвъ, гармонизованный въ церковныхъ ладахъ, и удобопонятнѣе, и легче исполнимъ, и запечатлѣвается въ памяти слушателей въ своемъ чистомъ, первоначальномъ видѣ.

Ограничиваюсь этими бѣглыми намеками на теоретическую сторону дѣла. Они были необходимы, чтобы указать на обширность музыкальной области, раскрываемой передъ нами нашимъ церковнымъ пѣніемъ. Въ слѣдующей замѣткѣ перейду къ сторонѣ практической, къ тѣмъ условіямъ, при которыхъ правильное церковное пѣніе можетъ сдѣлаться общимъ достояніемъ нашихъ приходскихъ церквей, и городскихъ, и сельскихъ.

III.

Условія подъема нашего церковнаго пѣнія, широкаго его распространенія въ формахъ высокихъ и чистыхъ, коренятся въ двухъ сферахъ, до сихъ поръ имѣвшихъ весьма мало соприкосновенія: въ сферѣ нашего высшаго музыкальнаго творчества и въ сферѣ нашей скромной сельской школы.

Русская музыкальная школа обладаетъ несомнѣнною жизненностію. Ея оригинальность, ея творческая энергія признаны музыкальными авторитетами всего міра. Ея самобытная сила заявила себя во всѣхъ музыкальныхъ

формахъ, освященныхъ вѣками, во всѣхъ музыкальныхъ направленіяхъ, возникшихъ въ новѣйшее время. Одна лишь задача оставлена этою школою безъ должнаго вниманія,—а эта задача есть коренная и историческая, кровная задача русской музыки. Она не дала намъ полнаго круга художественныхъ, истинно церковныхъ пѣснопѣній.

Пора подумать о пополненіи этого пробѣла. Вѣрю, что онъ будетъ пополненъ, не смотря на всѣ внѣшнія препятствія. Но и объ этихъ препятствіяхъ, непонятныхъ, обидныхъ, недостойныхъ—стоитъ сказать нѣсколько словъ.

Года четыре тому назадъ, самый талантливый изъ русскихъ композиторовъ, П. И. Чайковскій, издалъ четырехголосную литургію своего сочиненія. И что же? Это радостное музыкальное событіе вызвало цѣлый рядъ непостижимыхъ, оскорбительныхъ скандаловъ. Партитура г. Чайковскаго была запрещена, конфискована. Исполненіе ея въ церквахъ не было допущено.

Для того, чтобы удовлетворить естественному желанію публики ознакомиться съ новымъ твореніемъ любимаго автора, нужно было прибѣгнуть къ концертному исполненію *Литургіи въ полномъ ея составѣ,* исполненію, которое произвело на людей благочестивыхъ самое тягостное впечатлѣніе. Дѣйствительно, это вышло похоже на обѣдню, прерываемую вызовами и рукоплесканіями.

И чѣмъ же заслужила эта несчастная *Литургія* такое усиленное гоненіе? Съ внѣшней стороны, она движется въ оффиціально признанныхъ формахъ школы Бортнянскаго, при употребленіи, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, церковныхъ ладовъ. Съ внутренней — она съ начала до конца проникнута глубокимъ, искреннимъ религіознымъ чувствомъ, съ нѣкоторымъ преобладаніемъ субъективно-элегическаго элемента. Затѣмъ она отли-

чается обычными достоинствами твореній г. Чайковскаго: обиліемъ самобытныхъ мелодій, мастерскимъ голосоведеніемъ, полнымъ отсутствіемъ всякихъ низменныхъ эффектовъ. Вся литургія разсчитана на исполненіе полнымъ, первоклассным хоромъ.

Въ чемъ же заключалась бы опасность, еслибъ литургія г. Чайковскаго была предоставлена самой себѣ? Она была бы исполнена нѣсколько разъ въ столичныхъ церквахъ. Нѣкоторые лучшіе ея нумера продолжали бы исполняться въ нихъ отъ времени до времени. При этомъ наглядно обнаружились бы и всѣ ея достоинства, и всѣ ея недостатки, къ коимъ никто не можетъ быть чувствительнѣе, чѣмъ высоко-талантливая, чуткая натура самого автора, и этотъ опытъ благотворно отразился бы на послѣдующей его творческой дѣятельности.

Г. Чайковскій обладаетъ слишкомъ прочно установившимся музыкальнымъ авторитетомъ, слишкомъ сильно бьетъ въ немъ творческая струя, чтобы могли остановить его подобныя случайныя невзгоды *). Но каково должно быть впечатлѣніе, производимое ими на таланты начинающіе, ищущіе пути? Не равняются ли для нихъ подобные прецеденты—*запрещенію* свободнаго творчества въ области церковнаго пѣнія?

А въ этой области намъ и нужно свободное, обильное творчество, подъ руководствомъ корифеевъ искусства, подъ незамѣтнымъ контролемъ практическаго опыта. Только этимъ опытомъ можетъ быть опредѣлена та мѣра свободы въ пользованіи нашими древними напѣвами, въ отступленіи отъ нихъ, которая совмѣстима

*) О томъ свидѣтельствуетъ еще неизданная его *Всенощная,* въ которой, по журнальнымъ отзывамъ, уже замѣчается поворотъ къ традиціональному характеру церковнаго пѣнія.

съ истинно-церковнымъ характеромъ нашего духовнаго пѣнія. Опасаться при этомъ вторженія въ нашу церковную практику твореній недостойныхъ, характера низкаго и грубаго, рѣшительно нѣтъ поводовъ. Наше духовенство, постоянные посѣтители нашихъ церквей—не театральная публика. Трудно себѣ представить, чтобы музыкальное сочиненіе, могущее произвести соблазнъ, было допущено настоятелемъ церкви до исполненія во время богослуженія, невозможно предположить, чтобы такое исполненіе было повторено. Что касается до вещей просто слабыхъ и пошловатыхъ, къ сожалѣнію, и нынѣ безпрестанно исполняемыхъ нашими пѣвческими хорами, городскими и фабричными, пробавляющимися преимущественно рукописными твореніями безыменныхъ авторовъ, то противъ ихъ распространенія существуетъ одно только средство: дѣльная и строгая гармонизація всего нашего богослужебнаго круга во всѣхъ главныхъ нашихъ мѣстныхъ распѣвахъ. По слухамъ, къ этому громадному, основному труду уже приступили нынѣ нѣкоторые изъ лучшихъ представителей нашего музыкальнаго искусства. Да благословитъ Богъ ихъ начинанія, коими суждено составить эпоху въ исторіи нашего духовнаго пѣнія!

Но повторяю: кромѣ этого, намъ нужно широкое развитіе свободнаго творчества въ области церковной музыки. Лишь свободное возвращеніе нашихъ первоклассныхъ композиторовъ къ духу нашихъ древнихъ церковныхъ пѣснопѣній можетъ вдохнуть жизнь въ наше духовное искусство,—и это возвращеніе совершится неминуемо, какъ только они станутъ лицомъ къ лицу не съ кружками столичныхъ диллетантовъ, а съ массою вѣрующихъ, въ твореніяхъ, предназначенныхъ для повсемѣстнаго распространенія...

Остается мнѣ сказать нѣсколько словъ объ условіяхъ

этого повсемѣстнаго распространенія правильнаго нотнаго многоголоснаго пѣнія. Орудіемъ этого распространенія можетъ служить только и уже начинаетъ служить—сельская школа. Вездѣ, гдѣ учитель мало-мальски знакомъ съ практикою хороваго пѣнія, при церквахъ составляются небольшіе хоры изъ мальчиковъ и юношей, учащихся и учившихся. Результаты, достигаемые при этомъ, по истинѣ замѣчательны, если принять въ разсчетъ тѣ малыя средства, то краткое время, которымъ располагаетъ наша сельская школа. Успѣхъ дѣла обусловливается тутъ, съ одной стороны, музыкальною даровитостью нашихъ крестьянскихъ ребятъ, съ другой, общимъ сочувствіемъ, возбуждаемымъ ихъ пѣніемъ въ церкви. Пѣніе—единственная отрасль обученія, въ которой успѣхи могутъ быть оцѣнены непосредственно даже безграмотными родителями учащихся, возбуждаетъ живой интересъ въ сельскихъ жителяхъ всѣхъ сословій. Учитель, способный устроить въ церкви приличное пѣніе, пользуется громаднымъ преимуществомъ передъ своими собратіями, и на его долю достаются лучшія учительскія мѣста.

Но такихъ учителей пока слишкомъ мало. Пѣніе преподается въ нашихъ учительскихъ семинаріяхъ, и при нихъ составляются хорошіе пѣвческіе хоры. Но при краткости и многопредметности учебнаго курса въ этихъ заведеніяхъ, лишь самые талантливые изъ ихъ воспитанниковъ успѣваютъ пріобрѣсти способность самостоятельно править хоромъ. Преподается оно и въ духовныхъ семинаріяхъ. Но молодые люди, оканчивающіе курсъ въ этихъ заведеніяхъ, занимаютъ учительскія мѣста лишь на краткіе сроки, какъ бы мимоходомъ, въ ожиданіи посвященія, и поэтому не имѣютъ ни времени, ни охоты къ устройству пѣвческихъ хоровъ. Остальные сельскіе учителя лишь по счастливой слу-

чайности могутъ пріобрѣсти знанія и навыки, необходимые для управленія хоромъ.

Въ высшей степени желательно распространить и усилить у насъ средства музыкальнаго образованія и въ частности образованія церковно-музыкальнаго. Для этого, прежде всего, должно быть усилено и возвышено преподаваніе пѣнія въ нашихъ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ. Естественный руководитель пѣнія въ церкви есть священникъ, естественный регентъ на церковномъ клирѣ — псаломщикъ. Но послѣдняго рѣдко удается привлечь даже къ участію въ школьномъ хорѣ, за непривычкою его къ нотному пѣнію, за полнымъ равнодушіемъ его къ изяществу, коему онъ предпочитаетъ—краткость службы *). Между тѣмъ, псаломщикъ-регентъ могъ бы значительно улучшить и матеріальное и общественное свое положеніе. Его труды принесли бы ему и денежное вознагражденіе, отъ прихода и сельскаго начальства, и обезпечили бы за нимъ сочувствіе мѣстнаго общества.

Но независимо отъ того нужны средства музыкальнаго образованія, доступныя самимъ учителямъ. Намъ нуженъ въ каждой губерніи спеціальный разсадникъ регентовъ, при духовной семинаріи или при архіерейскомъ хорѣ, еще лучше—при какомъ-либо значительномъ монастырѣ, твердо хранящемъ преданіе пѣнія истинно-церковнаго. Намъ нуженъ въ каждомъ уѣздѣ опытный регентъ, получающій жалованье отъ земства, который бы лѣтомъ обучалъ мѣстныхъ сельскихъ учителей, а зимою объѣзжалъ сельскія школы, направляя практическую дѣятельность своихъ учениковъ.

*) Смертельный ударъ обиходному пѣнію въ сельскихъ церквахъ нанесло сокращеніе причтовъ, убивъ традиціональное двухголосное пѣніе, возложивъ на единственнаго причетника бремя неудобоносимое. Нынѣ приличное богослуженіе въ селахъ возможно лишь при помощи школы.

Начальный импульсъ и постоянное руководство всему дѣлу, конечно, могла бы дать наша несравненная придворная капелла.

Не могу не замѣтить при этомъ, что широкое распространеніе нотнаго пѣнія должно отразиться самымъ благотворнымъ образомъ на дѣятельности нашихъ композиторовъ. Оно привлечетъ ихъ вниманіе къ задачамъ обще-церковнымъ, истинно народнымъ, пріучитъ ихъ имѣть въ виду не виртуозовъ нашихъ столичныхъ хоровъ, а исполнителей болѣе скромныхъ, не прихотливую публику, посѣщающую концерты музыкальныхъ обществъ, но массу вѣрующихъ, которой желательно предлагать:

Nur ewige und ernste Dinge...

Вотъ наступила осень. Быстро убываютъ размѣры трудоваго дня. Приходитъ къ концу ранняя молотьба обильной благовременной жатвы. Еще недѣля, и закипитъ жизнію затихшая на лѣто школа. Начнутся длинныя вечернія спѣвки, и проба новичковъ, и толки о предстоящихъ праздничныхъ службахъ, и вечернія посѣщенія прежнихъ дорогихъ учениковъ, приходящихъ заучить свою партію, отдохнуть, въ свѣтѣ и теплѣ, за чтеніемъ доброй книги, замѣнить при ребятахъ поющихъ учителей.

Благословенна наша суровая сѣверная природа, полагающая неумолимые предѣлы физическому труду селянина, повелительно призывающая насъ къ дѣятельности духа. Благословенны и долгая осенняя распутица, и безконечныя зимнія ночи, и скромная сельская церковь, собирающая подъ сѣнь свою дѣтей и юношей напоминаніемъ о томъ, что не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ!

ШКОЛЬНЫЙ ПОХОДЪ

ВЪ НИЛОВУ ПУСТЫНЬ *).

Въ сѣверной половинѣ Смоленской губерніи особенно чтится память преподобнаго Нила Столбенскаго. Дни его преставленія (7 Декабря), обрѣтенія его мощей (27 Мая), считаются великими праздниками. Трудно найти въ нашихъ краяхъ пожилаго человѣка, не побывавшаго хоть разъ въ жизни въ Ниловой пустыни. Въ извѣстныя времена года—Великимъ постомъ, раннимъ лѣтомъ—почти изъ каждой деревни отправляются къ Угоднику (по имени его не называютъ) кучки богомольцевъ.

Но въ этихъ богомольяхъ лишь весьма рѣдко принимаютъ участіе дѣти. Смоленская губернія обширна. Пустынь отстоитъ верстъ на сто отъ ея границы; богомольцы дорожатъ временемъ и къ тому же считаютъ долгомъ потрудиться: они совершаютъ переходы, дѣтямъ непосильные, верстъ пятьдесятъ, шестьдесятъ въ сутки, неся притомъ съ собою сухари на дорогу и узелокъ съ чистою одеждою и сапогами. А дѣтки все мечтаютъ

*) *Русскій Вѣстникъ*, 1887 г. Ноябрь и Декабрь.

объ Угодникѣ, о чудесномъ островѣ на водахъ Селигера. Съ верхняго балкона нашей школы, въ однообразномъ горизонтѣ, подымающемся нечувствительно къ водораздѣлу бассейновъ Двины и Волги, виднѣется выемка и въ ней голубая, волнистая даль. Это верховья Волги, это отроги Валдайской возвышенности. Въ ясные и тихіе февральскіе дни, надъ этою далью, на восходѣ солнца, подымается марево. Въ призрачныхъ очертаніяхъ рисуются на небѣ какія-то невѣдомыя колокольни и башни. Что это? Не далекій ли Осташковъ? Ужъ не сама ли Нилова пустынь?

Лѣтъ восемь тому назадъ, мнѣ пришло на мысль сводить моихъ ребятъ въ Нилову пустынь, и я совершилъ это паломничество съ тридцатью учениками. Въ нынѣшнемъ году оно повторилось, и насъ было шестьдесятъ шесть человѣкъ, малыхъ и взрослыхъ. Для подобныхъ предпріятій Татевская школа представляетъ особыя удобства. Существуетъ она двадцать шесть лѣтъ, въ моемъ вѣдѣніи состоитъ тринадцать, и прежніе ея ученики сохраняютъ съ нею самыя тѣсныя связи. Она никогда не закрывается, ибо лѣтомъ въ ней постоянно готовятся къ учительской должности крестьянскіе мальчики, окончившіе курсъ въ школахъ нашего околодка, гостятъ молодые холостые учителя и воспитанники разныхъ учебныхъ заведеній, начавшіе ученіе въ нашихъ школахъ. Весь этотъ штабъ, конечно, при путешествіяхъ съ ребятами оказывается въ высшей степени полезнымъ. Я самъ, несмотря на лѣта и недуги, сохранилъ свое пристрастіе къ пѣшему хожденію, и мой старческій, медленный шагъ (около четырехъ верстъ въ часъ), какъ разъ согласуется съ быстрымъ, но мелкимъ шагомъ ребятъ. Всѣ мы отъ времени до времени испытываемъ потребность стряхнуть съ себя школьную пыль, забыть о признакахъ дѣлимости и о дательномъ само-

стоятельномъ, подышать полною грудью, услышать другое пѣніе, чѣмъ наше собственное, помолиться на досугѣ, съ размышленіемъ о прошломъ, съ думою о будущемъ.

Для обоихъ путешествій мы избрали середину Іюня, ибо тутъ настаетъ, между вывозкою удобренія и началомъ покоса, краткій перерывъ въ лѣтнихъ полевыхъ работахъ, коимъ и принято у насъ пользоваться для хожденія на богомолье. Чудное время! Лѣса еще сохранили всю свѣжесть своей весенней листвы, и въ тѣнистыхъ ихъ закоулкахъ доцвѣтаютъ послѣдніе ландыши; а въ поляхъ уже появляются первые васильки, и надъ сизыми волнами цвѣтущей ржи носятся облака душистой пыли; въ нетронутой травѣ луговъ сіяютъ и рдѣютъ, благоухаютъ и колышатся тысячи едва распустившихся цвѣтовъ; и все это заливаетъ потоками свѣта почти незакатное солнце, ибо ночи нѣтъ: блѣдный пурпуръ заката разгорается въ пурпуровое золото утренней зари. Едва проглядываютъ въ свѣтлой лазури звѣзды ночныя. Есть что-то торжественное, что-то призывное въ этомъ непрерывномъ бдѣніи, въ этомъ могучемъ напряженіи всѣхъ силъ природы; это время безсонныхъ ночей, время широкихъ замысловъ, время порывовъ духа къ высшему свѣту...

„Благословенъ еси, Владыко Вседержителю, просвѣтивый день свѣтомъ солнечнымъ, и ночь уяснивый зарями огненными“...

Словно не подъ небомъ юга, съ глубокимъ мракомъ его ночей, написана эта молитва Василія Великаго, а въ срединѣ сѣвернаго лѣта, когда и днемъ, и ночью насъ будитъ и нудитъ обиліе свѣта и разлитая повсюду ненаглядная красота, и невольно просятся на уста слова другаго великаго поэта:

Die Geisterwelt ist nicht verschlossen,
Dein Sinn ist zu, dein Herz ist todt—

Auf! bade, Schüler, unverdrossen
Die ird'sche Brust in Morgenroth!

Во время втораго нашего похода въ Нилову Пустынь я велъ краткій дневникъ. Вотъ онъ, дополненный на досугѣ еще свѣжими воспоминаніями.

День первый.

Девятаго Іюня, въ день, назначенный для выступленія въ походъ, школа гудѣла, какъ улей, изъ котораго готовится вылетѣть рой. Еще наканунѣ собралось въ ней человѣкъ сорокъ паломниковъ: къ школьной семьѣ присоединились мальчики изъ дальнихъ деревень. Въ теченіе всего утра прибывали со всѣхъ сторонъ новые спутники. Приходили во множествѣ и мальчики, не заявлявшіе прежде своего намѣренія идти съ нами къ Угоднику. Имъ приходилось отказывать, ибо путь предстоялъ по мѣстамъ отчасти малонаселеннымъ и бѣднымъ, въ коихъ прокормленіе большой толпы богомольцевъ могло представлять серьезныя затрудненія. Къ тому же, наученный опытомъ перваго путешествія, я выхлопоталъ себѣ открытый листъ отъ Тверскаго губернатора, въ коемъ значилось около шестидесяти человѣкъ. Дѣло въ томъ, что, восемь лѣтъ тому назадъ, нашъ караванъ приводилъ въ крайнее недоумѣніе полицію. Шествіе толпы ребятъ подъ предводительствомъ плохо одѣтаго барина, пѣніе утреннихъ и вечернихъ молитвъ, располагавшее въ нашу пользу простыхъ обывателей, почему-то представлялось низшимъ чинамъ полиціи нарушеніемъ общественнаго порядка; предъявленіе моего вида, изъ коего явствовала моя ученая степень, лишь усиливало недоумѣнія, и изъ этого происходили весьма тягостныя замедленія.

Къ двѣнадцати часамъ всѣ паломники были въ сборѣ. Послѣднимъ явился Виѳанскій семинаристъ, успѣвшій окончить свои экзамены 6-го Іюня. Къ сожалѣнію, другой семинаристъ и наши *духовные мальчики* (воспитанники Бѣльскаго Духовнаго Училища) еще не были свободны. Имъ обѣщано на будущее лѣто особое паломничество. Въ двѣнадцать часовъ мы сѣли за обѣдъ и затѣмъ принялись закладывать лошадей, укладывать дорожные припасы. Съ нами шли двѣ телѣги съ рогожными верхами и одинъ тарантасъ, заложенный тройкою сборныхъ крестьянскихъ лошадей. Телѣги тотчасъ наполнились узелками ребятъ съ праздничною одеждою и сапогами (на дорогу всѣ надѣли лапти), печенымъ хлѣбомъ (коего мы взяли съ собою пять пудовъ), чайными припасами. Тарантасъ оставленъ пустымъ для больныхъ и утомленныхъ.

Общество наше составилось изъ 46 ребятъ, трехъ возчиковъ, двухъ взрослыхъ пѣвцовъ нашего хора и лѣтней школьной семьи: двѣнадцати молодыхъ учителей и учительскихъ помощниковъ, двухъ живописцевъ и одного семинариста. Всѣ были крестьяне, воспитанники Татевской и сосѣднихъ школъ, кромѣ одного учителя духовнаго званія и двухъ возчиковъ, изъ коихъ одинъ— дѣдъ бывшаго и будущихъ учениковъ; другой — отецъ трехъ милыхъ мальчиковъ, несмотря на разность лѣтъ одновременно поступившихъ въ школу. Мальчики эти (vulgo Потапята) носятъ также названія Рувима, Иссахара и Веніамина. Третій возчикъ, Тимоѳей — бывшій ученикъ и басъ нашего хора. Вмѣстѣ съ нимъ посадили на козлы телѣги крошечнаго горбунка Тимошу, которому пѣшкомъ не дойти. Для него это путешествіе — неожиданное счастіе. Не чаялъ онъ когда-либо добраться до Угодника.

Наконецъ все готово. Мы всѣ отправляемся въ цер-

ковь служить молебенъ о путешествующихъ. Еще наканунѣ вечеромъ мы прочли вслухъ, съ раздѣленными ролями, прекрасный чинъ этого молебна. И сегодня, въ высокой, прохладной церкви, подъ гулкими сводами съ голосниками, съ удвоенною силою, какъ бы съ углубленнымъ смысломъ раздаются тѣ же трогательныя моленія, тѣ же вѣскія чтенія. Нашъ отецъ Петръ служитъ художественно. Никто такъ величаво и просто, съ такимъ сокрушеніемъ и надеждою не глаголетъ колѣнопреклонныхъ молитвъ. Молебенъ кончился. Мы прощаемся съ школьными бабушками (древнею старухою, доживающею свой вѣкъ въ школѣ, и ея уже старою дочерью, нашею стряпухою) и прямо изъ церкви, не заходя въ школу, пускаемся въ путь.

Погода съ утра стояла пасмурная и тихая. Во время молебна пошелъ довольно сильный дождь. Когда мы вышли изъ церкви, еще былъ слышенъ его удаляющійся шумъ, еще падали отдѣльныя крупныя капли. Но надъ нами уже разорвалася сѣрая дымка и быстро рѣдѣла, а за нею показывалось голубое небо и другія тучи, величаво и рѣзко очерченныя. Даль уже пестрѣла полосами, ярко озаренными солнцемъ.

Съ лѣсистой горы, на которой стоитъ Татевская школа, дорога, между двумя стѣнами высокой ржи, спускалась къ деревнѣ Демидову, затѣмъ еще ниже, къ мельницѣ Пузанихѣ, на рѣкѣ Березѣ, составляющей границу Смоленской губерніи и Тверской. Береза въ верхнемъ своемъ теченіи — лѣнивая рѣчка, ползущая по глубокой, отлогой долинѣ, между лугами и кустарниками. За нею дорога постепенно возвышается. Изъ первой деревни Тверской губерніи — Макарова — прекрасный видъ на Татево. Надъ луговою полосою, бѣгущею вдоль Березы, возвышается гора съ высокими рощами, съ бѣлою церковью, и около нея—неправильная

сѣрая масса училища. Картинка эта, постепенно уменьшаясь въ размѣрахъ, провожаетъ насъ на протяженіи двѣнадцати верстъ, ибо мы постепенно поднимаемся, переходя изъ деревни въ деревню. На насъ съ любопытствомъ глазѣютъ мальчишки и бабы; собаки, не смѣя напасть на столь многочисленное войско, прячутся въ подворотни; коровы и овцы въ ужасѣ разбѣгаются передъ нами. Наконецъ, мы достигаемъ деревни Бѣликова, самаго высокаго пункта нашего сегодняшняго перехода. Отсюда видны и Татево, и село Егорье, родина епископа Николая, апостола Японіи, и высокія рощи, окружающія Меженинку, нашъ первый ночлегъ. Направо отъ дороги возвышается отлогая Шалаевская гора, единственное возвышеніе на Татевскомъ горизонтѣ, гора, очевидно, высокая, ибо она видна на разстояніи тридцати верстъ и болѣе. Широко раскинулась передъ нами голубая, неоглядная даль, манившая насъ изъ Татева, ибо мы стоимъ на самомъ водораздѣлѣ, и передъ нами разстилается бассейнъ Волги. Между тѣмъ, сѣрая дымка, покрывавшая небо, окончательно растаяла. Надъ нами чистая лазурь. Но со всѣхъ сторонъ на небосклонѣ темныя грозовыя тучи, и на нихъ ярко выступаютъ залитыя солнцемъ верхушки деревъ. Становится жарко. Теплый вѣтерокъ волнуетъ сизые колосья ржи и гонитъ надъ ними тонкія облака цвѣточной пыли. Надъ нами заливаются невидимые жаворонки. Ребята завалили телѣги своею верхнею одеждою и идутъ въ однѣхъ рубашкахъ. Они идутъ слишкомъ скоро, забѣгаютъ впередъ. Ихъ манитъ и нудитъ эта лазурная даль. Въ ея убѣгающихъ планахъ то и дѣло мелькаетъ далеко-далеко темный профиль деревянной церкви, верхушка бѣлокаменной колокольни, и снова тонетъ въ синѣющихъ на горизонтѣ лѣсахъ. Со своего облучка нашъ горбунокъ смотритъ впередъ своимъ глубокимъ,

отрѣшеннымъ взоромъ, словно видитъ что-то, что намъ недоступно...

Мы постепенно спускаемся въ долину Витки, главнаго притока Березы. Насъ дразнятъ своею кажущеюся близостью Меженинскія рощи, синеватыми массами возвышающіяся надъ болѣе близкими перелѣсками.— Сколько верстъ до Меженинки? — Десять, восемь, семь... — Да, помилуйте, вотъ она, Меженинка — рукой подать!—Глазамъ-то видно, отвѣчаетъ мудрый дѣдъ въ деревнѣ Корелкѣ,—да ногамъ обидно. Не разъ, во время нашего путешествія, приходилось намъ припоминать это изреченіе. Версты отъ Татева до Меженинки немѣряныя. По *краткому* пути, избранному нами, ихъ считаютъ восемнадцать, но будетъ добрыхъ 25.

Небо становится все живописнѣе и тревожнѣе. Даль мѣстами исчезаетъ за сѣрою занавѣскою дождя; на тучахъ появляются клочки радуги. Массивныя облака то застилаютъ солнце, то разступаются надъ нами. Раскаты грома, шумъ отдаленнаго града... То здѣсь, то тамъ яркія полосы свѣта на верхушкахъ лѣса, на изумрудной зелени овса. Но и онѣ потухаютъ: съ юга ползетъ синяя, сплошная туча. Но вотъ и послѣдняя деревня, вотъ усадьба батюшки, вотъ церковь и, рядомъ съ нею, гостепріимная Меженинская школа. Зашумѣли крупныя, рѣдкія капли. Едва успѣли всѣ ребята столпиться подъ навѣсъ крыльца, и дождь хлынулъ, какъ изъ ведра.

Меженинская церковь деревянная, но весьма удобная: просторная, свѣтлая и теплая. Построена она лѣтъ тридцать тому назадъ, моимъ дядею, но лишь лѣтъ двѣнадцать тому назадъ удалось создать около нея самостоятельный приходъ, по мѣстнымъ условіямъ необходимый. Первымъ священникомъ въ ней былъ бывшій Татевскій учитель, человѣкъ прекрасный, къ сожалѣнію преждевременно умершій. Тутъ же при цер-

кви была устроена школа. Школа эта, до прошлаго лѣта, влачила жалкое существованіе. Учитель (изъ духовнаго званія), человѣкъ усердный и способный, страдалъ запоемъ. Но онъ былъ обремененъ многочисленнымъ семействомъ, не разъ пытался исправиться, и добрый батюшка скрывалъ отъ меня размѣры зла. Число учениковъ вертѣлось около тридцати, и школа не пользовалась сочувствіемъ окрестнаго населенія, несмотря на удовлетворительные успѣхи учениковъ въ чтеніи и письмѣ. Учитель не былъ пѣвцомъ, и церковное пѣніе у него не процвѣтало.

Годъ тому назадъ Меженинская школа подверглась коренному преобразованію. Въ Меженинку возвратились на постоянное жительство ея владѣльцы, и руководство школою приняла на себя С. Н. Р.—женщина, одаренная рѣдкими педагогическими способностями. Прежній учитель замѣненъ однимъ изъ юныхъ воспитанниковъ Татевской школы, нашимъ дорогимъ Михеюшкою. Сама С. Н. взяла на себя часть преподаванія и еще въ теченіе прошлаго лѣта приступила къ образованію церковнаго хора. Успѣхъ превзошелъ наши ожиданія. Въ хоръ тотчасъ вступили многіе взрослые грамотные крестьяне, съ изумительною быстротою выучились читать ноты, несмотря на полевыя работы (даже покосъ!), не пропускали ни одной спѣвки, и уже къ осени составился стройный хоръ, собирающійся на каждую воскресную и праздничную службу. Число учениковъ сразу поднялось до пятидесяти. Скромный и тихій Михеюшка своею заботливостью о дѣтяхъ, своимъ глубокимъ благочестіемъ покорилъ всѣ сердца и сдѣлался любимцемъ прихода. Ученіе идетъ у него прекрасно. Взрослые пѣвцы образовали вокругъ него дружную школьную братію. По субботамъ, послѣ спѣвки, они засиживаются у него далеко за полночь, за чтеніемъ божественныхъ

книгъ, на покупку коихъ Михеюшка тратитъ свои послѣднія денежки. Теперь они просятъ, чтобы и въ Воскресенье послѣ обѣда была устроена спѣвка, для того, чтобы весь день Господень былъ проведенъ по-христіански. Сначала бабы возроптали на эти еженедѣльныя отлучки своихъ мужей и на то, что они дома, вмѣсто того, чтобы съ ними болтать, цѣлый день распѣваютъ гаммы и Херувимскія, но теперь и онѣ покорились, видя успѣхъ ихъ церковнаго пѣнія.

Михеюшка убѣжалъ въ Меженинку за два дня до нашего выступленія въ походъ, чтобы приготовить школу къ пріему многочисленныхъ гостей. Радушные хозяева устроили въ прекрасномъ меженинскомъ пруду большую рыбную ловлю. Ловъ оказался чудеснымъ: вытащили полтора пуда рыбы. Въ школѣ мы нашли самовары кипящими, столы накрытыми, солому постланною для ночлега ребятъ. Началось угощеніе на славу. Всего было наварено и напечено въ изобиліи. Милыя хозяйки Меженинки, С. Н., ея сестра и племянницы пришли въ школу угощать налетѣвшую на нихъ саранчу, и каждому было сказано доброе слово, и сердечный ихъ привѣтъ еще возвысилъ общее радостное настроеніе. Михеюшка хлопоталъ неутомимо, сіялъ отъ радости, самъ забывалъ ѣсть и пить. Татевскіе ребята въ первый (и единственный) разъ за этотъ постъ покушали рыбки. Дѣло въ томъ, что Татево находится почти въ гидрографическомъ центрѣ Россіи. Береза втекаетъ въ Межу, притокъ Двины; верстахъ въ пяти отъ насъ начинается бассейнъ Волги; верстахъ въ двадцати—источникъ Днѣпра. Все это очень лестно, и мы вольны считать свою мѣстность, въ нѣкоторомъ родѣ, пупомъ земли; но, по этому самому, рѣчки наши ничтожны, рыбы у насъ мало, и накормить ею всю мою безчисленную семью удается рѣдко.

Наконецъ, ужинъ кончился. Дождь прекратился, и школа озарилась блѣднымъ золотомъ вечерней зари. Стали на молитву. Возгласы говорилъ Романъ, Глуховскій учитель, торжественно и протяжно; помощникъ его, Корней, прекрасно прочелъ молитвы вечернія; красавецъ Адріанъ, ихъ ученикъ, серебристымъ альтомъ произнесъ молитвы начальныя: имъ тремъ, на все время путешествія, поручены вечернія молитвы. Торжественно и стройно прозвучали въ полумракѣ высокой, просторной классной комнаты тропари Троичные...

Я отправился ночевать въ домъ моихъ родственниковъ. Ребята завалились на солому. Долго еще калякали съ Михеюшкою его товарищи—учителя, его друзья—живописцы. Я же еще долго совѣщался съ бывшимъ Меженинскимъ старостою о дальнѣйшемъ нашемъ маршрутѣ. Очень хотѣлось намъ идти напрямикъ, по живописнымъ берегамъ Туда, по дикой, лѣсистой мѣстности, слывущей у насъ „Сибирью“. Но какъ въ этой Сибири прокормить мое многочисленное войско? Рѣшено было лишь коснуться Сибири и выбраться къ вечеру слѣдующаго дня на большой богомольный трактъ, на коемъ не грозила опасность голодной смерти.

День второй.

Мы встали рано, но выступили въ походъ поздно, часовъ около девяти, чтобы имѣть время проститься съ нашими радушными хозяевами. Всѣ они пришли въ школу на утреннія молитвы. Читалъ Вася, Бобровскій учитель, чтецъ отличный; начальныя молитвы говорилъ Миша, его ученикъ, чуткій и серьезный мальчикъ, котораго мы готовимъ къ поступленію во второй классъ Духовнаго Училища. Возгласы говорилъ Егоръ Толстой, нашъ добрый великанъ, доживающій послѣдніе

дни въ нашей школьной семьѣ. Онъ учительствуетъ въ Домѣ Призрѣнія, въ Сергіевомъ Посадѣ, и скоро поѣдетъ въ Москву для посвященія въ діакона. Это будетъ, въ теченіе нынѣшняго года, третьимъ случаемъ посвященія въ діакона учителя изъ моихъ учениковъ. Толстымъ онъ названъ въ честь графа Льва Николаевича. Въ нашихъ школахъ ребята любятъ прозывать товарищей, не имѣющихъ семейныхъ прозвищъ (а таковыхъ много), именами знаменитыхъ русскихъ писателей. Клички эти впослѣдствіи обращаются въ фамильныя имена. Такимъ образомъ у насъ завелись Пушкины, Жуковскіе, Крыловы, Кольцовы... Это напоминаетъ Англію, гдѣ имена великихъ людей безпрестанно даютъ дѣтямъ при крещеніи въ качествѣ личнаго имени. Егору Толстому, вмѣстѣ съ Васею и Мишею, были поручены на все время нашего путешествія молитвы утреннія.

За молитвою послѣдовалъ обильный завтракъ. Всѣ выступили въ путь веселые и бодрые. Еще въ Татевѣ всѣ ребята были распредѣлены на пять группъ, и каждая изъ нихъ поручена одному изъ учителей; при началѣ и концѣ каждаго перехода производилась перекличка. Во избѣжаніе утомленія, происходящаго главнымъ образомъ отъ безпорядочной ходьбы, со втораго дня я шелъ впереди всѣхъ, и съ моимъ мѣрнымъ шагомъ долженъ былъ соображаться весь караванъ. Въ Меженинкѣ къ нему присоединились Михей и одинъ изъ его учениковъ.

Пришелъ насъ провожать Григорій, сынъ церковнаго старосты, одинъ изъ взрослыхъ пѣвцовъ Меженинскаго хора,—молодой человѣкъ въ высшей степени дѣльный и къ церкви усердный. Онъ занятъ подрядами по церковнымъ постройкамъ и поэтому, къ крайнему своему сожалѣнію, не могъ пойти съ нами къ Угоднику.

Шелъ онъ съ нами до близкой границы Смоленской губерніи, и мы бесѣдовали съ нимъ о дѣлахъ Меженинской церкви. Церковь надѣлена указнымъ количествомъ земли, но земля эта весьма плохая, потому что церковь построена недавно, и другой порожней земли по близости не нашлось (всѣ наши церкви, построенныя въ прошломъ столѣтіи, широко надѣлены отличною землею). Но особенно обидно для Меженинскихъ прихожанъ слѣдующее обстоятельство. Вблизи отъ нынѣшней Меженинской церкви въ прошломъ столѣтіи стояла другая, также во имя Знаменія Пресвятой Богородицы, съ погостомъ Котельнею, и владѣла шестьюдесятью десятинами превосходной земли. Но церковь эта сгорѣла, и прихожане были временно причислены къ сосѣднему, богатому и обширному приходу села Холмеца (Тверской епархіи). Холмецкій причтъ, разумѣется, овладѣлъ Котельнею и владѣетъ ею до сихъ поръ. Гражданскій искъ невозможенъ, ибо прошла едва ли не столѣтняя давность. Между тѣмъ на Котельнѣ безжалостно запахиваются могилки предковъ Меженинскихъ прихожанъ, и самое мѣсто, гдѣ стояла сгорѣвшая церковь, не огорожено. Холмецкій причтъ отдаетъ эту землю, ненужную ему для хозяйства, въ аренду; а Меженинскій причтъ не имѣетъ возможности вести хозяйство. Три четверти его земли — болото. Въ Холмецкой церкви хранится спасенная во время пожара Меженинская святыня, древняя икона Знаменія Божіей Матери, слывущая чудотворною. По преданію, долго не удавалось перенести ее на новое мѣсто... Завѣтная мечта Меженинскихъ прихожанъ—возвращеніе ихъ церкви этой земли и этой иконы. Но это дѣло — трудное, ибо не можетъ быть ведено форменнымъ порядкомъ, а приходы Меженинскій и Холмецкій находятся въ разныхъ епархіяхъ.

Но вотъ опять Витка. Мы прощаемся съ Григоріемъ

и вторично вступаемъ въ Тверскую губернію. Передъ нами высокая гора, и на ней богатая, отлично выстроенная деревня Московка. За этою горою начинается бассейнъ Волги.

Съ утра стоялъ густой туманъ; но онъ постепенно разсыпается мелкою дождевою пылью, и уже въ Московкѣ насъ озаряетъ яркое солнце. А въ верхнихъ слояхъ атмосферы продолжается борьба свѣта съ тьмою. Крупныя тучи, чреватыя дождемъ, ливни направо и налѣво, и позади, и впереди насъ, и дивные переливы свѣта и тѣни на дальнихъ планахъ обширнаго горизонта... Идемъ мы мѣстами высокими. Насъ долго провожаютъ массивныя Меженинскія рощи и шпиль церкви, возвышающійся надъ елями и соснами кладбища, и Шалаевская гора, уже голубая и туманная. Хлѣбныя поля чередуются съ лугами, душистыми и цвѣтущими. Ребята жадно рвутъ прелестные цвѣты, окаймляющіе дорогу. Одинъ выбираетъ нѣжныя кисти бѣлой разновидности колокольчика и соединяетъ ихъ съ разрѣзными звѣздами розовой дремы. Другой перемѣшиваетъ съ васильками душистые колосья блѣдно-желтоватой любки. Третій рветъ, что попало. Всякій несетъ мнѣ цвѣтки, которые почему-либо кажутся ему заслуживающими моего вниманія. Разбѣгаться по сторонамъ мы имъ не позволяемъ. Но около деревни Боярской насъ поражаетъ возмутительное зрѣлище: большой воронъ вцѣпился въ пѣтушка, неосторожно отважившагося выйти въ поле. Мигомъ летятъ на выручку всѣ ребята: пѣтушекъ спасенъ, воронъ съ гнѣвнымъ карканьемъ улетаетъ, и ребята возвращаются на дорогу, запыхаясь и ликуя. Но вотъ дорога начинаетъ постепенно опускаться. Передъ нами серебристый занавѣсъ близкаго дождя. Онъ отступаетъ и рѣдѣетъ, и въ призрачныхъ очертаніяхъ открывается передъ нами прелестная до-

лина Туда: широкая дуга многоводной рѣки, и усадьба, потонувшая въ темной зелени липъ, и крутые, лѣсистые берега, и двѣ церкви; на полугорѣ—убогое Кожухово, а надъ лѣсомъ — высокое Бакланово. Дождь все удаляется; яркое солнце заливаетъ планъ за планомъ. Живописцы наши останавливаются на высокомъ мысу, чтобы набросать эту очаровательную панораму. Съ ними остается Виѳанскій семинаристъ, братъ Егора Толстаго, также усердный рисовальщикъ. Всѣ мы спускаемся къ мельницѣ и дѣлаемъ привалъ; мы отошли двѣнадцать верстъ, полъ-пути до Пыжей, гдѣ мы намѣрены обѣдать. Достаемъ свой черный хлѣбъ и весело закусываемъ, запивая, по способу воиновъ Гедеона, чистою водою Туда.

Дождавшись живописцевъ, мы перебираемся на другой берегъ по утлымъ кладямъ, надъ шумнымъ водопадомъ, образуемымъ плотиною. Увы! нельзя идти вдоль береговъ Туда, по негостепріимной Сибири! А по ту сторону Туда еще лучше: говорливые ручейки, цвѣтущій шиповникъ, огромные валуны, заросшіе мхами. Насъ увѣряютъ, что для сокращенія пути намъ слѣдуетъ, не доходя до Кожухова, свернуть направо и идти лѣсомъ. Мы такъ и дѣлаемъ. Дорога идетъ въ гору прелестными лѣсными полянками. Но она постепенно становится менѣе явственною и наконецъ теряется въ сплошной высокой травѣ. Боясь заблудиться, мы со стыдомъ возвращаемся на прежнюю дорогу; но нѣкоторыхъ изъ старшихъ спутниковъ, убѣжавшихъ впередъ на развѣдки, мы уже не можемъ вернуть. Отъ Кожухова въ сосѣднее село Пыжи, разумѣется, есть торная дорога.

Кожуховская церковь, деревянная и низенькая, замѣчательна только тѣмъ, что выстроена, уже довольно давно, лютераниномъ, собиравшимся перейти въ православіе. Исполнилъ ли онъ свое благое намѣреніе—мнѣ

неизвѣстно. Школы при ней нѣтъ. Отъ Кожухова дорога идетъ, постепенно повышаясь, лугами и полями. Горизонтъ становится все обширнѣе: налѣво лѣсистыя горы Сибири, направо насъ упорно провожаетъ высокая Баклановская церковь. Старшій живописецъ, Николя, набрасываетъ ея характерный профиль. По прошествіи шести — семи верстъ намъ начинаютъ попадаться прикрѣпленныя къ кустамъ и изгородямъ бумажки съ вѣсточками о нашихъ развѣдчикахъ. Они таки выбрались на краткую дорогу; они опередили насъ на полчаса, на цѣлый часъ! Наконецъ мы находимъ ихъ у деревни Свисталова, спокойно отдыхающими на бревнушкахъ. До Пыжей ужъ недалеко. Еще перелѣсочекъ, и передъ нами Пыжовская церковь, ветхая, сѣрая, но высокая, съ осьмигранным, много-этажнымъ верхомъ, съ коническимъ шатромъ на круглой колокольнѣ. Вокругъ нея ограда изъ дикаго камня. Колокола сняты съ шаткой колокольни и висятъ въ незатѣйливой звонницѣ. Стоитъ эта церковь очень высоко. По возвращеніи въ Татево мы въ подзорную трубу усмотрѣли ее (а также церковь Баклановскую) въ синѣющей дали, виднѣющейся съ нашего балкона.

Въ Пыжахъ есть постоялый дворъ съ лавкою, въ коемъ намъ посовѣтывали обѣдать. Постоялый дворъ, конечно, оказался кабакомъ, но вся собранная въ немъ компанія тотчасъ уступила намъ мѣсто. Накормили насъ прилично, т. е. дали намъ похлебки, квасу и сельдей, и подали намъ самоваровъ на все общество. Только баттарея бутылокъ, расположенная подъ образами, напоминала намъ о томъ, что мы находимся въ мѣстѣ непотребномъ. Послѣ обѣда мы имѣли неосторожность спросить у вытѣсненныхъ нами гостей, сидѣвшихъ на крылечкѣ, сколько верстъ до мѣста нашего ночлега — деревни Боровыхъ Нивъ. Поднялся споръ, шумъ, чуть

не драка. — Шесть верстъ! — Десять! — Пятнадцать! Оказалось, что каждый указываетъ разстояніе отъ *своей* деревни, и никто разстоянія отъ Пыжей не знаетъ. Общее правило: о разстояніяхъ дорогою нужно спрашивать только мѣстныхъ жителей (мужчинъ, а не бабъ) и то лишь, когда они *дома*. Если вы спросите прохожаго или проѣзжаго, онъ неминуемо скажетъ вамъ разстояніе отъ своего дома, хотя бы онъ отстоялъ отъ мѣста разговора верстъ на двадцать.

Затѣмъ полюбовались мы хорошенькою земскою школою, которая, впрочемъ, повидимому, не процвѣтаетъ. Прошлою зимою въ ней училось только одиннадцать мальчиковъ. Ни одного ученика видѣть намъ не привелось. Въ лавкѣ, при нашемъ постояломъ дворѣ, мы купили себѣ большой оловянный ковшъ, ибо водопитіе по библейскому способу не на всѣхъ ручьяхъ оказалось удобнымъ. Этотъ ковшъ я отдалъ на храненіе старшему Потапенку, Рувиму, хотя ребята находили, что приличнѣе засунуть его въ узелокъ Веніамина.

Выступили мы въ походъ часу въ шестомъ. Небо совершенно прояснилось, и наша дорога, извиваясь съ горки на горку, поднялась еще выше (по картамъ Киперта, около 1000 футовъ надъ поверхностію моря). Солнце, склоняясь къ западу, озаряло чудную, неоглядную даль. Мягкими волнами подымались одинъ надъ другимъ лѣсистые, отлогіе холмы, лаская взоръ зеленью всѣхъ оттѣнковъ, отъ позлащенной листвы первыхъ плановъ до голубой дымки невѣдомыхъ рощъ и пригорковъ, воздымавшихся на горизонтѣ. Въ этомъ зеленомъ океанѣ то появлялись, то вновь исчезали высокія бѣлыя церкви, украшающія берега Туда. Мы могли разомъ насчитать ихъ до десяти. Такіе виды особенно по душѣ нашему старшему живописцу-пейзажисту, влюбленному въ нашу задумчивую сѣверную природу. Онъ

смотрѣлъ вдаль широко раскрытыми глазами, безпрестанно останавливался, что-то соображая, что-то обдумывая, насыщая свое воображеніе этими нѣжными линіями, этою гармоніею красокъ.

Вскорѣ дорога стала идти подъ гору, и мы вышли въ деревнѣ Петражихинѣ на большой богомольный трактъ, уже извѣстный намъ по прежнему путешествію, на такъ называемый большакъ, соединяющій Ржевско-Бѣльскую дорогу съ Ржевско-Осташковскою. Впрочемъ этотъ большакъ, болѣе натоптанный богомольцами, чѣмъ наѣзжанный, имѣетъ совершенно характеръ проселочной дороги. Онъ то съуживается въ скромную травянистую стежку, то, на мѣстахъ песчаныхъ, чрезмѣрно расширяется, совершенно теряя характеръ дороги. Въ первой же деревнѣ мы встрѣтили кучку Татевскихъ богомолокъ. Неутомимыя паломницы вышли изъ дому въ утро того же дня и вскорѣ насъ перегнали.

На большакѣ характеръ почвы и растительности рѣзко измѣняется. Глина замѣняется пескомъ, березы—соснами, появляется верескъ. Это невиданное растеніе сильно заинтересовало моихъ ребятъ.—На что оно годно? Будутъ ли на немъ ягоды? Я объяснилъ имъ, что это—кропильникъ (такъ называютъ его въ Тверской губерніи, ибо изъ него вяжутъ кропилы для водосвятія), что земля изъ подъ него—самая лучшая для цвѣтущихъ кустарниковъ, которыми они зимою любовались въ Татевской оранжереѣ, и ребята успокоились и возъимѣли къ вереску уваженіе.

Солнце заходило. Послѣдніе лучи его заливали огнемъ небольшую полянку, всю заросшую смолянкою въ полномъ цвѣту. Какъ рубины, рдѣли пурпурныя метелки на темномъ фонѣ густаго сосонника. Всѣ ребята кинулись рвать заманчивые цвѣточки и всѣ перепачкали себѣ пальцы объ ихъ липкіе стебли.

Вскорѣ показалась деревня Боровыя Нивы, мѣсто нашего ночлега. Весь переходъ составлялъ не болѣе 12 верстъ и совершился безъ всякаго утомленія. Мы попросились ночевать въ прекрасную, крытую тесомъ избу, построенную домикомъ, съ четырьмя большими окнами на улицу. Хозяина не было дома. Хозяйка, крѣпкая старуха съ суровымъ, повелительнымъ лицемъ, приняла насъ не очень привѣтливо. Ребята, послѣ поздняго обѣда, не захотѣли ужинать. Мы имъ дали по куску хлѣба и приступили къ вечерней молитвѣ въ чистой и свѣтлой горницѣ, намъ отведенной. Я стоялъ у окна. На улицѣ собрались бабы и дѣти. Немногіе крестились, всѣ слушали съ величайшимъ вниманіемъ. Во время пѣнія лица дѣтей озарялись; но они, очевидно, не понимали, что происходитъ молитва. Въ деревнѣ—народъ сплошь безграмотный, въ томъ числѣ и сыновья нашей богатой хозяйки. Церковь и школа далеко—за двѣнадцать верстъ. Ребятамъ не то что въ школѣ, и въ церкви бывать не приводится. Кончилась молитва, и мы уложили ребятъ спать въ сараѣ на сѣнѣ. Хозяйка наша вдругъ стала привѣтлива и радушна: принялась хлопотать о самоварѣ, о нашемъ размѣщеніи на ночь.

—Молиться-то мы лѣнивы, промолвила она,—да и некогда; ну вотъ, хоть вы помолились за насъ грѣшныхъ!

Мы напились чаю, размѣстились на ночь. Я заснулъ на соломѣ сладкимъ, легкимъ сномъ, но пробуждался безпрестанно: въ свѣтлыя окна всю ночь смотрѣла розовая заря, не то утренняя, не то вечерняя...

День третій.

Мы всѣ вскочили въ пятомъ часу. Было рѣшено выступить въ походъ тотчасъ послѣ утренней молитвы

и позавтракать на пути, чтобы поскорѣе добраться до Оковцевъ, гдѣ мы надѣялись найти сытный обѣдъ. Предстоялъ переходъ всего въ двѣнадцать верстъ. Утро было чудное—теплое и ясное. Тотчасъ за деревнею дорогу пересѣкаетъ рѣка Пырошня, и мостъ на ней оказался разрушеннымъ. Оставалось два жидкихъ, шаткихъ бревна, перекинутыхъ высоко надъ водою. Самые смѣлые перебѣжали, балансируя на качающихся бревнахъ, робкіе поползли на четверенькахъ, самые осторожные разулись и побрели по колѣно въ водѣ. Я переѣхалъ вбродъ. За переправою дорога идетъ мѣстами невысокими, не удаляясь отъ рѣки. Вскорѣ она вступаетъ въ прелестный боръ, въ коемъ къ соснамъ живописно примѣшаны березы и осины. Въ немъ еще стояла ночная свѣжесть. Свѣтлыя лужицы отражали голубое небо и серебристые стволы березъ. Насъ обдало упоительнымъ запахомъ ландышей. Вся почва была покрыта ихъ листвою, и вскорѣ, въ мѣстахъ болѣе тѣнистыхъ, мы нарвали множество еще не завядшихъ цвѣтовъ. За этимъ боромъ стоитъ одиноко постоялый дворъ Березуи, въ которомъ мы ночевали въ прежній нашъ походъ въ Нилову пустынь. Теперь это новый, хорошенькій домикъ, но тогда тутъ стояла ветхая, тѣсная лачужка, въ коей мы едва добились кое-какого ужина. При видѣ Березуевъ намъ припомнилось слѣдующее забавное происшествіе. Одна изъ причинъ, по которымъ, восемь лѣтъ тому назадъ, намъ тутъ съ трудомъ удалось поужинать, заключалась въ томъ, что хозяева были поглощены усмиреніемъ шального быка, который бѣгалъ около двора, творя разныя безчинства. Мы легли спать въ сѣновалъ, и ревъ бѣшенаго быка долго не давалъ намъ заснуть. Наконецъ разъяренное животное въ открытыя ворота ворвалось въ нашъ сарай. Раздался отчаянный крикъ, и въ одно мгновеніе на встрѣчу не-

пріятелю полетѣли тридцать паръ лаптей, столько же шапокъ и цѣлое облако клочковъ сѣна. Быкъ, озадаченный такимъ неожиданнымъ отпоромъ, обратился въ бѣгство и немедленно утихъ. На другое утро мы насилу разъискали все разбросанное добро.

Въ Клешнинѣ, первой деревнѣ за Березуями, мы усѣлись на бревнушкахъ, достали свой хлѣбъ и принялись завтракать. Вскорѣ у каждаго изъ рябятъ оказалось въ рукѣ по дымящейся картофелинѣ,—приношенію сердобольной бабы. Видя это, старый дѣдъ, наблюдавшій за нами въ оконце, принялся подчивать ребятъ квасомъ, и ребята мигомъ выпили цѣлое ведро.

Въ этой деревнѣ, какъ и во всѣхъ прочихъ по нашему пути, насъ поразило отсутствіе взрослыхъ мужчинъ. Въ поляхъ работаютъ бабы. На улицѣ попадаются лишь дряхлые старики и малые ребята. Гдѣ же хозяева? Ушли въ Питеръ, въ Москву, на низъ. Восемь лѣтъ тому назадъ ничего подобнаго мы не замѣчали.

Мы подвигаемся довольно медленно по сыпучему песку. Вскорѣ показывается за лѣсомъ высокая Оковецкая церковь, а за нею горы, увѣшанныя сосновыми рощами. Но до Оковцевъ еще семь верстъ, и мы добираемся туда лишь въ десятомъ часу.

Оковцы—живописное село на высокомъ берегу Пыропни, съ массивною каменною церковью, окруженною старыми соснами. Церковь эта славится двумя чудотворными иконами: Животворящаго Креста и Божіей Матери. Явленіе этихъ иконъ (въ 1538 году) произвело сильное впечатлѣніе на современниковъ. Ихъ носили въ Москву, на встрѣчу имъ выходилъ царь Иванъ Васильевичъ, и на мѣстѣ встрѣчи была сооружена церковь. Въ Москвѣ Оковецкая Божія Матерь слыветъ Ржевскою и дала это названіе двумъ церквамъ. И понынѣ она остается весьма чтимою мѣстною святынею.

Но святыни этой мы въ Оковцахъ не застали. Въ теченіе Іюня ее постоянно носятъ по селамъ Ржевскаго уѣзда, причемъ она ежегодно проносится весьма близко отъ Татева. Крестный ходъ бываетъ видимъ съ балкона нашей школы и привлекаетъ многочисленныхъ богомольцевъ изъ пограничныхъ деревень Бѣльскаго уѣзда. Обѣ иконы, по преданію, явились на соснахъ и такъ и изображаются, на пейзажномъ фонѣ, состоящемъ изъ песковъ и сосновыхъ рощъ.

Въ Оковцахъ мы направились прямо къ извѣстному намъ постоялому двору, просторному и чистому. Но хозяевъ мы не застали дома: они работали въ полѣ. Встрѣтилъ насъ маленькій ихъ сынокъ, который никакъ не брался принять и накормить всю нашу компанію. Дѣлать было нечего. Мы разбились на пять группъ, и каждая изъ нихъ отдѣльно нашла себѣ приличное помѣщеніе и сытный обѣдъ. Я съ нѣкоторыми изъ старшихъ монхъ спутниковъ остался на постояломъ дворѣ, и пока закипалъ самоваръ, мы занялись бесѣдою съ нашимъ маленькимъ хозяиномъ. Онъ оказался весьма грамотнымъ и великимъ охотникомъ читать въ церкви. Показалъ онъ намъ свои книги, нѣсколько случайно попавшихъ къ нему брошюрокъ, да Евангеліе и Псалтирь, полученныя въ подарокъ при экзаменѣ по распоряженію земства. Честь и слава нашимъ земствамъ за это дѣятельное и разумное распространеніе слова Божія.

Алеша, нашъ новый знакомый, привелъ къ намъ еще грамотнаго товарища. Мы надѣлили ихъ привезенными съ собою *Троицкими Листками* и обѣщали привезти имъ изъ Осташкова по Часослову.

Между тѣмъ вернулись хозяева и очень сожалѣли о томъ, что ихъ сынъ не рѣшился принять насъ всѣхъ на постоялый дворъ. Тотчасъ былъ приготовленъ обѣдъ,

послѣ котораго Алеша взялся проводить насъ на Святой ключъ,—одну изъ достопримѣчательностей Оковецкихъ.

Ключъ этотъ находится верстахъ въ трехъ отъ села, на луговомъ берегу Пырошни, на полуостровѣ, охваченномъ рѣкою, а за нею—высокимъ берегомъ съ песчаными обрывами, увѣнчанными соснами, съ крутыми склонами, заросшими лозою и высокими травами. Въ оградѣ между березками стоитъ убогая часовенька, домикъ сторожа, и возвышается небольшая насыпь въ формѣ отлогаго усѣченнаго конуса. На этомъ возвышеніи кольцеобразный уступъ охватываетъ край круглаго глубокаго водоема, обложеннаго тесаннымъ гранитомъ. Водоемъ этотъ до самаго края наполненъ хрустальною, голубою, какъ вода Швейцарскихъ озеръ, водою, кипучими водоворотами бьющею изъ песчанаго дна. Ребята тотчасъ облѣпили край водоема и принялись жадно черпать заманчивую влагу—ковшемъ, шапками, руками, и долго смотрѣли въ таинственную глубину. Какъ въ зеркалѣ, рисовались ихъ оживленныя лица на темной лазури отраженнаго неба. Одинъ зѣвака уронилъ шапку въ водоемъ. Быстро унесла ее могучая струя по жолобу, проведенному въ будочку, устроенную для обливаній у подножія насыпи. Съ трудомъ ухватили ее изъ водоворота, образуемаго паденіемъ этой струи.

Ключъ этотъ почитается святымъ по преданіямъ объ исцѣленіяхъ, совершившихся на этомъ мѣстѣ, и богомольцы имѣютъ обыкновеніе обливаться его студеною водою. Нѣкоторые изъ старшихъ ребятъ не преминули исполнить этотъ обрядъ.

Очень довольные Святымъ ключемъ, мы отправились вдоль Пырошни, по цвѣтущимъ лугамъ, перешли рѣку на мельницѣ и вышли на большакъ у деревни Бутырокъ, гдѣ уже ожидали насъ наши повозки.

Начался переходъ утомительный и длинный. Отъ Оковцевъ до Селижарова—двадцать пять верстъ, къ коимъ мы прибавили добрыхъ пять нашею экскурсіею на Святой ключъ. Дорога идетъ мѣстами высокими, каменистыми и безводными. Направо и налѣво рѣзко очерченныя горы, достигающія высоты 1000 футовъ. Темныя сосновыя рощи, бѣловатыя оголенія почвы, на горизонтѣ свинцовыя тучи, придавали смѣняющимся передъ нами картинамъ характеръ величавый и грустный. Еще въ Оковцахъ мы заставили всѣхъ ребятъ обуться—наканунѣ они предпочли идти босикомъ по свѣжей травкѣ и мягкой дорогѣ,—а сегодня на каждомъ шагу попадались острые камни. Около деревни Горы живописцы наши прельстились вѣковою, причудливо развѣтвленною сосною и засѣли ее рисовать. Приблизительно на полпути, въ глубокой, безводной долинѣ, мы сдѣлали привалъ, чтобы дождаться рисовальщиковъ и подкормить ребятъ хлѣбомъ и баранками. Все ближе надвигались темныя тучи, и до нашего слуха явственно стали долетать отдаленные раскаты грома. Но вотъ пришли рисовальщики, пришли и оставшіеся на Святомъ ключѣ купальщики, и мы вновь, при палящемъ солнцѣ, подымаемся въ гору. Вдругъ, на защищенномъ уступѣ насъ обдаетъ душистою свѣжестью. Мы пересѣкаемъ полосу богатой лѣсной почвы, еще не выпаханной послѣ истребленія лѣса. Между густымъ кустарникомъ—цвѣтущія лужайки, усѣянныя душистыми орхидеями; роскошные кусты шиповника въ полномъ цвѣту; громадныя шапки, то блѣдно-лиловыя, то чисто-бѣлыя, сладостно пахучаго василисника. Ребята встрепенулись и кинулись рвать огромные букеты, убирать свои шапки цвѣтами...

Дорога продолжаетъ идти въ гору. Опять песокъ и камень, и дальніе виды, величавые и строгіе. Туча проносится мимо. Впереди насъ дразнятъ высокія колоколь-

ни, окруженныя обширными селами.—Не это ли Селижарово? А это?—Встрѣчныя бабы даютъ о разстояніяхъ сбивчивыя, несообразныя показанія. Солнце склоняется къ западу, и съ сѣвера потянулъ холодный вѣтерокъ. Мы проходимъ еще нѣсколько деревень, небольшой лѣсокъ. Вдругъ открывается передъ нами долина Волги и уже недалекое Селижарово. Нѣкоторые изъ старшихъ убѣжали впередъ, чтобы приготовить намъ ночлегъ, и мы на пути опять находимъ вѣсточки о нихъ. Доходимъ до Селижарова уже въ девять часовъ.

Селижарово — небольшой посадъ, выросшій около древняго, живописнаго монастыря, стоящаго на мысу, образуемомъ сліяніемъ Селижаровки съ Волгою. Старыя липы окружаютъ ограду тамъ, гдѣ она не подступаетъ къ самому берегу рѣки. Мы переѣзжаемъ Волгу на паромѣ и тотчасъ намъ бросаются въ глаза Святыя ворота обители, прелестный памятникъ архитектуры XVI-го или XVII-го вѣка. Передъ воротами шатеръ на четырехъ массивныхъ кувшинообразныхъ столбахъ. Каждый изъ этихъ столбовъ окруженъ тоненькими, красиво расчлененными столбиками, соединяющими углы базиса съ углами капители. Еще недавно, какъ видно изъ описанія, своды шатра и тимпанъ надъ воротами красовались древнею живописью; но теперь все немилосердно закрашено. Мы съ живописцами заглядываемъ въ ограду— и сердце наше радуется. Величавый соборъ, съ шатромъ надъ входомъ, подобнымъ Святымъ воротамъ; старыя массивныя постройки, выглядывающія изъ-за темной зелени, и на стражѣ надъ всѣмъ—высокая колокольня; и глубокая тишина, и задумчивое бдѣніе отрѣшеннаго отъ времени пріюта!. Но рисовать уже поздно, и пора на покой.

Намъ приготовили ночлегъ въ просторномъ постояломъ дворѣ, уже извѣстномъ намъ по прежнему путе-

шествію. Тутъ, восемь лѣтъ тому назадъ, бѣдствовали мы отъ недоумѣній полиціи. Урядникъ не рѣшался отпустить насъ съ миромъ, а становой страдалъ флюсомъ, и добиться у него аудіенціи стоило долгихъ и настойчивыхъ усилій. Приняли насъ радушно, накормили ребятъ хорошо. Во время вечернихъ молитвъ подъ нашими окнами собралось много народа: всѣ усердно молились вмѣстѣ съ нами. Улеглись мы довольно поздно и уснули мертвымъ сномъ.

День четвертый.

Прежде всѣхъ вскочили Николя и я. Николя побѣжалъ рисовать Святыя ворота; я изъ окна нашего постоялаго двора набросалъ видъ монастыря. Остальное отложилъ до возвратнаго пути. Утренняя молитва, завтракъ, чай, протянулись до семи часовъ. Въ половинѣ осьмаго мы выступили въ походъ. Утро было сѣренькое, свѣжее. Идти было легко и весело.

Отъ Селижарова до Осташкова идетъ настоящій большакъ съ верстовыми столбами, сопровождаемый телеграфною проволокою. Мѣряныя версты оказались несравненно короче немѣряныхъ. Отъ Селижарова до Зехнова 21 верста, и мы прошли ихъ въ пять часовъ. Песчаная дорога, смоченная недавнимъ дождемъ, шла большею частію сосновымъ, невысокимъ лѣсомъ и отчасти, въ мѣстахъ болѣе низкихъ, красивыми березовыми рощами. Тутъ въ изобиліи водятся змѣи, и въ прежнее наше путешествіе ребята вдоволь насмотрѣлись на этихъ невиданныхъ у насъ чудовищъ. Но на этотъ разъ, по причинѣ свѣжей и пасмурной погоды, мы не видали ни одной. За то мы любовались характерною боровою растительностію. Почва мѣстами была сплошь покрыта желтыми цвѣтами очитка (Sedum acre) и пурпурными кистями особенно крупноцвѣтной разновидно-

сти тиміана. Все чаще и чаще встрѣчали и перегоняли мы большія и малыя партіи богомольцевъ. Завязывались разговоры, оказывались общіе знакомые, другія связующія нити... На полпути, въ деревнѣ Сорокинѣ, мы сдѣлали привалъ, поѣли хлѣбца, и насъ напоили отличнымъ квасомъ. Стало проглядывать солнце. Но вскорѣ набѣжали новыя тучи, и пошелъ дождь. Впрочемъ, онъ не успѣлъ промочить насъ: мы уже подходили къ Зехнову.

Зехново—небольшая деревушка, вся состоящая изъ большихъ двухъ-и трехъэтажныхъ домовъ, приспособленныхъ къ пріему богомольцевъ. Вообще, начиная съ Селижарова, мы вступили въ область, составляющую достояніе преподобнаго Нила. Тутъ онъ уже не „Угодникъ“, а „нашъ батюшка“ или просто „онъ“. Тутъ о немъ говорятъ, какъ о живомъ человѣкѣ, дорогомъ и близкомъ. Его молитвами живетъ весь край, его заступничествомъ спасается отъ бѣдъ. Онъ распоряжается теплomъ и холодомъ, дождями и росами. Ему лично принадлежатъ монастырскія имѣнія. Его мельница красуется на рѣкѣ Сиговкѣ, его коровки пасутся на его лугахъ, его сѣно убирается усердными богомольцами, съ радостію соглашающимися покосить денекъ-другой для „нашего батюшки“, который за то сытно ихъ кормитъ. Самыя воды Селигера, съ ихъ рыбными ловлями, принадлежатъ ему. Онъ кормитъ своею рыбою прибрежныхъ крестьянъ, коимъ хлѣбопашествомъ не прокормиться. На основаніи этого взгляда, монастырь ведетъ съ городомъ Осташковымъ безконечную тяжбу о Селигерскихъ рыбныхъ ловляхъ. Да, для всѣхъ жителей этого края и для безчисленныхъ богомольцевъ, посѣщающихъ пустынь, Угодникъ живъ до сихъ поръ,—живъ не отвлеченнымъ, книжнымъ безсмертіемъ, но полною, кровною жизнію.

Вотъ—въ то самое время, какъ бѣдный отшельникъ, среди пустынныхъ водъ Селигера, въ молитвѣ и лишеніяхъ проходилъ страшный искусъ одиночества — на престолѣ Московскомъ сидѣлъ грозный царь Иванъ Васильевичъ, дарилъ Россіи Казань и Астрахань, Рязань и Сибирь, лилъ потоки крови, строилъ сказочные дворцы и невиданные храмы и изумлялъ міръ необузданностію своего разврата и блескомъ своего духовнаго краснорѣчія. И что же? Умеръ царь Иванъ Васильевичъ, совсѣмъ умеръ. Тщетно историки и поэты, живописцы и ваятели стараются воскресить передъ нами, облечь въ плоть и кровь его могучій, таинственный образъ. Онъ умеръ. Въ его дивную усыпальницу въ Архангельскомъ соборѣ разсѣянно заглядываютъ образованные иностранцы, да любознательные провинціалы. Самъ онъ обратился въ сюжетъ для оперныхъ либретто, въ манекенъ для сенсаціонныхъ картинъ... А бѣдный монахъ продолжаетъ жить неугасающею жизнію, и милліоны темнаго люда, никогда не слыхавшаго о грозномъ царѣ, хранятъ въ своихъ сердцахъ его свѣтлую, чистую память.

Чѣмъ объяснить эту неугасающую живучесть, это осязаемое безсмертіе человѣка, жившаго исключительно жизнію внутренней? Блѣдны и скудны сказанія, сохранившіяся о его житіи въ Прологѣ и Минеяхъ. Сверхъ общихъ чертъ строгаго отшельническаго подвижничества, едва обозначаются черты индивидуальныя: тонкое чутье нравственной чистоты, свойственное высокимъ натурамъ, любовь къ нетронутой рукою человѣческой задумчивой природѣ нашего бѣднаго Сѣвера—и только. Не тутъ нужно искать его біографіи, а въ простыхъ рѣчахъ темныхъ жителей Селигерскаго края, въ любви, съ коею произносится его имя, въ гостепріимной обители, царящей надъ водами причудливаго озера, и уже

три вѣка дающей душамъ милліоновъ то, что имъ на потребу — молитвенный отдыхъ отъ суеты житейской, временное отрѣшеніе отъ праха земнаго...

Мы вышли изъ Зехнова въ четыре часа. Послѣ дождя насталъ рѣзкій холодъ, съ сѣвера подулъ намъ на встрѣчу упорный вѣтеръ. По небу расползлись тяжелыя осеннія тучи. Дорога шла между сосонникомъ, сыпучими песками. Направо, въ просвѣтахъ между лѣсомъ, стала мелькать свинцовая полоса, — одинъ изъ безчисленныхъ рукавовъ Селигера. Въ семи верстахъ отъ Зехнова мы присѣли на нѣсколько минутъ, и я набросалъ очеркъ высокой церкви села Котицъ, лежащаго въ четверти версты отъ дороги. Еще пять верстъ утомительной ходьбы по песку. Все ближе и ближе, направо отъ дороги, мелькаютъ между лѣсомъ воды Селигера, а надъ лѣсомъ показывается высокая бѣлая церковь села Рагозье. Тутъ нѣкогда былъ монастырь, изъ коего на островъ Селигера, по кончинѣ Угодника, переселились первые монахи. Вотъ и монументальная монастырская мельница на гранитномъ фундаментѣ, получившая свое имя отъ быстрой рѣчки Сиговки. За нею луга и пашни, и береженный монастырскій лѣсъ. Подъ его защитою мы на нѣсколько минутъ отдыхаемъ отъ захватывающаго дыханіе вѣтра. Дорога, съ уступа на уступъ, подымается на высокую гору. Отсюда при хорошемъ освѣщеніи прелестный видъ: весь Осташковъ, за нимъ—извилистое озеро, и надъ однимъ изъ лѣсистыхъ мысовъ, врѣзающихся въ его воды—бѣлокаменныя громады Ниловой пустыни. Сегодня же все тускло и сѣро и рисуется темнымъ силуэтомъ на холодной полосѣ блѣдно-желтаго заката, на отраженіи ея въ рябомъ зеркалѣ Селигера. Но до города еще восемь верстъ утомительной песчаной дороги. Ребята притихли и съ трудомъ плетутся за мною. Становится темно, и вѣтеръ

все усиливается. Въ верстѣ отъ города насъ встрѣчаютъ высланные впередъ гонцы, чтобы привести насъ на мѣсто нашего ночлега. Какъ длинна эта послѣдняя верста! Но вотъ, наконецъ, городъ. Мы бредемъ по пустыннымъ, немощенымъ улицамъ, расположеннымъ правильнымъ рѣшетомъ. Вдругъ ребята останавливаются въ изумленіи. Мы вышли на самый берегъ озера. Другаго берега въ темнотѣ не видно. Тускло озаренныя вечернею зарею, катятся намъ на встрѣчу тяжелыя волны и съ грохотомъ и пѣною разбиваются у подножія Вознесенскаго монастыря. Но пора на ночлегъ. Уже одиннадцатый часъ. Еще нѣсколько поворотовъ, и передъ нами знакомый постоялый дворъ, просторный и чистый, съ знакомыми олеандрами и геранями на окнахъ, и радушная хозяйка, и готовый, обильный ужинъ. Ребята наѣдаются досыта, но падаютъ отъ усталости. Мы укладываемъ ихъ спать послѣ сокращенной до крайности молитвы, и сами удобно размѣщаемся, напившись чаю съ отличными осташковскими баранками.

День пятый.

Мы рѣшили отдохнуть основательно въ Осташковѣ и поэтому ребятъ не будили. Пароходъ изъ Осташкова въ Нилову пустынь ходитъ два раза въ день: къ поздней обѣднѣ и къ вечернѣ. Переѣздъ въ Нилову пустынь отложили до втораго рейса.

Не спѣша встали ребята, принарядились и совершили утреннюю молитву, не спѣша напились чаю. Погода стояла все такая же вѣтряная и холодная, но небо заволокло сѣрою пеленою низкихъ тучъ. Напившись чаю, мы отправились взглянуть на городъ и озеро. Городъ чистенькій и веселый, съ высокими церквами и

хорошенькими домами, съ бульваромъ и общественнымъ садомъ. Дорогой мы узнали, что въ Осташковъ прибыли Татевскія богомолки, двѣ молодыя дѣвушки, подъ защитою почтенной старушки, сестры нашего священника. Нашъ походъ усилилъ въ нихъ давнишнее желаніе посѣтить Пустынь, и онѣ, два дня послѣ насъ, выѣхали изъ Татева. Мы посѣтили ихъ въ монастырскомъ подворьѣ, и онѣ съ восторгомъ разсказывали намъ о пѣніи въ Вознесенскомъ (женскомъ) монастырѣ, о порядкѣ и трудолюбіи, царящихъ въ этой обители. Затѣмъ мы пошли на пароходную пристань. Озеро все еще бушевало, взволнованное сѣвернымъ вѣтромъ; по сизой его поверхности бѣгали бѣлые барашки. Лѣсистый мысъ скрываетъ отъ взоровъ недалекую Нилову Пустынь. Но почти въ самомъ городѣ, налѣво отъ пристани, красуется Житный (мужской) монастырь, потонувшій въ разнообразной зелени вѣковыхъ сосенъ и лиственныхъ насажденій, со всѣхъ сторонъ охваченный водами Селигера. Несмотря на несносный вѣтеръ, дувшій съ озера, мы не утерпѣли и отправились туда.

Житный монастырь расположенъ на небольшомъ островѣ, соединенномъ съ берегомъ широкою насыпью, усаженною четырьмя рядами березъ. Эта аллея, перекинутая черезъ рукавъ озера, прелестна. Еще привлекательнѣе самый островъ. Великолѣпныя, громадныя сосны, какъ лѣсъ надъ лѣсомъ, воздымаются надъ еще молодыми, но уже роскошными липами, дубами и кленами. Между ними вьются широкія дорожки, разстилаются зеленыя лужайки. Среди одной изъ нихъ гранитный обелискъ подробною надписью знакомитъ гуляющихъ съ исторіею монастыря и окружающаго его парка. Со всѣхъ сторонъ открываются виды на городъ, на широкое озеро, на близкіе и далекіе его берега. Ни Петербургъ, ни Москва, не обладаютъ столь прелест-

нымъ мѣстомъ гулянія. Все это тѣмъ пріятнѣе поразило насъ, что было для насъ совершенною неожиданностію. Къ тому же, въ то самое время, какъ мы ступили на островъ, вдругъ утихъ на короткое время рѣзкій сѣверный вѣтеръ, проглянуло солнце и стало почти тепло.

У самаго входа на островъ, надъ густою зеленью, возвышаются живописныя монастырскія зданія. Монастырь не изъ древнихъ: онъ основанъ въ началѣ прошлаго столѣтія. Тѣмъ не менѣе, главная его церковь носитъ на себѣ отпечатокъ вѣка семнадцатаго. Нѣкоторыя детали ея, наличники, столбики, даже воспроизводятъ формы шестнадцатаго вѣка и своею грубоватою, наивною техникою придаютъ этой постройкѣ ту жизненность, которой лишены аккуратно выглаженные, шаблонные орнаменты позднѣйшаго времени. Вообще, въ глухихъ уголкахъ Россіи, въ теченіе прошлаго вѣка еще жили преданія русскаго зодчества и долго боролись съ наплывомъ западнаго рококо, иногда вступая съ нимъ въ удачныя, живописныя сочетанія. Окончательно обезличилась наша церковная архитектура лишь вторженіемъ въ нее мертвенно-холоднаго стиля временъ революціи и первой французской имперіи.

Нехотя покинули мы очаровательный уголокъ, открытый нами, оставивъ за собою нашихъ живописцевъ, которые засѣли рисовать чудныя монастырскія сосны.

На возвратномъ пути, я, взявъ съ собою Корнея, отдѣлился отъ ребятъ, чтобы отыскать книжную лавку. Она нашлась въ глухой улицѣ и оказалась крошечною лавченкою, вмѣщающею и переплетную мастерскую, и библіотеку для чтенія, и продажу книгъ и письменныхъ принадлежностей. Никакого описанія Осташкова, Ниловой Пустыни, Селижаровскаго монастыря въ продажѣ не оказалось. За то нашлись Часословы, обѣщанные

мною нашимъ маленькимъ Оковецкимъ друзьямъ, — правда, по 80-ти к. за экземпляръ (цѣна въ синодальныхъ лавкахъ — 55 к.). Я засадилъ Корнея переписать изъ лексикона Плюшара кое-какія свѣдѣнія объ Осташковѣ и отправился къ ребятамъ. Несчастный Корней, переписавши, что слѣдуетъ, заблудился и лишь черезъ два часа добрался до нашего постоялаго двора, до коего отъ книжной лавки—два шага.

Послѣ сытнаго обѣда и краткаго отдыха мы собрались въ путь. Съ пристани я набросалъ видъ Житнаго монастыря, и вскорѣ насъ впустили на пароходъ, хорошенькій и уютный, носящій имя Угодника. Въ распоряженіе ребятъ была отдана монахомъ-капитаномъ каюта втораго класса. Но они тамъ не усидѣли, и, не смотря на холодный вѣтеръ, все время переѣзда простояли на палубѣ. Все это было такъ ново и чудно! И таинственная машина, двигавшая пароходъ, и клубы пара, и свистки, и обширное озеро, и быстро удалявшійся отъ насъ Осташковъ съ своими высокими колокольнями и зеленымъ мысомъ Житнаго острова, и легкая качка, производимая противнымъ вѣтромъ. Передъ нами съ лѣваго берега озера выдвигался широкій мысъ, заросшій сосновымъ лѣсомъ. Вотъ пароходъ сталъ огибать этотъ мысъ, и вдругъ изъ-за темнаго бора величаво выплыла, уже близкая, бѣлокаменная масса церквей и башенъ, высокихъ палатъ и густой зелени, увѣнчанная шпилемъ многоярусной колокольни. Нилова Пустынь!... Всѣ разговоры замолкли, всѣ головы обнажились, всѣ взоры обратились на плывущую намъ на встрѣчу святыню. Все ближе и ближе завѣтный островъ. Пароходъ замедлилъ ходъ и, разгоняя своимъ свистомъ множество лодокъ и лодочекъ, снующихъ по всѣмъ направленіямъ, плавно подбѣжалъ къ пристани.

Въ длинной крытой галлереѣ пристани десятскіе

пересчитали ввѣренныхъ имъ ребятъ и всѣ мы двинулись въ гору. Подъемъ, извиваясь между громадными монастырскими постройками и вѣковыми деревьями, привелъ насъ на обширный дворъ, въ коемъ помѣщается монастырская чайная. Мы вошли въ нее. Немногіе богомольцы, сидѣвшіе въ длинной залѣ за чайными столиками, тотчасъ перешли въ первую, менѣе обширную комнату, и мигомъ были заняты нами всѣ мѣста въ большой залѣ. Въ первый разъ во время нашего путешествія сѣли мы за столъ всѣ вмѣстѣ и заразъ. Началось чаепитіе съ мягкимъ бѣлымъ хлѣбомъ, купленнымъ въ монастырской лавкѣ. Въ дверяхъ собралась вскорѣ цѣлая толпа любопытныхъ, съ удивленіемъ глядѣвшихъ на маленькихъ богомольцевъ, прибывшихъ въ Пустынь. Разспросамъ и восклицаніямъ не было конца. Едва успѣли мы напиться чаю, какъ раздался густой, тихій ударъ большаго колокола. Всѣ мы черезъ Святыя ворота направились къ собору. Наружность его не отличается красотою: это — холодная постройка Александровскихъ временъ. Но внутренность величественна и богата. Массивные столбы, съ широкими пролетами между ними, отдѣляютъ главный храмъ отъ боковыхъ придѣловъ. Главный иконостасъ, въ стилѣ рококо, весь позолоченный, въ высшей степени эффектенъ. Надъ царскими дверьми громадныхъ размѣровъ, изъ чистаго серебра, помѣщено серебряное же изображеніе Св. Духа, въ сіяніи коего лучи, отражая падающій изъ купола свѣтъ, дѣйствительно сіяютъ мягкимъ и чистымъ блескомъ благороднаго металла. Огромныя рѣзныя, позолоченныя изображенія ангеловъ поддерживаютъ мѣстныя иконы хорошаго письма въ итальянскомъ стилѣ. Въ послѣднемъ пролетѣ направо, на солеѣ главнаго храма, подъ пышнымъ балдахиномъ стоитъ богатая рака съ мощами Угодника.

Мы приложились къ мощамъ, и монахи заботливо провели нашихъ ребятъ впередъ, такъ что всѣ очутились на ступеняхъ солеи. Была Суббота. Началась всенощная, торжественная и длинная, съ прекраснымъ пѣніемъ смѣшаннаго хора на правомъ клиросѣ, съ болѣе слабымъ (на мужскихъ голосахъ)—на лѣвомъ. Длилась она отъ шести часовъ до половины одиннадцатаго, и никто изъ насъ не ощутилъ ни малѣйшаго утомленія, ибо въ церковныхъ службахъ утомительна не ихъ продолжительность, а торопливое чтеніе и невнятное пѣніе, вызывающее постоянное, и часто тщетное, напряженіе вниманія и слуха. Выслушиваются же сначала и до конца оперы Мейербера и Вагнера, сравнительно съ нашею воскресною всенощною столь бѣдныя поэтическими и музыкальными красотами, и это только потому, что исполненіе, уничтожающее эти красоты, въ оперѣ не было бы терпимо. Конечно, тутъ присоединяется то прискорбное обстоятельство, что напыщенный нѣмецкій языкъ Вагнера и жаргонъ итальянскихъ либретто для большинства посѣтителей оперы понятнѣе языка церковно-славянскаго. Тѣмъ не менѣе, языкъ этотъ даже для самыхъ *образованныхъ* изъ насъ, не есть же языкъ иностранный, и то, что на этомъ языкѣ читается и поется на нашихъ церковныхъ службахъ, выражаетъ не сенсаціи какого-нибудь Рауля и Валентины, изобрѣтенныхъ г. Скрибомъ,—не геройство какого-нибудь Зигфрида, для самаго Вагнера служащаго лишь предлогомъ къ треску мѣдныхъ инструментовъ, а то, что происходитъ въ глубочайшихъ тайникахъ нашей собственной души, въ часы смертельной ея скорби, въ минуты высшаго ея просвѣтлѣнія.

Мы вышли изъ церкви. Нашихъ ребятъ ожидалъ въ обширной чайной накрытый столъ и прекрасный ужинъ. Еще лучше накормили учителей. Всѣмъ намъ былъ от-

веденъ обширный, просторный ночлегъ въ томъ же зданіи, въ коемъ помѣщается чайная. На мою долю досталась прекрасная, свѣтлая, угловая комната, съ чудными видами на озеро, на монастырскіе сады и церкви. Я помѣстилъ къ себѣ обоихъ живописцевъ, чтобы эти виды были у нихъ подъ руками, и мы сладко уснули въ прозрачныхъ сумеркахъ свѣжей сѣверной ночи.

День шестой.

Ребята всѣ вскочили въ четвертомъ часу и побѣжали къ ранней обѣднѣ; я же остался дома, чтобы писать письма. Тѣмъ не менѣе, къ концу обѣдни я поспѣлъ, и, когда она отошла, мы отслужили молебенъ у мощей Преподобнаго. Церковь была полна молящихся. Когда мы изъ нея вышли, свѣтило яркое солнце, и, хотя продолжалъ дуть сѣверный вѣтеръ, въ затишьи между монастырскими зданіями было тепло. Мы вернулись въ гостинницу, и началось чаепитіе. Не успѣло оно кончиться, какъ подъ окнами раздались радостные клики. На площадкѣ передъ чайною разгуливалъ монастырскій павлинъ, и всѣ ребята высыпали на дворъ—любоваться этимъ невиданнымъ зрѣлищемъ. Тщеславная птица, очевидно понимая, что всѣ заняты ею, то распускала свой пышный хвостъ, величаво поворачиваясь во всѣ стороны, то бережно складывала его; то подбѣгала къ дѣтямъ, притворяясь, что хочетъ ихъ клюнуть, то быстро убѣгала и снова распускала на солнцѣ свои радужныя перья. Наконецъ, ребята оцѣпили павлина широкимъ кругомъ и принялись кормить его бѣлымъ хлѣбомъ. Новая радость! Павлинъ близко подходилъ къ каждому, заглядывалъ въ глаза, бралъ хлѣбъ изъ рукъ; можно было разсмотрѣть всѣ переливы на его сверкающей шейкѣ, всѣ перышки въ его изящномъ хохолкѣ...

Мои рисовальщики и я воспользовались промежуткомъ между раннею и позднею обѣднею, чтобы набросать нѣсколько видовъ монастыря. Яркое солнце играло на неутихшей поверхности озера; со всѣхъ сторонъ неслись къ острову разнообразныя лодки и лодочки, наполненныя богомольцами; изъ-за лѣсистаго мыса выбѣжалъ пароходъ, съ громкимъ свистомъ разгоняя снующую по озеру мелюзгу, замедлилъ ходъ, скользнулъ въ пристань и выпустилъ на берегъ цѣлую толпу богомольцевъ. Тотчасъ затѣмъ раздался густой ударъ большаго колокола. Мы всѣ отправились въ соборъ.

Въ соборѣ ребята мои были уже какъ дома. Поощряемые монахами, они прямо заняли первыя мѣста, на широкихъ ступеняхъ громадной солеи. Мнѣ дали мѣсто на лѣвомъ клиросѣ, и у моихъ ногъ посадили на коврикѣ моего милаго горбунка Тимошу, слишкомъ слабаго, чтобы выстоять всѣ службы. Я могъ видѣть его взоръ, устремленный кверху, съ тѣмъ выраженіемъ, которое удалось понять и уловить одному Рафаэлю, въ лицахъ двухъ ангеловъ Сикстинской Мадонны.

Началась поздняя обѣдня, торжественная и пышная, при блескѣ солнца, при пѣніи двухъ многоголосныхъ хоровъ. На правомъ клиросѣ пѣлъ смѣшанный хоръ и исполнилъ весьма искусно рядъ весьма сложныхъ и щеголеватыхъ пѣснопѣній неизвѣстныхъ мнѣ авторовъ, въ стилѣ Галуппи. На лѣвомъ клиросѣ пѣлъ хоръ изъ мужскихъ голосовъ.

Увы! За истекшія двѣнадцать лѣтъ характеръ пѣнія въ Ниловой Пустыни значительно измѣнился, и измѣнился не къ лучшему. Смѣшанный хоръ (съ участіемъ мальчиковъ пѣвчихъ) выигралъ въ техникѣ, но выборъ исполняемыхъ имъ пѣснопѣній сталъ крайне плохъ, чуждъ характера не только монастырскаго, но и вообще церковнаго. Еще прискорбнѣе паденіе традиціоннаго пѣ-

нія на мужскихъ голосахъ, коимъ доселѣ славилась Нилова Пустынь. Пѣніе это составляетъ драгоцѣнное достояніе нашихъ древнихъ монастырей и только въ нихъ можетъ быть поддержано на должной высотѣ. Красота этого пѣнія коренится въ столь полномъ усвоеніи напѣвовъ осьми церковныхъ гласовъ и напѣвовъ самогласныхъ, какое возможно только монаху, обязанному всю жизнь пѣть въ церкви ежедневно. Пѣніе это положено на ноты быть не можетъ, ибо тексты пѣснопѣній ежедневно мѣняются, обусловливая безпрестанныя варіаціи въ ритмѣ, приглашая къ варіаціямъ и въ самой мелодіи и ея гармонизаціи. Такимъ образомъ въ пѣніе, напримѣръ, стихиръ на *Господи воззвахъ*, сѣдальныхъ и т. п. постоянно входитъ элементъ безсознательной импровизаціи, безъ коей пѣніе не можетъ достичь полной силы и жизненности. Тутъ смысломъ текста, его просодіею подсказываются акценты, опредѣляется умѣстность украшеній, которыя позволяетъ себѣ тотъ или другой голосъ. Понятно, что такая свобода отдѣльныхъ голосовъ при пѣніи многоголосномъ возможна только въ хорѣ, твердо дисциплинированномъ незыблемымъ преданіемъ, спѣвшемся, такъ сказать, воедино, проникнутомъ единымъ пониманіемъ нашихъ церковныхъ напѣвовъ, чреватыхъ столь безконечнымъ рядомъ законныхъ и выразительныхъ варіацій.

Восемь лѣтъ тому назадъ, мы попали въ Нилову Пустынь наканунѣ дня Апостола Іуды. Стихиры на *Господи воззвахъ* были пропѣты съ такою силою, съ такою чеканкою каждаго слова, каждаго звука, что текстъ ихъ остался у меня въ памяти до сихъ поръ. Краткія колѣна, на слова: *Іуда чудный!— Яко молнія,* при каждомъ повтореніи, конечно безсознательно, пѣлись съ легкими видоизмѣненіями, эффекта потрясающаго по своей умѣстности и простотѣ.

Нынѣ въ Ниловой Пустыни всего около двадцати монашествующихъ. Изъ нихъ на клиросѣ поетъ человѣка три, четыре. Остальные пѣвцы—люди посторонніе, такъ или иначе связанные съ монастыремъ, и между ними есть голоса прекрасные. Но въ хорѣ нѣтъ той цѣльности, той спокойной увѣренности, которая даетъ возможность совершенно свободнаго пѣнія. Нѣтъ болѣе той отчетливости въ произношеніи текстовъ, того слiянія пѣнія съ ихъ смысломъ. На торжественныхъ всенощныхъ къ мужскимъ голосамъ присоединены дѣтскіе, что возвышаетъ красоту звуковъ, но еще болѣе затемняетъ ихъ смыслъ, ибо этого смысла дѣти вполнѣ понять не могутъ.

Тотчасъ послѣ обѣдни насъ накормили обѣдомъ, а промежуткомъ между обѣдомъ и вечернею мы воспользовались для прогулки на берегъ озера. Берегъ этотъ съ сѣверо-востока вдается въ озеро длиннымъ мысомъ, направленнымъ къ острову Столобному, и конецъ этого мыса образуетъ живописный полуостровъ, заросшій старыми соснами, между коими возвышается приписанная къ монастырю церковь Михаила Архангела. Полуостровъ этотъ называется Свѣтицею и такъ близко подходитъ къ сѣверо-восточному углу острова, что сообщается съ нимъ посредствомъ парома. Самая Свѣтица представляетъ высокій сухой горбыль, съ коего открывается великолѣпный видъ на озеро и монастырь. Долго любовались мы этимъ видомъ, сидя на склонѣ горбыля, защищенные отъ вѣтра густымъ сосновымъ боромъ. По озеру, по всѣмъ направленіямъ, сновали безчисленныя лодки, и нѣкоторые изъ старшихъ моихъ спутниковъ, въ томъ числѣ живописцы, наняли одну изъ нихъ, чтобы посѣтить расположенную верстахъ въ четырехъ часовню съ чудотворною иконою Троеручицы. Я же съ остальными ребятами обошелъ весь полуостровъ по вы-

сокому краю сосновой рощи. Роща эта прекрасна; сосны то сдвигаются въ густыя массы, то, разступаясь, оставляютъ между собою обширныя полянки, на конхъ стоятъ отдѣльными экземплярами старыя рябины рѣдкой красоты, съ прямымъ толстымъ стволомъ и роскошною правильною кроною. Низкая мурава этихъ полянъ вся испещрена золотыми цвѣтками очитка и пурпурными кистями тиміана. Вернулись мы въ монастырь задолго до вечера и успѣли еще побесѣдовать съ о. Евлампіемъ, старымъ монахомъ, знакомымъ намъ по прежнему путешествію, осмотрѣть монастырскій садъ и посѣтить пещеру, вырытую, по преданію, самимъ Преподобнымъ. Къ вечернѣ вернулись наши товарищи съ набросками посѣщенной ими часовни. Небо опять покрылось тучами, сталъ накрапывать дождь.

Началась вечерня. Въ соборѣ царствовалъ мягкій полумракъ, и онъ казался еще обширнѣе, еще величественнѣе, чѣмъ при солнечномъ свѣтѣ. Причудливая рѣзьба иконостаса утратила свои рѣзкія очертанія. Одно сіяніе надъ царскими вратами продолжало отражать серебристымъ блескомъ задумчивый свѣтъ, падавшій изъ купола, да сверкала позолота отъ множества свѣчей, зажженныхъ у раки Преподобнаго. Пѣніе шло на однихъ мужскихъ голосахъ, не столь величественно и стройно, какъ восемь лѣтъ тому назадъ. Тѣмъ не менѣе, впечатлѣніе службы, неспѣшной и осмысленной, было благотворно и сильно. Тихо и стройно, съ невольнымъ пониженіемъ голосовъ подъ ладъ густѣющимъ сумеркамъ, развертывались длинныя моленія повечерія и акаѳиста. Великолѣпный конецъ вечернихъ монастырскихъ службъ,—поклонъ настоятеля братіи съ моленіемъ о прощеніи, былъ, какъ всегда, величественъ и трогателенъ. Торжественно и призывно прозвучали послѣднія слова величанія, обращеннаго къ мощамъ

Преподобнаго: „Наставниче монаховъ и собесѣдниче ангеловъ!“

Мы вышли изъ церкви. Сѣрая пелена дождевыхъ тучъ вдругъ разодралась на сѣверо-западѣ, надъ уже закатившимся солнцемъ. Мы съ живописцами поспѣшили выбѣжать на сѣверную набережную острова. Нѣжно-пурпурное сіяніе озаряло небосклонъ, окаймляло нижніе края густо нависшихъ тучъ. Озеро волновалось, и его свинцовая зыбь вся была испещрена алыми блестками. Но дулъ свирѣпый холодный вѣтеръ. Я поспѣшилъ въ гостинницу, но уже успѣлъ простудиться.

Насъ ожидалъ роскошный ужинъ. Прислали намъ даже монастырскаго пива, коего мы отвѣдали, ибо наше общество трезвости допускаетъ вкушеніе пива домашняго приготовленія.

День седьмой.

Ночью меня сильно знобило, и поэтому ребята пошли къ утренѣ безъ меня, а я попалъ только къ ранней обѣднѣ. Было рѣшено тотчасъ послѣ нея отправиться въ Осташковъ, чтобы поспѣть къ поздней обѣднѣ въ Вознесенскомъ монастырѣ, а затѣмъ двинуться въ обратный путь. Монахи предложили намъ послѣ обѣдни отслужить для насъ безвозмездно молебенъ о путешествующихъ у мощей Преподобнаго, и молебенъ былъ отслуженъ торжественно, послѣ чего каждаго изъ насъ благословили кипарисным крестикомъ.

Едва успѣли мы собрать свои пожитки и сѣсть на пароходъ. Погода стояла все та же, вѣтряная и холодная, и я почти все время переѣзда просидѣлъ въ каютѣ, бесѣдуя съ однимъ изъ монаховъ Пустыни, ѣхавшимъ съ нами. Онъ сообщилъ мнѣ любопытныя свѣдѣнія о количествѣ богомольцевъ, посѣщающихъ Нилову Пу-

стынь. Количество это цѣнится различно и въ точности опредѣлено быть не можетъ, ибо ведется счетъ лишь богомольцамъ, ночующимъ въ Пустыни, количество же богомольцевъ, по вечерамъ уѣзжающихъ ночевать на берегъ, ускользаетъ отъ всякаго контроля. Количество это весьма значительно, ибо во времена сильнаго наплыва богомольцевъ монастырскія зданія, несмотря на ихъ обширность, и десятой ихъ доли вмѣстить не могутъ. Собесѣдникъ мой считалъ количество богомольцевъ, посѣщающихъ пустынь въ день обрѣтенія мощей Преподобнаго, тысячъ въ 15; количество богомольцевъ, посѣщающихъ ее въ теченіе Великаго поста, тысячъ въ 30; за весь годъ тысячъ въ 100. Ко дню обрѣтенія ежегодно печется 5000 хлѣбовъ (по 20 фунтовъ) и на печеніе просфоръ расходуется 25 мѣшковъ муки (по 5 пудовъ). Цифра моего собесѣдника не показалась мнѣ преувеличенною въ виду множества молящихся, наполняющихъ соборъ въ обыкновенные воскресные и даже будничные дни, въ виду множества лодокъ, безпрестанно привозящихъ и отвозящихъ посѣтителей, въ виду распространенности въ нашихъ краяхъ обычая—ходить на богомолье къ Угоднику.

Такой наплывъ богомольцевъ, конечно, объясняется широкимъ гостепріимствомъ обители, ея образцовыми службами, высокою жизнью отдѣльныхъ монаховъ, всецѣло преданныхъ служенію Богу и меньшей братіи, стекающейся въ монастырь. Во всемъ этомъ воплощается духъ Преподобнаго, до сихъ поръ витающій въ обители. Само собою разумѣется, что малочисленность монашествующихъ значительно затрудняетъ полное проявленіе этого духа. Обширное монастырское хозяйство, красота церковныхъ службъ требуетъ привлеченія къ дѣлу множества лицъ, не монашествующихъ, сами же монахи обременены трудами. Но нѣтъ сомнѣнія, что

уменьшеніе числа иноковъ въ Ниловой Пустыни есть явленіе случайное и временное; мы видимъ, что монастыри, несравненно менѣе богатые и славные, привлекаютъ многочисленныхъ послушниковъ и монаховъ.

Въ Осташковѣ насъ постигло разочарованіе. Въ Вознесенскомъ монастырѣ, по случаю передѣлокъ въ главномъ храмѣ, не было поздней обѣдни. Поэтому мы рѣшились въ тотъ же день, послѣ ранняго обѣда, пуститься въ обратный путь.

Время до обѣда я употребилъ на разыскиваніе описаній посѣщенныхъ нами святынь. Это удалось не вдругъ. Въ публичной библіотекѣ, по части мѣстныхъ церковныхъ древностей, не нашлось ничего. Но мнѣ посовѣтовали обратиться въ земскую управу, гдѣ я пріобрѣлъ обстоятельное описаніе Осташкова (В. Покровскаго); въ управѣ же мнѣ указали на мѣстнаго археолога, о. Владиміра Успенскаго. Этотъ послѣдній принялъ меня съ полнымъ радушіемъ и подарилъ мнѣ составленное имъ историческое описаніе Ниловой Пустыни (коего въ самой Пустыни пріобрѣсти нельзя). Онъ же авторъ обстоятельныхъ описаній монастырей Селижаровскаго и Житнаго и села Оковцы. Эти описанія я пріобрѣлъ на мѣстахъ.

Послѣ сытнаго обѣда мы выступили въ походъ въ три четверти перваго. Погода стояла по прежнему холодная, и рѣзкій вѣтеръ, хотя и попутный (шли мы на югъ), дѣлалъ ходьбу по сыпучимъ пескамъ еще болѣе утомительною. Съ горы, предшествующей Сиговкѣ, мы еще разъ взглянули на Осташковъ, на тревожную зыбь Селигера, на блестящіе куполы Пустыни, на темныя сосны Свѣтицы. Въ самой Сиговкѣ мы сдѣлали краткій, но неудачный привалъ. Насъ задулъ холодный вѣтеръ, мы напились холодной воды быстрой Сиговки и окончательно продрогли. Вторую половину перехода я совер-

шилъ съ трудомъ. Меня трясла лихорадка и, прибывъ въ Зехново, я тотчасъ слегъ. Ребята, впрочемъ, дошли совершенно бодрые, и лишь нѣкоторые изъ старшихъ жаловались на ознобъ. Тотчасъ былъ пущенъ въ ходъ хининъ, и съ полнымъ успѣхомъ. Пошли мы рано и всѣ исподоволь напились чаю и поужинали: была совершена полная вечерняя молитва, къ великой радости хозяевъ. Напившись чаю, я почувствовалъ себя лучше и къ утру крѣпко заснулъ.

День восьмой.

Ночью вѣтеръ значительно ослабѣлъ. Свѣжее, сѣрое утро предвѣщало пріятный переходъ. Тѣмъ не менѣе, чувствуя еще слабость отъ вчерашней лихорадки, я рѣшился доѣхать до Селижарова, тѣмъ болѣе, что тамъ предстояло усиленное рисованіе, для чего я и взялъ съ собою и Николю. Хозяйка проводила насъ обычными комплиментами на счетъ моихъ ребятъ и просьбами—взять съ собою въ мою школу зехновскихъ сиротъ.

До Селижарова доѣхали мы быстро, по ровной, отличной дорогѣ. Солнце стало проглядывать сквозь туманную дымку и замѣтно пригрѣвать. Мы съ Николею тотчасъ отправились въ монастырь—рисовать, и въ оградѣ его, подъ защитою стѣнъ и зданій, намъ было тепло. Незамѣтно прошло время до прибытія ребятъ, которые пришли совершенно здоровые и бодрые, очень довольные краткимъ, легкимъ переходомъ.

Селижаровскій монастырь мы осмотрѣли во всѣхъ подробностяхъ. Главную красу его составляетъ Троицкій соборъ, отлично сохраненная постройка XVII-го вѣка, съ пятью стройными главами, возвышающимися надъ квадратнымъ трибуномъ. Прелестные столбы, поддерживающіе шатеръ надъ главнымъ входомъ въ соборъ, составляютъ легкую варіацію столбовъ, украшающихъ шатеръ

надъ Святыми воротами. Вполнѣ сохранены любопытныя кафли съ рельефнымъ изображеніемъ льва (гербъ Ржевскаго уѣзда), украшающія цоколь зданія. Онѣ только закрашены густою бѣлою краскою. Наличники оконъ представляютъ много интереснаго. Вглядываясь въ нихъ, я убѣдился, что большая доля ихъ живописнаго эффекта, помимо оригинальности рисунка, зависитъ отъ грубой, но совершенно свободной каменотесной работы. Легкія отступленія отъ безусловной симметріи, шероховатость работы, произведенной, очевидно, самыми первобытными орудіями, но рукою, не связанною обязательнымъ шаблономъ, придаютъ имъ ту живость и выразительность, которая отличаетъ, напримѣръ, крестьянское шитье, крестьянскія кружева отъ аккуратныхъ фабричныхъ издѣлій того же рисунка.

Въ монастырѣ есть еще другая церковь—Петропавловская, относящаяся къ XVI-му вѣку. Къ сожалѣнію, древній верхъ ея замѣненъ круглымъ куполомъ Александровскихъ временъ. Свой древній характеръ сохранила только абсида алтаря, которую тщательно срисовалъ Николя.

Въ Селижаровѣ моихъ ребятъ отлично покормили, но одного изъ нихъ у меня чуть не похитили. Мальчикъ этотъ, изъ мѣщанъ, въ Селижаровѣ неожиданно встрѣтилъ своего отца, уже нѣсколько лѣтъ обрѣтавшагося въ бѣгахъ. Тутъ же оказались его дѣдъ и тетки по отцу, и вся эта семья настаивала на томъ, чтобы я мальчика ей отдалъ. Но такъ какъ онъ былъ порученъ мнѣ матерью, я, не безъ труда, отстоялъ мальчика, предоставляя мужу и женѣ вѣдаться между собою на счетъ его будущей судьбы.

Выступили мы въ походъ въ три часа. Предстоялъ переходъ длинный и утомительный, по гористой, каменистой мѣстности. На полпути мы сдѣлали привалъ,

закусили баранками, и я сѣлъ въ тарантасъ съ Николею, чтобы онъ успѣлъ нарисовать до захода солнца Оковецкую церковь, а я—распорядиться ужиномъ для моей многочисленной семьи. Оставивъ Николю на высокой горѣ подъ Оковцами, съ коей видъ на церковь и село особенно живописенъ, я отправился на постоялый дворъ къ отцу нашего знакомаго Алеши, который съ радостью согласился всѣхъ насъ помѣстить у себя. Тотчасъ послали къ сосѣдямъ за добавочными самоварами, купили для ребятъ мятныхъ пряниковъ и принялись готовить сытный ужинъ. Николя вскорѣ явился ко мнѣ съ своимъ рисункомъ, и весь нашъ караванъ прибылъ раньше, чѣмъ мы его ожидали. Безъ меня ребята, очевидно, шли слишкомъ быстрымъ шагомъ, ибо они дошли до Оковецъ крайне утомленные. Чаепитіе, приготовленія къ ужину затянулись. Всѣхъ ребятъ клонило ко сну, и поэтому мы совершили вечернюю молитву въ самомъ сокращенномъ видѣ.

Два слова объ этихъ молитвахъ. Онѣ совершаются у насъ въ полномъ составѣ, съ пѣніемъ, неспѣшно, и поэтому длятся отъ 20-ти до 25-ти минутъ. Многимъ такое моленіе кажется слишкомъ продолжительнымъ, для малыхъ дѣтей утомительнымъ. Я самъ держался этого мнѣнія, и долго мы ограничивались пѣніемъ *Отче Нашъ* и *Достойно есть* (утромъ *Царю Небесный* и *Богородице Дѣво*)—и чтеніемъ *одной* избранной молитвы, которую я читалъ самъ, ежедневно мѣняя ее. Но ученики такъ полюбили эти молитвы, что послѣ общаго моленія старшіе стали собираться въ отдѣльную комнату, чтобы прочитать ихъ въ полномъ составѣ. Наконецъ, они воспользовались краткою моею болѣзнью, заставившею меня переселиться на нѣсколько дней изъ школы въ домъ, чтобы ввести общее чтеніе всѣхъ молитвъ по мѣсяцеслову. Я, разумѣется, былъ этому очень радъ и

позаботился о томъ, чтобы придать этимъ моленьямъ возможную стройность. Начальный и заключительный возгласъ произносятся (въ формѣ, предписанной міянамъ) однимъ изъ учителей; одинъ изъ младшихъ учениковъ произноситъ наизусть молитвы начальныя и 12-кратное *Господи помилуй* по пѣніи тропарей. Одинъ изъ старшихъ учениковъ читаетъ всѣ молитвы вечернія, хоръ поетъ *Взбранной Воеводѣ* и *Достойно*. Очереди не соблюдается, ибо дозволеніе читать молитвы есть нѣкотораго рода награда за успѣхи въ церковномъ чтеніи. Такъ какъ чтеніе подъ рядъ всѣхъ десяти вечернихъ молитвъ для маленькихъ чтецовъ нѣсколько утомительно, оно прерывается на серединѣ пѣніемъ *Свѣте тихій* или тропаря ближайшаго праздника. Иногда вечернія молитвы замѣняются Акаѳистомъ или инымъ молитвеннымъ послѣдованіемъ. Подобнымъ тому порядкомъ совершаются молитвы утреннія.

Въ случаѣ нужды, конечно, допускаются всѣ возможныя сокращенія. Нужда эта, въ нашей практикѣ, представлялась только во время путешествія, вслѣдствіе утомленія ребятъ. Само собою разумѣется, что такой порядокъ умѣстенъ только въ школахъ съ общежитіемъ. Исполненіе молитвъ вечернихъ и утреннихъ передъ уроками и послѣ нихъ, т. е. среди бѣла дня, практикуемое въ нѣкоторыхъ школахъ, не имѣетъ смысла и поэтому обращается въ тягостную формальность...

Ночь была холодная, и поэтому мы всѣ размѣстились на ночлегъ въ избѣ, и хотя эта изба очень просторна, тѣснота была страшная. По счастію, не было клоповъ. Хозяинъ увѣрялъ насъ, что онъ предотвращаетъ ихъ появленіе въ своей избѣ тѣмъ, что во время цвѣтенія конопли, онъ бьетъ по стѣнамъ пучками поскони; клопы будто не выносятъ запаха цвѣточной пыли, при этомъ проникающей во всѣ щели.

День девятый.

Ребята проснулись свѣжіе и бодрые. Утро было сѣренькое, но теплое. Предстоялъ легкій переходъ.

Неспѣшно совершили мы утреннюю молитву (краткость вечерней молитвы наканунѣ огорчила нашихъ хозяевъ), исподоволь напились чаю и посѣтили Оковецкую церковь, прекрасную и высокую. Постройка ея относится къ прошлому вѣку, и времени ея построенія соотвѣтствуетъ общій ея обликъ; архитектурныя же подробности исполнены совершенно въ характерѣ вѣка семнадцатаго. Къ сожалѣнію, къ ней пристроена (въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія) колокольня съ робкими претензіями на готическій стиль. Церковь стоитъ на крутомъ холмѣ, и этимъ воспользовались, чтобы устроить подъ нею двѣ большія духовыя печи, согрѣвающія громадный зимній придѣлъ. Тутъ мы пріобрѣли иконы Оковецкой Божіей Матери. Иконы эти маленькія, весьма невысокой миніатюрной работы, но онѣ бойко, отъ руки, писаны на доскѣ, пахнутъ кипарисомъ, стиль ихъ безукоризненъ, и продаются онѣ по 10-ти копѣекъ! Высылаются онѣ изъ Твери. Что же получаетъ за нихъ изготовляющій ихъ, въ своемъ родѣ искусный, изографъ? И могутъ ли соперничать съ его произведеніями вялыя хромолитографіи, распространяемыя изъ Петербурга, Москвы и Варшавы?!

Мы весело двинулись въ путь. Сѣрая пелена неба порѣдѣла и растаяла. Проглянуло яркое солнышко. Съ юга потянулъ душистый, ласковый вѣтерокъ. Погода окончательно стала лѣтнею.

Всѣ ребята защебетали, какъ птички послѣ долгаго ненастья. До деревни Боровыхъ Нивъ, гдѣ предполагалось обѣдать, было всего двѣнадцать верстъ. Доро-

гою мы накупили себѣ провіанта, котораго забыли захватить въ Оковцахъ: въ деревняхъ—хлѣба, на постояломъ дворикѣ въ Березуяхъ — сельдей. Опять прошли мы черезъ прелестный боръ, въ коемъ недѣлю тому назадъ рвали ландыши. Они окончательно отцвѣли, но нескошенная трава лѣсныхъ полянокъ еще пестрѣла цвѣтами, но еще гуще, при яркомъ солнцѣ, казался сумракъ разбѣгавшихся, невѣдомо куда, лѣсныхъ тропинокъ. Снова перебрались мы, по остаткамъ разрушеннаго моста, черезъ Пырошню, и завернули къ той же, суровой на видъ, хозяйкѣ, которая на этотъ разъ приняла насъ, какъ старыхъ знакомыхъ. Даже ея большая черная собака обрадовалась намъ: она суетливо принялась бѣгать между ребятами, норовя каждаго изъ нихъ лизнуть въ лицо.

Мы живо пообѣдали, скоро отдохнули и пустились далѣе, несмотря на крупный, теплый дождь, очевидно не могшій длиться.—Дождь намъ не надоѣлъ! объявили ребята. Нужно замѣтить, что во все время нашего путешествія шли непрерывные дожди; но, по рѣдкому счастію, они постоянно изливались или во время нашихъ остановокъ, или впереди и позади насъ, такъ что мы ни разу не промокли. Самые холода, стоявшіе во время нашего путешествія, значительно его облегчили, хотя подчасъ становились черезъ чуръ рѣзкими: хожденіе въ жаркую погоду несравненно утомительнѣе.

Предстоялъ переходъ въ 18 верстъ, и по мѣстамъ новымъ, ибо мы не свернули на Сибирь и Меженинку, а пошли прямо по большаку, на Бобровку. Вскорѣ дождь прошелъ, опять засіяло солнце, и возстановилось прежнее радостное настроеніе. Мѣстность вокругъ насъ постепенно понижалась. Боровые горбыли замѣнились влажными лугами, молодыми березовыми рощами, безконечными пустырями, заросшими олешникомъ и ивами.

Чувствовалось приближеніе къ дому: казалось, мы идемъ пустошами Бѣльскаго уѣзда. Направо, вдали синѣли волнистые холмы Сибири, виднѣлись церкви Бакланова и Пыжей. Наконецъ показалась и Шалаевская гора.

Мы весело шли по мягкой, грязноватой дорогѣ, въ которую тутъ обращается большакъ. Много смѣху возбуждалъ одинъ изъ нашихъ мальчиковъ, по прозванію Рыжикъ. Мальчикъ этотъ, очень глупый, овладѣлъ зонтикомъ одного изъ учителей и при входѣ въ каждую деревню распускалъ его и важно шествовалъ подъ его защитою. На вопросъ, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ? — онъ отвѣчалъ, что когда онъ идетъ просто, никто на него не обращаетъ вниманія, когда же онъ распуститъ зонтикъ, всѣ передъ нимъ снимаютъ шапки. За это онъ немедленно былъ прозванъ фарисеемъ.

Нашъ милый горбунокъ бодро сидѣлъ на своемъ облучкѣ, покрикивая на лошадокъ. На лицѣ его еще блуждало то выраженіе, съ коимъ онъ слушалъ службы въ Ниловой Пустыни. Дѣти радостно припоминали все видѣнное и на вопросъ, что больше всего имъ понравилось? посыпались самые разнообразные отвѣты: — пароходъ!... пѣніе!... павлинъ!... Но Тимоша убѣжденно повторялъ: самъ Угодничекъ!

Особенно радостны были два молодыхъ учителя, коимъ предстояло жениться въ Іюлѣ. Рады они были и близкому свиданію съ невѣстами, рады и тому, что передъ самымъ бракомъ имъ удалось сходить къ Угоднику. Одному изъ нихъ, кромѣ того, предстояло посвященіе въ діакона. Мы вспоминали, какъ, восемь лѣтъ тому назадъ, онъ, еще маленькимъ мальчикомъ, шелъ со мною по той же дорогѣ, какъ, послѣ того, постепенно и для насъ незамѣтно, Богъ привелъ его къ поступленію въ духовное званіе, и многое въ прошломъ становилось для насъ осмысленнымъ и яснымъ.

Солнце заходило. Передъ нами темносинею полосою тянулись лѣса высокихъ береговъ Туда, изъ нихъ выглядывали колокольни церквей, расположенныхъ по его теченію. Прямо передъ нами возвышалась надъ лѣсомъ, на противоположномъ берегу, озаренная послѣдними лучами солнца, церковь села Лѣсникова. Я сѣлъ въ тарантасъ, чтобы отыскать ночлегъ въ незнакомой мнѣ деревнѣ Каменкѣ, въ коей предстояло ночевать, переѣхалъ вбродъ черезъ Тудъ, въ этомъ мѣстѣ менѣе живописный, чѣмъ въ Сибири, но многоводный и широкій, узналъ на мельницѣ, что въ близкой Каменкѣ можно найти удобный ночлегъ у церковнаго старосты и дождался тутъ нашихъ ребятъ, которые вскорѣ нагнали меня и перебрались по утлымъ кладямъ, проложеннымъ по мельничной плотинѣ.

Въ Каменкѣ церковный староста принялъ насъ чрезвычайно радушно. Мы поужинали привезенными съ собою припасами, къ коимъ хозяинъ присоединилъ лукъ и квасъ. Нашелся и самоварчикъ, но только одинъ, и старшіе выпили по чашкѣ чаю. Вечерняя молитва привлекла много постороннихъ молельщиковъ, и послѣ нея хозяинъ еще болѣе сталъ за нами ухаживать. Изба его всѣхъ насъ на ночь вмѣстить не могла. Но ночь была не холодная, и большая часть нашего общества, въ томъ числѣ и я, отправились ночевать на сѣновалъ. Хозяинъ даже предлагалъ всѣхъ ребятъ накрыть теплою одеждою, коей у него множество въ закладѣ, но это оказалось ненужнымъ. Мнѣ же онъ непремѣнно захотѣлъ прикрыть ноги своимъ тулупомъ. Мнѣ устроили уютное гнѣздышко между отвѣсными стѣнами душистаго сѣна, вокругъ меня разлеглись ребята, и мы заснули богатырскимъ сномъ.

День десятый.

Мы встали очень рано, совершили утреннюю молитву и наскоро покормили ребятъ остатками нашего провіанта, съ чаемъ же не разводились, за невозможностію напоить всѣхъ однимъ маленькимъ самоваромъ. До Бобровки оставалось всего двѣнадцать верстъ. Хозяева проводили насъ самымъ сердечнымъ образомъ и не хотѣли взять ни копѣйки за ночлегъ и за хлопоты.

Я сѣлъ въ тарантасъ и поѣхалъ впередъ, чтобы предупредить хозяевъ Бобровки о нашествіи нашего каравана. Насъ ожидали, но не такъ рано: путешествіе совершилось неожиданно благополучно и быстро. Утро было сѣренькое и теплое. Нѣсколько разъ принимался накрапывать мелкій дождь.

Бобровка—имѣніе моей родственницы, съ большимъ веселымъ домомъ, громаднымъ старымъ садомъ, обширнымъ паркомъ и великолѣпною церковью. Церковь эта, построенная въ началѣ нынѣшняго столѣтія, отличается самою своеобразною структурою. По обѣимъ сторонамъ ея стоятъ, совершенно отдѣльно, двѣ высокія колокольни. Планъ самой церкви—равносторонній треугольникъ съ закругленными углами. Отъ этого треугольника, стѣнами, параллельными сторонамъ, отрѣзаны три малыхъ треугольника, изъ коихъ одинъ составляетъ алтарь главнаго храма, два другіе — боковые придѣлы. Остающійся между ними правильный шестиугольникъ и составляетъ главный храмъ, увѣнчанный высокимъ куполомъ. Три массивныхъ фронтона на толстыхъ колоннахъ украшаютъ три стѣны храма, осѣняя три входа, къ коимъ ведутъ широкія каменныя крыльца. Въ церкви хранится высокочтимая икона,—громадная, старинная копія Ченстоховской иконы Божіей Матери.

Радостно приняли меня радушные хозяева. Съ наслажденіемъ напился я кофею, съ наслажденіемъ, въ ожиданіи ребятъ, полежалъ часа два въ настоящей постели. Между тѣмъ Николя, пріѣхавшій со мною, несмотря на дождь, набрасывалъ видъ пруда и парка, а въ обширной школѣ готовился прекрасный обѣдъ, накрывались столы, натаскивалась солома для отдыха ребятъ. Тотчасъ по ихъ прибытіи началась ѣда и чаепитіе. Ребята, довольные и сытые, лишь часочекъ повалялись на соломѣ и торопились совершить послѣдній, легкій переходъ: отъ Бобровки до Татева всего пятнадцать верстъ.

Я опять поѣхалъ впередъ, ибо опасался, что и въ Татевѣ насъ еще не ожидаютъ, и нужно было распорядиться насчетъ ужина. Погода прояснилась: было тепло и солнечно. Дорога наша шла все Ржевскимъ уѣздомъ, мимо двухъ помѣщичьихъ усадебъ. Тутъ въ концѣ прошлаго столѣтія произошло событіе, о коемъ передамъ разсказъ очевидца, восьмидесятилѣтней старушки—слышанный мною лѣтъ тридцать пять тому назадъ.

Въ серединѣ прошлаго столѣтія весь этотъ уголокъ Ржевскаго уѣзда составлялъ одно обширное имѣніе, принадлежавшее князьямъ Долгорукимъ, потомство коихъ по женской линіи до сихъ поръ владѣетъ значительною его частію, съ усадьбою Талицею. Самая же лучшая частица этого имѣнія—усадьба Сидорово на берегу рѣки Березы, близъ церкви, съ каменнымъ домомъ и небольшимъ участкомъ отличной земли — была проиграна въ карты нѣкимъ княземъ Долгорукимъ деревенскому сосѣду, Свистунову, за родомъ коего еще недавно состояло это имѣньице. Свистуновъ этотъ былъ человѣкъ домовитый и богатый. Въ бытность свою воеводою, гдѣто въ Сибири, онъ скопилъ немало добра, и въ обширныхъ подвалахъ Сидоровскаго дома, уцѣлѣвшихъ до

сихъ поръ, кромѣ старыхъ медовъ и водокъ, хранились кубышки, наполненныя золотою и серебряною монетою, жемчугомъ, старинными серебряными крестами.

Князь Долгорукій очень жалѣлъ объ утратѣ Сидорова и поручилъ своему преданному управляющему какъ-нибудь оттягать у Свистунова проигранное въ карты имѣніе. Этотъ усердный слуга, желая угодить своему барину, вздумалъ завладѣть тѣмъ документомъ, на основаніи коего Свистуновъ владѣлъ Сидоровымъ. Для этого онъ выбралъ время, когда хозяина не было дома, всѣ крестьяне косили на дальней пустоши, а старуха хозяйка осталась дома одна съ маленькою племянницею (отъ которой я и слышалъ этотъ разсказъ) и съ малочисленною прислугою. Въ Сидоровскій домъ, среди бѣла дня, ворвалась вооруженная ватага, безъ труда перевязала хозяйку и всѣхъ слугъ, угрозами вынудила старушку выдать ключи и принялась за обыскиваніе всѣхъ запертыхъ помѣщеній.

По счастію, одинъ дворовый мальчикъ успѣлъ, незамѣченный разбойниками, ускользнуть въ садъ, затѣмъ перебраться черезъ рѣку и добѣжать до Татева съ вѣстію объ этомъ разгромѣ.

Въ то время жилъ въ Татевѣ мой прадѣдъ, Богданъ Алексѣевичъ Потемкинъ (депутатъ Бѣльскаго уѣзда въ Екатерининской коммиссіи объ уложеніи). Узнавъ о случившемся, онъ тотчасъ сѣлъ на коня и во главѣ многочисленной, вооруженной дворни поскакалъ на выручку.

Между тѣмъ разбойники, овладѣвъ ключами, прежде всего устремились въ подвалы, полагая, что тамъ найдется и нужный имъ документъ, и еще много иного, что кстати захватить не мѣшаетъ. И дѣйствительно, нашлись и кубышки, и множество боченковъ съ водками, наливками и медами. Сими послѣдними занялись прежде всего, и началась веселая, поспѣшная попойка.

Не успѣла она кончиться, какъ нагрянулъ дѣдушка съ своимъ войскомъ. Долгоруковцы, уже совершенно пьяные, не выдержали натиска и, послѣ краткаго сопротивленія, разбѣжались. Но нѣкоторые изъ нихъ успѣли, захвативъ завѣтныя кубышки, сѣсть на свои подводы и ускакать по Ржевской дорогѣ. За ними тотчасъ пустилась погоня. Часть добра была отбита, часть побросана разбойниками въ ручьи и рѣчки, пересѣкающіе дорогу. Одинъ изъ этихъ ручьевъ до сихъ поръ сохранилъ названіе Крестоваго, отъ старинныхъ крестовъ, отъ времени до времени находимыхъ на его илистомъ днѣ.

Документъ, изъ-за котораго былъ учиненъ этотъ разбой, хранился въ невзрачномъ шкапчикѣ, на который никто не обратилъ вниманія. Вся эта исторія никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій не имѣла, ибо Долгоруковскій управляющій съ того же дня безъ вѣсти пропалъ, а самъ князь, жившій въ Петербургѣ, конечно съ удивленіемъ узналъ о подвигахъ своего вѣрнаго слуги...

Въ самомъ Сидоровѣ, такъ называемый, Осташковскій большакъ выходитъ на настоящій большакъ, соединяющій Ржевъ съ Бѣлымъ. Надъ темной полосой лѣса виднѣются высокія рощи Татевской усадьбы и погоста. Лѣтъ тридцать тому назадъ, отсюда былъ прекрасный видъ на домъ и на церковь; но теперь все потонуло въ зелени: едва выглядываетъ изъ-за верхушекъ березъ бѣлая колокольня. Длинный мостъ ведетъ черезъ рѣку Березу, составляющую тутъ границу и Смоленской губерніи, и Татевскихъ владѣній. Мы уже дома...

Радостно встрѣчаютъ насъ домашніе, радостно школьныя бабушки. О нашемъ приближеніи уже знали. Въ школѣ готовится ужинъ. Вся эта старая, извѣстная намъ наизусть обстановка, кажется намъ какъ будто новою. Деревья потемнѣли и еще погустѣли; рожь поблѣднѣла. Цвѣты въ палисадникѣ и капуста въ огородѣ сильно

разрослись. Вскорѣ высыпаетъ на школьную площадку нашъ караванъ, уже нѣсколько растаявшій; нѣкоторые изъ ребятъ, не доходя до Татева, свернули въ свои деревни. Начинается чаепитіе, разборъ безчисленныхъ просфоръ, привезенныхъ изъ Пустыни. Тихо надвигается свѣтлая ночь. Мы сидимъ подъ высокимъ навѣсомъ крыльца, пока бабушки жарятъ собранные имп для насъ грибы. Робкая собачка церковнаго сторожа торопливо подбѣгаетъ и на почтительномъ разстояніи становится на заднія лапки, выпрашивая баранковъ. Знакомая ласточка, невѣдомо откуда и зачѣмъ прилетающая каждый день во время вечерняго чая, садится на рѣзьбу, окружающую образъ Спасителя, и продолжительно и радостно щебечетъ. Церковная колокольня, стоящая прямо противъ входа въ школу, все бѣлѣе выступаетъ на темнѣющемъ небѣ востока. Ранній ужинъ опять собираетъ всѣхъ насъ въ тѣсной столовой и на вечерней молитвѣ въ послѣдній разъ поется тропарь преподобному Нилу.

Разсказъ мой конченъ. Остается дополнить его лишь нѣкоторыми изъ мыслей, развертывавшихся въ моемъ умѣ во время длинныхъ переходовъ отъ одной деревушки къ другой, подъ веселый говоръ ребятъ, въ виду широкихъ лѣсныхъ горизонтовъ, лишь изрѣдка прерываемыхъ бѣлѣющимъ профилемъ далекой колокольни.

Начну съ соображенія, не имѣющаго ничего общаго съ религіозною цѣлію нашего путешествія. Нѣтъ сомнѣнія, что школьное ученіе въ нашихъ бѣдныхъ сельскихъ училищахъ весьма мало прибавляетъ къ скудному запасу наглядныхъ практическихъ свѣдѣній, коими обладаетъ ребенокъ, выростающій въ тѣсной, однообразной

средѣ, ограниченной какимъ-нибудь десяти-верстнымъ разстояніемъ. Этотъ недостатокъ наглядности, непосредственнаго знакомства съ предметами, о коихъ идетъ рѣчь въ школѣ и книгахъ, не можетъ быть восполненъ однимъ показываніемъ картинокъ, которыя сами становятся понятными лишь по аналогіи съ предметами знакомыми и видѣнными. Повѣритъ ли читатель, что многіе изъ моихъ спутниковъ, умные мальчики лѣтъ 13—15, пишущіе безъ орѳографическихъ ошибокъ, поющіе по нотамъ, восхищающіеся *Одиссеею* Жуковскаго и музыкою Моцарта, никогда не видали—не говорю парохода и телеграфной проволоки—но парома и вѣтряной мельницы! Дѣло въ томъ, что обиліе нашихъ ручьевъ и рѣчекъ до сихъ поръ позволяетъ обходиться безъ вѣтряныхъ мельницъ, но рѣчки эти столь незначительны, что въ паромныхъ переправахъ нѣтъ никакой нужды. Выбралъ я примѣръ самый рѣзкій, но то же самое можно сказать о тысячѣ самыхъ обыкновенныхъ техническихъ приспособленій и земледѣльческихъ пріемовъ, растеній и животныхъ, явленій природы и жизни человѣческой. Всѣ эти вещи, предполагаемыя общеизвѣстными, роковымъ образомъ остаются неизвѣстными или загадочными для ребенка, видѣвшаго на своемъ вѣку лишь десятокъ лѣсныхъ деревушекъ, изумительно похожихъ одна на другую. Вотъ одна изъ причинъ, по которымъ дѣльныя книги, трактующія о предметахъ общеполезныхъ, нашими школьниками читаются столь туго, оставляютъ въ умахъ ихъ столь мало слѣдовъ. Между тѣмъ, самые предметы, о которыхъ ведется рѣчь въ этихъ книгахъ, возбуждаютъ въ крестьянскихъ дѣтяхъ живѣйшій интересъ, когда удается показать имъ ихъ въ дѣйствительности, а не въ скверныхъ политипажахъ. О томъ, что они видѣли, они охотно пополняютъ свои свѣдѣнія чтеніемъ. Такъ, напримѣръ, книги о пчеловодствѣ всегда

читаются съ интересомъ учениками изъ тѣхъ деревень, гдѣ водятся пчелы.

Едва ли нужно присовокуплять, что *образовательныя путешествія* — для крестьянскихъ ребятъ дѣло совершенно невозможное и немыслимое, что единственною побудительною причиною, которая можетъ заставить ихъ родителей согласиться, въ лѣтнее время, на продолжительную отлучку дѣтей изъ дома, есть всѣмъ понятное, всѣми раздѣляемое желаніе, чтобы они могли поклониться какой-либо всѣми чтимой святынѣ. Да и самая организація путешествія возможна лишь при такой его цѣли. Только общее приподнятое, молитвенное настроеніе дѣтей позволяетъ давать имъ во время пути желательную свободу, при сохраненіи должнаго порядка. Между моими спутниками, конечно, были мальчики самыхъ разнообразныхъ характеровъ, въ томъ числѣ весьма шаловливые. Однако, ни одной шалости, стоющей упоминанія, не произошло, и въ теченіе девяти дней мнѣ пришлось сдѣлать только два-три легкихъ выговора.

Другое замѣчаніе мое коснется матеріальной стороны нашего путешествія, но не лишено и значенія болѣе общаго. Оба наши похода въ Нилову пустынь были совершены во время поста. Лишь благодаря этому обстоятельству, а также широкому гостепріимству обители, они оказались намъ по карману. Черный хлѣбъ, капусту, гречневую крупу, конопляное масло, картофель и лукъ можно имѣть повсюду, и припасы эти не дороги. Въ нынѣшнемъ году девятидневное путешествіе 66 человѣкъ обошлось намъ рублей въ 200, т. е. немногимъ болѣе трехъ рублей на человѣка. Конечно, и такія деньги не всегда имѣются подъ рукою, но все-таки это деньги небольшія.

И, что еще важнѣе, никто изъ насъ во время этого путешествія не ощущалъ ни малѣйшаго упадка силъ.

Ребята только два раза (вслѣдствіе ужасной погоды, настигшей насъ подъ Осташковымъ,—и послѣ дневнаго перехода въ 46 верстъ на возвратномъ пути) сильно утомились; но достаточно имъ было выспаться, чтобы снова стать свѣжими и бодрыми. Произошло это отъ того, что всѣ мы, отъ мала до велика, привыкли добрую половину года довольствоваться самою незатѣйливою постною пищею. Для ребятъ же, такая незначительная прибавка къ ихъ обычной діэтѣ, какъ чай и нѣсколько баранковъ изъ пшеничной муки, уже составляла средство укрѣпляющее и возбуждающее.

Прошу читателей обратить вниманіе на то расширеніе личной свободы, которое проистекаетъ отъ сохраненія простой, повидимому несущественной привычки, столь недавно утраченной нашими образованными классами. Въ обыденномъ теченіи жизни, мы не замѣчаемъ того ярма, которое налагаетъ на насъ изнѣженность нашего желудка. Но какъ только мы чувствуемъ потребность выйти изъ этой пошлой, надоѣдливой колеи, тяжелою гирею виснутъ намъ на шеѣ нами же созданныя немощи. Для человѣка, слабѣющаго при лишеніи мясной и молочной пищи, путешествіе, подобное совершенному нами, рѣшительно немыслимо.

Не стану входить тутъ въ разсмотрѣніе сложнаго вопроса о степени вреда или пользы пищи исключительно растительной. Предметъ этотъ слишкомъ обширенъ и спеціаленъ, и я предпочитаю отослать читателя къ соображеніямъ профессоровъ Бекетова и Энгельгарта, писателей, коихъ нельзя заподозрить въ „клерикальныхъ предразсудкахъ“. Замѣчу только, что при рѣшеніи подобныхъ вопросовъ, кромѣ столь цѣнныхъ лабораторныхъ опытовъ и частныхъ наблюденій, необходимо класть на вѣсы и опытъ вѣковъ и милліоновъ, который у всѣхъ передъ глазами. Несомнѣнно, что всѣ

немощи, зависящія отъ ненормальнаго питанія,—анемія во всѣхъ ея видахъ и хроническіе недуги желудка—всего болѣе распространены въ классахъ нашего общества, не соблюдающихъ постовъ, а также между людьми столь бѣдными, что мясная пища для нихъ составляетъ рѣдкость. Это наводитъ на мысль, что истина тутъ, какъ во многихъ случаяхъ, лежитъ на серединѣ, и что всего полезнѣе для человѣка нормальнаго—попеременное употребленіе пищи исключительно растительной, и той же пищи съ прибавкою молока и мяса—то есть—безхитростное соблюденіе постовъ.

Они и соблюдаются до сихъ поръ девятью десятыми русскихъ людей. Но въ самое новѣйшее время этотъ обычай начинаетъ колебаться, вслѣдствіе учащающагося пребыванія крестьянъ въ городахъ, вслѣдствіе паденія общественныхъ преградъ между зажиточными крестьянами и полуобразованными слоями сельскаго населенія, вслѣдствіе постояннаго возвращенія въ деревни молодыхъ солдатъ, отвыкшихъ отъ долгихъ постовъ. Это колебаніе—начало великаго зла. Стóитъ только вспомнить, что на привычкѣ къ постамъ въ значительной мѣрѣ зиждется несравненная выносливость русскаго солдата, его способность къ чрезвычайнымъ усиліямъ при самыхъ тяжкихъ внѣшнихъ условіяхъ; стóитъ только сообразить, что всякая крестьянская семья средняго достатка, отказываясь отъ постовъ, тѣмъ самымъ погружается въ безъисходную бѣдность,—и мы согласимся, что вопросъ о постахъ заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія со стороны всякаго образованнаго человѣка, и, прежде всего, со стороны экономистовъ и людей военныхъ.

И по отношенію къ жизни нашихъ образованныхъ классовъ вопросъ о постахъ имѣетъ значеніе громадное. Постъ заключается не только въ воздержаніи отъ

извѣстнаго рода пищи, но еще болѣе въ воздержаніи отъ цѣлаго ряда шумныхъ, суетныхъ и дорого стоющихъ удовольствій. Не ложится ли отсутствіе перерывовъ въ этихъ удовольствіяхъ, въ этихъ тратахъ, тяжелымъ бременемъ на бюджеты безчисленныхъ семей? Не въ немъ ли заключается одна изъ причинъ преждевременной пресыщенности и вялости молодежи высшихъ классовъ? И въ концѣ концовъ, не въ немъ ли заключается одно изъ условій, плодящихъ ту нравственную дряблость, то постыдное порабощеніе привычкамъ развлеченія, роскоши и комфорта, которое гнететъ и губитъ современное большинство? Обо всемъ этомъ здѣсь распространяться не мѣсто, но обо всемъ этомъ приглашаю подумать моихъ читателей.

Наконецъ, мнѣ остается предотвратить одно недоразумѣніе, къ коему можетъ подать поводъ появленіе въ печати этого дневника. Я въ немъ съ любовію изобразилъ свѣтлый, радостный моментъ въ жизни сложившейся около меня сельской школы. Но я далекъ отъ мысли рекомендовать кому-либо подражаніе ея устройству, ея порядкамъ. Татевской школѣ недостаетъ главнаго элемента благотворнаго вліянія на окружающую среду—элемента прочности. Школа, въ коей ученіе никогда не прерывается; школа, ежегодно выпускающая учителей и плодящая вокругъ себя другія школы; школа, удерживающая въ своихъ стѣнахъ тѣхъ учениковъ, которыхъ, по ихъ способностямъ и семейному положенію, желательно направить на иную дѣятельность, чѣмъ земледѣльческую, и готовящая ихъ къ разнообразнымъ жизненнымъ поприщамъ—такая школа рѣшительно непосильна одному человѣку, и школа Татевская неминуемо должна въ близкомъ будущемъ закрыться или обратиться въ школу самую заурядную. Лишь необычайное стеченіе благопріятныхъ обстоятельствъ позво-

лило ей просуществовать въ теперешнемъ своемъ видѣ двѣнадцать лѣтъ. Драгоцѣнная помощь воспитанныхъ школою учителей изъ крестьянъ весьма непродолжительна, ибо эти молодые люди, достигнувъ полнаго умственнаго и нравственнаго развитія—женятся, а работать плодотворно въ школѣ съ общежитіемъ можетъ только учитель холостой, коего жизнь принадлежитъ школѣ безъ остатка. Дѣло это весьма отвѣтственное и сложное и требуетъ трудовъ, которые не могутъ быть оплачены никакими деньгами, но которые можно съ радостію нести всю жизнь... *Бога для.* Школы, подобныя Татевской, могутъ являться лишь въ видѣ рѣдкихъ исключеній, всегда будутъ имѣть характеръ одиночныхъ опытовъ...

Но, по силѣ вещей, во всей сѣверной Россіи не предвидится времени, гдѣ бы сельскія школы могли обойтись безъ школьныхъ общежитій въ той или иной формѣ, ибо рѣдко возможны въ ней значительныя скопленія земледѣльческаго населенія, ибо суровый климатъ не позволяетъ дѣтямъ *ходить* въ школу на разстояніе, превышающее 3—4 версты.

Кому же взять на себя попеченія объ этихъ общежитіяхъ? Гдѣ матеріальныя и нравственныя силы, способныя постоянно и повсемѣстно справляться съ этою задачею?

Не сомнѣваюсь, что силы эти кроются въ нашихъ монастыряхъ. Живое монашество—необходимый органъ всякой живой церкви, а церковь наша жива. Въ толпѣ смиренныхъ, малограмотныхъ тружениковъ, постоянно выдѣляющихся изъ крестьянства, чтобы нести въ монастыряхъ всю тяжесть сложныхъ обязанностей инока, съ каждымъ годомъ будутъ умножаться люди, твердо грамотные, прошедшіе черезъ правильную школу. Они съ радостію понесутъ и это послушаніе. Возрожденіе обра-

зовательной, воспитательной дѣятельности монастырей привлечетъ въ ихъ стѣны и немалое количество людей, гораздо болѣе образованныхъ.

Ибо велико обаяніе общаго, чистаго дѣла, не умирающаго со смертію отдѣльныхъ дѣятелей. Велико обаяніе нравственной свободы, достижимой только черезъ отреченіе отъ многаго. Немногимъ посильна дѣятельность одинокая. Немногимъ доступны высшія ступени жизни созерцательной. Но люди, мучимые потребностію отдавать себя безъ остатка служенію Богу и ближнему, всегда были, есть и будутъ. Нѣтъ болѣе полнаго сочетанія этихъ двухъ служеній, чѣмъ христіанское учительство, то учительство, которое не полагаетъ своимъ трудамъ ни мѣры, ни конца, которое прилагаетъ къ милостынѣ духовной дивныя слова Пушкина о милостынѣ вещественной:

Торгуя совѣстью предъ блѣдной нищетою,
Не сыпь даровъ своихъ разсчетливой рукою—
Щедрота полная угодна небесамъ.
Въ день страшнаго суда, подобно нивѣ тучной,
О, сѣятель благополучный,
Сторицею воздастъ она твоимъ трудамъ.
Но если, пожалѣвъ земныхъ трудовъ стяжанья,
Вручая нищему скупое подаянье,
Сжимаешь ты свою завистливую длань—
Знай, всѣ твои дары, подобно горсти пыльной,
Что съ камня моетъ дождь обильный,
Погибнутъ,—Господомъ отвергнутая дань!

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕЛЬСКАГО УЧИТЕЛЯ *).

Отрывокъ первый.

Не знаю, въ какомъ музеѣ хранится рисунокъ художника недоброй памяти, Бачіо Бандинелли, изображающій его собственную мастерскую.

Рисунокъ этотъ знаменитъ. Онъ воспроизведенъ во многихъ художественныхъ изданіяхъ **). Нельзя взглянуть на эти снимки безъ умиленія и зависти.

Вечеръ. Въ обширной бѣдной комнатѣ собралась семья учениковъ многогрѣшнаго мастера и расположилась двумя тѣсными группами, чтобы пользоваться скуд-

---

*) *Русскій Вѣстникъ*, 1888 г. Ноябрь, 1889 г. Августъ и 1890 г. Май.

**) Между прочимъ въ старинномъ изданіи: *Galerie des peintres*, перепечатанномъ Дидотомъ въ пятидесятыхъ годахъ. Въ *Magasin pittoresque* (не помню года) съ рисункомъ Бандинелли остроумно сопоставлено бойкое изображеніе мастерской художника XIX вѣка. Она полна веселыми гостями: двое изъ нихъ фехтуютъ; на столѣ вино и карты; легкомысленная красотка, взобравшись на переносную лѣстницу, съ усмѣшкою глядитъ на художника, который, съ трубкою въ зубахъ, усердно пишетъ Мадонну.

ными источниками свѣта. Налѣво, у высокаго камина, въ коемъ подвѣшенъ первобытный свѣтецъ, усѣлись два рисовальщика. Одинъ изъ нихъ, цвѣтущій юноша, усердно чертитъ на доскѣ, лежащей на его колѣнѣ. Двое другихъ юношей, стоя за его стуломъ, смотрятъ на его работу и шопотомъ сообщаютъ другъ другу свои замѣчанія. Съ другой стороны камина ученикъ болѣе зрѣлыхъ лѣтъ, также съ рисункомъ на колѣняхъ, закрылъ лицо рукою и погрузился въ глубокую думу. За нимъ стоитъ юноша, обращающій къ свѣту начатый рисунокъ и стирающій на немъ неудавшуюся черту.

Направо, около длиннаго стола, собрана другая группа. Вокругъ дымной лампы рисуютъ три ученика. На концѣ стола сидитъ самъ учитель и обращаетъ къ рисующимъ спокойную рѣчь. За нимъ стоятъ два зрѣлыхъ мужа—художники или ученые, и какъ бы дополняютъ и поясняютъ его поученія. Двое юношей, стоя, прислушиваются. Въ комнатѣ тишина; передъ очагомъ дремлетъ котъ; спитъ и собака, свернувшись на полу. На полу же и на длинной полкѣ, бѣгущей вдоль стѣны, разбросаны фоліанты, обломки статуэтокъ, кости человѣческаго скелета...

О чемъ ведетъ рѣчь горделивый художникъ? Восхваляетъ ли онъ тонкую прелесть созданій своего великаго друга, несравненнаго Леонардо? Или старается онъ умалить въ глазахъ своихъ учениковъ исполинскій образъ Микель Анжело, этотъ вѣчный предметъ его зависти, его подражанія, его тайныхъ угрызеній совѣсти? Или онъ просто развиваетъ свои взгляды на художественное творчество, на задачи живописи и ваянія? Вѣроятнѣе послѣднее. Ибо передъ его рисующими учениками нѣтъ образцовъ. Не снимками съ натуры, съ чужихъ произведеній заняты они, но попытками самостоятельнаго творчества подъ глазами учителя, прислушиваясь къ

его вѣскимъ рѣчамъ, къ мудрой бесѣдѣ его опытныхъ друзей *).

Какъ бы то ни было, съ изумительною живостью воскресаетъ передъ нами въ этомъ рисункѣ та простая, строгая, патріархальная школа, которую проходили великіе художники XVI-го вѣка. Могутъ ли соперничать съ нею наши современныя художественныя школы съ своимъ роскошнымъ аппаратомъ образцовъ и пособій, съ массою разнообразныхъ силъ, художественныхъ и учебныхъ, привлекаемыхъ къ преподаванію, съ ежегодно возрастающею толпою своихъ учениковъ? Кто руководитъ этою массою учащихся, что согрѣваетъ ихъ душу, кто направляетъ и поддерживаетъ ихъ первые, колеблющіеся шаги на пути самостоятельнаго творчества? Сравните грустный разсказъ одного изъ нашихъ скульпторовъ о годахъ, проведенныхъ имъ въ академіи художествъ, съ краснорѣчивымъ рисункомъ Бачіо Бандинелли, и скажите, вправѣ ли мы гордиться нашими оффиціальными храмами художествъ!

Искусство—цвѣтокъ прихотливый и нѣжный, и возрастить его въ тепличной атмосферѣ не удается. Ему нужно Божіе небо, трезвящая прохлада горныхъ вершинъ, свѣтъ и тепло неподдѣльнаго солнца. Можно придумать, можно устроить, можно купить преподаваніе техническихъ пріемовъ, необходимыхъ каждому искусству. Но воздѣйствіе творческаго духа великихъ художниковъ на зарождающіеся таланты не можетъ быть ни организовано, ни предписано; это свободный процессъ, вытекающій изъ неуловимаго сродства духовныхъ скла-

*) Другой рисунокъ Бандинелли, менѣе сложный, изображаетъ его учениковъ, срисовывающихъ, при свѣтѣ единственной свѣчи, статуэтку Меркурія. И тутъ между ними возсѣдаетъ учитель: онъ держитъ въ рукахъ статуэтку Венеры и что-то объясняетъ. На заднемъ планѣ—поставецъ, уставленный мелкими изваяніями и античными вазами.

довъ и дарованій; это—таинство, совершающееся только силою любви.

Въ цвѣтущія времена пластическихъ искусствъ, всякій именитый художникъ творилъ, окруженный толпою имъ избранныхъ, его избравшихъ учениковъ. Эти юноши составляли его семью, были свидѣтелями и участниками его трудовъ, постоянными его собесѣдниками. Подъ глазами мастера, при драгоцѣнной его помощи и словомъ и дѣломъ, возникали ихъ первыя творенія. Кромѣ наставленій учителя, они пользовались бесѣдою зрѣлыхъ людей мысли и слова, всегда группирующихся вокругъ выдающихся художественныхъ дѣятелей. Этимъ путемъ укрѣплялось, расширялось умственное развитіе, столь необходимое художнику, столь трудно достижимое для него путемъ школьнаго ученія, ибо времени на него мало за обязательнымъ упражненіемъ въ художественномъ дѣланіи. Ученики великаго мастера знакомились, въ его мастерской, съ выдающимися представителями общества духовнаго и свѣтскаго, съ корифеями иныхъ областей творчества, поэтами, музыкантами. Молодые ихъ годы озарялись отблескомъ той полной художественной жизни, коею жилъ ихъ учитель. Зарождающіеся таланты встрѣчали тонкихъ цѣнителей, могучихъ покровителей.

И, что всего важнѣе, у нихъ на глазахъ совершалось художественное творчество учителя. Сокровенная суть этого творчества, конечно, ускользаетъ отъ всякаго наблюденія. Но въ искусствахъ пластическихъ, всякій стадій этого процесса воплощается въ видимыхъ твореніяхъ—эскизахъ, этюдахъ, постепенно совершенствующихся рисункахъ. При самомъ окончательномъ исполненіи, замыселъ художника очищается и преобразуется. Изъ всей этой видимой работы мастера чуткій ученикъ почерпаетъ безконечный рядъ незамѣнимыхъ поученій.

А индивидуальная забота учителя о каждомъ изъ учениковъ? А указаніе, всякому въ отдѣльности, тѣхъ работъ, которыя ему нужны для усовершенствованія его техники, для расширенія его художественнаго пониманія? А совѣтъ и помощь учителя при первыхъ шагахъ ученика въ области самостоятельнаго творчества?

Но все это, возразятъ мнѣ, принадлежитъ далекому, невозвратному прошлому. Иныя времена, иные нравы. Измѣнилось общественное положеніе художниковъ, измѣнились условія художественной дѣятельности. Современныя формы художественнаго образованія—единственныя возможныя въ нашъ вѣкъ широкой, поспѣшной дѣятельности по всѣмъ отраслямъ человѣческаго творчества. Ихъ постоянство, ихъ правильность, ихъ многосторонность—великій прогрессъ сравнительно съ случайными, часто односторонними формами, которыя принимало это преподаваніе во времена былыя.

Не могу съ этимъ согласиться. Сущность искусства вѣчно остается одна и та же. Неизмѣнны и пути воздѣйствія свѣтилъ искусства на юныя силы, стремящіяся подняться до высотъ самостоятельнаго творчества.

Говорю съ такою увѣренностію потому, что не по однимъ разсказамъ Вазари, не по однимъ рисункамъ Бандинелли знакомъ я съ этими вещами, но самъ былъ очевидцемъ, хотя и не въ области искусствъ пластическихъ, подобныхъ отношеній между мастеромъ и учениками, самъ дышалъ тою атмосферою любви, благоговѣнія и мира, которою вѣетъ отъ сохранившагося призрака мастерской XVI-го вѣка.

Лѣтъ тридцать тому назадъ, въ Веймарѣ, я часто видался съ однимъ изъ величайшихъ художниковъ нашего столѣтія, съ незабвеннымъ Францемъ Листомъ. Я присутствовалъ на музыкальныхъ собраніяхъ, безпрестанно происходившихъ въ его домѣ, я вращался въ

кругу его учениковъ. До сихъ поръ предо мною живо рисуется привлекательная, глубоко-поучительная картина этой дружной семьи.

Всякій юноша, вступавшій въ сферу вліянія Листа, если только въ немъ теплилась малѣйшая искра истиннаго дарованія, становился предметомъ его неусыпныхъ попеченій. Величайшій знатокъ композиторской техники, недосягаемый мастеръ музыкальнаго исполненія, Листъ въ этихъ областяхъ былъ учителемъ несравненнымъ. Но всего болѣе радовало его, всего болѣе вызывало съ его стороны стараній и содѣйствія — всякое проявленіе въ его ученикахъ самобытнаго творчества, всякая ихъ попытка выразить своимъ языкомъ собственную мысль. На его музыкальныхъ *matinées* постоянно исполнялись музыкальныя новинки, посылаемыя ему со всѣхъ краевъ свѣта. Но съ особеннымъ вниманіемъ исполнялись и обсуждались сочиненія наличныхъ его учениковъ. Съ необычайною чуткостію учитель улавливалъ въ этихъ твореніяхъ, часто незрѣлыхъ и слабыхъ, всякую оригинальную, хотя и недосказанную мысль, всякій удачный гармоническій оборотъ, всякій счастливый намекъ. Онъ хватался за эти проблески музыкальной мысли, старался закруглить недосказанныя темы, импровизировалъ на нихъ блестящія варіаціи, облекалъ ихъ въ неожиданныя гармоніи, восхищался, журилъ, поощрялъ, волновался, и потокомъ лились изъ его устъ мѣткія замѣчанія, тонкія оцѣнки, исполненныя ума и фантазіи. При мнѣ около него были собраны Бюловъ, Раффъ, Таузигъ, множество другихъ, имена коихъ, быть можетъ теперь знаменитыя, ускользнули изъ моей памяти. Всѣ они составляли тѣсно сплоченный кружокъ, беззавѣтно преданный обожаемому учителю.

Въ то же время Листъ поддерживалъ самыя близкія сношенія съ просвѣщеннымъ Веймарскимъ дворомъ,

свято хранящимъ преданія своего великаго прошлаго, съ учеными Іенскаго университета, съ художниками и писателями всего міра. При мнѣ, ко дню рожденія Листа, живописецъ Штейнле прислалъ ему мистическій рисунокъ, изображавшій св. Франциска Ассизскаго (его патрона), шествующаго по волнамъ, съ пламенными угольями въ рукахъ. Зашелъ оживленный разговоръ о значеніи этой композиціи, и Листъ вызвалъ меня выразить мысль художника въ стихахъ. Я набросалъ нѣсколько строфъ, а одна изъ талантливыхъ ученицъ Листа сочинила на этотъ текстъ прекрасную мелодію церковнаго характера. Листъ восхитился ею и построилъ на ней величественный хоръ, который и былъ исполненъ въ день его рожденія... Къ тому же дню, высокодаровитыя дочери знаменитой Беттины Арнимъ прислали художественные *dessus de porte* своей работы—нотныя строки, между которыми граціозные геніи играютъ нотными знаками, перекидываются діэзами и бемолями...

Привожу эти мелочи, чтобы дать понятіе объ оживленномъ строѣ художественной жизни, охватывавшей учениковъ Листа, о разнообразныхъ возбужденіяхъ мысли и чувства, которыя одухотворяли строгую работу, задаваемую имъ учителемъ. И все это происходило не въ XVI-мъ вѣкѣ, а во второй половинѣ XIX-го—конечно, не въ одной изъ міровыхъ столицъ Европы, а въ крошечной резиденціи, потонувшей въ зелени дивнаго парка, созданнаго величавой думою старѣющагося Гёте.

И зачѣмъ ходить такъ далеко? Развѣ можемъ мы забыть, чѣмъ были для музыкантовъ старшаго поколѣнія семьи гр. Вьельгорскихъ и Львовыхъ, домъ князя Одоевскаго, чѣмъ были Карамзинъ, Жуковскій, Пушкинъ для возникавшихъ при ихъ жизни литературныхъ талантовъ? Да, у насъ были и есть школы литератур-

ныя и музыкальныя. Въ области же искусствъ изобразительныхъ мы до сихъ поръ не имѣли ничего подобнаго. У насъ есть училища живописи и ваянія, есть Академія. Но живописныхъ школъ въ смыслѣ внутреннемъ, историческомъ, но свободныхъ группъ воспитывающихъ другъ друга художниковъ, по преемственности въ идеалахъ творчества, но широкихъ теченій художественной дѣятельности у насъ до сихъ поръ не возникало. Художники наши творятъ разрозненно, часто вдали отъ родины. Не къ кому и не къ чему примкнуть возникающимъ талантамъ...

Но, скажутъ мнѣ, какое дѣло сельскому учителю до всѣхъ сихъ художественныхъ соображеній, до Бандинелли и до Листа, и до дочерей Беттины? Не лучше ли ему знать свой Часословъ, да Псалтирь, и ограничивать свои заботы тѣмъ, чтобы ребята уразумѣли смыслъ квадратной и кубической мѣры, да ставили, гдѣ слѣдуетъ, букву *п*?

Радъ, душевно радъ былъ бы я послѣдовать столь мудрому совѣту, тѣмъ болѣе, что учить грамотѣ и ариѳметикѣ я кое-какъ выучился; учить же живописи и музыкѣ—не въ состояніи.

Но что же дѣлать, если имѣя постоянно передъ глазами сотни крестьянскихъ мальчиковъ, неизбѣжно наталкиваешься между ними на художественные таланты? Не берусь рѣшить вопроса, почему въ мѣстности, доступной моему наблюденію, таланты эти преимущественно клонятся къ искусствамъ изобразительнымъ. Явленіе это для меня загадочно. Скорѣе можно было бы ожидать возникновенія талантовъ музыкальныхъ, ибо крестьянскія дѣти съ колыбели слышатъ народныя пѣсни, ибо они въ школахъ обучаются пѣнію церков-

ному, между тѣмъ какъ въ крестьянскомъ обиходѣ не имѣется самыхъ элементарныхъ орудій рисованія, и въ сельскихъ школахъ не преподается даже черченіе. Но фактъ на лицо. Всѣ крестьянскіе ребята, какъ только имъ въ руки попадетъ аспидная доска и грифель, начинаютъ чертить рисунки, болѣе или менѣе безобразные. Но пересмотрите сотни этихъ аспидныхъ досокъ, и вамъ попадутся рисунки, свидѣтельствующіе о способностяхъ несомнѣнныхъ. Повторяйте этотъ обзоръ въ теченіе многихъ лѣтъ, и вамъ будутъ попадаться вещи изумительныя...

При этомъ невольно приходитъ на память, сколь малый процентъ нашихъ крестьянскихъ ребятъ проходитъ черезъ правильную школу, сколь безконечно малы шансы проявленія, независимо отъ школы, таланта къ рисованію. Мальчикъ растетъ, никогда не имѣя въ рукахъ листа бумаги, никогда не видавши карандаша. Въ немъ шевелится смутное стремленіе изображать то, что онъ видитъ. Онъ беретъ уголекъ и чертитъ на стѣнѣ. За это его, разумѣется, сѣкутъ. Болѣе изобрѣтательные портятъ рѣпу и рѣдьку, вырѣзая изъ нея лошадокъ, человѣческія фигуры и за это, конечно, не остаются безъ наказанія. Понятно, что при нѣкоторой послѣдовательности со стороны родителей, ребята основательно отучаются отъ подобныхъ шалостей, и художникъ *in potentia* доживаетъ свой вѣкъ, даже не подозрѣвая, что значитъ, во что могло бы воплотиться то неясное стремленіе, которое въ дѣтствѣ заставляло его пачкать стѣны, которое позже тянетъ его къ чему-то, не имѣющему имени на его мысленномъ языкѣ.

Но положимъ, что нашъ мальчикъ попалъ въ школу, что у него есть подъ руками и аспидная доска, и грифель, и бумага, и карандаши, и что въ школѣ ему не запрещаютъ рисовать, сколько душѣ угодно. Много ли

у насъ школьныхъ учителей, сельскихъ батюшекъ, достаточно внимательныхъ, одаренныхъ достаточнымъ эстетическимъ чутьемъ, чтобы замѣтить, оцѣнить первые неясные проблески зарождающагося художественнаго таланта? А кто, кромѣ этихъ двухъ лицъ, можетъ обратить вниманіе на пачкотню крестьянскаго школьника? Близкое участіе людей образованныхъ, художественно развитыхъ, къ сельской школѣ—явленіе весьма рѣдкое. Размноженіе нашихъ сельскихъ школъ по времени какъ разъ совпало съ бѣгствомъ изъ деревень почти всѣхъ образованныхъ помѣщиковъ, а иныхъ, истинно образованныхъ сельскихъ жителей, у насъ до сихъ поръ не завелось. Предположимъ, наконецъ, наилучшія условія: школу, за которою внимательно слѣдитъ человѣкъ образованный, способный подмѣтить и оцѣнить зарождающійся талантъ по первымъ, ребяческимъ его попыткамъ; предположимъ вдобавокъ, что этотъ ревнитель школьнаго дѣла обладаетъ достаточными матеріальными средствами, чтобы дать маленькому рисовальщику дальнѣйшее художественное образованіе. Но и при такомъ невѣроятно счастливомъ стеченіи обстоятельствъ сколько затрудненій техническихъ и нравственныхъ!

Віоле-ле-Дюкъ, тотъ тонкій художникъ, тотъ симпатичный писатель, отъ котораго мы узнали (къ сожалѣнію, не всѣ), что существуетъ самобытная, призванная къ широкому развитію въ будущемъ, русская архитектура,—въ прелестной книжкѣ *) описалъ художественное развитіе крестьянскаго мальчика. Онъ разсказываетъ намъ, какъ старый холостякъ (вооруженный всѣми умѣніями и знаніями самого Віоле-ле-Дюка) по одному грубому рисунку (сообщенному въ текстѣ) угадываетъ способности ребенка, какъ онъ посвящаетъ свою жизнь на

*) Comment on devient dessinateur.

воспитаніе открытаго имъ таланта; какъ ребенокъ, подъ его руководствомъ, становится прелестнымъ юношею, всецѣло преданнымъ искусству и, наконецъ, самостоятельнымъ, сильнымъ художникомъ, славою своей родины.

Нужно ли подчеркнуть, что отвлеченная возможность такихъ совпаденій равняется практической невозможности; что, напримѣръ, въ русской сельской школѣ талантливый мальчикъ никогда не попадется на глаза русскому Віоле-ле-Дюку?

Дай Богъ, чтобы онъ попался на глаза человѣку осторожному и разумному. Въ сельской школѣ, при неизбѣжной краткости ея курса, невозможны правильныя художественныя упражненія. Оставить, по окончаніи этого курса, талантливаго мальчика при школѣ, безъ опытнаго руководителя, не помогаетъ дѣлу. Оторвать же отъ сохи крестьянскаго мальчика, въ предположеніи, что изъ него разовьется самостоятельный художникъ, изъ глухой деревенской среды бросить его въ мутную жизнь столицы, въ пеструю толпу воспитанниковъ нашихъ художественныхъ школъ,—это значитъ брать на себя страшную нравственную отвѣтственность, ибо какъ безошибочно угадать въ ребенкѣ ту степень таланта, ту силу характера, которыя необходимы для успѣшнаго художественнаго поприща?

Тутъ необходимъ переходный стадій, предварительный искусъ. Таковымъ представляется художественное ремесло, и по преимуществу то изъ художественныхъ ремеслъ, которое доступно и самымъ скромнымъ талантамъ, а между тѣмъ соприкасается съ высшими задачами искусства, а именно *иконопись*. Школа иконописи существуетъ у насъ при многихъ монастыряхъ. Лучшая изъ нихъ (при Троице-Сергіевой Лаврѣ), къ сожалѣнію, нынѣ мало доступна, вслѣдствіе переполненія

ея учащимися: съ нею недавно слита Московская епархіальная школа иконописи. Кромѣ того, недавно открыта, трудами братства св. Александра Невскаго, школа иконописи при двухъ-классномъ училищѣ села Холуй (Владимірской губерніи), въ коемъ издавна процвѣтало, а за послѣднія десятилѣтія значительно упало кустарное ремесло иконописанія. Пишущій эти строки обязанъ вѣчною, глубочайшею признательностью Лаврѣ преподобнаго Сергія, пріютившей трехъ изъ его воспитанниковъ и давшей имъ первоначальное художественное образованіе. Лаврскою иконописною школою руководитъ о. іеромонахъ Симеонъ, искусный художникъ и человѣкъ высокаго духовнаго строя. По его совѣту, двое изъ моихъ питомцевъ перешли въ Московское училище Живописи и Ваянія, и успѣхи ихъ, художественные и матеріальные, превзошли мои ожиданія. Третій еще обучается при Лаврѣ.

И при всемъ томъ, можетъ ли моя совѣсть быть спокойною относительно этихъ трехъ юношей? Всѣ несовершенства, вся недостаточность школьнаго обученія искусству съ удвоенною силою выступаютъ наружу, когда дѣло идетъ о мальчикахъ крестьянскаго сословія. Послѣ элементарнаго курса начальной школы въ ихъ общемъ образованіи происходитъ перерывъ, ибо нужно нѣсколько лѣтъ художественной практики для того, чтобы талантъ обозначился въ той мѣрѣ, которая оправдывала бы помѣщеніе ихъ въ одну изъ высшихъ школъ живописи. Въ эту школу они поступаютъ съ художественными умѣніями, развитыми несоразмѣрно съ ихъ школьными знаніями, и въ послѣднихъ неминуемо успѣваютъ мало. По окончаніи курса имъ предстоитъ и трудный процессъ самообразованія, и выборъ путей и объема самостоятельной художественной дѣятельности. Сколько ума, характера, воли, сверхъ художественныхъ дарованій, нужно

для того, чтобы вести совмѣстно и правильно, безъ посторонней помощи, рѣшеніе обѣихъ этихъ задачъ!

Но, быть можетъ, я говорю о явленіяхъ, столь исключительныхъ и рѣдкихъ, что забота о нихъ преждевременна и неумѣстна, въ виду столь многихъ иныхъ, настоятельныхъ заботъ? Перечтите автобіографіи Солнцева, Крамскаго, Пожалостина, Сѣрякова, Голышева... Приглядитесь къ сѣрой массѣ учениковъ нашихъ сельскихъ школъ. Вы убѣдитесь, что художественная даровитость русскаго народа есть факторъ народной жизни, заслуживающій полнаго вниманія. Въ теченіе тринадцати лѣтъ я рѣшился направить на художественную дѣятельность лишь трехъ изъ мальчиковъ, обучающихся въ той группѣ сельскихъ школъ, за коими я имѣю возможность слѣдить. Теперь я убѣдился, что я могъ бы смѣло удвоить это число. И это въ глухой, малонаселенной мѣстности, въ районѣ какихъ-нибудь 25 верстъ.

Чего же желать, что дѣлать, чтобы таланты, зарождающіеся въ деревенской глуши, получили возможность обнаружиться и развиться?

Прежде всего, нужно усиленное вниманіе людей образованныхъ и достаточныхъ къ нашимъ сельскимъ школамъ. Затѣмъ желательно размноженіе и усовершенствованіе нашихъ иконописныхъ школъ. Желательно имѣть таковую въ каждой губерніи, по возможности вдали отъ городовъ, при монастырѣ или при хорошей, богатой сельской школѣ. Необходимо, чтобы эти школы учили не одному иконописному ремеслу, но и рисованію съ гипса и съ натуры; чтобы онѣ правильнымъ и осмысленнымъ преподаваніемъ Закона Божія, русскаго языка, отечественной исторіи, геометріи, укрѣпляли духъ и умы учениковъ, расширяли кругъ ихъ положительныхъ знаній. Такія школы дали бы вѣрный кусокъ хлѣба и самымъ скромнымъ талантамъ, неспособнымъ

подняться до самостоятельнаго творчества. Вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ создали бы удобную среду, въ коей могли бы обозначиться и окрѣпнуть таланты высшаго полета.

Утверждаю, что желательны именно школы иконописи, а не техническаго рисованія. И это по двумъ причинамъ, кидающимся въ глаза. Во первыхъ, изъ всѣхъ художественныхъ ремеслъ, иконопись—самое близкое къ духовнымъ потребностямъ народной массы, и поэтому самому—наиболѣе прибыльное. Во-вторыхъ, ремесло это соприкасается съ самыми высокими сферами искусства, открываетъ перспективы несравненно болѣе широкія, чѣмъ геометрическое черченіе и рисованіе орнаментовъ. На первыхъ же порахъ рѣчь можетъ идти только о привлеченіи къ художественной дѣятельности талантовъ выдающихся, несомнѣнныхъ. Курсъ техническаго рисованія предпочтителенъ развѣ для будущаго архитектора.

Нужно ли прибавить, что занятія иконописью, какъ приступъ къ художественной дѣятельности, для воспитанниковъ сельскихъ школъ, имѣютъ иное, высшее значеніе? Наша бѣдная сельская школа, при всѣхъ ея несовершенствахъ, при всей своей жалкой заброшенности, обладаетъ однимъ неоцѣненнымъ сокровищемъ. Она—школа христіанская; христіанская потому, что учащіеся ищутъ въ ней Христа, потому, что учащіе только Христа ради могутъ поднять тѣ труды, при коихъ возможенъ какой-либо успѣхъ. Это-то сокровище прежде всего надлежитъ сохранить въ душѣ нашихъ будущихъ художниковъ, если намъ дороги будущія судьбы русскаго искусства. Благоговѣйны, направлены къ цѣлямъ высокимъ и чистымъ должны быть первые шаги на этомъ трудномъ поприщѣ. Вотъ почему всего желательнѣе, чтобы школы иконописи возникали у насъ

при истинныхъ, живыхъ монастыряхъ, или при живыхъ школахъ, соединяющихъ разнородныя учебныя силы въ сознательномъ служеніи единому, что есть на потребу.

Цвѣтъ русскаго искусства—впереди. Вся громадная художественная работа Россіи въ девятнадцатомъ вѣкѣ—работа подготовительная. Вся эта дивная выработка языка, всѣ эти смѣлости и тонкости музыкальной и живописной техники, все это глубокое усвоеніе народныхъ формъ творчества, вся эта горячая и искренняя правдивость въ изображеніи дѣйствительности—все, что восхищаетъ насъ съ дѣтства и начинаетъ изумлять Европу—все это лишь драгоцѣнный матеріалъ, изъ коего будетъ воздвигнуто величавое зданіе русскаго искусства двадцатаго вѣка. Недаромъ всѣ наши великіе художники кончаютъ жизнь, мучимые жаждою вещей божественныхъ, или замолкаютъ въ ужасѣ передъ великими тайнами жизни и смерти. Эта жажда будетъ утолена, этотъ ужасъ разсѣется. Неразрѣшимые логическою мыслію вопросы разрѣшаются только отвѣтами, воплощенными въ жизни—и въ искусствѣ. Все что не дано намъ видѣть лицомъ къ лицу—какъ въ зеркалѣ, въ гаданіи—раскрываетъ намъ искусство—конечно не искусство журнальное, концертное, выставочное, бьющее на минутное раздраженіе мысли и чувства, а искусство, служащее

Nur ewigen und ernsten Dingen,

то цѣльное искусство, которое мы называемъ религіознымъ, и которое есть единственное, ибо все прочее—лишь его блестящіе осколки...

Да простятъ мнѣ читатели это слишкомъ широкое отступленіе. Но оно даже не отступленіе. Въ мірѣ семъ все связано: успѣхи сельской школы съ поэзіею Пушкина и музыкою Глинки,—будущія судьбы русскаго

искусства съ жизнію русской сельской школы. Все сказанное было нужно, чтобы объяснить, почему желательно, чтобы художественные таланты, безпрестанно возникающіе въ средѣ нашего крестьянства, не проходили механическую школу нашихъ казенныхъ храмовъ искусства, а въ тихомъ, благоговѣйномъ трудѣ испытывали свои силы, пріобрѣтали извѣстную степень техническихъ умѣній, при коихъ и талантъ посредственный дастъ вѣрный кусокъ хлѣба; а въ случаѣ дарованія выдающагося, могли бы поступать, въ качествѣ личныхъ учениковъ, въ мастерскія нашихъ первоклассныхъ художниковъ.

О нашихъ выдающихся художникахъ, даже о тѣхъ, творческая дѣятельность коихъ наименѣе намъ симпатична, нельзя питать иного мнѣнія, какъ самое высокое. Отношеніе ихъ къ искусству—серьезное и искреннее. Ихъ достоинства, ихъ исканія, даже ихъ заблужденія свидѣтельствуютъ о неустанной, напряженной внутренней работѣ. Ни одинъ изъ нихъ еще не сказалъ своего послѣдняго слова. Быть можетъ, это слово будетъ высказано не ими, а ихъ учениками. Такъ не разъ бывало въ исторіи искусства. Тѣмъ желательнѣе, чтобы ихъ мастерскія сдѣлались высшими школами для избранныхъ учениковъ, чтобы въ области живописи мы дожили до тѣхъ же отрадныхъ явленій преемственности, творческаго рукоположенія, коихъ мы были свидѣтелями въ области литературы и музыки.

Итакъ, я благополучно вернулся къ Бандинелли и Листу, къ тѣмъ образцамъ преемственной художественной дѣятельности, которые воскресилъ передо мною старинный рисунокъ, которые сохранила во мнѣ память о дняхъ, давно минувшихъ. Многаго, быть можетъ, я не досказалъ. Но все, что я высказалъ, не надумано, а пережито и выстрадано, и найдетъ гдѣ-нибудь отголосокъ.

Отрывокъ второй.

Не разъ, въ теченіе моей учительской дѣятельности, приходилось мнѣ слышать отъ людей, сочувствующихъ школьному дѣлу, вопросъ, на который мнѣ было невозможно дать какой-либо отвѣтъ. Меня спрашивали, какое вліяніе оказываетъ моя школа на крестьянское населеніе нашего околодка; какъ отражается пребываніе въ ней на послѣдующей жизни моихъ учениковъ, на умственномъ и нравственномъ строѣ тѣхъ семействъ, которыя посылаютъ дѣтей своихъ въ школу. Вопросы вполнѣ естественные и законные. Школьная дѣятельность, не вносящая ничего добраго въ послѣдующую жизнь питомцевъ школы, была бы безсмысленною тратою времени и силъ; мало того, она приносила бы положительный вредъ, лишая дѣтей полнаго воздѣйствія той жизненной школы, въ коей руководителями ихъ являются ихъ родители—люди, хотя темные, но болѣе всѣхъ заинтересованные въ ихъ благѣ.

Но вопросы эти, при всей ихъ естественности и законности, до сихъ поръ казались мнѣ преждевременными. Мнѣ всегда думалось, что доброе вліяніе школы на жизненный строй пользующагося ею люда можетъ обнаружиться лишь черезъ нѣсколько поколѣній, что безспорные результаты въ этой области могутъ быть достигнуты лишь вѣками непрерывнаго труда. Приступая къ занятіямъ школьнымъ дѣломъ въ лѣтахъ уже зрѣлыхъ, я былъ вполнѣ убѣжденъ, что не доживу ни до одного изъ тѣхъ результатовъ, изъ за коихъ только и стоитъ заниматься этимъ дѣломъ. Убѣжденіе это, нисколько не умаляя моей вѣры въ пользу добросовѣстнаго школьнаго ученія, заставило меня работать усиленно, въ надеждѣ, что трудъ мой сколько-нибудь при-

близитъ отдаленное время жатвы, которую собрать суждено не мнѣ, ибо—инъ есть сѣяй, и инъ есть жняй.

Но въ теченіе минувшей зимы случилось нѣчто, совершенно для меня неожиданное. Обнаружился симптомъ воздѣйствія моей школы на окрестное населеніе, который считаю долгомъ отмѣтить въ моихъ запискахъ, который считаю умѣстнымъ довести до свѣдѣнія моихъ собратій по школьному дѣлу. Симптомъ этотъ, пока ничтожный, но отрадный, быть можетъ, подастъ инымъ дѣятелямъ, болѣе меня авторитетнымъ, энергическимъ и умѣлымъ, мысль о нѣкоторомъ расширеніи ихъ школьной дѣятельности.

Разскажу дѣло по порядку.

Съ самаго начала моей школьной работы я не могъ не обратить вниманія на вопіющее зло, причиняемое моимъ ученикамъ постояннымъ усиленіемъ пьянства въ крестьянской средѣ. Порокъ этотъ прививается къ крестьянскимъ дѣтямъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ, еще задолго до поступленія въ школу. Конечно, привычка къ употребленію спиртныхъ напитковъ у малыхъ дѣтей не встрѣчается, но пристрастіе къ водкѣ между ними весьма распространено и постоянно поддерживается и усиливается безумнымъ обычаемъ родителей—подъ пьяную руку поить своихъ дѣтей и забавляться ужаснымъ зрѣлищемъ ихъ опьяненія, ихъ безсознательнымъ сквернословіемъ, ихъ подражаніемъ пьянымъ безобразіямъ старшихъ. Не знаю, видѣлъ ли читающій эти строки—пьянаго ребенка. Если онъ далекъ отъ среды, въ коей явленіе это—заурядное, не дай Богъ ему быть его свидѣтелемъ. Если же онъ къ ней близокъ, дай Богъ, чтобы онъ увидѣлъ то, чего описать я не берусь: вѣрю, что онъ сдѣлается моимъ сотрудникомъ.

А дѣти закоренѣлыхъ пьяницъ! Врачамъ хорошо извѣстны то сочетаніе малокровія съ зародышами все-

возможныхъ нервныхъ недуговъ, та физическая и нравственная дряблость, тотъ роковой позывъ къ спиртнымъ напиткамъ, та печать наслѣдственнаго алкоголизма, съ коею приходится знакомиться и всякому внимательному учителю.

Само собою разумѣется, что въ моей школѣ пьянство сдѣлалось предметомъ частыхъ и настойчивыхъ бесѣдъ съ учениками. Онѣ казались успѣшными. Зло, столь очевидное, столь горько отзывающееся на жизни дѣтей, не могло представляться имъ иначе, какъ зломъ. Давались обѣщанія, принимались искреннія рѣшенія ему не поддаваться. Насчетъ необходимости ограждать отъ него дѣтей соглашались со мною и всѣ разумные родители. Но самый простой случай не замедлилъ убѣдить меня въ совершенной недостаточности подобныхъ поученій.

Между моими первыми учениками былъ мальчикъ, который постоянно радовалъ меня своимъ прекраснымъ характеромъ, своими способностями и успѣхами. Сынъ зажиточныхъ родителей, крестьянъ землевладѣльцевъ, онъ не имѣлъ ни малѣйшей нужды отрываться отъ своей среды,—искать занятій въ городахъ. Но, по окончаніи курса въ моей школѣ, онъ учился еще два года въ министерскомъ двухклассномъ училищѣ, тогда, по случайнымъ обстоятельствамъ, находившемся въ полномъ моемъ завѣдываніи; затѣмъ мнѣ удалось подучить его землемѣрію, и онъ вернулся въ семью, къ земледѣльческому труду, къ коему не утратилъ ни способности, ни охоты, а въ свободное время сталъ заниматься межеваніемъ. Ко мнѣ и къ моей школѣ онъ сохранилъ самыя близкія отношенія.

Лѣтъ семь тому назадъ, вскорѣ послѣ одного изъ нашихъ храмовыхъ праздниковъ, въ аллеѣ, проходящей по близости отъ школы, встрѣтился мнѣ мой питомецъ.

Сидѣлъ онъ въ телѣгѣ, какъ-то странно покачиваясь, и на окликъ мой окинулъ меня мутнымъ, безсмыслепнымъ взглядомъ...

Онъ былъ совершенно пьянъ.

У меня захватило духъ отъ раскаянія и стыда. Оказалось вдругъ, несомнѣнно, неопровержимо, что для этого юноши, столь счастливо одареннаго, о коемъ я такъ много думалъ, такъ много старался, я не сдѣлалъ ровно ничего, или точнѣе, упустилъ сдѣлать то, безъ чего все прочее ни малѣйшей цѣны не имѣетъ,—не закалилъ его воли противъ самаго обыденнаго, самаго опаснаго изъ искушеній.

Для меня стало очевиднымъ, что для огражденія моихъ учениковъ отъ окружающаго ихъ зла нужны средства болѣе сильныя, чѣмъ простыя увѣщанія и поучительныя рѣчи, и единственное средство, которое я могъ придумать, было устройство, въ тѣсномъ кругу моихъ учениковъ (изъ коихъ многіе въ то время были уже взрослые),—общества трезвости, т. е. абсолютнаго воздержанія отъ спиртныхъ напитковъ. Мысль о такомъ обществѣ была встрѣчена большинствомъ моихъ учениковъ въ высшей степени сочувственно, и 5-го Іюля 1882 года, въ день моихъ именинъ, послѣ молебна преподобному Сергію, нами былъ произнесенъ въ церкви торжественный обѣтъ такого воздержанія, срокомъ на одинъ годъ *). Съ тѣхъ поръ обѣтъ этотъ ежегодно возобновлялся 5-го Іюля почти тѣми же лицами, съ небольшимъ ежегоднымъ приростомъ. Число членовъ нашего общества колебалось между 50 и 70 (кромѣ дѣтей). Состояло общество почти исключительно изъ бывшихъ

*) Вслѣдъ затѣмъ мнѣ было разъяснено, что обѣты въ такой формѣ, слишкомъ напоминающіе присягу, допущены быть не могутъ. Ограничиваемся теперь молебномъ, внутреннимъ обѣтомъ и цѣлованіемъ иконы.

учениковъ Татевской школы, и постоянное его ядро составляли вышедшіе изъ этой школы учителя.

Польза, приносимая этимъ маленькимъ обществомъ его членамъ, не замедлила обнаружиться. Абсолютная трезвость моихъ учителей придала ихъ дѣятельности ту непрерывность, ту порядочность, безъ коихъ немыслимъ успѣхъ школьнаго дѣла, возвысила ихъ авторитетъ въ глазахъ учениковъ и ихъ родителей; художниковъ моихъ она оградила отъ тысячи искушеній, удвоила ихъ способность къ производительному труду; тѣхъ изъ моихъ учениковъ, коимъ пришлось искать хлѣба насущнаго вдали отъ родины, въ разнообразныхъ практическихъ занятіяхъ, она разительно подняла въ цѣнѣ. Нечего и говорить о томъ, что для тѣхъ изъ моихъ учениковъ, которые поступили въ званіе духовное, трезвость пріобрѣла величайшую важность. Всѣмъ она принесла ту невѣсомую, но неоцѣненную пользу, которую приноситъ всякое сознательное самоограниченіе, всякое постоянное упражненіе воли, направленной къ добру.

Тѣмъ не менѣе, я не рѣшался дѣйствовать въ смыслѣ расширенія нашего маленькаго общества. Лишенный всякаго краснорѣчія, говорить съ толпою я неспособенъ, умѣю говорить съ людьми только въ одиночку, а на такіе разговоры школьныя занятія оставляютъ мнѣ весьма мало времени. Къ тому же, я боялся вызывать обѣщанія слишкомъ необдуманныя и поспѣшныя со стороны лицъ, недостаточно мнѣ знакомыхъ, боялся наплыва въ общество членовъ неблагонадежныхъ. Впрочемъ, я пользовался, для бесѣдъ о трезвости, единственнымъ случаемъ, который для этого представляетъ мой образъ жизни. Въ воскресные дни, между утренею и обѣднею, въ школу приходятъ многіе крестьяне, приходятъ въ настроеніи добромъ и благоговѣйномъ, съ желаніемъ услышать, или если они грамотны, прочесть

что-нибудь душеполезное. Въ разговорахъ съ ними рѣчь, естественнымъ образомъ, весьма часто касалась пьянства: немногіе изъ нихъ (по большей части родители или родственники моихъ учениковъ) присоединялись къ нашему обществу трезвости.

Такъ тянулось дѣло до прошлой осени. Но тутъ внезапно наступила перемѣна. Въ воскресенье, 25-го Сентября, ко мнѣ пришли передъ обѣднею семь крестьянъ, почти всѣ мнѣ незнакомые, изъ разныхъ, отчасти отдаленныхъ деревень, и рѣшительно и настойчиво заявили желаніе присоединиться къ нашему обществу. Я подумалъ, что собрались они въ этотъ день потому, что это—день памяти преподобнаго Сергія, во имя коего устроено наше общество, но оказалось, что никто изъ нихъ этого не зналъ, и совпаденіе это произвело на новыхъ членовъ сильнѣйшее впечатлѣніе. Съ тѣхъ поръ не прошло ни одного Воскресенья, ни одного праздника (за изъятіемъ двухъ или трехъ), безъ новыхъ присоединеній, и нынѣ число членовъ нашего общества возросло до 383. Къ великой моей радости, ни въ одинъ изъ этихъ дней число присоединеній не было значительно, что дало мнѣ возможность поговорить почти съ каждымъ изъ новыхъ членовъ въ отдѣльности. Лишь одинъ разъ число это возросло до 29; но это все были люди знакомые, изъ ближайшихъ деревень,—отцы, матери, братья нашихъ учениковъ.

Но этого мало. Еще въ теченіе прошлаго года, въ двухъ сосѣднихъ приходахъ, Травинѣ и Шопотовѣ, возникли, по иниціативѣ молодыхъ, усердныхъ священниковъ*), общества трезвости, подобныя Татевскому,

*) Священники эти долго колебались принять на себя иниціативу въ этомъ дѣлѣ, которое представлялось имъ преждевременнымъ, едва ли позволительнымъ, но движеніе, возникшее въ Татевѣ, побѣдило ихъ сомнѣнія.

а въ селѣ Пречистомъ, Духовщинскаго уѣзда, въ коемъ священствуетъ одинъ изъ бывшихъ учителей моихъ школъ, заразъ дали обѣтъ трезвости 250 человѣкъ. Великимъ постомъ возникли общества трезвости въ сосѣднемъ селѣ Меженинкѣ, подъ вліяніемъ прекрасной тамошней школы, и въ селѣ Дровнинѣ, Гжатскаго уѣзда, гдѣ учительствуетъ бывшій мой помощникъ В. А. Лебедевъ, молодой человѣкъ, обладающій рѣдкими педагогическими талантами и прекраснымъ даромъ слова. Тутъ, благодаря дружной дѣятельности учителя и образцоваго, всѣми любимаго священника (его отца), дѣло пошло особенно успѣшно: число членовъ быстро возросло до 700.

Смутное движеніе это, несмотря на свои болѣе чѣмъ скромные размѣры, заслуживаетъ вниманія, вызываетъ на размышленіе о его причинахъ. Отмѣчу то, что выяснилось для меня изъ наблюденій моихъ надъ нимъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что тутъ играютъ не малую роль причины весьма общія. Изъ нихъ прежде всего бросается въ глаза—значительное усиленіе пьянства за послѣднее десятилѣтіе, подъ вліяніемъ новаго питейнаго устава и экономическихъ невзгодъ послѣднихъ годовъ. Значительное умноженіе мѣстъ раздробительной продажи спиртныхъ напитковъ (винныя лавки, de facto—тѣ же кабаки), возъимѣло свое естественное дѣйствіе. Въ то же время, общее безденежье повлекло за собою чудовищное развитіе пагубнаго обычая платить за разныя сельскія работы не деньгами, а водкою. Обычай этотъ, въ хозяйствахъ кабатчиковъ составляющій правило, распространился на всѣ мелкія и среднія хозяйства потому, что въ рабочую пору всѣ доходы предъидущаго года въ нихъ истощены, а единственные мѣстные капиталисты — тѣ же кабатчики, естественнымъ образомъ предпочитаютъ ссужать своихъ нуждающихся

сосѣдей водкою, которая послѣ жатвы возвращается имъ, съ приличными процентами, хлѣбомъ или деньгами! Этимъ способомъ получалась, повидимому дешево, работа весьма дешеваго качества, но уже прошлымъ лѣтомъ, вслѣдствіе возрастающей требовательности рабочихъ относительно количества водки, дешевизна эта оказывалась мнимою, и работы эти принимали характеръ безобразныхъ попоекъ. По странному извращенію понятій, такія работы за водку не считаются грѣховными и въ воскресные и праздничные дни, хотя и по большей части начинаются послѣ обѣдни, но, въ силу удаленности большинства деревень отъ церквей, въ значительной мѣрѣ отвлекаютъ народъ отъ посѣщенія церковныхъ службъ. Само собою разумѣется, что и при всѣхъ прочихъ денежныхъ сдѣлкахъ, подъ вліяніемъ кабатчиковъ, безъ помощи коихъ онѣ не обходятся, деньги, гдѣ только это возможно, замѣняются водкою. Слѣдствіе всего этого—ужасающее возрастаніе пьянства, ежегодное учащеніе случаевъ замерзанія, утопленія, убійствъ, совершенно не предумышленныхъ, въ пьяныхъ дракахъ, наконецъ, случаевъ смертельнаго отравленія алкоголемъ. Не говорю уже о послѣдствіяхъ пьянства, менѣе рѣзкихъ, но болѣе общихъ: о безчисленныхъ болѣзняхъ, развратѣ, семейныхъ раздорахъ, обнищаніи, постепенномъ нравственномъ одичаніи... Отвращеніе и ужасъ, возбуждаемые въ здоровой части сельскаго населенія этими повсемѣстными грозными явленіями, несомнѣнно способствовали возникновенію въ нашихъ краяхъ обществъ трезвости.

Но это—причина лишь предрасполагающая, сама по себѣ очевидно недостаточная, чтобы вызвать энергическій отпоръ возрастающему злу. Есть причины ближайшія, и на одну изъ нихъ считаю долгомъ настойчиво указать.

Между этими причинами на первомъ планѣ стоитъ размноженіе школъ. Движеніе возникло въ школьной средѣ, ею поддерживается и распространяется. Только въ доброй школѣ дѣти слышатъ безусловное порицаніе пьянства, слышатъ своевременное предостереженіе отъ пагубной привычки, и — что еще важнѣе, — только въ ней видятъ они примѣръ жизни, совершенно трезвой, испытываютъ на себѣ ея благотворное вліяніе. Только между бывшими воспитанниками школъ встрѣчаются люди, усердно хлопочущіе о распространеніи трезвости въ своихъ семьяхъ, въ своихъ деревняхъ. Конечно, еще болѣе, чѣмъ ихъ рѣчи, дѣйствуетъ ихъ примѣръ, видъ того относительнаго благосостоянія, которое водворяется въ трезвой семьѣ въ силу одной ея трезвости. При этомъ не остался безъ вліянія и примѣръ тѣхъ изъ учениковъ нашихъ школъ, которые, благодаря твердой грамотности, трезвости и честности, отчасти при способностяхъ самыхъ заурядныхъ, устроили свою жизнь съ выдающимся успѣхомъ. Изъ предварительной бесѣды съ лицами, приходящими присоединиться къ нашему обществу трезвости, я почти постоянно узнаю, что первымъ побужденіемъ къ этому шагу послужило знакомство съ кѣмъ-либо изъ давнишнихъ членовъ общества, задушевный съ нимъ разговоръ, или просто выгодное впечатлѣніе, произведенное этими членами на праздникѣ или свадьбѣ.

Но еще существеннѣе, еще дѣйствительнѣе этого прямаго вліянія школы на распространеніе трезвости — ея косвенное вліяніе, посредствомъ оживленія и углубленія религіознаго чувства. Религіозный характеръ всегда присущъ русской сельской школѣ, ибо постоянно вносится въ нее самими учениками. Чтобы заглушить его, нужны мѣры искусственныя: превратное воспитаніе учителей, въ большинствѣ вышедшихъ изъ той же

крестьянской среды,—и тогда школа просто вредна,—и систематическое развращеніе дѣтей дурными примѣрами. Въ нашемъ школьномъ районѣ, въ коемъ большинство учителей — воспитанія домашняго, этихъ неестественныхъ условій не существуетъ. Можетъ быть, зло, причиняемое въ этомъ отношеніи учителями, вообще не такъ велико, какъ это можетъ казаться по отдѣльнымъ рѣзкимъ случаямъ. Продолжительность, сколько-нибудь значительную, имѣетъ педагогическая дѣятельность лишь учителей домашняго воспитанія, замѣтное же вліяніе на нравственный строй учащихся пріобрѣтается лишь продолжительною учительскою дѣятельностію на одномъ мѣстѣ.

Какъ бы то ни было, но въ нашей мѣстности размноженіе правильно поставленныхъ школъ имѣло вліяніе на оживленіе религіознаго чувства. Церкви во время службы все болѣе наполняются, часто не вмѣщаютъ молящихся. До сихъ поръ я приписывалъ это явленіе устройству при церквахъ школьныхъ пѣвческихъ хоровъ и не придавалъ ему особеннаго значенія. Но за послѣдніе два года стало рѣзко обозначаться, кромѣ увеличенія числа богомольцевъ, измѣненіе въ составѣ молящейся братіи. Еще лѣтъ десять тому назадъ, главный контингентъ посѣтителей церквей составляли люди пожилые и старые. Нынѣ же большинство молящихся—люди молодые. Что ихъ привлекаетъ въ церковь не одно пѣніе—ясно обнаружилось минувшею зимою. Эти усердные посѣтители церквей первые примкнули къ нашимъ возникающимъ обществамъ трезвости.

Въ теченіе двухъ истекшихъ зимъ, весьма часто въ нашей церкви произносились поученія — двумя моими помощниками, окончившими курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ и горячо преданными дѣлу трезвости. Кромѣ того, въ нашей школѣ и въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ

установился обычай, между утренею и обѣднею, читать вслухъ заходящимъ въ школы крестьянамъ что-нибудь назидательное. Всего пригоднѣе для такихъ чтеній, по размѣрамъ отдѣльныхъ статей, по богатству содержанія, прекрасному языку и задушевному тону, оказались „Троицкіе листки“, издаваемые о. Никономъ, іеромонахомъ Троице-Сергіевой Лавры *). Наблюденія мои за двѣ минувшія зимы вполнѣ убѣдили меня въ томъ, что церкви наши привлекаютъ возрастающее количество богомольцевъ не однимъ церковнымъ пѣніемъ, но и возможностію услышать слово назиданія, а возникновеніе обществъ трезвости доказываетъ, на какую благодарную почву падаетъ это скромное сѣмя, какъ рядомъ съ вниманіемъ къ доброму слову рождается стремленіе осуществить въ жизни воспринятое сердцемъ ученіе. Рядомъ съ реакціею противъ пьянства постоянно является реакція противъ сквернословія, забота о достойномъ провожденіи праздничныхъ дней. Ибо преобладающимъ мотивомъ присоединенія къ обществу трезвости всегда является мотивъ религіозный; отнюдь не желаніе лишь вести жизнь экономически болѣе выгодную, а зажить жизнію „Богу угодною“; и только церковная форма отреченія отъ пьянства въ этомъ дѣлѣ оказалась болѣе, чѣмъ формою, а духовнымъ актомъ, связующимъ совѣсть.

*) Кромѣ *Троицкихъ листковъ* съ величайшею охотою слушаются житія святыхъ, въ многочисленныхъ ихъ редакціяхъ, и всякія проповѣди, написанныя языкомъ простымъ и яснымъ. *Троицкіе листки*, направленные противъ пьянства (№№ 8, 70, 150, 454, 492, 563, 564, 565), доставили мнѣ случай впервые наблюдать практическое вліяніе печатнаго слова на сельскихъ грамотеевъ. Нѣкоторые изъ нихъ, прочитавши эти листки (усердно мною распространяемые), пришли издалека присоединиться къ нашему обществу.—Такое же дѣйствіе на крестьянъ болѣе развитыхъ производитъ разсказъ о. Наумовича *Какъ устроились общества трезвости*.

Результаты эти, по размѣрамъ своимъ, собственно, ничтожны. Но знаю, что они порадуютъ всѣхъ истинныхъ друзей истиннаго школьнаго дѣла, знакомыхъ съ его трудностями, сознающихъ, какъ мало до сихъ поръ сдѣлано и криво сдѣлано на этомъ поприщѣ. Существующія у насъ сельскія школы, относительно наличной потребности въ нихъ, столь малочисленны, каждая изъ нихъ до сихъ поръ столь недостаточно овладѣла собственнымъ своимъ школьнымъ райономъ, что толковать о скудной духовной пищѣ, доставляемой ими, преждевременно и совѣстно. Мы должны почитать себя счастливыми, если онѣ дѣйствуютъ, какъ ферментъ, какъ закваска, и если закваска эта оказывается здоровою и доброю.

Но прежде, чѣмъ указать на мои посильныя заключенія изъ школьнаго опыта минувшей зимы, не могу не упомянуть, съ глубокимъ стыдомъ и раскаяніемъ, объ одномъ обстоятельствѣ, существенно способствовавшемъ возникновенію нашихъ обществъ трезвости. Само собою разумѣется, что, приступая къ устройству, въ средѣ моихъ учениковъ, такого общества, я самъ безусловно отказался отъ употребленія всякихъ спиртныхъ напитковъ. При открытіи другихъ обществъ также нашлись люди изъ мѣстной интеллигенціи (священники, помѣщики), которые послѣдовали моему примѣру. Всѣ эти лица, точно такъ же, какъ и я, никогда не были пьяницами, а сдѣлали это изъ доброжелательства къ людямъ слабымъ, нуждающимся въ поддержкѣ не однимъ словомъ, но и примѣромъ. И эту простую вещь я догадался сдѣлать лишь подъ пятьдесятъ лѣтъ, послѣ долгихъ и безплодныхъ сокрушеній объ окружающемъ меня пьянствѣ! А между тѣмъ, это ничтожное самоограниченіе оказалось самымъ могучимъ рычагомъ моего личнаго участія въ дѣлѣ, такъ какъ поучать, проповѣдовать я рѣшительно не умѣю. Мало того, я убѣ-

дился, что и люди одаренные краснорѣчіемъ, проникнутые наилучшими намѣреніями, остаются совершенно безсильными въ борьбѣ съ пьянствомъ, пока лично не устранятъ отъ себя всякую его возможность... Никогда, столь ясно и горько, какъ по этому поводу, не чувствовалъ я степени моей личной виновности въ окружающемъ меня злѣ. Фактъ этой виновности, по отношенію къ пьянству, особенно очевиденъ. Въ крестьянской средѣ не существуетъ того умѣреннаго, но постояннаго употребленія спиртныхъ напитковъ, коего придерживаются высшіе классы общества. Существуетъ абсолютная трезвость—или пьянство, болѣе или менѣе частое, болѣе или менѣе безобразное. Не средства для усиленія аппетита, не гигіенической приправы въ пищѣ, не легкаго, мимолетнаго возбужденія ищетъ крестьянинъ въ водкѣ, но быстраго, могучаго подъема нервнаго строя и слѣдующаго за нимъ безсознательнаго наркоза. Между тѣмъ, каждый изъ насъ, съ своей рюмкою водки передъ завтракомъ, обѣдомъ, ужиномъ, при добавочныхъ рюмкахъ и стаканахъ виноградnаго вина, поглощаетъ въ годъ несравненно болѣе алкоголя, чѣмъ самый отчаянный пьяница изъ крестьянъ. Убѣдить этого пьяницу, что мы, его осуждающіе—люди трезвые—болѣе чѣмъ трудно. Напротивъ того, получается впечатлѣніе, что мы, господа, толкующіе о трезвости, сами пьемъ вволю, чего ему никогда не удастся достигнуть. Слагается представленіе, что это питье вволю и есть одна изъ самыхъ завидныхъ привиллегій людей образованныхъ и достаточныхъ... Не говорю уже о томъ, что въ низшихъ слояхъ нашей интеллигенціи,—съ коими преимущественно и постоянно приходятъ въ соприкосновеніе крестьяне,—въ ужасающихъ размѣрахъ (далеко превышающихъ пьянство деревенское) распространено пьянство самое безобразное.

Что же мы въ правѣ заключить изъ этого кратковременнаго опыта, изъ этихъ отрывочныхъ наблюденій?

Во-первыхъ, что не напрасны тѣ настойчивые труды, тѣ болѣе, чѣмъ скромныя издержки, которыя посвящаются возстановленію въ нашихъ сельскихъ школахъ характера церковнаго. Лишь такого характера школа способна распространить свое вліяніе за тѣсные предѣлы своей классной комнаты, продлить его за краткій срокъ деревенскаго ученія. Только опора Церкви, только жизнью ею и въ ней можетъ дать голосу незрѣлыхъ юношей (каковы большинство нашихъ учителей), можетъ дать ихъ скромному ученію ту власть надъ лучшими струнами въ сердцѣ дѣтей, можетъ внушить ихъ родителямъ то довѣріе и уваженіе, безъ коихъ невозможна плодотворная школьная дѣятельность. Задача школы типа шестидесятыхъ годовъ — „сдѣлать изъ ребенка человѣка“—абсолютно непонятна родителямъ нашихъ школьныхъ ребятъ: они основательно полагаютъ, что дитя ихъ сдѣлается „человѣкомъ“ и не видавши азбуки; стремленіе же школы — сдѣлать изъ дѣтей добрыхъ христіанъ — это всякому понятно и всякому любезно. Къ тому же оно заключаетъ въ себѣ основное дидактическое правило — учить не для экзамена, а для послѣдующей жизни: ибо то, къ чему стремится церковная школа, въ ней достигнуто быть не можетъ, а можетъ быть только подготовлено. Существеннымъ элементомъ ея задачи является прививка грамотности не только прочной, но и способной къ дальнѣйшему развитію, въ смыслѣ сознательности, серьезности, художественности. Церковная школа, по самому существу своему, продолжаетъ собирать питомцевъ своихъ и по окончаніи учебнаго срока, въ качествѣ пѣвцовъ и чтецовъ, въ качествѣ усердныхъ посѣтителей службъ церковныхъ, заходящихъ въ школу за книгою, для свиданія съ учите-

лемъ и младшими товарищами. Только такая школа можетъ оказать дѣйствительное вліяніе на послѣдующую жизнь въ ней учившихся. Трехъ краткихъ зимъ ранняго ученія слишкомъ мало, чтобы оставить по себѣ слѣды долговѣчные и глубокіе.

Во-вторыхъ, изъ этихъ наблюденій вытекаетъ заключеніе, еще несравненно болѣе важное. Школьное дѣло можетъ принести жизненный плодъ лишь при поддержкѣ, словомъ и *дѣломъ*, со стороны окружающей среды, и именно тѣхъ ея представителей, которые, по своему достатку, своему образованію, своему общественному положенію, на виду у всѣхъ, становятся предметомъ сравнительнаго и безсознательнаго подражанія. Недостаточно для этого—строить школьныя помѣщенія, снабжать ихъ пособіями, приставлять къ нимъ патентованныхъ учителей. Нужно намъ жить тою жизнію духовною и нравственною, которую мы хотимъ вдохнуть въ учениковъ нашихъ школъ. Жестоко слово сіе, но оно истинно. Ибо изъ школы наша жизнь еще виднѣе, чѣмъ изъ деревни; ибо жизненныя впечатлѣнія школьнаго возраста имѣютъ вліяніе глубокое и могучее; ибо лицемѣріе въ школьномъ дѣлѣ не только безплодно, но и преступно; ибо на насъ обращены взоры ежегодно возрастающей, сѣрой массы учениковъ нашихъ сельскихъ школъ; ибо не одну нашу рѣчь, не одинъ нашъ костюмъ перенимаютъ они, а стараются подражать всѣмъ оттѣнкамъ нашего жизненнаго строя—этого плода искомаго ими знанія, этого итога нашего недоступнаго имъ высокаго образованія. Что, если этотъ плодъ, этотъ итогъ въ ихъ глазахъ окажется совершеннымъ пренебреженіемъ тѣми благочестивыми навыками, кои прививаются имъ въ школѣ, постояннымъ попраніемъ тѣхъ десяти заповѣдей, которыя они въ этой школѣ заучиваютъ, полнымъ отрицаніемъ тѣхъ божественныхъ ис-

тинъ, которыя составляютъ единственное существенное содержаніе школьнаго ученія? Что, если они наглядно убѣдятся въ томъ, что седьмая заповѣдь для людей, получившихъ среднее образованіе, на практикѣ упразднена, что всѣ виды воровства, перечисленные въ *Начаткахъ*, кромѣ кражи со взломомъ и безъ онаго, составляютъ постоянное занятіе людей образованныхъ, что этимъ людямъ, этой соли земли, не нужны ни молитвы, ни церковныя службы, ни таинства Церкви? Глаза дѣтей зорки, примѣръ разнузданности соблазнителенъ. Если, въ нашей школьной дѣятельности, мы желаемъ изъ царства призраковъ и мнимостей перейти въ область дѣйствительности, если мы намѣрены произвести нѣчто болѣе цѣнное, чѣмъ матеріалъ для школьной статистики; если въ насъ есть хоть капля любви и жалости къ тѣмъ дѣтямъ, надъ которыми мы производимъ наши педагогическіе эксперименты, — мы обязаны обратить вниманіе на эту сторону школьнаго дѣла.

На частномъ, относительно маловажномъ примѣрѣ пьянства мы видимъ, что единственное дѣйствительное средство борьбы противъ зла есть полная побѣда надъ нимъ въ насъ самихъ. Не такъ ли во всемъ прочемъ? Школа, и именно школа церковная, есть лишь та среда, естественная, единственная, гдѣ возможно правильное, духовное взаимодѣйствіе между людьми, коихъ во всѣхъ житейскихъ отношеніяхъ раздѣляетъ цѣлая бездна...

Но ограничимся пока частнымъ вопросомъ о пьянствѣ. Успѣшная борьба съ нимъ немыслима безъ извѣстнаго контингента дѣятелей образованныхъ, убѣжденныхъ и абсолютно трезвыхъ, естественныхъ союзниковъ церковной школы въ этомъ дѣлѣ, безъ помощи этой школы безсильныхъ.

За этимъ ли дѣло станетъ? Обращаюсь ко всѣмъ юношамъ образованныхъ классовъ, не утратившимъ вѣру

въ Бога и любовь къ ближнему, ко всѣмъ воспитанникамъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, коимъ всѣмъ, такъ или иначе, придется вліять на среду, менѣе ихъ образованную, зараженную, болѣе или менѣе глубоко, пагубнымъ порокомъ. Ихъ, еще не связанныхъ долголѣтнею привычкою, еще свободныхъ, умоляю продлить, закрѣпить свою свободу годовымъ обѣтомъ абсолютнаго воздержанія отъ спиртныхъ напитковъ. Вѣрю и знаю, что многіе изъ нихъ по истеченіи года возобновятъ свой обѣтъ, что многіе изъ нихъ со временемъ станутъ моими драгоцѣнными сотрудниками *).

Всего настоятельнѣе обращаюсь къ воспитанникамъ учебныхъ заведеній духовныхъ. Увы! хотя письменная рѣчь дается мнѣ легче устной, чувствую мое безсиліе выразить имъ печатно все то, что наболѣло у меня на душѣ по ихъ поводу **). Но долголѣтній опытъ сельской церковной жизни, но любовь къ церкви, не идейная, не отвлеченная, но реальная и кровная, распространяющаяся на каждаго ея служителя, настоящаго и будущаго, дастъ мнѣ право, даже печатно, сказать имъ нѣсколько искреннихъ словъ.

Пожалѣйте себя, пожалѣйте свою будущую паству. Историческая минута, переживаемая нами,—минута великая и страшная. При вашей жизни, на вашихъ глазахъ завершится пріобщеніе, путемъ быстро распространяющейся грамотности, многочисленнѣйшаго изъ христіанскихъ народовъ міра къ первымъ ступенямъ жизни сознательной. И этотъ періодъ — вамъ не чужой, вы

*) Предлагаю всякому, кто пожелаетъ дать такой внутренній обѣтъ, отслужить молебенъ преподобному Сергію и сообщить мнѣ свое имя, для записи въ книгу трезвости Татевской церкви и молитвеннаго поминовенія.

**) Прошу всякаго, кого заинтересуютъ эти строки, вступить со мною въ переписку.

плоть отъ плоти, вы кость отъ кости его, вы призваны быть солью безмѣрной земли, имъ постоянно расширяемой. Чтобы стать этою солью, не откладывайте созиданія въ себѣ внутренняго человѣка. Въ числѣ добродѣтелей, требуемыхъ отъ пастыря, трезвость занимаетъ скромное второстепенное мѣсто. Это — даже не добродѣтель, но лишь отсутствіе порока. Но вѣдь безъ нея всѣ прочія добродѣтели ни зародиться, ни развиться, ни укрѣпиться не могутъ. Начнемъ же, въ глубокомъ смиреніи, съ легкаго, съ близкаго, съ малаго—и Богъ дастъ намъ силы на бо́льшее, на лучшее...

Отрывокъ третій.

Почти ежегодно Февраль приноситъ намъ нѣсколько недѣль несравненной тишины и ясности. По ночамъ морозъ силенъ, посреди дня съ крышъ струятся блестящія капли, и падаютъ, звеня, алмазныя сосульки. По утрамъ, зимнее марево причудливо измѣняетъ очертанія синѣющей дали. По вечерамъ, Венера горитъ столь ярко, что деревья бросаютъ на снѣгъ явственныя тѣни; пепельный дискъ луны ясно дополняетъ ея сіяющій серпъ; долго на западномъ небѣ таинственно мерцаетъ слабое, косое пламя зодіакальнаго свѣта.

И почти ежегодно съ этими ясными днями совпадаетъ первая недѣля Великаго поста. На этой недѣлѣ школа говѣетъ, ибо въ прочія недѣли поста священникъ слишкомъ обремененъ множествомъ говѣющихъ. Службы этой недѣли совершаются учениками, безъ участія причетника, и приготовленія къ нимъ занимаютъ насъ въ началѣ всякаго новаго года.

Изъ этихъ службъ самая характерная — такъ называемые Меѳимоны, т. е. Великое повечеріе со вставленнымъ въ него чтеніемъ Великаго канона Андрея Крит-

скаго. Служба эта повторяется четыре дня сряду и задаетъ тонъ всему церковному строю семи недѣль, въ нашей глуши еще сохранившихъ свой строгій живительный обликъ.

На послѣдніе дни масляницы ребята распускаются по домамъ. Собираются они вновь въ школу въ чистый Понедѣльникъ. Не всѣ поспѣваютъ къ началу уроковъ. Живущіе далеко опаздываютъ, болѣе по винѣ родителей, чѣмъ по собственной. Впрочемъ, къ обѣду всѣ бываютъ въ сборѣ. Присоединяются къ намъ и нѣкоторые изъ бывшихъ учениковъ, басы и тенора нашего хора.

Послѣ обѣда бываетъ спѣвка, на коей неизмѣнно оказывается, что альтики хрипятъ, что дискантики плохо берутъ свои верхнія ноты вслѣдствіе масляничной бѣготни и крика на морозномъ воздухѣ. Но мало по малу голоса слаживаются, и давно заученные напѣвы звучатъ съ достаточною стройностію.

Въ четвертомъ часу одинъ изъ старшихъ мальчиковъ посылается произвести уставные двѣнадцать ударовъ въ колоколъ; ибо удары эти должны быть весьма рѣдки (между каждыми двумя ударами полагается прочесть псаломъ 50-й),—церковный же сторожъ одержимъ неизлѣчимою торопливостію, и благовѣстъ его сбивается на набатъ.

Яркіе лучи уже низкаго солнца заливаютъ площадку, отдѣляющую церковь отъ школы. Въ холодноватой церкви, чисто вымытой, тихо и свѣтло. Народу на службу собирается весьма мало. Меѳимоны въ нашихъ сельскихъ церквахъ никогда не исполняются, а привычка посѣщать церковь въ извѣстные дни создается вѣками. Школьная братія становится не на тѣсный клиросъ, а посреди церкви, передъ приготовленнымъ для чтенія Великаго канона аналоемъ.

Начинается служба. Послѣ обычныхъ начальныхъ молитвъ читается краткій псаломъ 69-й. Псаломъ этотъ— не что иное, какъ дословное повтореніе заключительной строфы псалма 39-го и, конечно, въ каждомъ, кто знакомъ съ Псалтирью, пробуждаетъ отголосокъ всей этой дивной пѣсни. Заключеніе это выдѣлено въ особый псаломъ еще Церковію ветхозавѣтною, вѣроятно по соображеніямъ литургическимъ, до сихъ поръ, какъ показываетъ опытъ, сохраняющимъ свою силу. Эти немногіе стихи—выраженіе непоколебимой, бодрой, радостной вѣры въ помощь Божію, въ ея близость, въ ея силу—и этимъ чувствомъ напередъ озаряется вся эта служба, покаянная по преимуществу. Замѣчательна художественность тѣхъ легкихъ измѣненій, коимъ подверглось въ этомъ повтореніи заключеніе псалма 39-го. Смягчены, стушеваны нѣкоторые сильные акценты, которые были нужны въ связи съ первою частью этого псалма... Все это начало, по своей краткости, доступно самымъ маленькимъ чтецамъ, коимъ оно у насъ всегда и поручается.

Тотчасъ послѣ этого псалма раздаются торжественные звуки первой пѣсни канона: *Помощникъ и покровитель*, и затѣмъ чтеніе самого канона, съ постояннымъ припѣвомъ: *Помилуй мя, Боже, помилуй мя.*

Великій канонъ Андрея Критскаго—твореніе, не поддающееся литературному анализу. Это — рядъ воплей кающейся души, погруженной въ созерцаніе Писанія, сознающей страшную близость всѣхъ грѣховъ, о коихъ оно повѣствуетъ, духовную нашу причастность каждому изъ нихъ, удаленіе наше отъ дивныхъ примѣровъ вѣры и праведности, сохраненныхъ намъ въ Книгѣ книгъ. Высота и искренность тона не ослабѣваютъ въ теченіе всего этого длиннаго канона, чтеніе коего распредѣляется на четыре дня. Чтеніе это требуетъ великой

художественной простоты, глубокой осмысленности. По счастію, способъ, коимъ читаетъ этотъ канонъ нашъ священникъ, не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Музыкальная оправа, въ которую вставленъ нашею Церковію этотъ перлъ духовной поэзіи, отличается рѣдкою красотою. Напѣвъ ирмосовъ и припѣвовъ (*Помилуй мя, Боже*)—одинъ изъ лучшихъ напѣвовъ шестаго гласа. Ирмосы эти распространены въ двухъ прекрасныхъ четырехголосныхъ переложеніяхъ—Бортнянскаго и Турчанинова. Мы исполняемъ первое, какъ болѣе доступное нашимъ слабымъ пѣвческимъ силамъ. Но второе еще характернѣе и лучше. Въ немъ припѣвъ: „Помилуй мя, Боже“, послѣ каждой пѣсни представляетъ особую варіацію, рѣдкой гармонической красоты. Поемъ мы эти ирмосы медленнѣе, чѣмъ принято пѣть ихъ въ городахъ, ибо, по крайнему нашему разумѣнію, медленный темпъ усиливаетъ производимое ими впечатлѣніе.

Передъ шестою пѣснію полагается пѣть кондакъ: *Душе моя, душе моя, возстани, что спиши?* Къ сожалѣнію, кондакъ этотъ не переложенъ ни Бортнянскимъ, ни Турчаниновымъ—многочисленныя же переложенія и композиціи другихъ авторовъ на этотъ текстъ мало гармонируютъ съ Великимъ канономъ этихъ двухъ композиторовъ. Къ тому же, кондакъ этотъ долженъ быть спѣтъ другимъ ликомъ, чѣмъ шестая пѣснь, составляющая отвѣтъ на него. Поэтому мы предпочитаемъ слышать этотъ кондакъ въ прекрасномъ чтеніи нашего священника, на которое и отвѣчаетъ хоръ словами: *Согрѣшихомъ, беззаконновахомъ*, и т. д.

Во время чтенія канона церковь еще совершенно свѣтла. Черезъ западное окно ее заливаютъ горизонтальные лучи заходящаго солнца. Одинъ изъ этихъ лучей постоянно озаряетъ темную круглую икону Тайной Вечери, помѣщенную надъ царскими дверьми.

Свѣтлое, золотистое пятно, скользя по иконѣ, медленно вызываетъ изъ мрака, одинъ за другимъ, лики Апостоловъ, Христа, темную фигуру Іуды. Икона эта совершенно почернѣла и лишь во время Меѳимонъ она оживаетъ въ игрѣ свѣтовъ и тѣней.

Но къ концу канона солнце гаснетъ, и холодныя сумерки замѣняютъ яркія солнечныя пятна и рѣзкія тѣни. Во время чтенія псалмовъ, изъ угловъ церкви выползаетъ сѣрая мгла и мало по малу пробирается къ темнѣющимъ окнамъ.

Псалмы эти (4, 6, 12, 24, 30, 90) большею частію покаянные. Но первый и послѣдній — самыя яркія выраженія непоколебимой вѣры въ помощь Божію. Да и въ остальныхъ четырехъ звуки глубокаго сокрушенія, изображеніе всѣхъ терзаній грѣшной души, чередуются съ дивными порывами упованія и прозрѣнія милостей Божіихъ.

„Далъ еси веселіе въ сердцѣ моемъ — отъ плода пшеницы, вина и елея своего умножишася“ — т. е. веселіе большее, чѣмъ доставляемое обиліемъ земныхъ благъ.

„Вси путіе Господни милость и истина, взыскающимъ завѣта Его и свидѣнія Его“.

„Коль многое множество благости Твоея, Господи, юже *скрылъ* еси боящимся Тебе, содѣлалъ еси уповающимъ на Тя, предъ сыны человѣческими“.

И еще сильнѣе въ оборотѣ рѣчи неподражаемой смѣлости: „*Скрыеши ихъ въ тайнѣ лица Твоего* отъ мятежа человѣческа“.

Ярче не можетъ быть выражена глубочайшая истина. Столь распространенная жалоба на обездоленность праведности на землѣ, какъ остроумно замѣчаетъ гдѣ-то де-Местръ, никогда не исходитъ отъ людей, имѣющихъ хотя бы отдаленное право именоваться праведными,—

ибо истина этихъ жалобъ сводится къ тому, что добродѣтель на землѣ не награждается ни почестями, ни деньгами, ни людскою хвалою—вещами, праведникамъ совершенно ненужными.

Но вотъ раздаются побѣдные звуки псалма 90-го, озарившаго своими отблесками поэзію всѣхъ вѣковъ. Приближается моментъ торжественнаго пѣснопѣнія, давшаго свое имя всей службѣ, зажигаются всѣ свѣчи, и скромная церковь вновь оживаетъ игрою свѣта на позолотѣ рѣзьбы и окладовъ, бѣлизною колоннъ иконостаса, выступающихъ на густѣющемъ сумракѣ темнаго алтаря.

Хоръ запѣваетъ: *Съ нами Богъ.*

Нельзя съ достаточнымъ вниманіемъ подготовить и это пѣніе, и дивное чтеніе, коему оно служитъ рамкою. Стихи пророчества Исаіина должны быть произнесены *со сладкопѣніемъ, не скоро и великимъ гласомъ*, чтобы изъ нихъ не пропало ни единое слово. Должна быть выражена, должна быть подчеркнута та постепенность, съ которою раскрывается передъ пророкомъ величайшая изъ тайнъ предвѣчнаго совѣта Божьяго, неземной блескъ того образа, который выростаетъ передъ духовнымъ зрѣніемъ его, съ выраженіемъ коего борется въ его устахъ безсильное человѣческое слово:

Людіе, ходящіи во тьмѣ, видѣша свѣтъ велій;
Живущіи во странѣ и сѣни смертнѣй, свѣтъ возсіяетъ на вы;
Яко отроча родися намъ, сынъ, и дадеся намъ;
Его же начальство бысть на рамѣ его;
И мира его нѣсть предѣла;
И нарицается имя его, велика совѣта ангелъ;
Чуденъ совѣтникъ;
Богъ крѣпокъ, властитель, начальникъ міра;
Отецъ будущаго вѣка...

И послѣ каждаго стиха пророчества прославляющій его исполненіе припѣвъ: *Яко съ нами Богъ!*

Чтеніе это всегда поручается у насъ одному изъ взрослыхъ пѣвцовъ, ибо оно должно имѣть характеръ самаго осмысленнаго, выразительнаго речитатива.

Пѣснь *Съ нами Богъ* съ припѣвомъ *Яко съ нами Богъ* существуетъ въ многочисленныхъ четырехголосныхъ переложеніяхъ. Мы употребляемъ то Турчаниновское, то Львовское, но послѣднее съ легкимъ измѣненіемъ. У Львова въ каденціи является септаккордъ съ прибавленіемъ ноны, что придаетъ ей особую, таинственную прелесть. Но увы! Нашимъ деревенскимъ пѣвцамъ аккордъ ноны абсолютно непонятенъ, особенно при опущенной, какъ у Львова, тоникѣ. Это злополучное *фа*, прибавленное, сверхъ септимы *ре*, къ доминантаккорду *ми*, кажется имъ фальшью, и поэтому берется ими фальшиво.

Мы вынуждены были его опустить.

Слѣдующіе затѣмъ тропари и молитву: *Безплотное естество херувимское*, по Часослову поемые на два лика, у насъ читаютъ, ибо, какъ пѣть ихъ, мы не знаемъ. Читаютъ ихъ мальчики, а *Вѣрую*, которое затѣмъ должно быть прочтено *абіе, низкимъ гласомъ*, поручается одному изъ басовъ. Точно также читаются, а не поются, слѣдующіе затѣмъ тропари, для понедѣльника и среды иные, чѣмъ для вторника и четверга. Гласъ, на который поются эти тропари, назначенъ въ Часословѣ, но предѣлы часа обширны, и тропари эти очевидно требуютъ существеннаго отступленія отъ обычнаго напѣва на *Богъ Господь*.

Между тѣмъ, текстъ этихъ тропарей такъ и напрашивается на пѣніе, напримѣръ (во вторникъ и четвергъ): „Яко страшенъ судъ Твой, Господи, ангеломъ предстоящимъ, человѣкомъ вводимымъ, книгамъ разги-

баемымъ, дѣломъ испытуемымъ, помысломъ истязуемымъ"...

И, послѣ этого могучаго stringendo, отчеканеннаго накопленіемъ дательныхъ самостоятельныхъ,—пѣвучее моленіе:

„Слезы ми даждь, Боже, яко иногда женѣ грѣшницѣ"...

Думается мнѣ, что тутъ—самая благодарная тема для великаго композитора.

Пѣніе этихъ тропарей тѣмъ болѣе желательно, что за ними слѣдуетъ сорокакратное „Господи, помилуй". Это продолжительное повтореніе кратчайшей изъ молитвъ многимъ кажется докучнымъ и страннымъ, и я не отрицаю, что таковымъ оно является среди неосмысленной скороговорки, столь излюбленной нашими дьячками. Но оно имѣетъ глубокій смыслъ, психологическій и художественный, послѣ продолжительнаго, потрясающаго душу, пѣснопѣнія. Нужно дать отзвучать, улечься произведенному имъ впечатлѣнію, прежде чѣмъ перейти къ слушанію новаго чтенія, къ участію въ новыхъ молитвахъ.

Первая часть службы заключается чтеніемъ вечерней молитвы Василія Великаго, задушевной и стройной, какъ всѣ молитвы этого святаго.

Другой маленькій чтецъ начинаетъ вторую часть великаго повечерія повтореннымъ призывомъ: *Пріидите поклонимся*... Эта вторая часть службы кратка: существенное содержаніе ея—чтеніе двухъ псалмовъ (50 и 101) и молитвы царя Манассіи. Псалмы эти—пѣсни сокрушенія и покаянія по преимуществу. Но въ нихъ горизонтъ расширяется. Не объ одной личной побѣдѣ надъ личнымъ грѣхомъ молитъ въ нихъ псалмопѣвецъ. Онъ, въ образѣ Іерусалима, молитъ въ нихъ о всей церкви Божіей, объ осуществленіи на землѣ ея небеснаго

облика, о пріобщеніи къ ней всѣхъ странъ и народовъ.

„Ублажи, Господи, благоволеніемъ Твоимъ Сіона, *и да созиждутся стѣны Іерусалимскія.* Тогда благоволиши жертву правды, возношенія и всесожигаемая; тогда возложатъ на олтарь Твой тельцы“.

„И убоятся языцы имене Господня, и вси царіе земстіи славы твоея... и люди зиждеміи восхвалятъ Господа“.

Конецъ псалма 101-го, по высотѣ лирическаго порыва, превышаетъ все, созданное поэзіею вѣковъ. Величавая картина вѣчности и всемогущества Божія, выраженіе пламенной вѣры въ грядущую побѣду истины и добра, въ немъ трогательно прерывается смиреннымъ моленіемъ о продленіи жизни молящагося, о возможности для него узрѣть хоть начало чаемыхъ благъ—желаніе, вѣчно присущее сердцу человѣческому.

Нужно ли прибавлять, какого вниманія, какого пониманія, какого благоговѣнія требуетъ чтеніе этихъ двухъ псалмовъ, и покаянныхъ, и пророческихъ, и хвалебныхъ? Но красота ихъ такъ проста и разительна, что способна одушевить самаго немудраго чтеца. Кому недоступны такія реченія, какъ: „Сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей?“ или: „жертва Богу духъ сокрушенъ; сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ?“ Для кого не прекрасны задумчивые образы „неясыти пустынной“ и „птицы, особящейся на здѣ?“ Кого не подымутъ, какъ могучею волною, величавыя строки:

„Въ началѣхъ ты, Господи, землю основалъ еси, и дѣла руку Твоею суть небеса. Та погибнутъ, Ты же пребываеши; и вся яко риза обетшаютъ, и яко одежду свіеши я, и измѣнятся. Ты же тойжде еси и лѣта Твоя не оскудѣютъ!“...

За этими псалмами слѣдуетъ молитва царя Манассіи, смиренная и сплошь покаянная. Рѣзко отличается она отъ псалмовъ печатью позднѣйшаго происхожденія, правильною, округленною композиціею, отсутствіемъ величавыхъ смѣлостей рѣчи, на каждомъ шагу поражающихъ насъ въ псалмахъ. Это не мѣшаетъ ей быть, въ своемъ родѣ, прекрасною. Отмѣтимъ въ ней счастливое выраженіе: „и нынѣ преклоняю колѣна сердца“. Эта молитва, послѣ яркаго окончанія псалма 101-го, возвращаетъ насъ къ основному тону всей службы, сокрушенному смиренію.

Послѣ нея читается *Трисвятое*, а по *Отче нашъ* поются тропари троичные: *Помилуй насъ, Господи.*

Тропари эти поются каждый вечеръ въ нашей школѣ. И такова сила ихъ простаго, трогательнаго текста, сила гибкаго напѣва шестаго гласа, что никогда не устаемъ мы ихъ слушать, ихъ пѣть. Послѣ нихъ получаетъ полный свой смыслъ сорокакратное *Господи, помилуй.* И на вечернихъ молитвахъ послѣ тропарей положено произносить *Господи, помилуй* двѣнадцать разъ. Но въ церкви они невольно поются еще выразительнѣе и протяжнѣе.

Вторая часть службы заключается возгласомъ священника и краткою молитвою ко Святой Троицѣ.

Третья часть великаго повечерія въ сущности есть повечеріе малое съ опущеніемъ *Вѣрую* и псалма 50-го, уже прочтенныхъ на первой и второй части службы, и съ прибавленіемъ торжественнаго пѣнія: „Господи силъ, съ нами буди!“ Начинается она, какъ и прочія части, призывомъ къ молитвѣ: *Пріидите, поклонимся.* Затѣмъ слѣдуетъ чтеніе 142-го псалма, и покаяннаго, и исполненнаго, въ заключеніи своемъ, радостной надежды. Послѣ псалма читается славословіе, составляющее переходъ къ пѣнію стиховъ ликующаго псалма 150-го, чередующихся съ призываніемъ: *Господи силъ, съ нами буди!*

Во время славословія вновь зажигаются свѣчи, погашенныя по окончаніи пѣнія *Съ нами Богъ* *). Пѣніе стиховъ псалма 150-го производится *велегласно и косно*, какъ и пѣніе слѣдующихъ за нимъ, сокрушенныхъ и полныхъ упованія, тропарей. Все это поется на гласъ 6-й, въ прекрасномъ, простомъ и выразительномъ переложеніи Львова. Нигдѣ столь явственно и убѣдительно, какъ послѣ этого длительнаго пѣнія, не выступаетъ умѣстность сорокакратнаго *Господи, помилуй*.

Затѣмъ, послѣ общей почти всѣмъ службамъ молитвы: *Иже на всякое время*, священникъ возглашаетъ несравненную молитву Ефрема Сирина: *Господи и Владыко живота моего*, ту, которая нашла отголосокъ въ одномъ изъ послѣднихъ, лучшихъ стихотвореній Пушкина, и отзывается въ сердцахъ людей самыхъ темныхъ и грубыхъ, самыхъ легкомысленныхъ и порочныхъ...

Заключается служба, и смиренно, и таинственно, тихими моленіями къ Богородицѣ и Спасителю, и тою *частою* ектеніею, которую, къ сожалѣнію, у насъ принято исполнять *слишкомъ* часто, такъ что ея краткія, прекрасныя прошенія заглушаются непрерывно повторяемымъ: *Господи, помилуй* *). Послѣднее ея прошеніе, неправильно переведенное съ греческаго („рцемъ и о нихъ“, вмѣсто „рцемъ о себѣ самѣхъ“), желательно было бы возстановить въ служебной практикѣ въ истинной его формѣ, какъ оно уже возстановлено въ богослужебныхъ книгахъ.

*) Этотъ способъ подчеркиванія наиболѣе торжественныхъ моментовъ службы придуманъ не нами. Образцомъ ему служитъ уставное совершеніе поліелея, и онъ въ широкихъ размѣрахъ практикуется на Аѳонѣ (см. Н. Н. Страховъ. Воспоминанія объ Аѳонѣ. *Русск. Вѣстн.* 1889).

*) Единственный способъ спасти эту ектенію, не нарушая обычая, заключается въ томъ, чтобы пѣть *Господи, помилуй* непрерывно, но pianissimo.

Мы возвращаемся въ школу. На дворѣ уже темно и морозно. Но колокольня церкви еще бѣлѣетъ на синѣющемъ небѣ, озаренная послѣдними отблесками потухающей зари. Краткость дня не позволяетъ исполнять въ точности указанія Typикона: „подобаетъ же экклесіарху и сіе смотрѣти прилежно, да когда повечерія отпускаютъ, быти знаменію дне, сирѣчь прежде сумрака". Въ школѣ тотчасъ раздается жужжаніе завтрашнихъ чтецовъ, повторяющихъ порученные имъ псалмы и молитвы. Передъ раннимъ ужиномъ еще повторяются тѣ пѣснопѣнія, которыя на службѣ прошли слабо. Въ девять часовъ уже окончена вечерняя молитва, и малые ребята, утомленные службою и рѣзкимъ февральскимъ воздухомъ, быстро засыпаютъ. Лишь нѣкоторые изъ старшихъ еще сидятъ въ затихшемъ классѣ подъ лампою, за Часословомъ и Псалтирью...

Быть можетъ, я надоѣлъ читателямъ этимъ слишкомъ длиннымъ описаніемъ деревенской церковной службы. Но мнѣ хотѣлось выяснить, какъ можно нагляднѣе, тѣмъ изъ нихъ, коимъ приходится имѣть соприкосновеніе съ сельскою школою, одну существенную ея особенность. Говорю о томъ пристрастіи, которое развивается во всякой школѣ, живущей жизнію мало-мальски естественною, — къ Часослову и Псалтири. Пристрастіе это многимъ кажется безсмысленнымъ, едва ли не суевѣрнымъ, постоянное чтеніе и перечитываніе этихъ книгъ—занятіемъ механическимъ и безплоднымъ.

Но для того, чтобы понять это пристрастіе, стоитъ только вспомнить содержаніе этихъ книгъ, оцѣнить практическое значеніе ихъ ежедневнаго употребленія.

Псалтирь—высочайшій памятникъ лирической поэзіи всѣхъ вѣковъ и народовъ. Содержаніе его—цѣльное и

вѣчное. Это — постоянное созерцаніе величія и милосердія Божія, сердечный порывъ къ высотѣ и чистотѣ нравственной, глубокое сокрушеніе о несовершенствахъ человѣческой воли, непоколебимая вѣра въ возможность побѣды надъ зломъ при помощи Божіей. Всѣ эти темы постоянно звучатъ одновременно, въ сочетаніяхъ разнообразія изумительнаго, въ оборотахъ рѣчи неисчерпаемой красоты, силы и нѣжности. При этомъ Псалтирь — книга трудная. Рядомъ съ реченіями, непосредственно понятными, разительно ясными, она изобилуетъ реченіями темными, — слѣдами двойнаго буквально-точнаго перевода съ языка, изумительно сжатаго и бѣднаго, на богатѣйшій изъ древнихъ языковъ, а съ него — на своеобразнѣйшій изъ языковъ новыхъ. Для читателя малокнижнаго, Псалтирь на всю жизнь остается источникомъ новыхъ откровеній. Сельскіе грамотеи, разумные и прилежные, съ любовію вчитываются въ подробное толкованіе Зигабена, не оставляющаго ни одного слова безъ обстоятельнаго разъясненія.

Часословъ — почти сплошь состоитъ изъ тѣхъ же псалмовъ и изъ молитвъ, вдохновленныхъ Псалтирью, собранныхъ и расположенныхъ въ томъ порядкѣ, въ коемъ они постоянно употребляются въ службахъ дневнаго круга.

Близкое знакомство съ обѣими книгами, умѣніе читать ихъ осмысленно, изящно, даетъ каждому сельскому грамотею возможность постоянно участвовать — украшая его своимъ участіемъ — въ совершеніи высочайшаго изъ художественныхъ дѣйствій, завѣщанныхъ намъ творчествомъ вѣковъ — въ исполненіи нашихъ церковныхъ службъ. Оно позволяетъ имъ самимъ совершать одну изъ этихъ службъ, скромную, но особенно нужную вѣрующему сердцу: чтеніе Псалтири надъ покойниками.

Нужно ли говорить о томъ, что обезпечено не только

сохраненіе, но и дальнѣйшее развитіе грамотности того мальчика, который полюбилъ Псалтирь на школьной скамьѣ? А вѣдь такое обезпеченіе не лишнее, въ виду краткости учебнаго курса сельской школы, молодости учениковъ, оставляющихъ ее, бѣдности книжнаго матеріала, обращающагося въ деревняхъ. Нельзя достаточно желать, чтобы всякая изъ нашихъ сельскихъ школъ нашла доброжелателя, который дарилъ бы всякому ученику, оканчивающему въ ней курсъ, Новый Завѣтъ, Псалтирь, Часословъ.

Копѣечная церковная свѣча сгораетъ въ часъ и пять минутъ.

Высочайшая похвала сельскому священнику, которую приходилось мнѣ слышать отъ его прихожанъ, заключается въ томъ, что во время служенія имъ всенощной успѣваетъ догорѣть копѣечная свѣча.

Служеніе всенощной, безъ пропусковъ въ чтеніи и пѣніи, не можетъ быть совершено менѣе, чѣмъ въ три часа.

Остановимъ на устахъ нашихъ слово осужденія. Огромное большинство сельскихъ священниковъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи лишь одного причетника, часто престарѣлаго, почти всегда съ голосомъ, совершенно разбитымъ безпрестаннымъ чтеніемъ и пѣніемъ въ церкви и на открытомъ воздухѣ. Истовое исполненіе всенощной немыслимо безъ хора пѣвцовъ, безъ перемѣнныхъ чтецовъ. Остается только удивляться той степени приличія, выработанной практикою, которая соблюдается при сокращеніяхъ нашихъ службъ, вызванныхъ сокращеніемъ церковныхъ причтовъ.

По богослужебнымъ книгамъ, исполненіе церковныхъ службъ распредѣляется между священно-служителями, двумя клирами, чтецомъ и *людіями*.

Въ нашихъ сельскихъ церквахъ и чтецъ, и оба клира, соединены въ лицѣ одного, по большей части безголо-

саго, дьячка. Но гдѣ же *людіе*, столь нужные намъ при этой бѣдности?

Пока въ распоряженіи нашемъ только людишки — очень малые, очень глупенькіе — ученики нашихъ бѣдныхъ сельскихъ школъ. Но, терпѣніе! Людишки эти станутъ людьми.

Уже теперь людишки эти служатъ намъ немалую службу. Вездѣ, гдѣ при церкви есть благоустроенная школа, главная изъ службъ — литургія — поется благоговѣйно и стройно. Апостолъ, блаженны, часы, шестопсаліе читаются свѣжими голосами, старательно и внятно.

Нужно прибавить, что литургія, и при единственномъ дьячкѣ на клиросѣ, у насъ никогда не подвергалась инымъ сокращеніямъ, какъ тѣ, которыя происходятъ отъ торопливаго, одновременнаго съ возгласами, чтенія и пѣнія. Исключенія составляютъ одни блаженны. Почти всѣ священники имѣютъ несчастную привычку въ самомъ началѣ прерывать возгласомъ ихъ чтеніе, а также чтеніе тропарей и кондака, правда, въ устахъ большинства дьячковъ совершенно невразумительное. Привычку эту побѣдить трудно. Вслѣдствіе ея маленькіе чтецы, предчувствуя перерывъ, торопятся и сбиваются, что, въ свою очередь, поощряетъ и священника поспѣшить возгласомъ. Противъ этого зла одно средство: тропари и кондакъ пѣть, а блаженны стихословить, т. е. пѣть евангельскіе стихи прекраснымъ традиціоннымъ напѣвомъ, а чтеніе стиховъ Октоиха поручить хорошему чтецу изъ пѣвцовъ. Но это удлиняетъ службу минутъ на 7,8 ...

Гораздо труднѣе приспособить нашихъ людишекъ къ исполненію всенощной. Исполненіе ими перемѣнныхъ пѣснопѣній и чтеній этой службы остается робкимъ и слабымъ, за недостаточнымъ усвоеніемъ текстовъ. Только лѣтомъ, когда въ школѣ собрано немалое количество *бывшихъ* учениковъ, удавалось имъ вполнѣ

овладѣть клиросомъ. Нужно помнить также, что воскресныя и праздничныя всенощныя служатся у насъ утромъ, непосредственно передъ литургіею, и что двѣ эти службы подрядъ для маленькихъ пѣвцовъ утомительны. Позволительно надѣяться, что со временемъ при сельскихъ церквахъ образуются мужскіе хоры изъ бывшихъ, уже взрослыхъ, учениковъ мѣстныхъ школъ, коихъ не будутъ затруднять перемѣнные тексты пѣснопѣній и примѣненіе къ нимъ гласовыхъ мелодій.

При всемъ томъ, мы, конечно, никогда не достигнемъ въ нашихъ сельскихъ церквахъ того совершенства, съ коимъ исполняются церковныя службы въ нашихъ большихъ монастыряхъ. Но церковная наша служба великолѣпна и въ самомъ непосредственномъ исполненіи, только бы оно было осмысленно и благоговѣйно. Въ пѣніи требуется только естественность и стройность, отчетливое произношеніе текста и та умѣренность въ выраженіи, которая установлена преданіемъ; въ чтеніи—вѣрный тонъ и чистое произношеніе. Это не превышаетъ силъ хорошей сельской школы.

Всѣ эти подробности, всѣ эти работы могутъ показаться мелочными и странными равнодушному городскому читателю. Но не съ нимъ бесѣдую я, а съ сельскими читателями *Русскаго Вѣстника*. Они меня поймутъ.

Разбросанные на безмѣрномъ, бездорожномъ пространствѣ, мы, образованные жители деревень, мало имѣемъ духовнаго общенія между собою. Но человѣку нужно общеніе съ людьми, общеніе ежедневное и сердечное, независимое отъ мелкой злобы дня, матеріальной и житейской. И въ деревенской глуши мы окружены людьми, но людьми темными и бѣдными, которымъ мы обязаны помогать, которыхъ мы призваны просвѣщать. Но эта помощь, это учительство только оттѣняютъ ту бездну, умственную и житейскую, которая отдѣляетъ

насъ отъ этихъ людей, но не наполняетъ ее. Чтобы она наполнилась, чтобы она изгладилась, нужно подняться выше. Только предъ Богомъ существуетъ равенство на землѣ. Только въ служеніи Ему дано намъ вкусить это равенство, коего неутолимо жаждетъ наша душа. Только тутъ, на клиросѣ бѣдной церкви, въ общихъ стараніяхъ о дѣлѣ, не приносящемъ никакой земной пользы, дано намъ нелицемѣрно чувствовать, дано намъ радостно сознавать, что малограмотный крестьянскій мальчикъ не хуже, а лучше насъ, что не мы ему, а онъ намъ оказываетъ великое благодѣяніе. Вѣдь по-церковному мы читаемъ плохо и въ церкви читать не дерзаемъ. Да и умѣемъ ли мы молиться такъ, какъ молятся крестьяне?

Да, въ этихъ заботахъ о церкви,—о томъ, чтобы сдѣлать вразумительнымъ ея непрестанное ученіе, о томъ, чтобы проникло оно въ сердца всѣми путями: и дивнымъ ея языкомъ,—и живымъ, и отрѣшеннымъ отъ жизни земной,—и строгою красою ея пѣснопѣній и обрядовъ; о томъ, чтобы наложило оно свою печать на нашу жизнь; о томъ, *да созиждутся стѣны Іерусалимскія*—мы перестанемъ быть благотворителями, вокругъ насъ нѣтъ болѣе облагодѣтельствованныхъ. Всѣ мы—смиренные дѣлатели на великой нивѣ Божіей, единственной нивѣ, на которой возможно работать намъ рядомъ...

ЦЕРКОВНАЯ ШКОЛА *).

I.

Къ церковной школѣ значительная доля нашей печати относится отрицательно, или, по крайней мѣрѣ, скептически. Отчасти съ ея голоса, столь-же недоброжелательно относится къ ней и значительная доля людей образованныхъ, не имѣющихъ къ школьнымъ дѣламъ прямаго касательства. Мало того, и между людьми, спеціально посвятившими себя школьному дѣлу, встрѣчается едва ли не болѣе противниковъ, чѣмъ сторонниковъ, школы, порученной руководству православнаго духовенства.

Причины этого явленія многообразны.

Первая и самая общая изъ нихъ — тотъ вѣтеръ невѣрія, который давно вѣетъ въ Европѣ, вѣетъ и въ Россіи,—быть можетъ, острѣе, чѣмъ гдѣ-либо, благодаря нѣкоторому стѣсненію, сосредоточивающему его порывы. Ясно, что складъ мысли, сложившійся подъ этимъ вѣяніемъ, не можетъ допустить желательности— не только первенствующей роли, но и какого-либо дѣй-

*) *Русское Обозрѣніе* 1895 г., іюнь; 1895 г., октябрь; 1896 г., январь.

ственнаго вліянія духовенства въ дѣлахъ народнаго образованія. Если ученіе Христіанское — ложно, то отъ сего ученія, разумѣется, подростающія поколѣнія слѣдуетъ ограждать, и идеаломъ школы является школа лаическая, безбожная, тотъ антиподъ школы церковной, который столь послѣдовательно осуществляется въ современной Франціи. Это умозаключеніе рѣдко высказывается съ полною сознательностію и откровенностію. Но оно лежитъ на днѣ того отвращенія, которое питаетъ къ школѣ церковной большинство ея противниковъ.

Но этимъ далеко не исчерпываются причины, поддерживающія нерасположеніе къ церковной школѣ. Въ настоящее время въ образованныхъ классахъ Россіи, какъ и всей Европы, размножается число людей, считающихъ себя христіанами, но разорвавшими всякую внутреннюю связь съ церковью. Пашковцы, Толстовцы— лишь самые яркіе представители этого типа. Множество людей, внѣшнимъ образомъ къ церкви принадлежащихъ, про себя исповѣдуютъ вѣру, съ ученіемъ церкви мало имѣющую общаго, хотя и сложившуюся на почвѣ христіанства. Конечно, и они не могутъ сочувствовать тому типу школъ, который основанъ на непреложности ученія церковнаго, и они считаютъ служителей церкви учителями нежелательными. Но такъ какъ каждый изъ нихъ желалъ-бы видѣть въ школѣ орудіе распространенія *своей* вѣры, а этихъ вѣръ столько-же, сколько досужихъ богословствователей, то практически осуществимаго типа школы они предложить не могутъ.

Полагаю, что толковать о церковной школѣ съ людьми, утратившими всякую вѣру, или разорвавшими связь съ церковью, совершенно излишне. Какъ тѣ, такъ и другіе, въ силу своихъ убѣжденій, должны считать школу церковную не только безполезною, но и прямо вредною.

Но есть иной разрядъ людей, съ коими о церковной школѣ говорить можно и должно. Это тѣ люди, которые, или по твердому убѣжденію, или по духовному смиренію, или по чутью связи своей съ прошлымъ и отвѣтственности за будущее, союза съ церковію не нарушаютъ, — но считаютъ руководство школою дѣломъ духовенству нашему непосильнымъ, по недостаточной подготовкѣ его къ этому дѣлу, по множеству иныхъ обязанностей, на него возложенныхъ, наконецъ, по нравственнымъ свойствамъ нашего духовенства.

Относительно неподготовленности нашего духовенства къ веденію школьнаго дѣла замѣчу слѣдующее. Огромное большинство нашихъ сельскихъ школъ (министерскихъ, земскихъ, церковно-приходскихъ) устроено при церквахъ. Въ настоящее время, въ средней полосѣ Россіи, церковь, при коей не имѣлось-бы школы того или инаго наименованія, становится рѣдкимъ исключеніемъ. Въ этихъ школахъ постоянно, наряду съ мальчиками изъ крестьянъ, обучаются, до поступленія въ духовное училище, дѣти мѣстнаго причта (проходятъ въ нихъ обыкновенно полный трехлѣтній курсъ). Связь съ сельскою школою, во время долгаго ученія ихъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, не прерывается. Въ вакаціонное время, эти молодые люди постоянно вращаются въ обществѣ учителей и ихъ питомцевъ, помогая имъ въ церковномъ пѣніи и т. д. Въ пятомъ и шестомъ классѣ семинаріи они не только слушаютъ курсъ педагогики и дидактики (въ спеціальномъ приложеніи къ школѣ начальной), но присутствуютъ при урокахъ въ образцовой школѣ, имѣющейся при всякой семинаріи, и принимаютъ въ нихъ участіе. По окончаніи курса, огромное большинство изъ нихъ начинаетъ самостоятельную свою жизнь съ учительства при сельской школѣ. Усердная школьная дѣятельность всегда

считалась нашими епископами лучшею подготовкою къ священству. Со времени возстановленія школы церковно-приходской такая подготовка стала почти обязательною. Въ епархіяхъ, имѣющихъ семинаріи многолюдныя, такой предварительный искусъ довольно продолжителенъ: пять, шесть лѣтъ учительства до посвященія — явленіе самое заурядное. Срокъ этотъ сокращается въ епархіяхъ, въ коихъ выпуски духовныхъ семинарій менѣе обильны.

Но за то въ этихъ епархіяхъ діаконскія должности почти сплошь замѣщаются лучшими изъ мѣстныхъ учителей, не получившими семинарскаго образованія, но доказавшими свою благонадежность долголѣтнею и доброю учительскою дѣятельностію, независимо отъ наименованія школы, въ коей они подвизались. Нѣтъ сомнѣнія, что съ размноженіемъ школъ церковно-приходскихъ преимущество будетъ отдано ихъ учителямъ. Уже теперь можно сказать, что всякій учитель церковно-приходской школы, ревностно исполняющій свои обязанности и трудящійся надъ самообразованіемъ своимъ (въ смыслѣ церковномъ), можетъ надѣяться въ будущемъ на посвященіе въ діаконы. Нельзя достаточно оцѣнить ту нравственную поддержку, которую оказываетъ такая надежда бѣднымъ труженикамъ, лишеннымъ всякаго обезпеченія въ будущемъ, часто лишеннымъ даже, за скудостію матеріальныхъ средствъ, возможности помышлять о бракѣ, то облагораживающее вліяніе, которое производитъ эта надежда на весь строй ихъ жизни. Для учителя-крестьянина переходъ въ ряды священно-служителей — шагъ, въ отношеніи матеріальномъ и общественномъ столь громадный, что одна его возможность способна опредѣлить весь характеръ его дѣятельности. Не нужно забывать, что этотъ шагъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, ставитъ его въ ряды, хотя отдален-

ные, кандидатовъ на священство, которое уже достигнуто нѣкоторыми изъ лучшихъ діаконовъ, посвященныхъ въ награду за учительскіе труды.

Полагаю, что совокупность этихъ условій, при коихъ развилось все молодое поколѣніе нашего сельскаго духовенства и при коихъ будутъ развиваться всѣ послѣдующія, не позволяетъ намъ считать наше сельское духовенство къ школьному дѣлу неподготовленнымъ, тѣмъ болѣе, что именно на школьное дѣло, въ виду постепеннаго возстановленія школы церковно-приходской, устремлено усиленное вниманіе всѣхъ чуткихъ и дѣятельныхъ элементовъ подростающаго духовнаго поколѣнія.

Еще менѣе основательно предположеніе, будто сельскому духовенству, за множествомъ обязанностей приходскихъ, нѣтъ времени заниматься школьнымъ дѣломъ. Опытъ показалъ, что преподаваніе Закона Божія во множествѣ сельскихъ школъ ведется превосходно, а это немыслимо безъ весьма частаго посѣщенія школы, при коемъ священникъ имѣетъ полную возможность слѣдить и за преподаваніемъ прочихъ предметовъ, и за школьными порядками. Тотъ-же опытъ доказываетъ намъ, что эти прочіе предметы съ полнымъ успѣхомъ можетъ преподавать діаконъ, если священникъ не отвлекаетъ его, въ учебные дни, отъ школьныхъ занятій. Полная возможность такого избавленія діакона, въ учебное время, отъ всякихъ службъ и требъ ясна сама собою, такъ какъ до сихъ поръ въ большинствѣ сельскихъ приходовъ всѣ эти службы и требы совершались безъ діакона, за неимѣніемъ таковаго.

Надзоръ за школами грамотности, коихъ въ приходѣ рѣдко бываетъ болѣе двухъ-трехъ, большой затраты времени отъ священника не требуетъ, такъ какъ онъ обязательно, и весьма часто, посѣщаетъ всѣ де-

ревни своего прихода, независимо отъ того, имѣются ли въ нихъ школы.

Перехожу къ послѣдней и самой существенной причинѣ, по коей люди благочестивые и церковные, даже сочувствующіе въ принципѣ школьной дѣятельности духовенства, нерѣдко относятся недовѣрчиво, даже непріязненно къ школѣ церковно-приходской.

Причина эта заключается въ недовѣріи къ нравственному характеру духовенства и заслуживаетъ самаго тщательнаго разсмотрѣнія.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ рядахъ нашего сельскаго духовенства весьма много людей порочныхъ, еще болѣе людей къ исполненію своихъ обязанностей равнодушныхъ и небрежныхъ. Никто, конечно, не возьмется утверждать, чтобы въ рядахъ духовенства процентъ недостойныхъ былъ больше, чѣмъ въ сословіи, напримѣръ, педагогическомъ, врачебномъ, судебномъ, и т. д. Статистикѣ эти вещи не подлежатъ. Полагаю, однако, что люди зрѣлаго жизненнаго опыта сойдутся на заключеніи, что не намъ, мірянамъ, бросать въ духовенство первый камень.

Тѣмъ не менѣе, естественно и законно желаніе видѣть въ духовенствѣ не нравственный сколокъ съ прочихъ сословій, а примѣръ для ихъ назиданія, видѣть въ немъ, въ предѣлахъ немощи человѣческой, ту соль земли, безъ коей послѣдняя остается безплодною и мертвою.

Всмотримся же въ дѣло поближе. Взвѣсимъ тѣ элементы, изъ коихъ слагается наше духовенство, тѣ условія, коими до сихъ поръ обставлено его существованіе.

Изъ всѣхъ видовъ человѣческой дѣятельности, конечно, ни одинъ столь настоятельно не требуетъ свободнаго выбора, ясно сознаннаго призванія, какъ слу-

женіе Церкви. Не нужно забывать, что въ Россіи, въ теченіе двухъ столѣтій, этотъ элементъ успѣха отсутствовалъ вполнѣ, что вступленіе людей въ ряды священства предрѣшалось ихъ рожденіемъ. Этимъ обезпечивалась только необыкновенная живучесть наслѣдственныхъ навыковъ, дурныхъ и добрыхъ.

Система воспитанія нашего духовенства, несмотря на неоднократныя, во многомъ неосторожныя ломки, до сихъ поръ не пришла въ состояніе удовлетворительное. Страдаетъ въ особенности часть воспитательная. Многіе пороки, и, прежде всего, лживость и пьянство, свили себѣ въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ прочное гнѣздо. Великій грѣхъ въ этомъ отношеніи лежитъ на нашихъ духовныхъ академіяхъ, снабжающихъ всѣ прочія духовно-учебныя заведенія преподавателями и начальствующими лицами. Весь внутренній складъ и самое наименованіе этихъ академій есть ложь. Можно назвать ихъ академіями богословскими, но отнюдь не духовными. Огромное большинство своихъ воспитанниковъ онѣ навсегда отвращаютъ отъ духовнаго званія, подрываютъ въ нихъ вѣру, вселяютъ въ нихъ стремленіе къ необузданной нравственной свободѣ, которое прежде всего осуществляется въ чудовищномъ развитіи пьянства. Все это, конечно, требуетъ прикрытія и ведетъ къ столь-же чудовищному развитію лжи *). Можно себѣ представить, какъ мало поддержки своимъ духовнымъ стремленіямъ получаютъ воспитанники духовно-учебныхъ заведеній отъ наставниковъ, питающихъ презрѣніе къ рясѣ, подающихъ имъ примѣръ распутства и прикрывающаго его обмана.

*) Съ особенною радостію спѣшу отмѣтить значительный поворотъ въ этомъ отношеніи къ лучшему, нынѣ совершающійся въ Академіи Московской, подъ вліяніемъ ея почтеннаго ректора, о. архимандрита Антонія.

Затѣмъ, по большей части, слѣдуетъ періодъ учительства, безо всякаго руководства и надзора, при обстоятельствахъ стѣснительныхъ и трудныхъ; бракъ, часто поспѣшный и поэтому нерѣдко несчастный, и—священство.

О тѣхъ затрудненіяхъ, матеріальныхъ и нравственныхъ, съ коими приходится бороться сельскому священнику, уже писано такъ много, что не считаю нужнымъ ихъ перечислять. Напомню читателю лишь одно изъ нихъ, свойственное новѣйшему времени. Это—почти повсемѣстное въ сельской средѣ исчезновеніе или абсентеизмъ образованнаго дворянства, которое одно могло бы оказать духовенству матеріальную и нравственную поддержку; а рядомъ съ этимъ явленіемъ—размноженіе такъ называемой сельской интеллигенціи, отъ Церкви оторванной, часто духовенству враждебной, неисцѣлимо невѣжественной, потому что она считаетъ свое невѣжество развитіемъ.

Если мы подумаемъ о томъ, сколько истинной доблести, сколько смиренія, терпѣнія и такта нужно сельскому священнику, чтобы достойно пройти свое поприще, намъ остается только удивляться тому, что наше сельское духовенство, при способахъ его пополненія, при условіяхъ его развитія и существованія, представляетъ столь много личностей, остающихся чистыми передъ людьми и передъ Богомъ, подвизающихся подвигомъ добрымъ. Это не уменьшаетъ нашей скорби о множествѣ священниковъ небрежныхъ и порочныхъ. Но это подкрѣпляетъ нашу вѣру въ несокрушимую жизненность нашей Церкви.

Тѣмъ не менѣе, если совокупность бѣгло указанныхъ выше причинъ ведетъ къ постепенному пониженію уровня умственнаго и нравственнаго нашего сельскаго духовенства, если замѣчается въ его рядахъ уменьшеніе числа священниковъ усердныхъ и достой-

ныхъ, то, конечно, мы должны ждать, для порученія духовенству начальной школы, обстоятельствъ болѣе благопріятныхъ.

Но такъ-ли въ самомъ дѣлѣ? Полагаю, что при нравственной оцѣнкѣ обширныхъ группъ или сословій людей, намъ легче судить о направленіи, въ коемъ происходятъ въ нихъ внутренніе перевороты, по необходимости медленные, чѣмъ о наличномъ среднемъ уровнѣ, достигнутомъ въ данную минуту. Сравненіе съ минувшимъ, даже недалекимъ, доступнымъ воспоминаніямъ людей, донынѣ здравствующихъ, можетъ дать на этотъ счетъ указанія драгоцѣнныя. Ссылаюсь на сужденіе всѣхъ безпристрастныхъ наблюдателей, уже не одинъ десятокъ лѣтъ внимательно слѣдящихъ за внутреннею жизнью нашихъ селъ и весей. Каждый изъ нихъ несомнѣнно скажетъ, что число сельскихъ священниковъ, проникнутыхъ стремленіемъ къ плодотворной, истинно пастырской дѣятельности, разительно *возрастаетъ*, что увеличивается число священниковъ *учительныхъ* и въ церкви и въ школѣ, что именно въ школьномъ дѣлѣ изъ ихъ числа стали появляться дѣятели выдающіеся, о коихъ прежде не было и помину.

Пишущій эти строки только двадцать лѣтъ занятъ устройствомъ школъ въ районѣ очень ограниченномъ и захолустномъ. Много пришлось ему вытерпѣть огорченій отъ неумѣлости и небрежности иныхъ священниковъ, много получить неоцѣненной помощи отъ доброй дѣятельности другихъ,—и даже за этотъ краткій періодъ времени для него стало очевидно самое отрадное движеніе къ лучшему.

Но этого мало. Школьная дѣятельность столь кратковременная, ограниченная пространствомъ столь ничтожнымъ, но направленная къ установленію возможно близкой связи школы съ Церковью, мало-по-малу вовлекла

его въ громадную переписку съ сотнями священниковъ, разсыпанныхъ по всѣмъ угламъ Россіи, переписку о дѣлахъ школьныхъ и со школою прикосновенныхъ *). Полагаю, что такое явленіе, не болѣе четверти вѣка тому назадъ, было бы немыслимымъ.

Множество причинъ обусловили это, замѣчаемое повсемѣстно въ нашемъ духовенствѣ, пробужденіе лучшихъ и высшихъ стремленій. Возрастающая чуткость народныхъ массъ къ слову, устному и печатному, преступное пользованіе этою чуткостью со стороны лжеучителей самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ—поставили наше духовенство лицомъ къ лицу съ отвѣтственностями неотложными. Повсемѣстное размноженіе школъ выяснило нашимъ священникамъ громадное значеніе того духа, въ коемъ ведется въ нихъ преподаваніе. Привлеченіе духовенства къ дѣятельному и самостоятельному участію въ школьномъ дѣлѣ возстановленіемъ школы церковно-приходской произвело въ немъ подъемъ духа, который нельзя достаточно оцѣнить. Стóитъ только вспомнить, что̀ имъ сдѣлано за десять лѣтъ безъ всякой правительственной помощи, при помощи общественной, лишенной всякой организаціи. Наконецъ, возвѣщенное лишь въ прошломъ году твердое намѣреніе правительства поставить матеріальный бытъ духовенства въ условія, не противорѣчащія его высокому

*) Тщательно храню эту переписку. Она уже нынѣ составляетъ около сотни переплетенныхъ томовъ. Будутъ приняты мѣры, чтобы этотъ „Обозъ къ потомству“ (по затѣйливому выраженію покойнаго Н. В. Сушкова) дошелъ по назначенію, то есть сталъ доступнымъ Бартеневымъ и Семевскимъ XX-го вѣка. Любители архаическихъ скандаловъ не найдутъ въ немъ пищи для своей любознательности. Но спокойный бытописатель отыщетъ въ немъ много страницъ, и свѣтлыхъ, и скорбныхъ, проливающихъ свѣтъ, неожиданный и отрадный, на многогрѣшный конецъ нашего XIX-го вѣка.

призванію, придало ему новую бодрость, новую вѣру въ будущее.

Къ какимъ же практическимъ заключеніямъ тѣснятъ насъ всѣ эти разсужденія?

Во-первыхъ, къ тому, что при каждой Церкви, имѣющей священника добраго и дѣятельнаго, желательно существованіе школы, именно церковно-приходской. Для человѣка вѣрующаго не можетъ быть спора въ томъ, что начальная школа должна быть не только школой ариѳметики и элементарной грамматики, но, первѣе всего, — школой христіанскаго ученія и добрыхъ нравовъ, школой жизни христіанской подъ руководствомъ пастырей Церкви. Но для этого нужно не только правильное преподаваніе Закона Божія. Нуженъ добрый учитель, дѣйствующій за-одно съ священникомъ, подающій ученикамъ примѣръ жизни христіанской и церковной. Никто болѣе добраго священника въ выборѣ такого учителя заинтересованъ быть не можетъ, никто лучше его не можетъ руководить имъ, имѣть за нимъ надзоръ, дѣйствительный, а не мнимый. Никто лучше священника не изыщетъ средствъ для покрытія разныхъ нуждъ училища, превышающихъ его бюджетъ. Вліяніе добраго священника на его приходъ громадно, простирается и далѣе его; таково и вліяніе руководимой имъ школы.

Во-вторыхъ, пора перестать смотрѣть на священниковъ, искренно преданныхъ школьному дѣлу, какъ на рѣдкое исключеніе, какъ на счастливую случайность. Прочно поставленное въ приходѣ дѣло церковной школы не легко можетъ заглохнуть. Существованіе при церкви благоустроенной, обезпеченной школы составляетъ для всякаго молодаго священника, поступающаго на мѣсто, могучее побужденіе къ разумной дѣятельности, школьной и пастырской. Оно привлекаетъ въ приходъ лучшія

силы изъ рядовъ кандидатовъ на священство, принимается въ соображеніе и епархіальною властью при назначеніи священниковъ въ данный приходъ.

А главное, нужно помнить, что слово „Церковь“ не есть переводъ съ французскаго „Eglise“, но означаетъ нѣчто, несравненно болѣе широкое, что именно въ школьномъ дѣлѣ церковная дѣятельность, обязательная для всякаго православнаго мірянина, находитъ самое широкое, самое плодотворное примѣненіе. Счастливъ тотъ сельскій священникъ, въ приходѣ коего найдется хоть одинъ образованный человѣкъ, не порвавшій связи съ Церковью, сознающій тѣ обязанности, которыя эта связь на него налагаетъ! Такой человѣкъ неминуемо становится главною опорой его пастырской, и, въ частности, школьной дѣятельности. Но такую опору сельскіе священники находятъ лишь рѣдко, вслѣдствіе шатанія умовъ высшихъ классовъ нашего общества, вслѣдствіе отлива въ столицы помѣстнаго дворянства. Пусть же помнятъ многочисленные радѣтели школьнаго дѣла въ духѣ церковномъ, по разнымъ причинамъ отсутствующіе изъ родныхъ своихъ сельскихъ гнѣздъ, что послужить имъ издали насажденіемъ здраваго ученія они могутъ не иначе, какъ при посредствѣ добрыхъ священниковъ. Пусть они помнятъ, что самый выборъ таковыхъ, по ихъ преобладающему вліянію въ приходѣ, по ихъ общественному положенію, по бо́льшей части зависитъ преимущественно отъ нихъ.

Благодареніе Богу, при этомъ ни въ какомъ спѣхѣ, ни въ какой ломкѣ существующаго не представляется ни малѣйшей нужды. И нынѣ въ школахъ совершенно независимыхъ отъ духовнаго вѣдомства, въ школахъ министерскихъ и земскихъ хорошій сельскій священникъ, при учителѣ мало-мальски разумномъ, имѣетъ немалую долю вліянія. И министерство, и земство рев-

ниво оберегаютъ свое право контроля надъ ввѣренными имъ училищами, но этимъ правомъ, по силѣ вещей, могутъ пользоваться лишь въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ. Инспекторамъ училищъ ввѣрены округи столь обширные, школы столь многочисленныя, они при томъ обременены такою массой канцелярской работы, что даже лишены возможности заглянуть разъ въ годъ въ каждое изъ подвѣдомственныхъ имъ училищъ. Выборные члены училищныхъ совѣтовъ, предсѣдатели ихъ, предводители, въ лучшемъ случаѣ — лишь любители порученнаго имъ дѣла, спеціально же заняты иными дѣлами, обязательными и срочными. И ихъ надзоръ, какъ и надзоръ инспекторовъ, сводятся къ бѣглому удостовѣренію черезъ промежутки времени довольно долгіе, наличнаго состоянія школы. О какомъ-либо руководственномъ вліяніи не можетъ быть и рѣчи. Таковое оказывать на учителя можетъ только усердный священникъ, или иной образованный мѣстный житель, попечитель или просто сосѣдъ, внимательно слѣдящій за ходомъ школьнаго дѣла. Очевидно, что изъ всѣхъ этихъ вліяній, de jure или de facto надъ школою властныхъ, постояннымъ, и при томъ для школы благотворнымъ, можно считать только вліяніе добраго священника. По обстоятельствамъ времени, всѣ прочія вліянія исходятъ отъ лицъ, по большей части къ Церкви равнодушныхъ, лишенныхъ всякаго пониманія ея значенія въ школьномъ дѣлѣ, нерѣдко Церкви прямо враждебныхъ.

Понятно также, что при такомъ многоначаліи, при такой неопредѣленной постановкѣ школьнаго дѣла, весьма часто усердному священнику, кромѣ преподаванія Закона Божія, въ школѣ министерской или земской нечего дѣлать, ибо ничего не подѣлаешь.

Но и въ этомъ случаѣ усердному священнику остается

открытымъ, въ его приходѣ, широкое поле дѣятельности по школьной части.

Во-первыхъ, ему поручено устройство, въ своемъ приходѣ, школъ грамотности и руководство ими. Рѣдкій приходъ, въ средней и сѣверной полосѣ Россіи, не нуждается въ одной или нѣсколькихъ такихъ школъ, по отдаленности многихъ селеній отъ школы центральной, по совершенной недостаточности одной школы для обученія всѣхъ дѣтей школьнаго возраста въ приходѣ.

Принято ставить въ укоръ духовенству явную неудовлетворительность множества школъ грамотности, нынѣ существующихъ и подлежащихъ его надзору. Укоръ этотъ несправедливъ. Плохія эти школы созданы не духовенствомъ, а мѣстною нуждою, помимо всякихъ правительственныхъ распоряженій. Учителя ихъ выбраны мѣстными крестьянами. Духовенство не въ правѣ закрывать эти школы, если, какъ это и бываетъ въ большинствѣ случаевъ, онѣ приносятъ хотя малую долю пользы, не замѣнивъ ихъ школами болѣе совершенными. А такая замѣна требуетъ — времени.

Дѣло въ томъ, что скудное вознагражденіе, нынѣ возможное въ нашихъ деревенскихъ школахъ, вознагражденіе, состоящее не изъ сотенъ, а изъ десятковъ рублей, совершенно недостаточно для привлеченія со стороны, развѣ на самое краткое время, учителя маломальски благонадежнаго. Въ этихъ школахъ учителемъ желательнымъ и прочнымъ можетъ быть только мѣстный крестьянинъ, прошедшій добрую школу духа церковнаго, крестьянинъ крестьянствующій, дома живущій. Для таковаго 40—60 руб. зимняго заработка, если ему по душѣ самое дѣло учительства — находка. Такихъ людей можно найти едва ли не въ каждой крупной деревнѣ прихода, издавна, то-есть, лѣтъ 15 — 20, имѣющаго добрую школу, преимущественно въ семьяхъ

дружныхъ, не слишкомъ раздробленныхъ семейными раздѣлами. Само собою разумѣется, что пригодныхъ на такую должность юношей, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, никто намѣтить и избрать не можетъ, кромѣ внимательнаго священника, зорко слѣдящаго за жизнію своихъ пасомыхъ. Но этого мало. Кромѣ успѣшнаго прохожденія курса въ школѣ центральной, такимъ учителямъ нужна нѣкоторая дополнительная подготовка—практикою при центральной школѣ въ качествѣ помощниковъ, расширеніемъ ихъ скудныхъ теоретическихъ свѣдѣній; нужна, наконецъ, нѣкоторая зрѣлость, физическая и нравственная. Мальчики 13—15 лѣтъ въ качествѣ самостоятельныхъ учителей не желательны, и въ ихъ собственныхъ интересахъ, и въ интересахъ учениковъ. Всякая же подготовка, болѣе систематическая и естественная, неминуемо отвлекаетъ молодаго крестьянина отъ дома и деревни, заставляетъ его искать учительскаго званія и должности въ школѣ полноправной, съ жалованіемъ сотеннымъ.

Но и эта элементарная подготовка, о коей я говорю—трудъ не малый, хотя дѣятельному священнику и посильный, въ виду малаго количества учителей школъ грамотности, потребныхъ въ каждомъ приходѣ. И нельзя достаточно настаивать на томъ, что выборъ такихъ учителей, что ихъ подготовка, развѣ въ случаяхъ самыхъ исключительныхъ, *никому* поручены быть не могутъ, кромѣ достойнаго приходскаго священника. Учитель, не ведущій своего дѣла въ духѣ церковномъ, въ деревнѣ терпимъ не будетъ; учитель, мѣстному духовенству чуждый или враждебный—прямо вреденъ; бдительный надзоръ за преподаваніемъ въ деревенской школкѣ, подкрѣпляющій и дополняющій слишкомъ слабую подготовку учителя, ни для кого кромѣ священника *не возможенъ*.

Другая область первостепенной важности повсюду открыта священникамъ предпріимчивымъ и усернымъ. Это—устройство особыхъ школъ для дѣвочекъ. Послѣ долгихъ колебаній, въ крестьянствѣ начинаетъ пробуждаться сознаніе необходимости и для нихъ элементарнаго ученія, и именно въ духѣ церковномъ. Полному проявленію этого стремленія препятствуетъ переполненіе нашихъ начальныхъ школъ, препятствуютъ разстоянія, несравненно болѣе чувствительныя для дѣвочекъ, чѣмъ для мальчиковъ, препятствуетъ невозможность помѣщенія и тѣхъ и другихъ въ одномъ общежитіи.

Кромѣ того, въ школахъ для дѣвочекъ необходимъ иной учебный планъ, чѣмъ тотъ, который принятъ въ нашихъ школахъ смѣшанныхъ, въ виду значительнаго преобладанія въ нихъ мальчиковъ. Не малая доля времени должна быть удѣлена на рукодѣліе. Занятіямъ чтеніемъ, Закономъ Божіимъ, церковнымъ пѣніемъ должно быть дано нѣкоторое преобладаніе надъ занятіями ариѳметикой и письмомъ. Будущія матери семейства должны быть утверждены въ тѣхъ навыкахъ и знаніяхъ, которыя онѣ призваны передавать своимъ дѣтямъ еще раньше поступленія ихъ въ школу, относительно коихъ школьное ученіе въ значительной мѣрѣ можетъ быть замѣнено ученіемъ домашнимъ. Нужно ли упоминать о томъ, что малѣйшее изъ тѣхъ отступленій отъ характера искренно-церковнаго, которыя столь часто допускаются въ нашихъ школахъ смѣшанныхъ, въ школахъ для дѣвочекъ было бы прямымъ преступленіемъ, отравленіемъ самыхъ источниковъ будущей духовной жизни нашего народа? Пусть размыслятъ объ этомъ внимательно наши батюшки.

Устроить школу для дѣвочекъ нѣсколько труднѣе и дороже, чѣмъ для мальчиковъ. При ней необходимо общежитіе, болѣе обширное, болѣе тщательно устроен-

ное, чѣмъ въ школахъ для мальчиковъ. Нуженъ бо́льшій персоналъ для преподаванія и надзора. Кромѣ учительницы (которая можетъ быть замѣнена діакономъ) необходима и кухарка и еще женщина, способная преподавать по крайней мѣрѣ рукодѣліе, вести школьное хозяйство, оказывать на учениць доброе нравственное вліяніе. Оставлять безъ разумнаго призора 50—60 дѣвочекъ нельзя ни на минуту. Требовать же отъ единственной учительницы, чтобы она *никогда* не отлучалась изъ школы, было бы недостойною комедіей.

Итакъ, въ этой отрасли школьнаго дѣла на первый планъ выдвигаются затрудненія матеріальныя. Но тутъ, болѣе чѣмъ когда-либо, кстати вспомнить, что дѣло церковной школы не есть дѣло одного духовенства, но также дѣло православныхъ мірянъ, дѣло всей Церкви, а въ данномъ случаѣ—дѣло преимущественно женщинъ, этихъ надежнѣйшихъ сподвижницъ всякаго добраго дѣла. Въ нашихъ пустѣющихъ селахъ и весяхъ—число образованныхъ женщинъ больше, чѣмъ число образованныхъ мужчинъ. Онѣ—хранительницы добрыхъ завѣтовъ минувшаго, онѣ—носительницы добрыхъ чаяній будущаго. Главная надежда въ этомъ дѣлѣ—на ихъ помощь.

Въ дѣлѣ, столь неизмѣримой важности, какъ начальное образованіе, въ дѣлѣ, столь настоятельно требующемъ самаго широкаго развитія, необходимо пользоваться всѣми силами, приходящими ему на помощь. Изъ этихъ силъ первое мѣсто принадлежитъ земствамъ. Школьная дѣятельность ихъ, въ отношеніи количественномъ, заслуживаетъ самой безусловной похвалы и благодарности. Нельзя сказать того же объ этой дѣятельности въ отношеніи качественномъ. Но не нужно

забывать, что этимъ учрежденіямъ была предоставлена дѣятельность, имъ совершенно непосильная и несвойственная. Руководство школой было (implicite) имъ поручено въ періодъ крайняго шатанія умовъ, въ періодъ бурнаго разлива идей противуцерковныхъ, въ періодъ всеобщаго увлеченія популярными отголосками западнаго матеріализма и позитивизма. Мудрено ли, что школьная дѣятельность земствъ грѣшила совершеннымъ непониманіемъ роли церковнаго элемента въ начальномъ образованіи, часто враждебностью къ этому элементу? Нынѣ замѣчается несомнѣнный поворотъ къ лучшему. Строй школъ церковно-приходскихъ значительно повліялъ на строй школъ земскихъ. Многія земства стали оказывать матеріальную помощь школѣ церковной. Въ нѣкоторыхъ земствахъ даже заходитъ рѣчь о передачѣ руководства школами мѣстному духовенству *).

Тѣмъ не менѣе, примѣръ школьной дѣятельности земствъ за минувшее тридцатилѣтіе неопровержимо доказываетъ, сколь неумѣстно и опасно предоставлять руководство школой учрежденіямъ, неизбѣжно отражающимъ перемѣнчивыя настроенія минуты. Школа должна стоять внѣ этихъ случайныхъ, часто безпорядочныхъ вѣяній. Она должна стоять на основѣ твердой и вѣчной.

Кое-что по школьному дѣлу дѣлается также Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Имъ устроены кадры правильнаго надзора, пока невозможнаго, за малолюдствомъ персонала; но кадры эти могутъ быть по-

*) Такая огульная передача до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, совершилась лишь въ одномъ уѣздѣ (Вольскомъ). Полагаю, что въ большинствѣ уѣздовъ она пока преждевременна. Гораздо разумнѣе была бы передача въ духовное вѣдомство отдѣльныхъ школъ, въ тѣхъ приходахъ, въ коихъ священники отличаются усердіемъ, умѣлостью, нравственнымъ авторитетомъ.

полнены. Имъ основаны многочисленныя учительскія семинаріи сомнительнаго достоинства и несомнѣнной дороговизны; но оно, конечно, озабочено тѣмъ, чтобы деньги, на нихъ ассигнованныя, тратились болѣе производительно. Имъ содержится немало образцовыхъ училищъ, ничѣмъ, кромѣ дороговизны, не отличающихся отъ школъ, коимъ они призваны служить образцомъ; но эти училища, наряду со школами иныхъ наименованій, удовлетворяютъ мѣстнымъ потребностямъ.

Весьма существенную, хотя и менѣе видную роль играетъ въ школьномъ дѣлѣ и частная иниціатива. Множество прекрасныхъ школъ обязаны своимъ преуспѣваніемъ исключительно заботамъ, поддержкѣ матеріальной и нравственной живущихъ на мѣстѣ образованныхъ попечителей.

Но изъ этихъ силъ единственная, способная дѣйствовать повсемѣстно, въ духѣ единомъ и желательномъ, въ предѣлахъ точно очерченныхъ и естественныхъ, въ связи съ прошлымъ, съ благотворнымъ вліяніемъ на будущее—есть сельское духовенство. Этою силой слѣдуетъ намъ пользоваться прежде всего, ее надлежитъ намъ всѣми мѣрами укрѣплять и воспитывать, очищать и направлять; ибо:

Лучшій изъ мыслимыхъ руководителей начальной школы есть добрый священникъ.

Самый желательный изъ доступныхъ намъ сельскихъ учителей есть діаконъ, подготовленный долгимъ учительствомъ.

Школы низшаго разряда *никому* кромѣ священника поручены быть не могутъ.

Мнѣ могутъ возразить, что я постоянно говорю лишь о священникахъ достойныхъ, и что поэтому мои разсужденія столь же мало убѣдительны, какъ и разсуж-

денія враговъ церковной школы, основанныя на подразумѣваемомъ предположеніи, что всѣ священники—негодны. Но дѣло въ томъ, что силы положительныя всегда дѣйственнѣе силъ отрицательныхъ, если только обстоятельствами данъ имъ должный просторъ. Повторяю: не изъ негодяевъ, не изъ героевъ состоитъ большинство всякой общественной группы, а изъ людей колеблющихся и слабыхъ, бездѣятельныхъ и косныхъ. Задать тонъ этому большинству можетъ только избранное меньшинство, имѣющее возможность широкой и плодотворной дѣятельности. Существованіе, быстрый ростъ такого меньшинства въ средѣ нашего сельскаго духовенства не можетъ быть отвергнуто наблюдателемъ внимательнымъ и безпристрастнымъ. Поддержка этого меньшинства, предоставленіе достойнаго поля его просвѣтительной дѣятельности есть прямая обязанность каждаго изъ насъ, православныхъ христіанъ, есть единственный путь, намъ доступный, для умноженія числа пастырей добрыхъ, для усиленія ихъ плодотворнаго вліянія на всю духовную среду.

И, если мы дѣйствительно православные христіане, развѣ не поддержитъ насъ въ этомъ дѣлѣ наша вѣра въ несокрушимость Церкви въ смыслѣ союза и духовенства и мірянъ, въ благодать священства, въ помощь Божію, никогда не оставлявшую насъ въ дѣлѣ, предпринятомъ во имя святое Его?

Остается мнѣ упомянуть объ одной помѣхѣ, довольно комической, но тѣмъ не менѣе весьма существенной, которую встрѣчаетъ на каждомъ шагу дѣло церковной школы. Это—вѣдомственный патріотизмъ представителей Министерства Народнаго Просвѣщенія. Всѣ они, начиная съ людей власть имущихъ и кончая послѣднимъ полу-

грамотнымъ воспитанникомъ учительской семинаріи, долгомъ своимъ считаютъ бороться противъ школы церковной, усматривая въ ней какой-то враждебный имъ лагерь. Нужно ли напоминать о томъ, что сельскихъ школъ у насъ до сихъ поръ такъ мало, сѣть ихъ такъ рѣдка, что каждая новая школа служитъ школамъ сосѣднимъ не помѣхою, а подспорьемъ. Пишущій эти строки на своемъ вѣку устроилъ немало школъ, и земскихъ, и церковно-приходскихъ, даже одну министерскую. Открытіе каждой изъ этихъ школъ неизмѣнно влекло за собою не уменьшеніе, а увеличеніе числа учащихся въ школахъ сосѣднихъ. Нужна рѣдкая степень неразумія, чтобы открыть новую школу именно въ одномъ изъ немногихъ пунктовъ, въ коихъ мѣстныя потребности уже разумно удовлетворены школою иного вѣдомства. Такія затѣи, конечно, бываютъ, и о нихъ немедленно поднимается набатъ въ нашей печати. Но количество ихъ совершенно ничтожно, и, въ концѣ концовъ, онѣ приносятъ вредъ лишь своимъ предпринимателямъ.

Тѣмъ не менѣе, такъ какъ по школьнымъ дѣламъ чинамъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и книги въ руки, ихъ отношенія къ школѣ церковной отталкиваютъ отъ нея многихъ радѣтелей, лично съ школьнымъ дѣломъ незнакомыхъ. Послѣднимъ можно только посовѣтовать внимательно всмотрѣться въ школы, доступныя ихъ наблюденію, настойчиво подумать о тѣхъ нуждахъ, разнообразныхъ и всеобъемлющихъ, удовлетворенію коихъ эти школы полагаютъ первое начало. Столь законное и въ настоящее время столь модное стремленіе сдѣлать начальную школу разсадникомъ практическихъ свѣдѣній и умѣній по разнымъ отраслямъ хозяйства и промышленности—осуществимо только при близкомъ и постоянномъ надзорѣ и руководствѣ

лица съ бо́льшимъ практическимъ опытомъ, чѣмъ заурядный учитель. Такое же руководство необходимо ему при всякой попыткѣ расширить область школьнаго преподаванія. Нужнѣе же всего для школы постоянное памятованіе словъ Писанія: „не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ“.

II.

Щедрая помощь со стороны Государственнаго Казначейства, съ будущаго года предстоящая школамъ церковнымъ, возлагаетъ на всѣхъ насъ, православныхъ мірянъ, обязанности настоятельныя и священныя, которыя пора намъ глубоко сознать и благоговѣйно обдумать.

Тѣ денежныя средства, которыя государство можетъ удѣлить каждой отдѣльной церковно-приходской школѣ или школѣ грамотности, никогда не будутъ достаточными на достойное ея содержаніе. Для безобѣднаго существованія этихъ школъ нужно, по крайней мѣрѣ, удвоеніе этихъ средствъ изъ источниковъ мѣстныхъ, приходскихъ. Съ другой стороны, такое участіе мѣстнаго населенія въ матеріальномъ содержаніи школъ становится совершенно посильнымъ среднему сельскому приходу и можетъ повести къ повсемѣстному вещественному обезпеченію школьнаго дѣла. Настаетъ моментъ, въ который самое ничтожное, но безповоротное обложеніе прихожанъ денежнымъ взносомъ, въ который пожертвованіе капитала въ нѣсколько тысячъ рублей или небольшаго участка земли, прилегающаго къ школѣ, можетъ навѣки обезпечить ея существованіе въ смыслѣ матеріальномъ, и, что еще несравненно важнѣе, навѣки связать ее съ церковію приходскою. Будущія судьбы

этой церкви перемѣнчивы и невѣдомы; но существованіе ея несокрушимо. Несокрушимо и великое цѣлое, коего она составляетъ живую ячейку—Церковь Русская.

Обложеніе прихожанъ данной церкви въ пользу школъ своего прихода (хотя-бы и въ размѣрахъ самыхъ незначительныхъ) въ настоящее время сопряжено съ немалыми затрудненіями. Поземельная собственность (въ губерніяхъ земскихъ) повсемѣстно уже обложена школьнымъ налогомъ на содержаніе земскихъ школъ. Изъ суммъ, составляющихся изъ этого налога, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ удѣляются крохи въ пособіе школамъ церковнымъ. Причина тому—недомысліе и совершенное отчужденіе отъ Церкви нашего образованнаго общества, представители коего заправляютъ земскими дѣлами. Предлогъ къ отказу — постоянное размноженіе земскихъ школъ, правильное содержаніе коихъ становится земствамъ непосильнымъ, между тѣмъ какъ государственная помощь этимъ школамъ невозможна, по совершенному отсутствію за ними руководящаго надзора, по совершенной случайности ихъ духа и направленія, по большей части обусловленнаго личными свойствами весьма незрѣлаго учителя.

Кромѣ уѣздныхъ сборовъ, въ большинствѣ случаевъ на школьныя нужды существуютъ сборы волостные. Эти сборы дѣлятся между существующими въ предѣлахъ волости земскими школами, и лишь рѣдко удается выдѣлить изъ нихъ долю въ пользу школъ церковно-приходскихъ. Земскія школы въ большинствѣ случаевъ устроены при церквахъ, коихъ въ волости имѣется болѣе, чѣмъ школъ, и, конечно, эти школы приносятъ пользу лишь тѣмъ приходамъ, при церкви коихъ онѣ помѣщены. Устройство церковно-приходскихъ школъ при прочихъ церквахъ той-же волости встрѣчаетъ препятствіе въ трудности, часто невозможности, выдѣлить

въ пользу этихъ школъ изъ волостныхъ школьныхъ средствъ взносъ прихожанъ той церкви, при которой открывается школа. Такому выдѣлу препятствуютъ вліятельные попечители земскихъ школъ, имъ не содѣйствуютъ ни земскіе начальники, ни училищные совѣты. Между тѣмъ, сборъ на школу собственнаго прихода всегда могъ бы достичь размѣровъ гораздо бо́льшихъ, чѣмъ огульный сборъ на школы всей волости.

Притомъ, лежатъ эти волостные сборы исключительно на крестьянскихъ надѣлахъ. Сельскими же школами всѣхъ наименованій широко пользуются, кромѣ крестьянъ, и мелкопомѣстные дворяне, и постепенно вытѣсняющіе ихъ землевладѣльцы иныхъ сословій.

Всѣ эти *порядки* настоятельно требуютъ исправленія, и несомнѣнно будутъ исправлены рано или поздно, по взаимному соглашенію заинтересованныхъ вѣдомствъ.

Но — время не терпитъ. Нужда въ повсемѣстномъ насажденіи начальной школы, доброй и прочной, стала настоятельною, для всѣхъ очевидною. Личному почину и частной помощи, и до сихъ поръ игравшимъ въ школьномъ дѣлѣ роль гораздо болѣе значительную, чѣмъ явствуетъ изъ оффиціальныхъ отчетовъ, открывается самое широкое, самое благодарное поприще.

При предстоящей помощи отъ Государственнаго Казначейства, временная матеріальная поддержка школьнаго дѣла въ предѣлахъ одного прихода составляетъ издержку для человѣка богатаго ничтожную, доступную и человѣку средняго достатка. Никогда не прекращавшіяся пожертвованія, путемъ дара или завѣщанія, на вѣчное обезпеченіе отдѣльныхъ школъ, именно теперь становятся особенно цѣнными, и никогда учащеніе ихъ не могло быть болѣе желательнымъ. Помощь, оказываемая правительствомъ школѣ церковной, есть не только высокій знакъ довѣрія къ православному духо-

вѣнству, но и ко всѣмъ православнымъ мірянамъ, и богатымъ, и бѣднымъ, ибо поддержаніе скромной школы грамотности посильно даже соединеннымъ средствамъ немногихъ бѣдныхъ людей. Но особенную нравственную обязанность возлагаетъ этотъ знакъ довѣрія, конечно, на людей богатыхъ.

Началъ я мою бесѣду съ этихъ бѣглыхъ замѣтокъ о матеріальной сторонѣ дѣла не потому, чтобы я этой сторонѣ придавалъ значеніе первенствующее, а именно потому, что дѣло имѣетъ стороны, несравненно болѣе существенныя и важныя, чѣмъ эта сторона матеріальная, съ коею я спѣшилъ предварительно покончить, чтобы выбраться на просторъ соображеній иного порядка.

Самый элементарный опытъ убѣдитъ всякаго, что въ области духа, даже на самыхъ скромныхъ ея ступеняхъ, каково попеченіе о начальной школѣ, однѣми деньгами ничего не подѣлаешь. Всякая денежная затрата нравственно обязываетъ къ соотвѣтствующей затратѣ силъ духовныхъ, и въ этой-то послѣдней и заключается вся суть дѣла, къ коей сами собою прилагаются средства матеріальныя.

Что же можемъ, что должны мы сдѣлать для начальной школы въ моментъ, переживаемый нами, въ моментъ призыва къ ней на помощь всѣхъ силъ, общественныхъ и личныхъ, нашего отечества?

Вопросъ этотъ предполагаетъ рѣшеніе другаго вопроса, настоятельнаго и неизбѣжнаго.

Чѣмъ должна быть начальная школа, школа въ Россіи по преимуществу сельская? Простымъ-ли приспособленіемъ для наученія крестьянскихъ ребятъ чтенію и письму, элементарному счету, словеснымъ символамъ господствующаго вѣроисповѣданія? Или средствомъ для пріобщенія народныхъ массъ къ тому теченію мыслей,

къ тому нравственному строю, который мы считаемъ истиннымъ и нужнымъ, который властвуетъ надъ нашими умами, надъ нашими сердцами?

Вопросъ этотъ не допускаетъ двухъ отвѣтовъ. Нѣтъ сознательной школы, которая не преслѣдовала бы вторую изъ указанныхъ цѣлей. Школа католическая неуклонно и твердо вырабатываетъ изъ своихъ питомцевъ преданныхъ, безотвѣтныхъ служителей католической церкви, и столь же неуклонно и твердо продолжаетъ ея дѣло исповѣданія и духовное водительство, многообразная дѣятельность безчисленныхъ духовныхъ орденовъ и могучая пресса. Протестантская школа, устами Диттеса, договорилась до изгнанія изъ школы духовенства и преподаванія Закона Божія, до замѣны послѣдняго чтеніями изъ Библіи, въ перемежку съ чтеніями изъ Ведъ, Корана, Конфуція, и т. д., до чистаго отрицанія всякой конкретной церковности, при требованіи отъ каждой личности самостоятельнаго общенія съ Божествомъ,—и дѣло ея продолжается свободною проповѣдью, внутреннею миссіей, вольными общинами, народною литературой безпримѣрнаго богатства, дешевою прессой, проникающею повсюду. Новѣйшая французская школа, съ ея гражданскими катехизисами, съ ея извращеніями исторіи, съ ея страхомъ самаго имени Божія, ясно проповѣдуетъ опредѣленное міросозерцаніе, отвратительное и безумное, но нынѣ торжествующее. ея учителя—избирательные агенты; ея питомцы—будущіе избиратели и бойцы надвигающейся соціальной революціи. Ея продолженіе—кафе и улица, систематическій развратъ посредствомъ лести и подкупа, чудовищной литературы и возведеннаго въ принципъ хищенія...

Всегда и повсюду, изъ-за грамоты и счета, изъ-за бѣдныхъ крохъ положительнаго знанія, какія можетъ сообщить начальная школа, выглядываетъ нѣчто не-

измѣримо глубокое, нѣчто жизненное и роковое, нѣчто совершенно неизмѣримое съ видомъ этой кучки безграмотныхъ ребятъ, собранныхъ вокругъ еле-грамотнаго учителя.

Каковою же должна, каковою можетъ быть наша русская начальная школа?

По всѣмъ оффиціальнымъ опредѣленіямъ, она — школа христіанская, православная; она, прежде всего, школа благочестія и добрыхъ нравовъ. Подчеркнуть, выяснить этотъ ея характеръ, осуществить его силами церковными, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, и составляетъ задачу возникающей школы церковной.

Такова-ли на самомъ дѣлѣ наша начальная школа? Въ силахъ-ли мы ее сдѣлать таковою?

Ибо—не слѣдуетъ заблуждаться,—сельская школа, и вообще школа начальная, эта темная, элементарная, повсемѣстная школа всегда была и будетъ не зеркаломъ оффиціальныхъ распоряженій и программъ, ни стремленій лицъ, у кормила правленія стоящихъ, а зеркаломъ глубочайшихъ движеній общественнаго и церковнаго духа, его затменій или просвѣтленій, его дремоты или подъема. Ибо, какая бы ни была придана организація школьному дѣлу мѣропріятіями правительственными, истинною школой благочестія и добрыхъ нравовъ наша сельская школа станетъ только тогда, когда вокругъ нея создастся атмосфера, въ коей возможно насажденіе и благочестія, и добрыхъ нравовъ, и жизни христіанской.

Итакъ, вопросъ сводится къ другому вопросу. Христіане-ли мы, люди мысли и слова, мы—соль земли, мы сѣятели-дѣлатели, создающіе нравственную и умственную атмосферу, коею дышитъ школа? Православны-ли мы? Осуществляемъ-ли мы, въ какой-либо мѣрѣ, идеалъ

благочестія и добрыхъ нравовъ? Стремимся-ли мы, по крайности, къ его осуществленію?

Вопросъ странный, но далеко не праздный.

Постараемся опредѣлить свойства той духовной атмосферы, которою тридцать лѣтъ дышала наша сельская школа, дышали живые люди, ее составляющіе.

Прежде всего—учитель. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, это—человѣкъ молодой, родившійся въ средѣ самой темной и бѣдной—сынъ крестьянина, мѣщанина, причетника, рѣже священника или бѣднаго дворянина. Но его коснулось образованіе—путемъ учительской семинаріи, духовнаго или городскаго училища, двухъ-трехъ годовъ ученія въ среднемъ учебномъ заведеніи. Онъ пріобрѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія, отрывочныя и скудныя; онъ нюхнулъ того воздуха, коимъ дышатъ образованные классы; ихъ жизненный складъ, умственный и нравственный, мелькнулъ передъ нимъ въ живыхъ образахъ, несравненно болѣе краснорѣчивыхъ, болѣе властныхъ надъ мыслію и духомъ, чѣмъ всякое книжное ученіе. Мало того, онъ самъ сталъ гражданиномъ, хотя и послѣднимъ, этого міра образованности и знанія, самъ сталъ спицей—и послѣднею-ли?—въ колесницѣ умственнаго прогресса. Отнынѣ взоры его обращены туда, по крайнему разумѣнію его,—къ верху. Оттуда свѣтъ, тамъ знаніе, тамъ высшій строй жизни. И онъ не вовсе лишенъ общенія съ этимъ міромъ. Къ нему добродушно снисходитъ, его наставляетъ, какъ умѣетъ, мѣстная интеллигенція. До него, хотя разрозненно, доходятъ книжки журналовъ, листки газетъ, подчасъ и настоящія книги. И все болѣе и болѣе тянется онъ туда, къ этому свѣту; если не впадетъ въ пьяное отупѣніе, въ конечную апатію утомленнаго ремесленника. Винить-ли его за это? Трудно малообразованному юношѣ, отставшему отъ воззрѣній природной

среды, составить себѣ самостоятельное міровоззрѣніе. Привлекателенъ лоскъ даже относительнаго образованія. Чутка молодежь къ современнымъ теченіямъ общественной мысли, ибо она живетъ въ настоящемъ, и въ злобахъ дня всегда заключается относительное оправданіе этихъ теченій.

Остановимся на минуту, оглянемся на два-три истекшія десятилѣтія. Какія поученія, какое руководство могъ почерпнуть нашъ несчастный учитель изъ примѣра высшихъ, образованныхъ классовъ, изъ общенія съ ними, повторяю, несравненно болѣе вліятельнаго, чѣмъ всякое школьное ученіе? Укрѣпленіе въ вѣрѣ и въ добрыхъ нравахъ? Нельзя не согласиться, что такой отвѣтъ былъ бы смѣшонъ, по рѣдкости случаевъ, въ коихъ онъ соотвѣтствовалъ бы истинѣ. Яркая сигнатура ближайшаго прошлаго, это, въ сферѣ умственной, вялый скептицизмъ, терпящій неслыханныя глумленія надъ всѣми идеалами, въ томъ числѣ и религіозными, и забавляющійся этими глупостями; въ сферѣ нравственной—торжество похоти, и въ области семейной, и въ области имущества и власти. Да сохранитъ насъ Богъ видѣть только въ этомъ все содержаніе доживаемой нами эпохи. Были и есть теченія другія, но скрытыя и робкія. Однако, не ими увлекались массы, а именно проповѣдью и примѣромъ разнузданности и безнаказанности... И даже тотъ поворотъ, который чается въ центрахъ нашей умственной жизни, тотъ нравственно-учительскій тонъ, который начинаетъ слышаться въ нашей литературѣ, развѣ началъ онъ отражаться сколько-нибудь на жизни дѣйствительной? Не рано ли радоваться этимъ смутнымъ признакамъ оздоровленія? Прочно-ли ихъ отраженіе въ умахъ нашей столичной молодежи? Увы! захолустная наша интеллигенція до сихъ поръ твердитъ зады семидесятыхъ годовъ, и нашъ бѣдный

сельскій учитель, воображая, что смотритъ вверхъ, продолжаетъ смотрѣть—въ грязную лужу.

Затѣмъ—священники. Тутъ общія опредѣленія труднѣе, ибо священники доживаютъ свой вѣкъ въ своей должности, ибо мы видимъ рядомъ священниковъ, развившихся при весьма различныхъ условіяхъ. Буду говорить о тѣхъ, дѣятельность коихъ принадлежитъ послѣднему тридцатилѣтію. Всѣ они подверглись тѣмъ же всюду проникающимъ вліяніямъ, подъ гнетомъ коихъ развилась вся современная имъ молодежь. Ни для кого не тайна, что эти вліянія, врываясь въ замкнутый строй нашихъ строго сословныхъ, живущихъ преданіемъ духовно-учебныхъ заведеній, подѣйствовали на него съ потрясающею силой. Правда, рядомъ съ этимъ священники наши получали образованіе, несравненно болѣе прочное, чѣмъ наши учителя, и образованіе богословское, стоящее въ діаметральномъ разрѣзѣ съ вліяніями внѣшкольными. Но богословскія науки въ этотъ періодъ свое обаяніе утратили; осужденныя всѣмъ строемъ современной мысли, осмѣянныя на тысячу ладовъ на рабьемъ языкѣ нашей прессы, онѣ обратились въ глазахъ учащихся въ предметъ докучнаго зубренія, перестали быть пищей жизни духовной. И, рядомъ съ этимъ, въ новыхъ внѣшкольныхъ ученіяхъ нашли себѣ пищу, въ примѣрѣ образованныхъ классовъ нашли себѣ оправданіе именно наслѣдственные грѣхи нашего духовенства, нажитые вѣками невѣжества и небреженія мірянъ къ устроенію Церкви. Чувство *благовѣнія*, и безъ того подвергающееся тяжелымъ испытаніямъ въ нашей практикѣ церковной, до сихъ поръ односторонне поглощенной усиленнымъ требоисполненіемъ, слишкомъ часто вызваннымъ суевѣріемъ, составляющимъ денежный заработокъ, это чувство—жизненный нервъ религіозной жизни,—систематически и открыто вытравливалось нашею лите-

ратурой въ области художественной, въ области нравственной, и,—коварными намеками, прозрачными иносказаніями,—въ области религіозной; въ жизненной же практикѣ нашихъ образованныхъ классовъ попиралось ногами. Поклоненіе маммонѣ, нажива per fas et nefas, безумная жажда роскоши,—развѣ этотъ примѣръ сверху остался безъ вліянія на наше духовное юношество, сугубо искушаемое и обязательностью брака, и бѣдностью, и стремленіемъ примкнуть къ образованному кругу? Развѣ не эта зараза всего болѣе препятствуетъ нашему духовенству стать на подобающую ему высоту? А теорія невмѣняемости и неотвѣтственности, непобѣдимости всякихъ похотей и безсознательныхъ импульсовъ, и не столько теорія, сколько молчаливое ея признаніе на практикѣ, все болѣе воплощающееся въ нравы, не потворство-ли оно наслѣдственному пороку, столь гибельному для нашего духовенства — грубому пьянству? Не начинаетъ-ли эта теорія колебать, грязнить и семейную жизнь духовенства, столь недавно еще отличавшуюся чистотой?

Таковы внѣшкольныя жизненныя вліянія, подъ коими развилось наше нынѣ дѣйствующее духовенство. И развѣ эти вліянія, послѣ посвященія и полученія мѣста, замѣнялись иными, лучшими? Развѣ деревенская интеллигенція отставала отъ губернской, столичной въ пляскѣ вокругъ золотого тельца, въ поклоненіи прочимъ идоламъ дня? Развѣ не туда же толкали молодого священника и жена, воспитанная въ женской гимназіи, и братья, избравшіе мірскую карьеру, и просвѣщенные прихожане, и самая духовная среда, щеголявшая новыми передовыми взглядами? Честь и слава тѣмъ немногимъ священникамъ, которые устояли противъ всѣхъ этихъ соблазновъ, для которыхъ стержнемъ жизни продолжали быть интересы духовные.

Вотъ корень относительнаго бездѣйствія духовенства въ эпоху быстраго размноженія сельскихъ школъ, стараніями земствъ. Оно стало смотрѣть на школу глазами школьныхъ заправилъ — какъ на дѣло исключительно мірское, на свои законоучительскія обязанности — какъ на чистую формальность. И тотъ поворотъ къ дѣятельности пастырской, къ учительству церковному и школьному, тотъ поворотъ, которому пришло на встрѣчу обновленіе школы церковной, не заглохнетъ-ли онъ безслѣдно, въ силу того же отчужденія отъ Церкви необходимаго въ ней элемента — мірскаго? Это зависитъ отъ насъ.

Вернемся къ сельской школѣ и взглянемъ на ея учениковъ. Постараемся разсмотрѣть, насколько въ этой школѣ они могли научиться благочестію и добрымъ нравамъ.

Ученики въ этомъ отношеніи приносятъ съ собою въ школу нѣкоторый запасъ, весьма неясный и неполный, но вполнѣ цѣнный и прочный. Если и видѣли они дома примѣры правовъ, весьма недобрыхъ, они никогда не слышали ихъ восхваленія, или оправданія; напротивъ того, слышали безпощадное ихъ осужденіе. Сами они лишь въ рѣдкихъ случаяхъ успѣли загрязниться ими. Во всѣхъ насажденъ живой зародышъ благочестія: истинное благоговѣніе передъ еще невѣдомою святыней, глубокое уваженіе къ знанію вещей божественныхъ, живое чутье красоты внѣшнихъ символовъ богопочитанія. Какую же пищу, какую же почву находилъ, и до сихъ поръ находитъ этотъ зародышъ въ большинствѣ нашихъ сельскихъ школъ?

Прежде всего вниманіе учениковъ сосредоточивается на учителѣ. Человѣкъ новый, совсѣмъ непохожій на отца и на деревенскихъ сосѣдей, одѣтый какъ баринъ, вхожій къ господамъ, и говоритъ онъ, какъ баринъ.

Это все оттого, что онъ очень ученъ, много знаетъ, знаетъ все. Говоритъ онъ ласково. По бо́льшей части, онъ человѣкъ добродушный, и ребята скоро привязываются къ нему. Говоритъ онъ и о Богѣ, но неохотно и мало. Постовъ онъ не соблюдаетъ (да и какъ ихъ соблюдать? Это значило бы, на добрую половину дней въ году отказаться отъ всякаго общенія съ людьми *почище*. Не утренніе же дѣлать визиты?). Въ церковь онъ ходитъ, но пользуется всякимъ предлогомъ, чтобы въ нее не ходить. Но что въ какой день поется въ церкви, онъ не знаетъ: это нужно спросить у дьячка. А впрочемъ, онъ человѣкъ хорошій.

Мало-по-малу оказывается, что все это—не его личныя странности, но что, какъ онъ, живутъ всѣ господа, всѣ ученые люди въ сюртукахъ, которыхъ отъ господъ не разберешь, даже батюшкины сынки, учащіеся въ духовной семинаріи. Они даже, эти господа, часто между собою посмѣиваются надъ всѣмъ этимъ, и надъ постами, и надъ церковными службами, а всего чаще надъ батюшкой и дьячкомъ. Видно, все это ученымъ людямъ не нужно. Церковь, приверженность къ Боженькѣ—дѣло мужицкое, дѣло людей сѣрыхъ и темныхъ...

Все это, конечно, объясняетъ батюшка. Батюшка — человѣкъ добрый, но въ школѣ онъ бываетъ рѣдко, а приступить къ нему съ вопросомъ—страшно. Задаетъ онъ учить молитвы, тѣ самыя молитвы, которыя поются въ церкви, и говоритъ ихъ отрадно, потому что вспоминается и церковь, и ладанъ, и пѣніе, и возгласы изъ алтаря. И есть въ нихъ слова, такія хорошія и понятныя, хватающія за самую душу. Но всего понять нельзя. Правда, батюшка объяснялъ; но рѣчи его еще мудренѣе, чѣмъ слова молитвы. Кромѣ того, батюшка задаетъ учить священныя исторіи. Это всего труднѣе. Своими словами не разскажешь, потому что многаго не поймешь,

да и батюшка этого не любитъ... А все-таки, самое нужное знаетъ не учитель, а батюшка...

Учитъ также учитель церковному чтенію, и батюшка иногда заставляетъ читать. Этому выучиться можно, если у кого есть дома Часословъ или Псалтирь. А это—великое дѣло: прочтешь Псалтирь по покойникѣ, и еслибъ позволилъ дьячокъ, прочелъ бы и въ церкви Часы. А вѣдь господа по церковному читать не умѣютъ. Приходила въ школу барышня въ урокъ славянскаго чтенія. Васька запнулся, она захотѣла помочь, и прочла совсѣмъ не по удареніямъ и даже пропустила двѣ буквы въ непонятныхъ словахъ...

Съ этимъ мальчикъ и оставляетъ школу. Да, это такъ. Все божественное, все церковное, это—только для насъ, пашущихъ землю, учащихся на мѣдные гроши. Люди ученые, господа, безъ всего этого обходятся. А заповѣди Божіи? Развѣ чтутъ ихъ господа? Развѣ помнятъ они день субботній? Развѣ чтутъ отца и матерь болѣе, чѣмъ мы? Конечно, и въ деревняхъ грѣшатъ противъ седьмой заповѣди; но крестьянинъ въ церкви не станетъ проталкиваться впередъ, подъ руку съ расфранченною блудницей. И въ деревняхъ крадутъ, но воры не въ почетѣ. А развѣ они не обманываютъ и насъ, и другъ-друга, на каждомъ шагу, и развѣ они того стыдятся?

Конечно, все это, при нѣкоторомъ вниманіи, видно и изъ деревни. Но изъ школы это виднѣе. Вѣдь школа, почти всегда, стоитъ при церкви, въ наименѣе глухомъ, наиболѣе людномъ мѣстѣ прихода. Всего чаще она устроена при волостномъ правленіи, то-есть, при кабакѣ, а тутъ увидишь и услышишь многое, что до деревни не доходитъ.

Конечно, эти нѣмые, но внушительные уроки благочестія и добрыхъ нравовъ, эти впечатлѣнія подслушан-

ныхъ отрывочныхъ рѣчей отчасти забываются, отчасти заглушаются смиреннымъ строемъ трудовой жизни по возвращеніи мальчика въ сѣрую среду деревенскую; но они оставили въ душѣ его неизгладимый слѣдъ. И многимъ-ли изъ этихъ мальчиковъ суждено провести всю свою жизнь въ этой средѣ? Скольким изъ нихъ предстоитъ военная служба, въ виду коей и привлекаются къ ученію наши крестьянскіе мальчики! А тутъ они уже подвергнутся насильственному отученію отъ исполненія заповѣдей церковныхъ, еще сильнѣйшему вліянію той низшей господской среды, которая мелькнула передъ ними въ школѣ. Сколько изъ нихъ, гонимые нуждой, или болѣе или менѣе сознательнымъ исканіемъ легкаго труда и быстрой наживы, уйдутъ искать счастія въ городахъ, преимущественно столичныхъ, и что они тамъ увидятъ и услышатъ? Развѣ не громкое и яркое подтвержденіе того, о чемъ они догадывались въ школѣ?

До сихъ поръ, мы имѣли въ виду школы, въ коихъ все обстояло благополучно. Но что, если не было этихъ благополучныхъ обстоятельствъ? Что, если кабакъ довершилъ свое проклятое дѣло, если учитель былъ пьяницей, что, если пьянствовалъ и священникъ, и поэтому для школы не существовалъ? Что, если шестьдесятъ дѣтей, шестьдесятъ живыхъ душъ, воспріимчивыхъ и мягкихъ, были поручены одному человѣку, и этотъ человѣкъ, отъ времени до времени, и все чаще и чаще, обращался въ безотвѣтное животное, не сдержанное даже животнымъ инстинктомъ, присущимъ и пьяному отцу,—и этотъ человѣкъ для нихъ былъ единственнымъ представителемъ образованности и знанія?

А мы что дѣлали въ это время? Пожимали плечами и смѣялись, или въ досужій часъ бранились, за рюмкою вина?

И не приходило намъ въ голову подумать о томъ, гдѣ корень всего этого, чѣмъ все это питается? Не тѣмъ-ли самымъ нашимъ смѣхомъ, не тою-ли самою нашею самодовольною бранью? Мы сами, болѣе-ли мы радѣли о благочестіи и добрыхъ нравахъ подрастающихъ поколѣній, болѣе-ли мы сдерживали свои похоти, утонченныя образованіемъ, менѣе-ли мы отвлекались отъ области духа жаждой денегъ, и власти, и наслажденій? Гдѣ та среда, духовная и чистая, къ которой могъ бы примкнуть, на которую могъ бы опереться молодой священникъ, не лишенный добрыхъ стремленій, но вынесшій такъ мало вооруженія нравственнаго изъ школы духовной, но слабый духомъ, но окруженный самыми грубыми, самыми назойливыми искушеніями? Та среда, въ которой занялъ бы подобающее ему мѣсто священникъ истинный, безкорыстный и учительный? Та среда, въ которой сельскій учитель видѣлъ бы, хотя издали, сочетаніе образованія съ благочестіемъ и добрыми нравами, а не наглядное доказательство тому, что одно исключаетъ другое?

Итакъ, наша сельская школа до сихъ поръ не была училищемъ благочестія и добрыхъ нравовъ,—и это не по какимъ-либо несовершенствамъ нашихъ школьныхъ программъ, не по какимъ-либо упущеніямъ въ устройствѣ нашихъ школъ, не потому, чтобы въ учащихся былъ недостатокъ воспріимчивости къ ученію божественному, къ ученію нравственному,—а потому, что этимъ вещамъ учатъ не классные уроки и школьныя книги, а люди и жизнь; потому, что этимъ вещамъ было учить некому, ибо жизнь образованныхъ классовъ учила распущенности и безбожію; потому, что эта жизнь съ роковою силой властвовала и надъ громаднымъ большинствомъ учащихъ, и надъ самымъ духовенствомъ; потому, что имя непосредственныхъ дѣятелей народнаго образова-

нія, помимо дѣятелей оффиціальныхъ, — легіонъ; потому, что стоятъ они на тѣхъ низшихъ и среднихъ ступеняхъ образованія, на коихъ съ неумолимою логикой, съ грубою конкретностію воплощается все то, что въ болѣе мягкихъ формахъ, съ оговорками и недомолвками, проповѣдуется и готовится, допускается и поощряется въ сферахъ болѣе сознательной мысли, болѣе утонченной жизни.

Но, быть можетъ, все это неизбѣжно и законно. Быть можетъ, все то, къ чему стремятся программы нашихъ сельскихъ школъ, — и благочестіе, и церковность, и самая христіанская нравственность, — все это у насъ уже умерло, какъ, по увѣренію многихъ, все это умираетъ въ Западной Европѣ; все это — лишь символы и формулы отжившаго строя мыслей, обреченнаго на гибель порядка вещей. Не обязаны-ли мы, откровенно и прямо внести въ сельскую школу ту новую жизнь, столь роскошно и быстро, столь побѣдоносно и смѣло развившуюся въ образованныхъ слояхъ нашего общества? Замѣнить ученіе о добрыхъ нравахъ ученіемъ о нравахъ свободныхъ, старое благочестіе, поклоненіе недоказанному Богу — поклоненіемъ естественному человѣку, этому высшему выраженію міровыхъ силъ, доступному нашему здравому смыслу? Въ правѣ-ли мы скрывать ту истину, которою мы живемъ, отъ людей темныхъ, ищущихъ свѣта? Не обязаны-ли мы къ этому и простымъ чувствомъ самосохраненія, и одобреннымъ наукою альтруистическимъ чувствомъ?

Отчего этотъ вопросъ, столь естественный и логическій, звучитъ такъ странно и дико? Отчего не находитъ онъ отклика на днѣ нашей души, на томъ днѣ, въ которое мы давно отвыкли заглядывать? Почему при такой мысли намъ становится страшно и жалко? Почему намъ стыдно сказать *нѣтъ*, и еще стыднѣе сказать *да*? Не

потому-ли, что изъ этого глубочайшаго дна нашей души подымается признаніе, что всѣ эти новыя ученія, вся эта новая нравственность,—это для человѣка, несущаго тягло жизни, для человѣка, не даромъ бременящаго землю, совершенно непригодно, а пригодно только для насъ, людей праздныхъ и сытыхъ, развитыхъ и досужихъ, что все это неправда, и хуже чѣмъ ложь, что все это баловство ума и усыпленіе духа, потворство плоти и заглушеніе совѣсти!

Вспомнимъ еще разъ наше недавнее прошлое. Вспомнимъ неясныя, противорѣчивыя, но пророческія знаменія временъ, мелькнувшія предъ нашимъ умственнымъ взоромъ. Что значило то странное движеніе, овладѣвшее на время извѣстнымъ слоемъ нашей образованной молодежи, это хожденіе въ народъ, коимъ не сумѣли овладѣть, которое сумѣли только осмѣять благонамѣренные люди, и коимъ воспользовались люди злонамѣренные? Что, въ значительной мѣрѣ, составляло побудительную суть этого движенія? Не темное-ли, но искреннее стремленіе убѣжать отъ условій разлагавшагося ложнаго общественнаго строя? Не жажда-ли заправскаго, безкорыстнаго труда, не полусознательная ли надежда обрѣсти въ средѣ грубой, но цѣльной—утраченную цѣльность мысли и духа? Что значило добровольческое движеніе во время сербской войны? Не жажду-ли жертвы всею дрянью, нажитою развращающею, холостящею жизнью, и самою этою жизнію во имя святаго дѣла, христіанскаго и вселенскаго? Почему, во время самаго разгара отрицательной мысли, развращающаго слова, развращаемые имъ нигилисты жадно прислушивались къ пророческимъ рѣчамъ Достоевскаго, и ловили каждое его слово, и рыдали на его гробѣ? Вспомнимъ смерть Скобелева. Кого мы оплакивали? Бѣлаго-ли генерала, храбраго воина, геніальнаго стратега, грозу Азіа-

товъ и трепетъ Европы? Нѣтъ, болѣе того: воплощеніе идеала той полной независимости, той духовной свободы христіанскаго Востока, славянской семьи, который до сихъ поръ столь далекъ отъ осуществленія. А послѣдній періодъ литературной дѣятельности графа Л. Н. Толстаго! Когда великій писатель болѣе волновалъ души, болѣе властвовалъ надъ сердцами: тогда-ли, когда онъ расточалъ предъ нами перлы своего художественнаго творчества, или съ тѣхъ поръ, какъ онъ смутно и странно, но прямо и искренно заговорилъ о Богѣ, о жизни для Бога и въ Богѣ? А страстное, хотя и безплодное, исканіе Бога, сказавшееся въ возникновеніи нашихъ великосвѣтскихъ протестантствующихъ сектъ? И что значилъ крикъ боли, вырвавшійся изъ груди всей Россіи при вѣсти о кончинѣ И. С. Аксакова, этого редактора малораспространенныхъ журналовъ, этого писателя, постоянно и неуклонно плывшаго противъ теченія, и высоко державшаго знамя вѣры и побѣды духа надъ плотію, и жизни христіанской людей и народовъ? Вспомнимъ недавній голодъ, вспомнимъ кончину покойнаго Государя, этотъ мигъ глубокой скорби, этотъ мигъ внезапнаго озаренія нашего минувшаго, нашего будущаго...

Нѣтъ, сигнатура временъ не исчерпывается яркими, назойливыми признаками поверхностнаго теченія жизни. Нѣтъ, современная Россія не вся въ поруганіи святыни, въ хищеніяхъ и глумленіяхъ, во лжи адвокатскихъ рѣчей и журнальныхъ писаній, въ тупомъ разгулѣ кабака и въ откровенномъ развратѣ образованныхъ классовъ. Есть теченія иныя, сокровенныя и глубокія, есть чистые люди, есть добрыя дѣла...

Почему же эти теченія такъ слабы и смутны, эти чистые люди такъ бездѣятельны и робки, эти добрыя дѣла такъ разрознены и скудны? Почему не на этихъ

дѣлахъ, не примѣромъ этихъ людей, воспитываются наши подростающія поколѣнія, почему не эти теченія овладѣваютъ жизнію нашего общества, нашей школы, а даютъ себя чувствовать лишь изрѣдка, когда грянетъ громъ? Кто въ этомъ виноватъ?

Виновенъ въ этомъ всякій изъ насъ, и я, пишущій эти строки, и вы, мой благосклонный читатель. Жестоко слово сіе, но еще жесточе другое слово, изъ него вытекающее. Мы должны стать иными людьми.

Подождите смѣяться. Высказанное мною о школѣ начальной развѣ не приложимо въ мѣрѣ несравненно сильнѣйшей, въ квадратѣ и кубѣ, къ школѣ средней и высшей, къ той школѣ, въ коей воспитываются ваши собственныя дѣти? Результаты на лицо. Воспитали-ли мы, воспитываемъ-ли мы нашихъ дѣтей для жизни разумной, для жизни плодотворной, для жизни счастливой? Трудно оцѣнить и взвѣсить духовное содержаніе поколѣнія, еще не сказавшаго своего послѣдняго слова. Но есть признаки и явленія убѣдительности непререкаемой, силы неотразимой. Въ Россіи нѣтъ человѣка моложе сорока лѣтъ, обнаружившаго, въ какой бы то ни было области, истинную творческую силу; а сила творчества обнаруживается рано. Рядомъ съ этимъ, на нашихъ глазахъ, въ ужасающей прогрессіи возрастаетъ число самоубійствъ на порогѣ сознательной жизни, и къ этому присоединяется явленіе неслыханное и новое, — самоубійство дѣтей, не достигшихъ физической зрѣлости. Но вѣдь эти два явленія суть лишь крайнее выраженіе общаго духовнаго строя нашей молодежи и юношества. Творческія силы не развиваются одиноко, а представляютъ высшее выраженіе общаго подъема творческаго духа. Возможенъ-ли такой подъемъ въ средѣ, систематически разслабляющей волю отрицаніемъ ея свободы, подавляющей свободу отрицаніемъ духа, заслоняющей

всякій просвѣтъ изъ міра самоугожденія, себялюбія и самопоклоненія въ область добра, истины и красоты? И эти постоянно учащающіяся самоубійства—вѣдь они выражаютъ лишь крайній предѣлъ той внутренней муки, того разлада съ жизнію, лишь послѣдній выводъ того разлагающаго, убійственнаго процесса, который совершается въ тысячахъ юныхъ душъ, преждевременно отравленныхъ, лишенныхъ той пищи, безъ коей душа не выноситъ тяжести тѣла.

Ибо что гнететъ, что губитъ нашу современную молодежь, что обрекаетъ ее на безплодное слабосиліе, что тѣснитъ ее къ раннему отчаянію, къ постоянно учащающимся самоубійствамъ, число коихъ—ничто передъ числомъ самоубійствъ нравственныхъ, совершающихся въ ея средѣ,—что, если не отсутствіе насущнаго хлѣба духовнаго? А этотъ хлѣбъ насущный—доброе и бодрое дѣланіе въ какой-либо области, духовной, общественной или практической. А бодрость и радость и миръ на трудномъ поприщѣ добра невозможны тому, кто не чувствуетъ, не сознаетъ себя членомъ великаго, вѣчнаго цѣлаго, той Civitas Dei, въ коей есть мѣсто, и смыслъ, и похвала всякому, самому скромному труду, слава самому темному подвигу, ободреніе всякой немощи, награда земная и надежда небесная!

И эта то Civitas Dei скрыта отъ взоровъ нашихъ подростающихъ поколѣній непроглядною узостію современнаго жизненнаго строя еще болѣе, чѣмъ всякими ложными ученіями и школьными недосмотрами. Этотъ вѣчный союзъ, внѣ котораго непрочны и безплодны всѣ союзы человѣческіе, разорванъ на практикѣ. Для отдѣльной личности сознаніемъ ея единичнаго безсилія затмевается смыслъ жизни. А заключается этотъ смыслъ лишь въ общемъ и вѣчномъ, доступномъ самому слабому разумѣнію, въ служеніи этому общему, слагающемся

изъ усилій, самыхъ скромныхъ и темныхъ, въ служеніи, всякой немощи посильномъ.

Мы, повидимому, ушли далеко отъ вопроса о нашей начальной школѣ. Но только повидимому. Вопросъ о современной русской школѣ не есть вопросъ технической и частный, зависящій отъ болѣе или менѣе успѣшной дѣятельности того или другого правительственнаго вѣдомства, не есть вопросъ программъ и болѣе или менѣе практически устроеннаго надзора. Это—вопросъ роковой и грозный. Отъ качествъ нынѣ подростающихъ русскихъ поколѣній зависятъ судьбы міра. Нынѣ начинаетъ слагаться умственный и нравственный обликъ самаго многочисленнаго, самаго сплошнаго изъ христіанскихъ народовъ вселенной. Нынѣ колеблется духовная связь этого народа съ другими народами, кровнымъ сродствомъ и единствомъ вѣры, всѣмъ ходомъ исторіи призванными дополнить этотъ обликъ, окрѣпнуть, опираясь на нашу силу. Нынѣ въ небывалыхъ размѣрахъ ускоряется разливъ русскаго племени по странамъ, скудно населеннымъ племенами полудикими, которыя намъ предстоитъ поглотить, переработать въ нашу плоть и кровь, даже помимо нашей воли, силою нашей массы, силою особаго дара простаго русскаго человѣка поглощать инородческіе элементы Востока,—дара, засвидѣтельствованнаго тысячелѣтнею исторіей.

Мы воззвали къ естественному, къ полуживотному чувству любви и жалости отцовъ къ дѣтямъ. Но вѣдь мы—не животныя. Мы даже не тѣ люди, безъ остатка ушедшіе въ исканіе благъ земныхъ, въ поклоненіе плоти, коими мы кажемся, коими мы подчасъ склонны самихъ себя считать. Заглянемъ глубже въ собственную свою душу, будемъ самими собою, и мы почувствуемъ, что эти милліоны сѣрыхъ ребятишекъ, стучащіеся съ темными чаяніями въ двери нашей жалкой сельской

школы,—также наши дѣти; что эти несчастные народы, коимъ потоками нашей крови, державною мыслію нашихъ правителей, геніемъ нашихъ полководцевъ, неустанною работой русской мысли, русскаго слова мы дали начатки политической свободы,—опять наши дѣти; что эти дикіе народы, кочующіе подъ нашею защитой по безпредѣльнымъ степямъ Азіи и медленно осѣдающіе для мирнаго сожительства, для кровнаго смѣшенія съ ними,—еще наши дѣти.

И если отецъ при рожденіи ребенка чувствуетъ, что совершилась великая тайна, и что ему надлежитъ вырости духовно, чтобы вмѣстить ее; если, по мѣрѣ пробужденія въ ребенкѣ новаго человѣка, тайный голосъ шепчетъ ему, что рожденіе продолжается всѣмъ строемъ его жизни,—то неужели въ насъ, людяхъ мысли и знанія, не шевельнется, не вспыхнетъ, не разгорится подобное чувство при видѣ міровыхъ рожденій, совершенныхъ нами матеріально, не довершенныхъ нами духовно? Не входитъ ли въ составъ современной тоски значительная доля угрызеній совѣсти? Не пора ли прислушаться къ этому тайному голосу, и, по мѣрѣ нашихъ силъ, слѣдовать его внушеніямъ?

И вотъ, умножаются и усиливаются напоминанія о нашемъ долгѣ, о нашемъ мѣстѣ въ семьѣ народовъ, о нашемъ часѣ въ теченіи временъ,—умножаются въ области духа, въ сферѣ мысли и слова, въ жизни церковной. Голосъ нашихъ писателей сталъ доходить до Западной Европы, волновать въ ней умы, покорять въ ней сердца. Въ далекой донынѣ Японіи, столь близкой къ намъ въ будущемъ, вокругъ русскаго епископа разростается православная паства изъ вчерашнихъ язычниковъ. Вокругъ другаго епископа русскаго изъ элементовъ христіанскихъ быстро слагается въ Америкѣ новая православная церковь. Изъ дебрей Африки, изъ

мрака временъ давно минувшихъ возсталъ предъ нами призракъ одной изъ древнихъ церквей христіанскихъ, и стучится въ наши двери, видя въ нихъ двери Церкви вселенской. Изъ центра Европы къ намъ обращены взоры людей, смѣло и искренно предпринявшихъ очистить католичество отъ его вѣковыхъ заблужденій...

Чего ищутъ всѣ эти люди? Чего они отъ насъ ждутъ и просятъ? Они ждутъ отъ насъ подвига любви и разума; они ждутъ—спасенія.

Спасеніе! Не мѣшало бы намъ припомнить хоть этимологію этого слова (*). Это не латинское salus, или нѣмецкое Heil. Это—миръ въ державѣ единаго небеснаго Отца, это путь подъ водительствомъ единаго неземнаго Пастыря, это единеніе въ духѣ и могучихъ и немощныхъ, и мудрыхъ міра сего и тѣхъ нищихъ духомъ, коимъ возвѣщено царство небесное...

И вотъ, къ осуществленію этого вѣчнаго чаянія души человѣческой, волнующаго народы вселенной, но столь же глубоко присущаго всякому, самому тѣсному, самому скромному союзу человѣческому,—каждый изъ насъ призванъ приложить свою песчинку, свою каплю труда и любви.

Откажемъ ли мы въ ней?

Да проститъ меня читатель. Теченіе мысли увлекло меня слишкомъ далеко. Сельскому учителю не пристало заглядываться на горизонты, столь обширные. Но вѣдь

*) Въ словѣ спасеніе твердый знакъ имѣетъ значеніе гласной. Это ясно видно изъ старинныхъ пѣвческихъ книгъ, въ коихъ подъ я стоитъ особый нотный знакъ. Такое произношеніе, подчеркивающее смыслъ слова, сохранилось въ старообрядческомъ пѣніи. Точный переводъ глагола спасти — не *salvare*, а малоупотребительный глаголъ compascere. Столь употребительное выраженіе *личное спасеніе* есть contradictio in adjecto.

и въ самой скромной сельской школѣ есть окна, и поневолѣ иногда ихъ откроешь, чтобы взглянуть на міръ Божій, чтобы освѣжиться послѣ зимнихъ трудовъ, чтобы набрать силъ къ близкой осени. Обѣщаюсь впередъ быть скромнѣе и говорить лишь о томъ тѣсномъ мірѣ, въ коемъ я живу и дѣйствую.

Господи, мысль мою Твоимъ смиреніемъ сохрани!

III *).

И столбцы нашихъ газетъ и протоколы земскихъ собраній наполнены толками о начальномъ обученіи, всеобщемъ и обязательномъ. И не одни журналисты, не одни передовые представители земствъ объ этомъ толкуютъ. Вотъ что приходится слышать отъ крестьянъ, всего ближе заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ.

„Надо такой указъ написать, чтобы *дѣвокъ* обязательно отъ десяти до тринадцати лѣтъ три года въ школу посылать, а которая не будетъ имѣть свидѣтельства, что Законъ Божій знаетъ и читать да писать умѣетъ, ту не вѣнчать,—вотъ и бабы образумятся: а то съ ними не сладить; а намъ надоѣло, что бабы наши—дуры, и кромѣ плясовыхъ пѣсенъ ничего не знаютъ; а школьницы и псалтырь читаютъ и молитвы поютъ“.

Эти рѣчи я передаю дословно и спѣшу прибавить, что пожеланія эти слышатся отъ большинства крестьянъ въ приходѣ, въ коемъ уже двадцать лѣтъ существуетъ прекрасная школа для мальчиковъ и пять лѣтъ—еще лучшая для дѣвочекъ; что обѣ школы переполнены, что школьное дѣло въ этомъ приходѣ никогда не стоило крестьянамъ ни копѣйки; что обѣимъ школамъ посвятила всѣ свои силы, физическія и нрав-

*) *Русское Обозрѣніе*, 1896 г., январь.

ственныя, женщина высокообразованная, трудящаяся въ духѣ самомъ строго-церковномъ; что правая ея рука—молодой діаконъ (изъ крестьянъ), ею-же воспитанный; что этимъ діакономъ и создана съ неимовѣрнымъ трудомъ школа для дѣвочекъ при отчаянномъ сопротивленіи бабъ и при неизмѣнномъ сочувствіи мужской половины приходскаго населенія.

Несмотря на исключительность всѣхъ этихъ обстоятельствъ, и именно въ силу этой исключительности, считаю приведенные мною крестьянскіе толки поучительными и важными.

Прежде всего бросается въ глаза, что возникли толки объ обязательномъ обученіи дѣвочекъ, а не мальчиковъ. И нельзя не согласиться съ тѣмъ, что лучшій путь для достиженія поголовной грамотности есть не провозглашеніе ея обязательности, а умноженіе грамотныхъ матерей.

Увы! Знаменскимъ прихожанамъ, хотя и зажиточнымъ, непосильно устройство въ разныхъ пунктахъ ихъ прихода пяти школъ для мальчиковъ и столькихъ-же для дѣвочекъ, подобныхъ тѣмъ двумъ, которыя они имѣютъ при своей церкви. А по топографическимъ условіямъ нужно не менѣе того, чтобы поголовное, обязательное обученіе ихъ дѣтей стало физически возможнымъ. Непосильно это дѣло и ихъ доброй помѣщицѣ. И по этому самому непосильно это дѣло ни земствамъ, ни самому государству, денежныя средства коихъ слагаются изъ денежныхъ средствъ безчисленныхъ единицъ, въ среднемъ выводѣ менѣе состоятельныхъ, чѣмъ приходъ Знаменскій. И есть иная сторона дѣла, еще болѣе затруднительная и важная. Можно сосредоточить въ одномъ приходѣ десятокъ учителей, спеціально подготовленныхъ, полноправныхъ и благонадежныхъ. Удесятереніе же на всю Россію количества

такихъ учителей — задача, разрѣшеніе коей требуетъ многихъ десятилѣтій.

Но вернемся къ Знаменскимъ прихожанамъ. Пожеланія ихъ, если устранить изъ нихъ элементъ принудительный, разумны и скромны; удовлетвореніе ихъ въ высшей степени желательно; самая сила и единодушіе этихъ желаній доказываютъ, что тутъ на-лицо одно изъ необходимыхъ условій ихъ осуществленія — убѣжденіе въ пользѣ школьнаго ученія; примѣръ существующей школы для дѣвочекъ, съ каждымъ годомъ разрастающейся, свидѣтельствуетъ о томъ, что со своими бабами они мало-по-малу справятся и безъ вмѣшательства государственной власти.

Тутъ прежде всего возникаетъ вопросъ: откуда взялось желаніе, столь единодушное и сильное, выражающееся въ формахъ столь рѣзкихъ? Очевидно, отъ того, что двѣ школы, дѣйствующія на ихъ глазахъ, школы, въ коихъ учатся ихъ дѣти и учились многіе изъ крестьянъ возраста средняго, оказались имъ по-душѣ. При этомъ легко замѣтить, что радуетъ ихъ не прекрасный почеркъ учениковъ, не умѣніе ихъ быстро рѣшать сложныя ариѳметическія задачи, не почти совершенное отсутствіе орѳографическихъ ошибокъ въ экзаменаціонныхъ диктантахъ. Все это даютъ многія школы, къ коимъ окрестное населеніе относится довольно равнодушно. Радуетъ ихъ славянское чтеніе дѣтей, пѣніе ихъ въ церкви и въ школѣ, радуютъ добрыя книги, которыя они приносятъ съ собою изъ школы и отчетливо и сознательно читаютъ вслухъ дома. Книги эти — не исключительно содержанія духовнаго. Послѣднія остаются въ деревняхъ любимѣйшимъ чтеніемъ. Но рядомъ съ ними начинаютъ возбуждать живѣйшій интересъ и разсказы изъ русской исторіи и книги сельско-хозяйственныя.

Но этого мало. Со Знаменскою школой (для маль-

чиковъ) сохранили тѣснѣйшую связь бывшіе ея воспитанники, уже взрослые и семейные. Всѣ тѣ изъ нихъ, которые обладаютъ сколько-нибудь сноснымъ голосомъ, добиваются чести участвовать въ школьномъ хорѣ, правильно посѣщаютъ спѣвки, и потому пѣніе въ церкви—всегда прекрасное. Ничто не можетъ быть привлекательнѣе субботняго вечера въ Знаменской школѣ. Количество взрослыхъ пѣвцовъ столь велико (въ ихъ числѣ находится и волостной старшина, и церковный староста), что ихъ собирается всегда больше, чѣмъ нужно для укомплектованія хора мужскими голосами. Послѣ длинной, тщательной спѣвки происходитъ чаепитіе, а затѣмъ, до поздней ночи, безконечныя чтенія (на этотъ разъ содержанія исключительно духовнаго) и безконечныя бесѣды съ добрымъ отцомъ-діакономъ (бывшимъ учителемъ младшихъ изъ взрослыхъ), общимъ любимцемъ. Усердіе въ посѣщеніи этихъ спѣвокъ по истинѣ трогательно. Не прерываются онѣ и въ самую страдную пору. Бывали случаи, что пѣвцы, пришедшіе съ покоса, падали отъ усталости на полѣ и тутъ же засыпали, чтобы часа черезъ два встать свѣжими, бодрыми и протвердить свою партію къ завтрашней службѣ. Конечно, прекрасный тонъ этихъ собраній поддерживается несравненнымъ одушевленіемъ, авторитетомъ обожаемой попечительницы, которая сама, несмотря на лѣта и недуги, руководитъ всѣми спѣвками, правитъ на клиросѣ на всѣхъ службахъ.

Нельзя не замѣтить по этому поводу, что *дѣйствительное* общеніе между людьми, стоящими на крайнихъ ступеняхъ образовательнаго и общественнаго неравенства, общеніе естественное, искреннее, только и возможно въ области вѣры и молитвы. Лишь равенство предъ Богомъ покрываетъ всѣ земныя неравенства.

Такимъ образомъ, Знаменская школа связана съ при-

ходомъ цѣлымъ полкомъ пѣвцовъ и чтецовъ, которые, незамѣтно для себя, продолжаютъ свое школьное ученіе въ отрасляхъ его самыхъ существенныхъ и важныхъ. Это — лучшіе люди прихода. Они же составляютъ ядро приходскаго общества трезвости, принесшаго приходу неисчислимую пользу. Пройдетъ нѣсколько лѣтъ, и такой же полкъ церковныхъ чтицъ и пѣвицъ разрастется около школы женской. Ея воспитанницы — любимицы прихода. Отцы не налюбуются на ихъ рукодѣліе и пѣніе, на ихъ опрятность и скромность. Отъ молодыхъ парней приходится слышать, что они не женятся, пока не подрастутъ невѣсты изъ Знаменской школы. И, конечно, когда подрастутъ онѣ, будетъ сокрушена бабья оппозиція противъ школьнаго обученія, и къ водворенію поголовной грамотности будетъ сдѣланъ шагъ самый существенный и важный.

Вотъ та почва, на которой возникли радикальныя пожеланія Знаменскихъ прихожанъ, и, прибавлю, та почва, на которой возможно, даже неизбѣжно, приблизительное ихъ осуществленіе.

Какъ я уже сказалъ, обѣ школы при Знаменской церкви, и мужская и женская, переполнены. Итакъ, для удовлетворенія возрастающей потребности въ обученіи предстоитъ постепенное открытіе по деревнямъ филіальныхъ школъ, а именно, школъ грамотности, пока удовлетворяющихъ потребностямъ населенія. Содержаніе такой школы, при чаемой помощи отъ Государственнаго Казначейства (около 25 р.) и самомъ скромномъ пособіи со стороны мѣстныхъ благотворителей, посильно всякой мало-мальски людной и зажиточной деревнѣ. Учителя для этихъ школъ могутъ быть избраны и подготовлены изъ среды взрослой школьной братіи, и въ скоромъ времени приходъ будетъ располагать столь же благонадежнымъ контингентомъ учительницъ.

Какъ мнѣ извѣстно по опыту, устройство такихъ филіальныхъ школъ уменьшаетъ, развѣ въ самой незначительной мѣрѣ, количество учащихся въ школѣ центральной, но совершенно измѣняетъ ихъ составъ. Уменьшается группа новичковъ, и въ той же мѣрѣ усиливается группа старшая, въ которую переходитъ значительная доля дѣтей, два года обучавшихся въ школѣ деревенской, чтобы приготовиться къ выпускному экзамену. Отсюда ясно, насколько желательно, чтобы учителями этихъ деревенскихъ школъ были именно воспитанники школы центральной, вполнѣ знакомые съ порядкомъ въ ней преподаванія, по силѣ вещей становящіеся помощниками сяг учителя. Я въ первой моей статьѣ о церковной школѣ уже указывалъ на то, что скромное вознагражденіе, возможное въ школѣ грамотности, можетъ привлечь къ учительству благонадежныхъ тружениковъ только изъ жителей мѣстныхъ.

Изъ всего сказаннаго ясно, что главнымъ факторомъ подобнаго развитія дѣла нужно считать учебное достоинство и строго церковный характеръ школы центральной. Матеріальныя выгоды, могущія проистечь отъ элементарнаго обученія (сверхъ льготы по воинской повинности), отдаленны и сомнительны. Духовно-нравственное же значеніе доброй школы типа церковнаго, для нашихъ интеллигентовъ мало понятное, ясно, какъ день, самому захолустному крестьянину, и только духовный, и именно церковный характеръ школы возбуждаетъ въ крестьянахъ желаніе посылать въ нее своихъ дѣтей.

Само собою разумѣется, что этотъ церковный характеръ можетъ имѣть школа любаго вѣдомства, что плодить около себя школы грамотности могли бы, въ силу внушаемыхъ населенію симпатій, и школы министерскія, и школы земскія. Но тутъ мы наталкиваемся

на препятствіе, но своей безсмысленности, особенно досадное. Учебныя начальства, и министерскія и земскія, долгомъ считаютъ къ школамъ грамотности относиться враждебно, потому только, что, за неимѣніемъ контроля фактическаго (для нихъ совершенно невозможнаго, доступнаго однимъ лишь священникамъ), имъ не предоставленъ надъ этими школами контроль номинальный, и опасаться отъ нихъ какого-то соперничества, между тѣмъ какъ эти скромныя школки питаютъ школы разряда болѣе высокаго, разительно увеличивая численность ихъ выпусковъ, распространяя и усиливая потребность въ обученіи. Подъ вліяніемъ начальства и большинство полноправныхъ учителей относится къ этимъ школамъ недоброжелательно, что, конечно, ведетъ къ натянутымъ отношеніямъ между ними и священниками. Это обстоятельство самымъ существеннымъ образомъ тормозитъ у насъ развитіе школьнаго дѣла. Не нужно забывать, что, еще до изданія положенія о школахъ церковно-приходскихъ, на всѣхъ пунктахъ особенно населенныхъ, отличающихся расположеніемъ къ школьному ученію, въ громадномъ большинствѣ случаевъ при церквахъ уже были основаны школы земскія и министерскія, и что на долю школъ церковно-приходскихъ достались приходы самые бѣдные, мѣстности мало населенныя, что весьма многія церковно-приходскія школы вынуждены ютиться вдали отъ церквей, такъ какъ мѣсто при нихъ уже занято.

Но и большинство людей, не имѣющихъ къ школьному дѣлу никакого оффиціальнаго отношенія, никогда не прилагавшихъ къ нему рукъ, но имѣющихъ на него вліяніе въ силу мѣстнаго своего вѣса, относятся къ школамъ грамотности отрицательно и презрительно. Происходитъ это отъ того, что у всѣхъ въ памяти, отчасти еще на глазахъ, деревенская школа стараго типа,

съ пьянымъ проходимцемъ-учителемъ, случайно забредшимъ въ деревню и плѣнившимъ безграмотныхъ родителей своею рѣчистостью и дешевизною. Между этими несчастными попадались нерѣдко люди умѣлые и талантливые, но польза отъ ихъ ученія, разумѣется, болѣе чѣмъ уравновѣшивалась дурнымъ ихъ примѣромъ. Но въ дѣлѣ столь новомъ, какъ правильное подчиненіе школъ грамотности школѣ церковно-приходской, установленіе между ними органической связи, намъ надлежитъ имѣть въ виду не то, чѣмъ была до сихъ поръ деревенская школа, возникшая случайно, безъ всякаго руководства и контроля, но то, чѣмъ она можетъ и должна быть, то, чѣмъ она стала въ тѣхъ случаяхъ, когда на нее обращено было должное вниманіе.

Къ лучшимъ моимъ школьнымъ впечатлѣніямъ и воспоминаніямъ принадлежатъ посѣщенія школъ грамотности новаго типа, съ учителемъ—мѣстнымъ крестьяниномъ изъ лучшихъ учениковъ мѣстной доброй школы.

Убогая обстановка, отсутствіе всякихъ внѣшнихъ школьныхъ удобствъ, тѣснота и духота. И среди этого—трудъ напряженный, непрерывный, бодрый и любовный. Милыя и довѣрчивыя отношенія дѣтей къ учителю, который для нихъ—„дядя Андрей“ или „дядя Кузьма“, отношенія, тотчасъ переносящіяся на новаго дядюшку-посѣтителя. Множество дѣтей моложе школьнаго возраста, но которыхъ изъ школы не выживешь, потому что они также хотятъ учиться. И кое-чему выучиваются, напримѣръ, чтенію, которое доступно и пятилѣтнимъ крошкамъ. Но прежде этой премудрости всѣ выучиваются по наслышкѣ правильно произносить употребительнѣйшія молитвы, и добрый дядюшка позволяетъ имъ участвовать, чѣмъ умѣютъ, въ общихъ моленіяхъ, вечернихъ и утреннихъ, что доставляетъ имъ величайшую ра-

дость. Случалось заѣзжать именно вечеромъ. Вечернія молитвы въ деревенскихъ школахъ лучше и торжественнѣе, чѣмъ въ школѣ центральной. Ибо вмѣстѣ съ дѣтьми приходятъ молиться родители. Благочестивыя старушки приносятъ съ собою свѣчи, и ярко озаряются потемнѣвшія иконы. Пѣніе въ школѣ—нехитрое, но распѣваемыя ежедневно молитвы (тропари троичные, Достойно есть и т. п.) поются стройно и трогательно. Нерѣдко, послѣ молитвы, учитель читаетъ собравшимся сосѣдямъ что-нибудь душеспасительное. И засиживаются въ школѣ и родители, и ихъ ребята. И надъ всѣмъ царитъ то благоговѣйное отношеніе къ книжному ученію, та твердая увѣренность, что оно прежде всего—ключъ къ познанію вещей божественныхъ, которая составляетъ драгоцѣннѣйшій залогъ доброй будущности нашихъ школъ. И такъ идетъ ученіе съ ранняго утра до поздняго вечера, и упорный трудъ неопытнаго учителя восполняетъ его неумѣлость, и быстро растетъ его умѣніе. Безмѣрно длинный учебный день даетъ время на всякія упражненія—и въ чтеніи, и въ письмѣ, и въ счетѣ,—и по прошествіи двухъ лѣтъ ученики убогой школки малымъ уступаютъ въ своихъ знаніяхъ и умѣніяхъ ученикамъ школы самой благоустроенной, обыкновенно превосходятъ ихъ въ церковно-славянскомъ чтеніи, благодаря тому почету, коимъ пользуется въ деревнѣ именно это умѣніе. По прошествіи двухъ лѣтъ такого ученія рецидивъ безграмотности немыслимъ. Но большинство учениковъ либо переходитъ доучиваться въ школу центральную, либо продолжаетъ ходить въ свою деревенскую школу, чтобы тверже навыкнуть письму, и нерѣдко школа грамотности доводитъ своихъ питомцевъ до вполнѣ удовлетворительнаго экзамена на льготу по воинской повинности.

Самъ учитель, уча, многому научается; нерѣдко, при

помощи добрыхъ людей, онъ настолько умножаетъ свои знанія, что добивается оффиціальнаго учительскаго званія. При внѣшнихъ обстоятельствахъ благопріятныхъ, его школа обзаводится приличнымъ помѣщеніемъ и возводится на степень церковно-приходской.

Послѣ всего сказаннаго, нѣтъ нужды объяснять, почему школы деревенскія пользуются особымъ сочувствіемъ крестьянъ. Стремятся они именно къ школамъ того типа, который я попытался очертить. Но собственными силами создать ихъ удается имъ рѣдко. Тутъ необходимо самое энергическое содѣйствіе церковныхъ причтовъ и благочестивыхъ прихожанъ образованныхъ классовъ. По силѣ вещей, повсемѣстнымъ можетъ быть лишь доброе попеченіе о школьномъ дѣлѣ церковныхъ причтовъ. Все рѣже становятся просвѣщенные, благочестивые міряне, живущіе по деревнямъ, имѣющіе досугъ и матеріальныя средства, необходимыя для поддержки школьнаго дѣла, ибо поземельная собственность быстро переходитъ въ руки кулаковъ, кабатчиковъ и евреевъ. Въ этой повсемѣстности живой силы, призываемой къ дѣлу народнаго образованія, и во внутреннемъ смыслѣ этой силы и заключается вся важность обновленія церковной школы.

Но намъ возражаютъ на всѣ лады, что внутреннему этому смыслу не соотвѣтствуетъ наличное нравственное состояніе нашего духовенства, что священники истинно добрые слишкомъ рѣдки, что большинство священниковъ къ школьному дѣлу равнодушно, что многіе священники приносятъ этому дѣлу одинъ вредъ.

Спорить не стану. Священники истинно добрые, искренно преданные школьному дѣлу—составляютъ меньшинство, какъ все доброе, лишь медленно возрастающее. Но въ дѣлахъ свойства духовнаго, въ дѣлахъ неизмѣримой важности и длительности безграничной,

каково дѣло народнаго образованія, нужно имѣть въ виду не только то, что есть, но и то, что можетъ и должно быть. Для всякаго творческаго акта нужна воля, нужна вѣра, хотя бы съ зерно горушечно—въ данномъ случаѣ вѣра въ несокрушимость церкви, какъ вѣчнаго союза и мірянъ и духовенства, какъ живаго тѣла съ Главою Небеснымъ, твердая воля осуществить этотъ союзъ во всѣхъ отправленіяхъ жизни духовной. Явленія такъ-называемой матеріализаціи, въ сферѣ вещественной призрачныя, совершаются ежедневно въ жизни духовной. Ссылаюсь на внутренній опытъ всѣхъ потрудившихся Бога для, всѣхъ немощныхъ, награжденныхъ осуществленіемъ чаяній, безмѣрно превышающихъ ихъ немощь.

Но, скажутъ мнѣ, вѣра не зависитъ отъ воли. Ей не даетъ пищи дѣйствительность, а безжалостно разбиваетъ ее... Да, это такъ, пока мы эту дѣйствительность только созерцаемъ, не внося въ нее всѣ силы своего разума и воли. Но все мѣняется, какъ только мы приложимъ сердце и руку къ этой самой дѣйствительности, въ полномъ сознаніи своего безсилія, безъ малѣйшей надежды на успѣхъ, а именно Бога для, во исполненіе святой Его воли. Тотчасъ почувствуемъ мы, съ убѣдительностію непререкаемою, съ ясностію непосредственнаго зрѣнія, что черезъ насъ и за насъ дѣйствуетъ Нѣкто, неизмѣримо сильнѣйшій, творитъ нѣчто лучшее, чѣмъ то, что могли мы предположить и предпринять. Внѣшній опытъ никогда не даетъ намъ вѣры. Ее воспитываетъ опытъ внутренній, невозможный безъ напряженія воли. Ко всѣмъ намъ относятся слова поэта, обращенныя къ поэтамъ:

Мужайся, не слабѣй изнѣженной душою
Передъ заботою земною...
Ей исполинскій видъ даетъ твоя мечта.

Коснися облака безтрепетной рукою:
Исчезнетъ, и за нимъ опять передъ тобою
Обители духовъ откроются врата.

Такъ и въ школьномъ дѣлѣ. Далеки мы, по многообразнымъ немощамъ и мірянъ и духовенства, отъ идеала школы истинно церковной. Глядя на дѣло со стороны, легко въ немъ отчаяться. Но стóитъ только смиренно и искренно приложить руки къ этому дѣлу, чтобы никогда болѣе ихъ не отнимать,—такъ отраденъ, такъ многозначителенъ каждый малѣйшій шагъ на этомъ пути. Тутъ всякое впечатлѣніе настоящаго усиливается, дополняется лучшими отголосками минувшаго, лучшими чаяніями будущаго. Тутъ нѣтъ и тѣни того разлада, того насилія, которое неизбѣжно въ школахъ, устроенныхъ по иностранному образцу, никогда не удовлетворяющихъ полусознательнымъ требованіямъ родителей, инстинктамъ учениковъ. Къ школѣ, въ коей во главѣ преподаванія, не на словахъ, а на дѣлѣ, поставленъ Законъ Божій, къ школѣ, въ коей на днѣ сознанія учащихъ постоянно свѣтитъ мысль о Богѣ, водворяется полное довѣріе, полная увѣренность, что и все прочее, безграмотнымъ родителямъ мало понятное, преподается на пользу ученикамъ. Утверждается довѣріе не только къ данной школѣ, но и ко всему школьному дѣлу—лучшій залогъ его расширенія. Какъ видятъ читатели, довѣріе это, вызванное именно школами строго-церковными, доходитъ въ крестьянской средѣ до возникновенія толковъ объ обученіи обязательномъ.

Строки эти обращены къ мірянамъ, участіе коихъ, и матеріальное и нравственное, въ созиданіи школы церковной необходимо для осуществленія полной ея церковности, не только оффиціальной, но и дѣйствительной. Но могутъ онѣ проникнуть и въ иныя сферы,

въ среду сельскаго духовенства, учащихъ и учащихся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, въ среду, призванную къ ближайшему, непосредственному труду въ области церковной школы. Не могу не обратить нѣсколькихъ словъ и къ этимъ уже нынѣ призваннымъ или чающимъ призыва труженикамъ на Божіей нивѣ.

Есть моменты въ исторіи народовъ, въ которые для отдѣльной личности хожденіе по протоптаннымъ тропамъ, хотя-бы осторожное и благообразное, становится недостаточнымъ и опаснымъ, въ которые каждый изъ насъ можетъ участвовать въ дѣлѣ, настоятельно необходимомъ, исполнить свою долю долга, возложеннаго на всѣхъ Провидѣніемъ, лишь прокладывая стези новыя, прямыя и точно направленныя. Такой моментъ насталъ въ Россіи для всѣхъ, трудящихся въ области духа, и, прежде всего, для русскаго духовенства. Болѣе, чѣмъ когда-либо, требуется отъ каждаго изъ насъ, въ особенности-же отъ каждаго священника, бдительности ума, напряженія воли, любви искренней, нелицемѣрной. Молодые люди, готовящіеся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ къ принятію священнаго сана, должны сознать всю неизмѣримую важность возлагаемой на нихъ обязанности. Поставленъ вопросъ о возможно широкомъ распространеніи народнаго обученія, этого перваго шага темныхъ массъ къ жизни сознательной. Дѣйствительно, повсемѣстно, истинно плодотворно этотъ шагъ можетъ быть совершенъ лишь при искреннемъ, поголовномъ содѣйствіи сельскаго духовенства.

Пусть-же будущіе пастыри сосредоточатъ свои помышленія на предстоящемъ имъ трудѣ. Курсы дидактики, образцовыя школы при семинаріяхъ знакомятъ ихъ съ техникой элементарнаго преподаванія. Пусть они усвоятъ ихъ твердо, ибо имъ придется руководить учителями неумѣлыми, создавать учителей новыхъ.

Имъ-же самимъ предстоитъ школьное преподаваніе въ области самой существенной, въ области Закона Божія. Въ приготовленіи къ этому дѣлу неизмѣримой важности нельзя имъ довольствоваться примѣромъ законоучителя образцовой школы, указаніями съ каѳедры наставниковъ. Каждый изъ нихъ проводитъ и лѣто и святки въ деревнѣ, среди крестьянъ. Каждому изъ нихъ не слѣдуетъ упускать случая бесѣдовать о вещахъ Божественныхъ съ людьми грамотными и безграмотными, со взрослыми и дѣтьми. Слѣдуетъ имъ создавать эти случаи. Только такими бесѣдами (возбуждающими въ людяхъ темныхъ глубокую благодарность) пріобрѣтутъ они то чутье степени пониманія своихъ слушателей, безъ коего безплодна самая искусная рѣчь. Во многихъ селахъ уже практикуются внѣбогослужебныя собесѣдованія: на нихъ они могутъ оказать драгоцѣнную помощь своимъ отцамъ и братьямъ и въ то же время многому отъ нихъ научиться. Въ нашихъ разбросанныхъ приходахъ единственное время, удобное для этихъ собесѣдованій, есть промежутокъ между утреней и обѣдней, такое время, въ которое священникъ часто бываетъ отвлекаемъ случайными требами. Между тѣмъ это — время драгоцѣнное, ибо тутъ всегда на лицо есть слушатели, находящіеся въ должномъ настроеніи; именно въ это время всякому священнику, ведущему собесѣдованія, особенно дорогъ надежный помощникъ. И на этихъ-то бесѣдахъ, и формальныхъ и случайныхъ, выясняется будущему пастырю тѣсная связь между учительствомъ школьнымъ и церковнымъ. Вѣдь послѣднее безъ перваго совершенно призрачно. Всякое предложеніе въ самой образцовой по своей простотѣ проповѣди, дословно понятной воспитаннику доброй школы, для человѣка абсолютно безграмотнаго требуетъ чуть-ли не часоваго объясненія. И чѣмъ выше стоитъ школа, тѣмъ

шире, тѣмъ глубже становится область доступной приходу церковной проповѣди...

Рядомъ съ этимъ необходимо зорко присматриваться къ положенію школьнаго дѣла и въ своемъ, и въ сосѣднихъ приходахъ, къ отношеніямъ къ нему и духовенства, и крестьянъ, и мірянъ образованныхъ. Всѣ эти наблюденія пригодятся въ будущей пастырской практикѣ.

Но все это—лишь внѣшняя сторона дѣла. И школьныя умѣнія священника и способности его къ плодотворной церковной рѣчи пропадаютъ даромъ, если нравственный строй его жизни не придаетъ ему авторитета и дерзновенія, необходимаго пастырю душъ. Предметъ обширный, почти безграничный. Но не могу не указать тутъ на нѣкоторыя изъ тяжелыхъ гирь, которыя влекутъ долу наше духовенство, которыя налегаютъ на нашихъ священниковъ еще на школьной скамьѣ, и которыя они могли-бы, на школьной-же скамьѣ, сбросить съ себя навсегда.

Во-первыхъ—пьянство. Количество священниковъ, отъ него погибающихъ, поистинѣ ужасно. Между тѣмъ, это ярмо люди возлагаютъ на себя еще въ школьномъ возрастѣ, и именно въ этомъ возрастѣ оно можетъ быть сброшено усиліемъ воли безъ особеннаго труда. Чѣмъ позже, тѣмъ труднѣе, ибо пьянство прежде всего подкашиваетъ именно волю. Всѣхъ ужасовъ, происходящихъ отъ этого порока, перечислять не стану: они на глазахъ у учащагося духовнаго юношества. Но оно должно понять, что *это* пятно оно обязано снять съ своего сословія, въ моментъ, когда отъ трезвости каждаго отдѣльнаго священника зависитъ, въ теченіе долгихъ лѣтъ, возрожденіе къ сознательной вѣрѣ, къ жизни разумной—сотенъ и тысячъ людей темныхъ, жаждущихъ свѣта. Церковная школа съ пьянымъ священникомъ во главѣ есть ложь и позоръ.

Во-вторыхъ—корыстолюбіе. Знаю, что во всякой семинаріи выдѣляется меньшинство юношей, свободныхъ отъ этого порока, и что большинство, не безъ насмѣшки, прозвало ихъ идеалистами. Но вѣдь идеалистами, въ этомъ смыслѣ, могутъ, въ настоящее время, безъ всякой опасности, сдѣлаться всѣ семинаристы. Можно-ли, положа руку на сердце, назвать бѣдностію имущественное положеніе средняго сельскаго священника? На памяти людей пожилыхъ, доходность сельскихъ приходовъ значительно возросла отъ быстраго роста народонаселенія, отъ повышенія цѣнности церковныхъ земель. Приходы, исключительно бѣдные, по своему малолюдству, по развитію въ нихъ сектантства, уже теперь получаютъ денежную помощь, которая съ каждымъ годомъ будетъ усиливаться и мало-по-малу распространяться и на причты, менѣе обездоленные. Всѣ будущіе священники доживутъ до положенія скромнаго, но совершенно безбѣднаго. Съ расширеніемъ дѣятельности духовенства, несомнѣнно возрастутъ и заботы о немъ правительства. О чемъ-же заботиться? А между тѣмъ эта забота играетъ слишкомъ видную, гибельную роль въ помышленіяхъ ищущихъ священства. Ведетъ она къ неосторожнымъ бракамъ, ведетъ и къ кривымъ отношеніямъ съ прихожанами, и къ двусмысленному отношенію къ школьному дѣлу, доходность коего разъ на всегда должна быть вычеркнута изъ расчетовъ духовенства. То, что отъ него требуется по этому дѣлу, не можетъ быть оплачено никакимъ жалованіемъ. Это—не требоисправленіе, а такой актъ любви и воли, который сдѣлалъ бы его почетнѣйшимъ сословіемъ въ Россіи, послѣ коего сомнѣваться въ безбѣдности его имущественнаго положенія было бы просто смѣшно.

Въ третьихъ—ложь. Всѣмъ извѣстенъ неисчислимый вредъ, который приноситъ церковно-школьному

дѣлу лживость оффиціальныхъ о немъ донесеній, лживость, унаслѣдованная отъ вошедшихъ въ пословицу благочинническихъ отчетовъ. „Ложь конь во спасеніе“ до сихъ поръ приводится слышать отъ старыхъ священниковъ, въ томъ кощунственномъ смыслѣ, который придаютъ священному тексту полуграмотные грамотѣи, и чудовищное это толкованіе еще недавно, на ряду съ истиннымъ, допускалось въ семинарскомъ преподаваніи. Каково это спасеніе, испытываютъ на себѣ всѣ добрые труженики по дѣлу церковной школы, коимъ, сверхъ другихъ препятствій, приходится бороться съ недовѣріемъ общества, искусно раздуваемымъ врагами ихъ дѣла.

Благодареніе Богу! Умножается число священниковъ, сбросившихъ съ себя всѣ эти позорныя путы, трудящихся безкорыстно и искренно, чистыхъ и сердцемъ и нравами. Многихъ вразумляютъ и совѣсть, и грозныя знаменія времени, и проснувшаяся въ темныхъ массахъ жажда свѣта, и неусыпныя заботы правительства о подъемѣ нашего бѣлаго духовенства. Привѣтъ имъ всѣмъ, и Божія помощь!

Но число ихъ все-таки слишкомъ мало. Пора нашему духовному юношеству сознать, что въ настоящее время, болѣе чѣмъ когда-либо, къ великому таинству священства надлежитъ приступать во всеоружіи добрыхъ нравовъ и твердой воли, безкорыстія и правдивости. Требованія высокія, но высоки и цѣли, достижимыя совокупными усиліями людей, ставящихъ себѣ такія требованія.

Конечно, дѣятельность единичнаго труженика по народному образованію можетъ быть лишь каплей въ морѣ. Но изъ примѣра Знаменскихъ школъ видно, сколь драгоцѣнна можетъ быть эта капля. Укоренить добрымъ ученіемъ, хотя бы въ предѣлахъ одного при-

хода, всеобщее убѣжденіе въ желательности обученія поголовнаго—подвигъ скромный, но истинно добрый. Отражается онъ благодѣтельно и на всѣхъ школахъ окрестныхъ. Подвигъ этотъ можетъ быть совершенъ образованнымъ мірянином или мірянкой, живущими въ деревнѣ, проникнутыми духомъ истинно церковнымъ. Но само собою разумѣется, что разсчитывать на повсемѣстное появленіе подобныхъ дѣятелей было бы безумiемъ. Единственный путь, коимъ, волной широкою и благотворною, можетъ влиться въ наши темныя массы доступное имъ образованіе—повсемѣстная инiціатива въ этомъ дѣлѣ нашего сельскаго духовенства, въ коемъ никакія невзгоды не смогли искоренить духа истинной церковности, которое поголовно обладаетъ образованіемъ, достаточнымъ для руководства начальною школой.

Дѣло многотрудное и сложное. Для возбужденія такой инiціативы, повсемѣстной и искренней, нашего сельскаго духовенства, недостаетъ еще многихъ условій. Я уже указалъ на необходимость оздоровленія нашихъ духовно-учебныхъ заведеній. Предпринятое уже улучшеніе матеріальнаго положенія нашего духовенства принесетъ свои плоды, лишь когда обезпеченіе причтовъ будетъ доведено до minimum'а, ставящаго ихъ въ независимость отъ платы за требы обязательныя. Школьное дѣло, руководимое священниками, можетъ процвѣтать лишь при постоянномъ, искреннемъ содѣйствіи, матеріальномъ и нравственномъ, образованныхъ и благочестивыхъ мірянъ, ибо священникамъ поручается школа не сословная, не духовная, а *церковная*, во всемъ широкомъ смыслѣ этого слова. Убѣдить наше образованное общество, умственно незрѣлое, нравственно расшатанное, въ настоятельной необходимости размножать начальныя школы, дающія, сверхъ голой грамотности, тотъ хлѣбъ на-

сущный, коего алчутъ темныя массы, безъ коего чахнутъ и самые высокіе умы, едва-ли не самая трудная сторона дѣла.

Но—вѣдь трудно всякое дѣло доброе. „Царство небесное нудится“, и не только царство небесное въ смыслѣ спасенія личности, но и въ смыслѣ хотя-бы малѣйшаго отраженія небеснаго Царства въ дѣлахъ человѣческихъ, въ томъ числѣ и въ области начальнаго обученія. Остается только со смиреніемъ и вѣрой работать, не покладая рукъ, надъ этимъ сложнымъ и труднымъ дѣломъ, возлагающимъ неисчерпаемые труды и на людей государственныхъ и на каждаго извѣстнаго священника и клирика, на каждаго скромнаго учителя деревенской школки. На людей-же мысли и слова оно возлагаетъ обязанность строгаго размышленія, сердечнаго участія, осторожнаго слова.

Началъ я мою бесѣду съ передачи простодушныхъ пожеланій Знаменскихъ прихожанъ. Окончу ее повтореніемъ этихъ пожеланій, въ формѣ нѣсколько измѣненной.

Дай Богъ, чтобы *никогда* не приходилось писать указовъ, обязующихъ безграмотныхъ родителей, подъ страхомъ наказаній, посылать въ школу своихъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Но дай Богъ, чтобы плодились и множились школы, подобныя Знаменскимъ, школы, созданныя и разрастающіяся совмѣстными трудами мірянъ и духовенства, школы, соотвѣтствующія и высокимъ задачамъ, поставленнымъ имъ Верховною Властію, и темнымъ чаяніямъ народныхъ массъ; школы, убѣждающія и людей безграмотныхъ въ спасительности ученія, и потому самому вѣрнѣе ведущія къ обученію поголовному, истинному, а не мнимому, чѣмъ неисполнимыя попытки обученія принудительнаго.

ЧТЕНІЕ ПСАЛТИРИ ВЪ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛѢ *).

Во всякой благоустроенной сельской школѣ, какого ни была-бы она наименованія, значительная доля учебнаго времени удѣляется на механическое церковно-славянское чтеніе. Матеріаломъ для этого чтенія служатъ, почти исключительно, псалмы, сперва избранные, вошедшіе въ составъ Часослова, затѣмъ всѣ псалмы подъ-рядъ, по порядку каѳизмъ Псалтири.

Упражненія эти прежде всего вызываются настоятельною церковною нуждой. Въ огромномъ большинствѣ сельскихъ церквей шестопсалміе, часы, псалмы на торжественныхъ молебнахъ и т. д. читаются учениками школъ или взрослыми грамотеями, въ школахъ учившимися,—чѣмъ значительно облегчается непосильный трудъ единственнаго причетника и обезпечивается явственное, нерѣдко прекрасное чтеніе въ церкви этихъ богослужебныхъ псалмовъ. Становится возможнымъ хотя неполное, но приличное чтеніе каѳизмъ вечерняго и утренняго богослуженія. Но еще необходимѣе твердое умѣніе читать псалмы ради чтенія Псалтири по покойникамъ, для нашихъ сельскихъ причтовъ абсолютно

*) *Русское Обозрѣніе.* 1896 г. Ноябрь.

невозможнаго. Нужно-ли распространяться о важности этого священнаго обряда, въ безграмотной глуши неисполнимаго? О томъ, сколько имъ смягчается безутѣшнаго горя? О томъ, сколько духовнаго свѣта вноситъ въ темную среду торжественное чтеніе этихъ псалмовъ, изъ коихъ каждый, на ряду съ реченіями, слушателямъ непонятными, содержитъ молитвенные возгласы красоты и ясности несравненной, заставляющіе вслушиваться и вдумываться и во все остальное,—именно въ минуты скорбной жажды духовнаго утѣшенія? По-истинѣ, изъ тѣхъ благъ, которыя стремится распространять начальная школа, едва-ли какое-либо возбуждаетъ столь всеобщее требованіе и въ столь полной мѣрѣ достижимо. Даже бабы самыхъ глухихъ деревень, съ непобѣдимымъ недовѣріемъ относящіяся къ школьному ученію, мирятся съ нимъ при мысли, что ихъ дѣти, послѣ ихъ смерти, будутъ читать по нимъ Псалтирь. Нынѣ крестьянинъ, приходящій въ церковь за „святыми“ къ покойнику, неизмѣнно заходитъ въ школу—выпросить себѣ двухъ-трехъ учениковъ для чтенія Псалтири. Въ добрыхъ школахъ отказа не бываетъ. Разумный учитель знаетъ, что именно этимъ одолженіемъ онъ вербуетъ себѣ новыхъ учениковъ. Онъ знаетъ, что продолжительное чтеніе Псалтири по покойнику болѣе подвинетъ маленькихъ чтецовъ, чѣмъ десять уроковъ, на каждомъ изъ коихъ имъ приходится читать лишь по нѣскольку минутъ.

Но, скажутъ люди, отъ школьной практики далекіе, почему въ школѣ держаться механическаго чтенія Псалтири, а не замѣнить его объяснительнымъ? Но, возразятъ педагоги опытные, но болѣе правовѣрные, чѣмъ православные, знающіе, что объяснительное чтеніе всей Псалтири, по краткости учебнаго срока и возрасту учениковъ, дѣло въ сельской школѣ неисполни-

мое,—зачѣмъ тратить въ школѣ драгоцѣнное время на упражненія, педагогикой осуждаемыя? Не лучше-ли ограничиться посильнымъ ознакомленіемъ учениковъ съ формами и лексическими особенностями церковно-славянскаго языка, упражняя ихъ въ чтеніи текстовъ евангельскихъ, вполнѣ доступныхъ ихъ разумѣнію, и притомъ заключающихъ въ себѣ столь высокое назиданіе, съ Псалтирью-же знакомить ихъ въ русскомъ переводѣ, предоставляя возрасту болѣе зрѣлому знакомство съ текстомъ столь труднымъ, какъ церковно-славянскій текстъ Псалтири?

Прежде, чѣмъ отвѣчать на эти возраженія, да будетъ мнѣ позволено напомнить моимъ читателямъ объ одномъ фактѣ—фактѣ очевидномъ, громадномъ, міровомъ, лишь въ силу привычки переставшемъ возбуждать постоянное наше удивленіе.

Изъ всѣхъ книгъ, написанныхъ руками человѣческими, ни одна, не исключая даже Евангелій, не положила на христіанское чувство и сознаніе печати столь неизгладимой, столь повсемѣстной, столь властной, какъ именно Псалтирь. Самая пророческая изъ пророческихъ книгъ, она стала азбукой христіанства. Въ то же время она остается вѣнцомъ молитвеннаго пѣснопѣнія, недосягаемымъ образцомъ, неизсякаемымъ источникомъ, питающимъ поэтическое творчество двухъ тысячелѣтій.

И что такое эта книга? Это—сборникъ духовныхъ пѣснопѣній, давность коихъ считается десятками вѣковъ, написанныхъ на языкѣ мертвомъ и скудномъ, доступныхъ подавляющему большинству лишь въ прозаическихъ пореводахъ, устарѣвшихъ и неясныхъ.

Попытайтесь прочесть—не въ поэтическомъ возсозданіи, а въ переводѣ прозаическомъ, самыя дивныя строфы Пиндара и Горація, самые совершенные сонеты

Петрарки, самыя жгучія лирическія изліянія Байрона, самыя благоуханныя пѣсни Гёте и Пушкина. Вы убѣдитесь, что это—вещи абсолютно неудобочитаемыя, развѣ для несчастныхъ учителей словесности, лишенныхъ знанія иностранныхъ языковъ.

А Псалтирь, въ своихъ несовершенныхъ прозаическихъ переводахъ, продолжаетъ жить и живить, продолжаетъ составлять хлѣбъ насущный и темныхъ массъ, едва приступающихъ къ порогу знанія, и тѣхъ избранныхъ, которые стоятъ на вершинѣ этого знанія, на вершинѣ мысли и художественнаго творчества. Это ли невеличайшее чудо во всей исторіи всемірныхъ литературъ?

Я упомянулъ огульно о *несовершенствѣ* переводовъ Псалтири. Само собою разумѣется, что это сужденіе требуетъ расчлененій и ограниченій. Число переводовъ Псалтири—легіонъ. Въ особенности размножились они въ текущемъ столѣтіи, съ подъемомъ научной филологіи, съ углубленіемъ изслѣдованій древняго Востока. Цѣнность этихъ переводовъ весьма неравна; всякій изъ текстовъ, достигшихъ широкаго распространенія, имѣетъ свои достоинства и свои недостатки.

Но между этими текстами, завоевавшими себѣ авторитетъ долговѣчный и обширный, высоко выдается одинъ—своею древностію, своимъ дивнымъ поэтическимъ полетомъ, своимъ господствомъ на православномъ Востокѣ. Это—текстъ греческій. Возникшій на зарѣ зарождающагося христіанства, онъ озарилъ всѣ чаянія, въ трепетныхъ образахъ носившіяся передъ вѣщимъ духомъ Пророка, сознаніемъ ихъ исполненія. Въ передачѣ всего богатаго содержанія подлинника онъ изобилуетъ красотами, подлиннику этому чуждыми. Словесныя неточности, синтаксическія отступленія, неясности, происшедшія отъ замѣны собственныхъ именъ нарицательными, отъ стремленія буквально передать

поэтическіе обороты языка первобытнаго на богатѣйшій формами и оттѣнками изъ языковъ человѣческихъ,— все это совершенно исчезаетъ передъ изяществомъ и мощью цѣлаго, передъ постояннымъ одухотвореніемъ текста, передъ постояннымъ расширеніемъ его смысла въ просторѣ христіанской истины.

И этотъ-то текстъ, съ изумительною точностію, съ вдохновенною смѣлостію былъ переложенъ на языкъ юный и свѣжій, но богатый и гибкій, при этомъ впервые вошедшій въ полную свою силу, и переводъ этотъ наложилъ на юный языкъ неизгладимую печать. Языкъ этотъ сдѣлался книжнымъ языкомъ великаго христіанскаго народа и до сихъ поръ остается живымъ элементомъ русской рѣчи, письменной и устной.

Самый же переводъ сталъ однимъ изъ величайшихъ сокровищъ этого великаго народа. Каждое его слово, постоянно звучащее въ торжественныя минуты общественнаго богослуженія, своеобразный ритмъ каждаго стиха, закрѣпленный дивными напѣвами прокимновъ, антифоновъ, причастныхъ, срослись со всѣми отголосками сердечной памяти, со всѣми изгибами вѣрующей души. Сколько-нибудь замѣтная переработка церковнославянскаго текста (въ видахъ его разъясненія) въ употребленіи молитвенномъ, церковномъ и домашнемъ, совершенно немыслима. Далѣе измѣненія нѣкоторыхъ окончаній, нѣкоторыхъ знаковъ препинанія—идти невозможно.

И такъ, именно въ этой формѣ, хотя отчасти дѣтскому пониманію недоступной, именно съ церковнославянскимъ текстомъ, освященнымъ вѣками, красотой своею затмѣвающимъ всѣ прочіе, кромѣ греческаго *),

*) Въ этомъ можетъ убѣдиться всякій, отыскавъ излюбленные имъ стихи церковно-славянскаго текста въ переводахъ иноязычныхъ.

обязаны мы освоить сердце и память воспитанниковъ нашей начальной школы.

Значитъ-ли это, чтобы мы въ начальной школѣ должны были ограничиваться механическимъ чтеніемъ Псалтири, донынѣ въ ней преобладающимъ? Нисколько. Въ связи съ чтеніемъ механическимъ можетъ быть подготовлено и подвинуто чтеніе Псалтири сознательное, насколько то позволяетъ краткость учебнаго времени и возрастъ учениковъ.

Для этого уже существуютъ немаловажныя пособія. Св. Синодомъ нынѣ издана учебная Псалтирь, въ коей *на брезѣ* оговорены (на языкѣ церковно-славянскомъ) выраженія самыя затруднительныя и темныя. Число этихъ поясненій могло-бы быть увеличено безъ излишняго обремененія текста. Весьма умѣстнымъ въ Псалтири учебной было бы также приложеніе краткаго словаря реченій и словъ, рѣдко употребляемыхъ.—Еще важнѣе для начальной школы другое изданіе, также синодальное (издательской коммиссіи при Св. Синодѣ). Это—Псалтирь съ толкованіемъ, два первыхъ тома коей вошли въ составъ „Приходской Библіотеки“. Первый томъ, кромѣ обстоятельнаго, превосходнаго предисловія, содержитъ толкованіе псалмовъ, шестопсалмія и богослужебныхъ часовъ. Во второмъ истолкованы подъ-рядъ псалмы трехъ первыхъ каѳизмъ, особенно въ томъ нуждающіеся, такъ какъ эти каѳизмы входятъ въ составъ богослуженія воскреснаго, въ коемъ принимаютъ участіе ученики начальныхъ школъ. Нельзя достаточно благодарить неизвѣстнаго автора этого глубоко-внимательнаго труда, согрѣтаго самымъ искреннимъ благочестіемъ. Первые два тома содержатъ все, что нужно знать учителю для плодотворнаго класснаго чтенія содержащихся въ нихъ псалмовъ; все, что нужно для полнаго уразумѣнія этихъ псалмовъ взрослому грамо-

тею. Остается пожелать благополучнаго окончанія книги, которая, въ полномъ своемъ составѣ, несомнѣнно займетъ мѣсто между любимѣйшими изъ книгъ, истинно народныхъ.

Пока пусть обратятъ на нее усиленное вниманіе сельскіе учителя и радѣтели народной грамотности. Уже та доля толкованій, которая имѣется на-лицо, въ значительной мѣрѣ можетъ облегчить и оживить ихъ трудъ.

Дѣло въ томъ, что хотя время, удѣляемое на механическое чтеніе Псалтири, не можетъ быть уменьшено значительно, нѣкоторая доля его всегда можетъ быть удѣлена на объяснительное чтеніе псалмовъ избранныхъ. Выборъ же для этой цѣли псалмовъ долженъ быть сообразованъ съ возрастомъ и степенью развитія учениковъ. На ряду съ псалмами, пониманіе коихъ болѣе или менѣе затруднительно, псалмами, требующими объясненій продолжительныхъ и сложныхъ, имѣется не мало такихъ, которые, по своей ясности и краткости, вполнѣ доступны и разумѣнію дѣтскому при толкованіи самомъ элементарномъ *). Великое дѣло, если ученики начальной школы вынесутъ изъ нея *полное* пониманіе хотя бы двухъ-трехъ десятковъ псалмовъ и увѣренность въ возможности достигнуть пониманія и всѣхъ прочихъ.

Само собою разумѣется, что количество псалмовъ, доступныхъ серьезному объяснительному чтенію, значительно расширяется въ двухклассныхъ министерскихъ школахъ, въ возникающихъ нынѣ второклассныхъ школахъ духовнаго вѣдомства. Тутъ могутъ быть прочтены съ полнымъ толкованіемъ и тѣ псалмы, весьма много-

*) Укажу на слѣдующіе: 1, 3, 5, 6, 12, 14, 24, 27, 50, 66, 69, 85, 99, 112, 116, 117, 120, 122, 123, 127, 128, 129, 130, 133, 135, 136, 137, 142, 144, 145, 148, 149, 150, 151.

численные, въ коихъ существенное затрудненіе составляютъ два-три стиха, остальное же почти непосредственно понятно. Тутъ время позволитъ остановиться на такихъ особенно темныхъ мѣстахъ и терпѣливо добиться полнаго усвоенія ихъ смысла учащимися.

Но прочный успѣхъ, истинная плодотворность такого объяснительнаго чтенія, зависитъ отъ условія, выходящаго изъ области всякихъ методовъ, всякихъ программъ. Условіе это—любовь учителя къ Псалтири, чуткость его къ дивнымъ красотамъ псалмовъ. Умственное развитіе, богословское образованіе могутъ укрѣпить эту любовь, изощрить эту чуткость. Но коренится и то и другое въ духовномъ и жизненномъ строѣ учителя, въ искренности и прочности его связи съ Церковью. Касаюсь тутъ вещей, слишкомъ часто лежащихъ внѣ власти заправителей и радѣтелей школьнаго дѣла, но о важности коихъ нельзя достаточно напоминать. Въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всѣхъ прочихъ сторонахъ школьной жизни, личность учителя—факторъ столь важный, что никогда не слѣдуетъ о немъ забывать. Воспитаніе этой личности, сохраненіе ея отъ вліяній тлетворныхъ лежитъ не только на отвѣтственности учебныхъ заведеній, но въ еще бо́льшей мѣрѣ на совѣсти общества, отъ коего зависитъ учитель, которое всегда налагаетъ свою печать на его неполное образованіе, на характеръ его дѣятельности, съ юныхъ лѣтъ столь неизмѣримо отвѣтственной.

Да простятъ мнѣ читатели это невольное и лишь кажущееся отступленіе. Вернемся къ Псалтири.

Мальчикъ, научившійся въ школѣ, хотя механически, но бѣгло и истово, читать Псалтирь, не разстанется съ нею до гроба. Случалось ли вамъ, при вынужденной ночевкѣ въ крестьянской избѣ, осмотрѣвъ отъ скуки всю скудную ея обстановку, раскрыть ту един-

ственную книгу, въ почернѣвшемъ отъ времени переплетѣ, которая лежитъ подъ полкой съ образами? Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, эта книга—Псалтирь. Запятнаны ея страницы, обтерты ихъ углы. Но не одна грязь мозолистыхъ рукъ оставила эти пятна. Тутъ есть капли воска, есть капли слезъ, медленно падавшія на эти страницы во время долгихъ ночныхъ чтеній по дорогимъ покойникамъ. Не разсѣянною небрежностью истрепаны эти углы; но благоговѣйнымъ переворачиваніемъ этихъ страницъ, быть можетъ, многими поколѣніями. И при всякомъ чтеніи, для чтеца, по мѣрѣ его умственнаго и нравственнаго роста, яркимъ пламенемъ вспыхивалъ внутренній смыслъ того или другаго речения, до тѣхъ поръ для него непонятнаго; и съ каждымъ чтеніемъ дороже становилась ему старая книга, лежащая подъ образами...

И есть не мало крестьянъ, которые не довольствуются этимъ медленнымъ, неполнымъ проникновеніемъ въ смыслъ священной книги, которые жадно хватаются за всякое объясненіе псалмовъ, не пугаются и громоздкаго толкованія Зигабена. Громадный успѣхъ, выпавшій на долю доброй книжечки покойнаго о. Іоанна Наумовича: *Четыре путеводителя къ доброй жизни*, въ значительной мѣрѣ обусловленъ тѣмъ, что она начинается съ мастерскаго толкованія псалма 90-го.

Не налагаетъ-ли все это на начальную школу священную обязанность—если не сообщить своимъ питомцамъ полное пониманіе Псалтири, то ввести ихъ въ это пониманіе. Скуденъ запасъ времени, коимъ она для этого располагаетъ, но онъ, дастъ Богъ, постепенно расширится. Дѣло это требуетъ усиленнаго вниманія и любви, и постояннаго памятованія о томъ, что успѣхъ недостижимъ безъ твердой техники церковнославянскаго чтенія. Только она обезпечиваетъ въ бу-

дущемъ безпрестанное перечитываніе, въ церкви и дома, отдѣльныхъ псалмовъ и всей Псалтири, и только это перечитываніе можетъ сохранить въ памяти школьныя толкованія, можетъ постоянно побуждать умъ проникнуть глубже въ реченія, въ школѣ не истолкованныя.

Именно теперь тѣснятся въ умѣ эти мысли, ибо наступила осень—эта весна школьнаго года. Въ двери старыхъ школъ тѣснятся новые ученики, съ каждымъ годомъ болѣе многочисленные, болѣе подготовленные къ школьному ученію примѣромъ старшихъ товарищей и братьевъ, все чаще приносящіе съ собой первые начатки грамотности. Множество взрослыхъ юношей начинаютъ свое учительское поприще. Въ бо́льшемъ, чѣмъ когда-либо, количествѣ открываются школы новыя, типовъ и степеней самыхъ разнообразныхъ, начиная съ церквей-школъ, сооруженныхъ богатыми благотворителями при щедрой помощи отъ Св. Синода; съ школъ второклассныхъ, въ невиданныхъ доселѣ школьныхъ зданіяхъ, съ полуторатысячнымъ бюджетомъ, и кончая убогими школами грамотности, безъ собственнаго помѣщенія, безъ самыхъ элементарныхъ учебныхъ пособій, съ денежными средствами самыми скудными и гадательными... Сколько посѣвовъ, требующихъ самыхъ неусыпныхъ, самыхъ разнообразныхъ заботъ не только со стороны лицъ, учащихъ и начальствующихъ, но и со стороны всякаго, у кого на глазахъ брошены въ землю эти посѣвы, и кто способенъ понять, что̀ зависитъ отъ успѣха ожидаемой жатвы!

На памяти людей, едва достигшихъ старости, возникъ весь этотъ школьный міръ. На ихъ глазахъ возрасли, опредѣлились, осложнились требованія, кои ста-

вятся школѣ начальной. Благодареніе Богу! Среди всѣхъ колебаній общественной мысли, среди всѣхъ экспериментовъ, столь часто легкомысленныхъ, подчасъ и преступныхъ, не померкло ни въ сознаніи лучшихъ людей, ни въ предначертаніяхъ Правительства—требованіе главное, требованіе тѣсной, живой связи школы съ Церковью,—связи, которую не создавать намъ приходится, а только охранять и укрѣплять. Символъ и свидѣтель этой связи, въ нашей начальной школѣ до сихъ поръ царитъ Псалтирь,—и всѣ попытки замѣнить ее иными книгами разбиваются о силу вещей.

Прибавлю, что нигдѣ не царитъ Псалтирь столь безспорно и властно, какъ въ школѣ, созданной народомъ, лишь со вчерашняго дня узаконенной,—въ той школѣ, до которой не доходятъ клеветы и насмѣшки, сыплящіяся на нее въ столичныхъ фельетонахъ—въ деревенской школѣ грамотности.

Школа эта, какъ всякое явленіе самобытное, жизненное, плохо поддается не только огульной оцѣнкѣ, но и самой элементарной статистикѣ.

О качествѣ ея привыкли судить по прежнимъ ея учителямъ—отставнымъ бездомнымъ солдатамъ, изгнаннымъ за пьянство приказнымъ и церковникамъ. Но вѣдь этотъ типъ повсемѣстно и быстро вымираетъ и замѣняется инымъ типомъ, типомъ ученика доброй сельской школы, полюбившаго книжность и предпочитающаго скромный домашній заработокъ шатанію по столицамъ. Учителя этого типа—усерднѣйшіе посѣтители церкви и материнской школы, всѣ добрыя начинанія коей они стараются перенимать и осуществлять въ своей школкѣ, и эта школка нерѣдко идетъ ровнымъ шагомъ съ младшими отдѣленіями материнской школы и переполняетъ старшія ея отдѣленія. О количествѣ-же дѣтей, учащихся въ школахъ грамотности,

не дают и приблизительнаго понятія официальныя данныя. Всѣ эти школы, конечно, хорошо извѣстны мѣстнымъ священникамъ, несущимъ за нихъ отвѣтственность, посѣщаются и поощряются ими. Но официально заявлять о ихъ существованіи священники остерегаются, пока благопріятныя обстоятельства не сложатся въ нѣкоторое ручательство ихъ прочности; ибо заявленіе о существованіи школы равняется обязательству ее поддерживать; вся же она держится на довѣріи однодеревенцевъ къ мѣстному учителю, который можетъ выбыть по тысячѣ непредвидимыхъ причинъ, и коего безъ денегъ не замѣнить.

Вошелъ я, говоря о чтеніи Псалтири, въ эти подробности о мелкихъ школкахъ потому, что школа грамотности, школа деревенская—есть школа по преимуществу псалтирная, и, по силѣ вещей, этого характера утратить не можетъ, а, напротивъ того, поддерживаетъ его во всѣхъ прочихъ сельскихъ школахъ. Вотъ почему въ системѣ нашего начальнаго образованія она играетъ роль незамѣнимую и заслуживаетъ всякаго поощренія и поддержки.

Благодаря ей, становится доступнымъ множеству учащихся и то болѣе полное начальное образованіе, которое даютъ двухклассныя школы Министерства Народнаго Просвѣщенія, будутъ давать второклассныя школы Духовнаго Вѣдомства. Немногіе родители изъ крестьянъ рѣшаются отдавать въ ученіе своихъ дѣтей въ школу отдаленную, въ коей нужно платить за ихъ содержаніе, на долгій, пяти или шести-лѣтній срокъ. Но весьма многіе охотно отдаютъ ихъ въ такую школу года на два, на три, для пополненія уже начатаго обученія.

Будемъ же надѣяться, что эти скромныя школы, излюбленныя народомъ за то именно, что онѣ—псал-

тирныя, впредь найдутъ болѣе справедливую оцѣнку со стороны людей мыслящихъ, болѣе внимательную помощь со стороны благочестивыхъ радѣтелей школьнаго дѣла. Скрыты въ тайнѣ земной глубины корни всякаго дерева. Но о нихъ нужно прежде всего заботиться для того, чтобы дерево принесло и своевременный цвѣтъ, и обильные плоды. Намъ нужны безчисленные дѣятели на тѣхъ ступеняхъ, темныхъ и трудныхъ, съ коихъ начинается восхожденіе отъ мрака къ свѣту. Одушевить ихъ невѣдомый подвигъ можетъ лишь та вѣра, смиренная и твердая, коей учитъ насъ Псалтирь, лишь память о словѣ Спасителя: *царство небесное нудится;* о словахъ Псалмопѣвца: *не вознесеся сердце мое, ниже вознесостѣся очи мои; ниже ходихъ въ великихъ, ниже въ дивныхъ паче мене.*

НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО *).

За послѣдніе годы, въ повременной печати не мало было рѣчи о надѣленіи землею нашихъ сельскихъ школъ, въ видахъ пополненія ихъ скудныхъ матеріальныхъ средствъ, лучшаго обезпеченія нашихъ сельскихъ учителей, а также широкаго распространенія въ крестьянствѣ здравыхъ сельско-хозяйственныхъ понятій, полезныхъ земледѣльческихъ умѣній.

Всѣ эти цѣли прекрасны, и нѣтъ сомнѣнія, что достиженію двухъ первыхъ изъ нихъ можетъ способствовать надѣленіе школъ землею. Примѣръ Соединенныхъ Штатовъ, въ коихъ, при заселеніи всякой новой территоріи, выдѣляется опредѣленная доля ($^1/_{64}$) на школьныя нужды, доказываетъ намъ, что матеріальное благосостояніе школъ, столь щедро надѣленныхъ землею, постепенно и постоянно возрастаетъ, съ естественнымъ возрастаніемъ арендnаго дохода съ ихъ поземельной собственности.

Но не арендными статьями имѣется въ виду обогатить наши школы, а дать нашимъ учителямъ средство

*) *Народное Образованіе,* 1896 г., іюнь.

вести лично самостоятельное хозяйство, для нихъ и для школы прибыльное, для окрестнаго населенія поучительное.

Достиженіе послѣдней цѣли представляетъ трудности, столь великія, что онѣ равняются практической невозможности.

Во всей сѣверной и средней полосѣ Россіи, хозяйство образцовое, немыслимое безъ обильнаго удобренія, требуетъ тщательнаго скотоводства, достаточнаго выгона, и не можетъ быть устроено на участкѣ земли, меньшемъ 40—50 десятинъ. Устройство такого хозяйства и правильное его веденіе требуетъ сильной рабочей семьи, съ опытнымъ земледѣльцемъ во главѣ; на первыхъ же порахъ—немалыхъ затратъ денежныхъ на возведеніе хозяйственныхъ построекъ, на покупку скота и инвентаря, на производство крупныхъ предварительныхъ работъ.

Огромное же большинство нашихъ сельскихъ учителей—люди очень молодые и холостые. Скуднаго ихъ жалованья едва хватаетъ на ихъ содержаніе, и о затратахъ на обзаведеніе хозяйства не можетъ быть и рѣчи. По бо́льшей части, лѣто они даже не проводятъ въ школѣ, а въ семьѣ своихъ родителей, помогая имъ, по мѣрѣ силъ и умѣнія, въ ихъ хозяйственныхъ трудахъ. Весьма многіе изъ нихъ—сыновья крестьянъ, и поэтому знакомы съ хозяйственными пріемами, въ данной мѣстности общеупотребительными. Но въ умѣлости и рабочей силѣ они, естественнымъ образомъ, уступаютъ своимъ неученымъ братьямъ, не покидавшимъ плуга. Прочли они, по бо́льшей части, двѣ-три популярныя хозяйственныя книжки, но эти жалкіе начатки сельскохозяйственнаго знанія, конечно не придаютъ имъ никакого авторитета въ глазахъ хозяевъ практиковъ (грамотные изъ нихъ читаютъ тѣ же книжки); и, прибавлю

къ чести учителей, эта скромная начитанность не возбуждаетъ въ нихъ дерзновенія учить полеводству и скотоводству людей, всю жизнь свою возившихся со скотомъ и пахавшихъ землю. Въ ученикахъ же своихъ они могутъ развѣ возбудить интересъ къ сельско-хозяйственному чтенію. Привлекать ихъ къ участію въ своихъ хозяйственныхъ трудахъ учителю совершенно невозможно, ибо крестьянскія дѣти школьнаго возраста лѣтомъ необходимы семьѣ, какъ постоянные помощники въ хозяйствѣ домашнемъ. Нѣтъ, полагаю, нужды настаивать на томъ, что все сказанное, въ мѣрѣ еще сильнѣйшей, относится къ учительницамъ, составляющимъ столь крупную долю учащихъ въ нашихъ начальныхъ школахъ.

Самое надѣленіе начальныхъ школъ землею, въ количествѣ достаточномъ для веденія полеваго хозяйства, и въ непосредственной близости къ школѣ, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, совершенно невозможно. Школы эти, почти постоянно, тѣсно окружены землями крестьянскими, церковными или помѣщичьими, непосредственно примыкающими къ усадьбамъ, отчужденіе коихъ, въ количествѣ сколько-нибудь значительномъ, безусловно неисполнимо. Министерство Государственныхъ Имуществъ, столь щедрое на удовлетвореніе всякихъ школьныхъ нуждъ, лишь въ рѣдчайшихъ случаяхъ располагаетъ землями, *непосредственно* примыкающими къ школамъ. Этими исключительными случаями, казалось-бы, всего умѣстнѣе было-бы воспользоваться, чтобы столь выгодно расположенныя школы обратить въ сельско-хозяйственныя школы низшаго разряда. Такія школы дѣйствительно могутъ принести не малую пользу, если устроенное при нихъ усовершенствованное хозяйство пойдетъ убѣдительно-успѣшно. Всякое хозяйственное усовершенствованіе, оправданное практикою,

опытомъ и не требующее чрезмѣрныхъ денежныхъ затратъ, нашими крестьянами перенимается охотно. Школа, насаждающая подобныя усовершенствованія, привлечетъ многочисленныхъ учениковъ, если при этомъ будетъ имѣть характеръ церковный. Вспомнимъ Соловки,—эту великую школу благочестія и хозяйственныхъ навыковъ, наложившую свою печать на весь Архангельскій край.

Значитъ-ли все это, чтобы учитель заурядной сельской школы долженъ былъ отказаться отъ всякой хозяйственной дѣятельности, отъ распространенія между своими учениками полезныхъ въ хозяйственномъ отношеніи знаній и навыковъ?

Нисколько. Если ему недоступны полеводство и неразрывно съ нимъ связанное скотоводство, то ему, по счастію, остаются открытыми второстепенныя отрасли сельскаго хозяйства, требующія несравненно меньшихъ участковъ земли, физическаго труда не чрезмѣрнаго, дающія обильную пищу уму и любознательности, могущія дать и немалую денежную прибыль. Говорю — по счастію, ибо длинное вакаціонное время учителямъ необходимо наполнять трудомъ разумнымъ, полезнымъ и для нихъ, и для окружающей среды.

Эти второстепенныя отрасли хозяйственной дѣятельности: огородничество, плодоводство, пчеловодство.

Прежде всего, занятія этими отраслями хозяйства требуютъ клочка земли ничтожнаго. Цѣлая десятина для нихъ уже составляетъ роскошь. Вполнѣ достаточно и половины, и трети десятины. Впрочемъ, долгая возня со школами убѣдила меня въ томъ, что и такое количество земли во многихъ случаяхъ добыть не легко, даже невозможно, когда школу обступаютъ крестьянскіе

надѣлы. Исключеніе составляютъ школы, стоящія на землѣ церковной. Тутъ, безъ всякаго отчужденія, безъ всякихъ формальностей, причтами постоянно отводится подъ школьный огородъ потребный клочекъ земли, и это—великое удобство. Само собою разумѣется, что такая уступка можетъ считаться безповоротною только относительно школъ церковно-приходскихъ. Эти же школы пока—единственныя, коимъ съ пользою могутъ быть подарены плодовыя деревья и ульи. Учителя, какъ извѣстно, въ нашихъ сельскихъ школахъ слишкомъ часто мѣняются. Пасѣка, и въ особенности плодовый садъ, требуютъ долгихъ лѣтъ, чтобы сдѣлаться доходными, и нуждаются въ призорѣ непрерывномъ. При перемѣнахъ учителей, школа, сплошь и рядомъ, цѣлое лѣто остается необитаемою. Поэтому, помимо трудовъ учителя, за пасѣкою и плодовыми деревьями необходимъ надзоръ лица, болѣе прочно привязаннаго къ мѣсту; а такимъ лицомъ можетъ быть только священникъ, или иной членъ причта. Въ школахъ земскихъ я постоянно былъ вынужденъ дарить и саженцы, и ульи—лично учителю, ибо, помимо его, охранять это имущество некому.

Первое дѣло, къ коему приступаетъ учитель, когда въ распоряженіе его поступаетъ огородъ,—конечно разведеніе овощей, необходимыхъ для его зимняго пропитанія. То малое количество картофеля и капусты, лука и рѣпы, въ коемъ онъ лично нуждается, вырастить ему всегда удастся. Потребное для этого количество удобренія онъ такъ или иначе добудетъ. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда учитель женатъ и имѣетъ возможность держать корову, дѣло, разумѣется, пойдетъ успѣшнѣе. Но этимъ, по силѣ вещей, и ограничится его огород-

ническая дѣятельность. Развести огородъ, дающій денежный доходъ, могущій служить образцомъ для подражанія, ему непосильно.

Дѣло въ томъ, что огородничество, прибыльное и образцовое, помимо тщательной и умѣлой обработки почвы, требуетъ обильнаго удобренія и орошенія. При огородѣ, сколько-нибудь обширномъ, первое учителю недоступно за недостаткомъ удобрительнаго матеріала; второе ему непосильно по количеству физическаго труда, сопряженнаго съ поливкою. Вѣдь воду приходится таскать изъ колодца, часто глубокаго, и количество ея, потребное для достаточной поливки, въ сухую погоду, обширнаго огорода, по истинѣ громадно. Вотъ почему, въ нашихъ сельскихъ огородахъ, кромѣ расположенныхъ на почвахъ естественно влажныхъ, капуста и прочія овощи родятся лишь *подъ годъ*, т. е. даютъ обильный урожай лишь при обиліи и счастливомъ распредѣленіи лѣтнихъ дождей.

Легче для учителя увеличить, въ нѣкоторой мѣрѣ, количество доступнаго ему удобренія. Для этого открыты ему два средства.

Пишущій эти строки двѣнадцать лѣтъ сряду жилъ въ сельской школѣ и копался въ ея огородѣ. Именно—копался, ибо тяжкій недугъ не позволялъ ему никакихъ значительныхъ физическихъ усилій. Школа эта, какъ большинство сельскихъ школъ, расположена близъ церкви, отъ которой отдѣлена площадкою; на площадкѣ этой, четыре раза въ году, происходятъ самыя скромныя ярмарки. На ней же ставятся подводы, на коихъ пріѣзжаютъ въ церковь богомольцы и въ школу разныя лица, имѣющія дѣло до нея и до учителей. Вслѣдствіе этого, на площадкѣ накопляется не малое количество навоза. Весною этотъ навозъ приходится свозить на огородъ цѣлыми возами. Оставленный на мѣстѣ, онъ

не только пропадалъ бы даромъ, но заражалъ бы воздухъ и превратилъ бы площадку въ поле крапивы и лопуховъ. Поэтому я, пока жилъ въ школѣ, въ лѣтнее время ежедневно собиралъ съ площадки навозъ и сносилъ его на огородъ, въ навозную кучу (нынѣ намѣренъ замѣнить ее ямою). Трудъ этотъ совершенно ничтожный, и оказывался нѣсколько утомительнымъ лишь на другой день послѣ храмовыхъ праздниковъ. Результаты же его—самые удовлетворительные. Площадка всегда суха и чиста, и заростаетъ лишь низкою муравою. Почва огорода, первоначально весьма тощая, стала прекрасною.

Другой источникъ удобренія, и удобренія высшаго качества, представляютъ школьныя отхожія мѣста, самаго первобытнаго устройства. Надъ двумя ямами, вырытыми рядомъ, обложенными досками, ставится небольшой срубецъ. Въ полу, надъ одною изъ ямъ, два отверстія, окруженныя невысокими стоячими досками. На сплошномъ полу, покрывающемъ другую яму, складывается небольшой запасъ сухаго торфу, или торфяной земли, и отъ времени до времени всыпается въ отверстія. За неимѣніемъ земли торфяной, можетъ быть употреблена всякая сухая земля. Черезъ годъ полъ перестилается, такъ что отверстія приходятся надъ другою ямою. Черезъ два года, вся постройка переносится и ставится надъ другими двумя ямами. Содержимое ямъ чрезъ годъ или два, смотря по погодѣ, превращается въ превосходный удобрительный матеріалъ, почти безъ запаха, и вывозится на огородъ, послѣ чего срубецъ вновь ставится надъ опорожненными ямами.

Смѣло можно сказать, что удобренія изъ этихъ двухъ источниковъ болѣе чѣмъ достаточно на площадь земли, обработка коей посильна одному человѣку.

Все вышеизложенное, конечно, относится къ нечерно-

земнымъ областямъ Россіи. О томъ, что можетъ быть достигнуто на черноземѣ, не могу позволить себѣ сужденія. Но полагаю, что и тутъ препятствіемъ къ болѣе широкому развитію дѣла окажется невозможность, кромѣ случаевъ исключительныхъ, достаточнаго орошенія.

Итакъ, занятія огородничествомъ доступны учителю лишь въ скромныхъ, хотя для него лично и весьма полезныхъ размѣрахъ; но заурядная сельская школа не можетъ стать школою огородничества усовершенствованнаго, денежно-прибыльнаго.

Впрочемъ, этимъ еще не сказано, чтобы въ школьномъ огородѣ не была возможна и работа поучительная. Всякій сельскій учитель, любознательный и дѣятельный, охотно удѣлитъ въ своемъ огородѣ двѣ-три грядки на пробное разведеніе хозяйственныхъ растеній, новыхъ, или въ данной мѣстности мало извѣстныхъ. Если въ сельской средѣ мало возбуждаютъ интереса нѣжныя овощи, служащія болѣе приправою, чѣмъ пищею, то нельзя сказать того-же самаго о ягодахъ, и еще болѣе о растеніяхъ кормовыхъ, количество коихъ ежегодно увеличивается, причемъ испытаніе ихъ культуры имѣетъ значительную практическую важность.

Въ нашемъ огородѣ постоянно разводились разныя породы земляники и клубники, и ежегодно оказывались охотники брать у насъ молодыя растеньица. Предпринятъ и опытъ разведенія мамуры (поленика — Rubus arcticus). Культура этой ягоды, едвали не лучшей изъ всѣхъ для варенья и наливки, можетъ получить значеніе въ сѣверной полосѣ Россіи.

Но еще важнѣе, чѣмъ культура ягодъ, предварительное ознакомленіе съ культурою новыхъ кормовыхъ растеній. Изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ лѣсная чина (Lathyrus sylvestris) по удивительной своей долговѣчности и потому что она—растеніе, въ средней

и сѣверной Россіи дикорастущее, слѣдовательно къ нашему климату вполнѣ приспособленное. Первый опытъ съ этимъ растеніемъ у насъ претерпѣлъ неудачу, а именно при пересадкѣ въ поле, которая должна производиться весьма тщательно (выжили только экземпляры, пересаженные мною собственноручно). Но опытъ будетъ повторенъ, и въ огородѣ будетъ постоянно занято чиною пространство между яблонями (рѣдко разсаженными). Сверхъ прочихъ своихъ достоинствъ, чина оказалась превосходнымъ медоноснымъ растеніемъ, посѣщаемомъ, во время цвѣтенія, цѣлыми роями пчелъ. Разведеніе ея изъ сѣмянъ довольно кропотливо; но опытъ доказалъ мнѣ, что она превосходно размножается и отводками, что значительно можетъ облегчить дѣло.

Очень много рѣчи за послѣднее время было также о кормовыхъ гречихахъ. Признаюсь, что на гречиху Сахалинскую (Polygonum Sachalinense) пока возлагаю мало надеждъ. На почву она довольно прихотлива. Ѣдятъ ее коровы не совсѣмъ охотно, какъ бы только изъ учтивости. Но, разумѣется, нужны дальнѣйшіе опыты. Гречиху Вейрихову (Polygonum Weirichii), посѣянную лишь въ прошломъ году, еще предстоитъ испытать.

Возможны въ школьномъ огородѣ и опыты самостоятельные. Весьма можетъ быть, что удобными для культуры, въ качествѣ кормовыхъ, окажутся и иныя наши дикорастущія растенія. Такъ, напримѣръ, наша луговая чина (Lathyrus pratensis), представляющая кормовой матеріалъ несомнѣнно пригодный, также отличается значительною долговѣчностію (мнѣ извѣстны экземпляры 25-лѣтніе). Опыты надъ нею мною начаты, и умноженіе подобныхъ опытовъ желательно.

Гораздо болѣе пользы, чѣмъ огородъ, можетъ принести и учителю, и школѣ плодовый садъ, въ соедине-

ніи съ питомникомъ. И хорошіе зимніе яблоки, и привитые саженцы имѣютъ вѣрный, постоянный сбытъ. Растенія древесныя требуютъ и менѣе обильнаго удобренія, и менѣе усиленной поливки, чѣмъ травянистыя овощи, и поэтому плодоводство доступно учителю въ размѣрахъ нѣсколько болѣе обширныхъ, чѣмъ огородничество. Трудъ, положенный на плодовый садъ, вознаграждается гораздо медленнѣе труда, положеннаго на огородъ, но зато вознаграждается вѣрнѣе и обильнѣе. Главнымъ препятствіемъ къ развитію у насъ школьнаго плодоводства нужно считать кратковременность учительской службы и слишкомъ частые переходы учителей съ мѣста на мѣсто. Трудно заинтересоваться школьнымъ садомъ учителю, не увѣренному въ томъ, что онъ, хотя-бы десятокъ лѣтъ, останется на мѣстѣ. Въ особенности *заводить* такой садъ можетъ представиться выгоднымъ развѣ учителю, состоящему членомъ мѣстнаго причта.

Между тѣмъ, размноженіе школьныхъ садовъ особенно желательно, и не только въ виду приносимой ими школамъ непосредственной матеріальной выгоды. Желательно насажденіе плодоводства и въ крестьянской средѣ, и это по причинамъ, какъ экономическимъ, такъ и нравственнымъ. Начинаетъ оно прививаться въ хозяйствахъ крестьянъ, владѣющихъ личною собственностію. Мнѣ извѣстенъ, въ Вяземскомъ уѣздѣ, энергическій молодой крестьянинъ-собственникъ, устроившій на своей землѣ громадный питомникъ и съ выгодою продающій, по цѣнамъ крайне дешевымъ, дички и молодыя прививки плодовыхъ деревьевъ *). Но въ деревняхъ,

*) Рекомендую его заведеніе школамъ, расположеннымъ въ районѣ Московско-Брестской желѣзной дороги. Адресъ: *Иванъ Ивановичъ Латышевъ*, станція Извѣтково, Московско-Брестской желѣзной дороги.

въ коихъ оно не составляетъ изстари прибыточнаго промысла, плодоводство прививается туго. Одна изъ причинъ тому—частые семейные раздѣлы, заставляющіе занимать часть огородной земли новыми постройками и вообще стѣсняющіе огороды. Другая причина еще болѣе прискорбна. Это—легкомысленное отношеніе къ воровству плодовъ не только дѣтьми, но и взрослыми. Сельская школа обязана бороться противъ этого зла, съ одной стороны указывая на серьезное экономическое значеніе плодоводства, съ другой стороны искореняя въ своихъ питомцахъ склонность ко всякому, даже самому мелкому, воровству.

Въ мѣстностяхъ, близкихъ къ городамъ и желѣзнымъ дорогамъ, конечно, съ такою же пользою, какъ плодовыя деревья, могли бы въ школьныхъ садахъ разводиться ягодные кусты.

Въ высшей степени важно школьное плодоводство и какъ подспорье къ школьному пчеловодству. Никакія растенія не даютъ пчеламъ столь обильнаго весенняго взятка, какъ плодовыя деревья и ягодные кусты.

Пчеловодство — несомнѣнно хозяйственное занятіе наиболѣе сподручное и выгодное для сельскаго учителя. Тутъ не только обработку сыраго матеріала, какъ при культурѣ растеній, беретъ на себя сама природа, но и добываніе этого матеріала, посредствомъ дивнаго инстинкта пчелъ. Великій даръ Божій—трудъ этихъ неутомимыхъ тварей на пользу человѣка, и не даромъ церковь признала душистый воскъ, изящный вѣнецъ этой дивной работы, лучшимъ символомъ благодарственнаго обращенія къ Богу!

Человѣку ввѣряется только охраненіе этой работы и управленіе ею. Управленіе это, въ рамочномъ пчеловод-

ствѣ, доведено до высокой степени совершенства и даетъ неистощимую пищу уму, любознательности, изобрѣтательности внимательнаго пчеловода. Въ то же время, пчеловодство усовершенствованное, при тщательно пріобрѣтенной умѣлости, даетъ прибыль скромную, но вѣрную, въ размѣрахъ, для сельскаго учителя весьма существенныхъ.

Совѣтую только всякому начинающему пчеловоду, прежде чѣмъ приступать къ пчеловодству рамочному, завести себѣ улей или два того первобытнаго устройства, которое въ данной мѣстности употребительно, для того, чтобы въ затруднительныхъ случаяхъ имѣть возможность пользоваться указаніями и помощію опытныхъ мѣстныхъ пчеловодовъ. Лишь освоившись съ пчелами, полезно приступить къ изученію усовершенствованныхъ методовъ, и это въ пасѣкѣ, по возможности близкой къ собственному мѣсту жительства. Выборъ системы ульевъ, пріемы ихъ зимняго сохраненія, во многомъ зависятъ отъ мѣстнаго климата, и пригодность того или другаго устройства, тѣхъ или иныхъ пріемовъ, выясняется только изъ мѣстной практики.

Овладѣвъ же практикою рамочнаго пчеловодства, учитель можетъ принести великую пользу и ученикамъ своимъ и всему своему околотку. Пчеловодство — на Руси дѣло исконное, излюбленное, но во многихъ мѣстностяхъ оно пришло въ значительный упадокъ. Оживить, воскресить его въ формахъ новыхъ, обезпечивающихъ лучшій успѣхъ, было бы дѣломъ истинно добрымъ. Можно надѣяться, что такому оживленію будетъ способствовать и повсемѣстное, правильное устройство епархіальныхъ свѣчныхъ заводовъ, поднимая цѣны на воскъ, нынѣ угнетаемыя многочисленными суррогатами, коими портятъ церковныя свѣчи безсовѣстные промышленники.

И такъ, не подлежитъ сомнѣнію, что и помимо полеваго хозяйства, сельскому учителю непосильнаго, онъ можетъ, хозяйственными трудами, значительно украсить свою скромную жизнь. Къ такимъ трудамъ даютъ и полную возможность, и постоянное побужденіе длинныя лѣтнія вакаціи, слишкомъ часто для него протекающія безплодно. И, что̀ еще важнѣе, этими трудами онъ можетъ принести немалую пользу, матеріальную и нравственную, и своимъ ученикамъ, и ихъ родителямъ. Послѣдніе къ его словамъ могутъ относиться недовѣрчиво, но всегда оцѣнятъ всякое заправское дѣло, совершаемое имъ съ любовію, умѣніемъ и успѣхомъ.

Конечно, въ этомъ дѣлѣ учителямъ нужна помощь. Но добрые радѣтели школьнаго дѣла поймутъ, сколь цѣнный подарокъ для всякаго сельскаго учителя, для всякой сельской школы—два-три улья, два-три десятка плодовыхъ деревьевъ. Умножатся, Богъ дастъ, и средства практическаго ознакомленія съ пчеловодствомъ и плодоводствомъ. Не только во всякой губерніи, но и во всякомъ уѣздѣ желательна образцовая пасѣка, соединенная съ образцовымъ плодовымъ садомъ, и приспособленная къ практическому наученію мѣстныхъ учителей пчеловодству и садоводству. Этимъ отраслямъ хозяйства не научатъ ни популярныя книжки, ни краткосрочные курсы, а можетъ научить только личный трудъ, подъ руководствомъ свѣдущаго практика. Учитель же, прошедшій такую практическую школу, извлечетъ истинную пользу изъ всякой дѣльной лекціи, изъ всякой основательной книги о предметахъ, ему уже близкихъ.

Въ высшей степени желательно, чтобы на эту сторону школьнаго дѣла обратили особое вниманіе священники, при церквахъ коихъ имѣются церковныя школы разныхъ наименованій. Они всегда имѣютъ воз-

можность пригородить къ своей школѣ требуемый небольшой участокъ земли; они одни имѣютъ возможность поддерживать дѣло и при неизбѣжныхъ пока частыхъ перемѣнахъ учителей; многіе изъ нихъ практически знакомы и съ пчеловодствомъ, и съ плодоводствомъ; всѣмъ имъ должны быть дороги завѣты незабвеннаго о. Іоанна Наумовича, столь много потрудившагося, между прочимъ, надъ распространеніемъ осмысленной любви къ пчеламъ, надъ насажденіемъ всякаго разумнаго сельскаго труда.

ШКОЛЬНОЕ ЦВѢТОВОДСТВО *).

Разъѣзжая по немѣреннымъ проселкамъ нашей уѣздной глуши, невольно всматриваешься въ однообразные ряды сѣренькихъ избъ, составляющихъ наши захолустныя деревни. Радуешься, когда между этими избами попадется на глаза построечка болѣе тщательная, обшитая тесомъ, украшенная затѣйливою рѣзьбою, съ чистыми окнами достаточныхъ размѣровъ. Радуешься, если при этой постройкѣ усмотришь нѣсколько яблонь и вишень, старую уцѣлѣвшую липу. Еще болѣе радуешься, когда передъ домикомъ увидишь скромный палисадничекъ, съ двумя-тремя георгинами, съ двумя-тремя кустиками сирени или дикаго жасмина, когда изъ оконъ выглядываютъ яркіе цвѣточки. Это, обыкновенно, гераніи, жадно протягивающіе къ свѣту свои глазастые вѣнчики, олеандръ, наклонившій къ окну свою вершину, обремененную розовыми цвѣтами, пятнистыя петуніи. Встрѣчаются и растенія, менѣе обыкновенныя, добытыя изъ оранжерей сосѣдняго помѣщика, подаренныя городскимъ пріятелемъ. Съ отрадою по-

*) *Народное Образованіе*, 1896 г., іюль.

думаешь, что тутъ живутъ люди, коимъ добываніе хлѣба насущнаго оставляетъ минуты досуга и кои не о хлѣбѣ единомъ живутъ.

Датскій ботаникъ Скоу (Schoun) говоритъ, что гдѣ на окнахъ красуются цвѣты—въ домѣ непремѣнно найдется и полочка съ книгами. Примѣта эта приложима и къ нашей глуши. Если не полочка съ книгами, то въ домикѣ, радующемъ нашъ взоръ цвѣтами на окнахъ, непремѣнно найдется на столикѣ подъ божницею Псалтирь, Новый Завѣтъ, два-три акаѳиста, а по разнымъ угламъ—разныя другія книжицы, пріобрѣтенныя болѣе или менѣе случайно.

Рѣдко въ такомъ домикѣ живетъ заурядный крестьянинъ. По большей части живетъ въ немъ причетникъ, сельскій торговецъ, ремесленникъ, случайно поселившійся въ деревнѣ, или—сельскій учитель. Тѣмъ не менѣе, благодаря главнымъ образомъ послѣднему, количество цвѣточковъ на окнахъ замѣтно возрастаетъ. Давно живу на свѣтѣ, давно разъѣзжаю по захолустьямъ, давно заглядываю въ окна деревенскихъ избъ.

Явленіе мелкое, и, въ глазахъ многихъ, быть можетъ не заслуживающее вниманія. Тѣмъ не менѣе оно, наряду со многими другими, не лишено серьезнаго значенія. Любовь къ природѣ, пониманіе ея красотъ—одинъ изъ лучшихъ плодовъ истиннаго образованія, и все, что питаетъ эту любовь, расширяетъ это пониманіе, должно намъ быть близко и дорого. Самое *познаніе* природныхъ явленій, въ широкихъ размѣрахъ доступное не многимъ, въ предѣлахъ ограниченныхъ доступно всякому. Близкое знакомство съ формами и условіями жизни хотя немногихъ растеній есть знаніе дѣйствительно полезное; а такое знаніе дается именно ихъ культурою, безъ которой невозможны и плодотворныя изслѣдованія въ высшихъ сферахъ науки. Вмѣстѣ съ

тѣмъ, внимательная культура этихъ немногихъ растеній неминуемо возбуждаетъ наше вниманіе и ко множеству растеній некультурныхъ, окружающихъ насъ, къ мѣстной флорѣ, всегда, въ связи съ мѣстнымъ міромъ животныхъ, составляющей стройное цѣлое, исполненное разнообразныхъ поученій. Только этимъ путемъ, а не устнымъ и книжнымъ преподаваніемъ общихъ обзоровъ природныхъ явленій и основанныхъ на нихъ теорій—преподаваніемъ въ начальной школѣ невозможнымъ, въ средней безплоднымъ, могутъ быть привиты знанія о природѣ, хотя ограниченныя, но дѣйствительныя, хотя скромныя, но полезныя, людямъ, не имѣющимъ ни времени, ни возможности подняться до созерцанія всей безграничной области естественныхъ наукъ.

Вотъ почему драгоцѣнны и любезны попытки сельскихъ учителей украсить свою школу, обсадивъ ее обильно-цвѣтущими кустами и растеніями, свое училище—хоть какою нибудь, и зимою неувядающею зеленью, свою жизнь—занятіемъ поучительнымъ и изящнымъ. Рѣдкій учитель не предпринимаетъ чего-либо подобнаго, и полагаю, что бесѣда на эту тему будетъ по сердцу многимъ изъ нихъ.

Конечно—великое дѣло для учителя, занимающагося садоводствомъ, имѣть въ своемъ распоряженіи, кромѣ огорода, маленькій, плотно огороженный палисадникъ, непосредственно примыкающій къ школѣ. Размѣры такого палисадника всегда очень ограничены, но по этому самому имѣется возможность содержать его въ порядкѣ. Съ другой стороны, ограниченность пространства заставляетъ озаботиться тщательнымъ выборомъ растеній, наиболѣе благодарныхъ и интересныхъ.

Прежде всего, въ такомъ маленькомъ палисадникѣ нужно воздержаться отъ посадки, не только деревьевъ,

но и крупныхъ кустовъ, которые неминуемо затемнили бы школу и заглушили бы прочія растенія, болѣе мелкія. Какъ ни красивы сирень, татарская жимолость, дикій жасминъ, нужно помнить, что посадка ихъ умѣстна лишь при просторѣ, довольно значительномъ.

Изъ кустовъ, главное вниманіе должно быть обращено на розы. Количество ихъ породъ безчисленно, и степень ихъ выносливости весьма разнообразна. Совѣтую сажать лишь тѣ розы, которыя въ данной мѣстности уже оказались выносливыми. Безусловно могу рекомендовать лишь японскую—Rosa rugosa, слывущую подъ названіемъ Царицы Сѣвера. Эта роза и въ сѣверной полосѣ Россіи, безъ всякой покрышки, *нисколько* не страдаетъ отъ морозовъ. Притомъ она цвѣтетъ два раза въ лѣто, въ іюнѣ и въ августѣ—сентябрѣ, нерѣдко и въ промежутокъ между этими двумя сроками производитъ отдѣльные цвѣты. Въ прошломъ году она цвѣла (въ Смоленской губерніи) до 1 октября. Цвѣты—вишневаго цвѣта, крупные, махровые и очень душистые. Пускаетъ она отъ корней многочисленные отростки, и потому легко размножается.

Изъ прочихъ кустовъ, не достигающихъ крупныхъ размѣровъ, назову дикорастущее въ нашихъ лѣсахъ волчье лыко (Daphne Mezereum), цвѣтущее самою раннею весною, сѣверо-американскую вѣчно-зеленую Магонію (Mahonia aquifolium), японскую волжанку (Spirasa callosa), обыкновенный дрокъ (Genista tinctoria), сибирскую лапчатку (Potentilla fruticosa), цвѣтущую все лѣто. Этотъ списокъ могъ бы быть значительно расширенъ. Ограничиваюсь пока тѣми кустарниками, культура коихъ не представляетъ никакихъ затрудненій, которые легко размножаются сѣменами (посѣянными въ грунтъ) и могутъ быть куплены за недорогую цѣну.

Своеобразную красоту школьному садику могутъ

придать кустарники вѣчно-зеленые, въ особенности раннею весною и позднею осенью. Первое мѣсто между ними занимаютъ кустарники хвойные. Но они, по большей части, для школьнаго садика, слишкомъ крупны. Не говорю уже о хвойныхъ деревьяхъ. Однако, нѣкоторые негніючки (Thuja Warreana, globosa compacta) и казацкій можжевельникъ (Iuniperus Sabina) нашли бы въ немъ мѣсто. Лиственные вѣчно-зеленые кустарники, переносящіе нашъ климатъ, всѣ роста невысокаго и у насъ зимуютъ подъ снѣгомъ, какъ наша брусника, какъ наши лѣсные грушанки, придающія, весною и осенью, такую красоту нашей лѣсной почвѣ, въ сочетаніи съ золотистою зеленью мховъ, но не переносящіе культуры въ садовой землѣ, внѣ лѣснаго полусвѣта. Кромѣ уже названной магоніи, можно рекомендовать полутравянистый барвинокъ (Vinca minor), покрывающій почву вѣчно-зеленымъ ковромъ, усѣяннымъ весною свѣтло-синими цвѣтами, и самшитъ (Buxus sempervirens). Это южно-европейское деревцо, составляющее одно изъ главныхъ богатствъ Кавказа, такъ какъ оно даетъ столь цѣнное пальмовое дерево, у насъ можетъ быть употреблено лишь въ видѣ бордюра, вышиною не болѣе восьми вершковъ. Самшитъ имѣетъ неоцѣненное свойство при тщательной стрижкѣ принимать любую форму, и весною выходитъ изъ подъ снѣга въ полномъ блескѣ своей густой зелени. Въ сѣверной полосѣ Россіи онъ и подъ снѣгомъ страдаетъ, но въ средней зимуетъ хорошо*).

*) Самшитъ продается сотнями, по недорогимъ цѣнамъ, въ великолѣпномъ цитомникѣ гг. Уваровыхъ (с. Порѣчье, Можайскаго уѣзда). Тутъ же имѣются въ продажѣ многочисленные декоративные кустарники и деревья, въ экземплярахъ превосходныхъ. Еще болѣе богатый выборъ всякихъ воздушныхъ растеній представляетъ садовое заведеніе Регеля и Кессельринга, въ Петербургѣ.—Само собою разумѣется, что *выписка* деревъ и кустарниковъ огромному большинству учителей непосильна. Дѣло гг. попечителей—школамъ ихъ *дарить*.

Для того, чтобы школьный садикъ не былъ лишенъ болѣе крупныхъ массъ зелени, умѣстно одѣть стѣны школы вьющимися растеніями. Между ними, по сильному росту и выносливости, первое мѣсто занимаетъ сѣверо-американскій дикій виноградъ (Ampelopsis quinquefolia). Еще роскошнѣе зелень винограда амурскаго (Vitis amurensis). Но его лозы слѣдуетъ на зиму класть на землю и прикрывать еловою чащею. Для стѣнъ, обращенныхъ къ сѣверу, особенно удобенъ сибирскій лунносѣменникъ (Menispermum dahuricum). Изъ вьющихся растеній, менѣе массивныхъ, но красиво цвѣтущихъ, назову европейскій ломоносъ (Clematis viticella), розовую разновидность вьюнка (Calystegia sepium), болѣе красивую, чѣмъ дикорастущая бѣлая, и садовую разновидность лѣсной чины (Lathyrus splendens) съ ярко-карминными цвѣтами. Опять ограничиваюсь указаніемъ на весьма немногія растенія, безусловно выносливыя и на почву неприхотливыя. Само собою разумѣется, что они могутъ быть замѣнены иными растеніями, въ данной мѣстности въ садахъ разводимыми и оказавшимися, по мѣстному климату, для культуры удобными.

Убранство стѣнъ вьющимися растеніями придаетъ и самому маленькому садику, въ коемъ нѣтъ мѣста высокимъ кустамъ и деревьямъ, особенную живописность и уютность.

Желательно, въ школьномъ садикѣ, удѣлить мѣсто и обильно-цвѣтущимъ растеніямъ, травянистымъ, многолѣтнимъ и однолѣтнимъ. Тутъ выборъ, поистинѣ, безграниченъ. Изъ растеній многолѣтнихъ умѣстно выбирать тѣ, которыя цвѣтутъ самою раннею весною, и тѣ, которыя цвѣтутъ до морозовъ, ибо съ ними, во время цвѣтенія, могутъ ознакомиться ученики. Изъ первыхъ назову нарциссы, бѣлые и желтые, первоцвѣты (Primula veris), прелестную, дикораству-

щую во всей западной половинѣ Россіи перелѣску (Hepatica triloba), иногда разцвѣтающую уже въ концѣ марта, и душистую фіалку (Viola odorata), о коей слишкомъ часто, къ недоумѣнію маленькихъ читателей, упоминается въ стихахъ и въ прозѣ. Оба послѣднія растенія прекрасно разростаются въ полутѣни, подъ защитою кустовъ. По той же литературной причинѣ желательно имѣть въ школьномъ садикѣ хотя одинъ экземпляръ лиліи. Классическая бѣлая лилія (Lilium candidum) въ средней полосѣ Россіи часто страдаетъ отъ суровости зимъ. Но другія лиліи (L. tigrinum, L. Martagon) вполнѣ выносливы и не требуютъ никакого ухода. Строеніе ихъ очень близко къ строенію бѣлой лиліи.

Между многолѣтними растеніями, цвѣтущими до поздней осени, первое мѣсто занимаютъ зимующіе флоксы (Phlox decujsata). Нужно выбирать, изъ безчисленныхъ разновидностей этого флокса, наиболѣе ярко окрашенныя и рано зацвѣтающія.

Что касается до растеній однолѣтнихъ, то совѣтую ограничиваться тѣми, которыя могутъ быть посѣяны прямо въ грунтъ, какъ напримѣръ, душистые горошки, резеда, разные маки. Разведеніе растеній, которыя предварительно должны быть посѣяны въ горшки или парники, конечно, для большинства учителей неудобно. Замѣчу впрочемъ, что устройство хотя бы небольшаго парника расширяетъ почти до безграничности количество растеній, культура коихъ, по нашему климату, доступна въ садахъ и комнатахъ.

Все сказанное относится къ сѣверной и средней полосѣ Россіи. Съ приближеніемъ къ югу, быстро возрастаетъ количество и интересныхъ растеній, культура коихъ общедоступна. Поэтому, въ губерніяхъ южныхъ, школьный садикъ можетъ быть украшенъ несравненно богаче, инымъ подборомъ кустовъ и травянистыхъ растеній.

Комнатная культура горшечныхъ растеній въ заурядныхъ школахъ возможна лишь въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, за недостаткомъ простора. Однако она практикуется и нынѣ большинствомъ учителей. Разводятся ими олеандры, разные геранiи, волкатеріи, геліотропы—вообще всѣ комнатныя растенія, которыя удается достать отъ сосѣднихъ любителей. Но именно по тѣснотѣ помѣщеній желателенъ тщательный выборъ растеній, комнатная культура коихъ особенно благодарна.

Въ этомъ отношеніи, конечно, первое мѣсто занимаютъ *геранiи*, т. е. пеларгоніи, которые можно достать повсюду въ безчисленныхъ разновидностяхъ, происшедшихъ отъ скрещенія разныхъ видовъ рода Pelargonium. Растенія эти цвѣтутъ обильно съ ранней весны до поздней осени, на уходъ крайне неприхотливы, и цвѣты ихъ отличаются самою яркою и разнообразною окраскою, въ гаммѣ тоновъ красныхъ. Между ними, такъ называемые scarlet Pelargonium's, столь любимые въ Англіи (съ вѣнчиками одноцвѣтными, нерасписными), особенно роскошно цвѣтутъ и сильно разростаются лѣтомъ при посадкѣ въ грунтъ. Въ виду тѣсноты помѣщенія, совѣтую разводить лишь разновидности самыя красивыя, и размножать ихъ ежегодно, уничтожая экземпляры старые; ибо всѣ пеларгоніи, при хорошей культурѣ, въ два-три года принимаютъ размѣры неудобные. Отводки, сдѣланные въ августѣ, прекрасно зацвѣтаютъ въ слѣдующемъ мартѣ.

То же можно сказать объ олеандрахъ, растущихъ чрезвычайно быстро. Между тѣмъ доходятъ до цвѣта экземпляры трехлѣтніе, даже двухлѣтніе, и таковыми слѣдуетъ ограничиваться, при окнахъ невысокихъ.

Не стану распространяться о прочихъ растеніяхъ, повсюду въ комнатахъ разводимыхъ. Упомяну лишь о

нѣкоторыхъ, весьма немногихъ изъ тѣхъ, культура коихъ въ сельскомъ быту менѣе обычна, а между тѣмъ особенно благодарна.

Желательно имѣть въ своей комнатѣ растенія, цвѣтущія зимою. Изъ таковыхъ особенно пригодны два растенія изъ семейства Амариллисовъ. Это—Clivia miniata, съ большими зонтиками свѣтло оранжевыхъ цвѣтовъ, и Amaryllis vittata, съ небольшими зонтиками очень крупныхъ цвѣтовъ, бархатно-красныхъ. Оба растенія цвѣтутъ два раза въ годъ, въ сроки, довольно неопредѣленные, изъ коихъ одинъ—зимній. Оба вывезены съ мыса Доброй Надежды, который вмѣстѣ съ Новою Голландіею и Японіею, подарилъ намъ лучшія украшенія нашихъ садовъ и теплицъ.

Столь же желательно имѣть въ комнатахъ растенія съ душистыми цвѣтами. Изъ нихъ, кромѣ всѣмъ извѣстныхъ резеды, геліотропа и волкамеріи, рекомендую такъ называемое чайное дерево (Olea fragrans) съ мелкими пучками цвѣтовъ, чрезвычайно душистыхъ, появляющихся во всякое время года, и служащихъ, въ Китаѣ, для придачи чаю его тонкаго аромата,—и мало до сихъ поръ распространенный Rynchospermum jasminioides, съ прекрасною зеленью и обильными душистыми бѣлыми цвѣтами, распускающимися раннею весною. Оба растенія страдаютъ въ комнатахъ, слишкомъ жаркихъ. Для послѣднихъ же особенно пригоденъ аравійскій жасминъ, столь часто разводимый въ купеческихъ домахъ.

Какъ зимнее украшеніе, умѣстны на всякомъ окнѣ два-три горшечка травянистаго растенія съ карминными листьями, обильно разводимаго въ теплицахъ для лѣтняго убранства узорчатыхъ клумбъ. Имя его—Achyranthes Verschaffelti. Листья его, по яркой своей окраскѣ, между зелеными листьями прочихъ растеній, произ-

водятъ впечатлѣніе цвѣтовъ, и малѣйшая вѣтка его, посаженная въ землю, легко и быстро укореняется.

Большинство растеній, воспитываемыхъ въ комнатахъ, на лѣтніе мѣсяцы полезно переносить на открытый воздухъ и ставить на мѣсто, защищенное отъ вѣтровъ и дождей. Такое помѣщеніе имѣется при многихъ школахъ. Это—крыльцо съ навѣсомъ, болѣе или менѣе просторное. Разставленные на немъ горшечныя растенія могутъ не мало способствовать украшенію школы. Одинъ изъ учителей нашей школьной семьи придумалъ разставлять ихъ на полочкахъ, симметрически прибитыхъ къ стѣнѣ по обѣимъ сторонамъ школьной двери, что придаетъ входу въ школу видъ особенно нарядный. Конечно, учитель не можетъ развести въ своей комнатѣ количество растеній, достаточное, чтобы составить декорацію роскошную. Но онъ можетъ прибавить на лѣто къ зимнимъ своимъ растеніямъ нѣсколько горшечковъ съ растеніями однолѣтними, изъ коихъ особенно красивы на полочкахъ петуніи и голубыя лобеліи, свѣшивающія во всѣ стороны свои гибкія вѣтви, обремененныя цвѣтами. Другую, ничего не стоющую прибавку къ лѣтней декораціи составляютъ наши лѣтніе папортники. Посаженные въ горшки раннею весною, они разростаются прекрасно, и нѣжныя ихъ ваіи между болѣе темною листвою и яркими цвѣтами, производятъ самый изящный эффектъ. Такіе горшки съ папортниками нужно на зиму вкапывать въ землю, въ саду или огородѣ. Тутъ они зимуютъ безъ всякой покрышки, и могутъ служить для декораціи нѣсколько лѣтъ сряду.

До сихъ поръ я говорилъ только о сельскихъ школахъ заурядныхъ, болѣе или менѣе страдающихъ тѣснотою. Но есть сельскія школы, лучше обставленныя,

каковы двухклассныя школы разныхъ наименованій. Въ нихъ и учителя помѣщены просторнѣе, и сверхъ того, кромѣ классныхъ комнатъ, которыя затемнять растеніями на окнахъ неудобно, нерѣдко имѣется особый залъ—для спѣвокъ, внѣбогослужебныхъ собесѣдованій, народныхъ чтеній и т. п. Тутъ уже возможно придать комнатному цвѣтоводству размѣры нѣсколько бо́льшія, характеръ поучительный.

Въ высшей степени желательно, чтобы ученики начальной школы имѣли нѣкоторое наглядное понятіе о растеніяхъ, имена коихъ попадаются имъ на всякомъ шагу. Такъ, при чтеніяхъ изъ священныхъ книгъ, на урокахъ Закона Божія, они безпрестанно слышатъ названія виноградной лозы, смоковницы, финика. По счастію, всѣ три растенія можно показать имъ живьемъ.

Культура виноградной лозы, съ величайшею легкостью разводимой изъ сѣмянъ, возможна въ комнатахъ. Но она зимою теряетъ листья и требуетъ перенесенія (до февраля—марта) въ помѣщеніе холодное. Притомъ она растетъ такъ быстро, что очень скоро становится неудобною для горшечной культуры. Но виноградная лоза зимуетъ подъ легкою покрышкою (еловою чащею, сухимъ листомъ) во всей средней полосѣ Россіи. Иногда, очень рѣдко, она даже завязываетъ плоды, еще рѣже доводитъ ихъ до зрѣлости. Случаи созрѣванія отдѣльныхъ виноградныхъ гроздій бывали въ года особенно благопріятныя, въ Москвѣ, въ Смоленскѣ, въ Дорогобужѣ. Конечно, легче добиться зрѣлыхъ ягодъ (въ весьма маломъ количествѣ) при культурѣ горшечной. Но и помимо плодовъ, виноградная лоза, воспитанная въ группу въ средней полосѣ Россіи, представляетъ вьющееся растеніе, очень красивое, и даетъ о своемъ складѣ понятіе болѣе точное, чѣмъ жалкіе горшечные экземпляры. — Особый интересъ могло-бы представить

разведеніе европейской лозы, совмѣстно съ амурскою. Вторая гораздо выносливѣе первой, и также даетъ вкусныя ягоды, въ средней полосѣ Россіи не дозрѣвающія. Скрещеніе этихъ двухъ видовъ могло бы дать породу, болѣе выносливую, чѣмъ нынѣ разводимыя породы лозъ европейскихъ и американскихъ.

Смоковница, при нѣкоторомъ просторѣ, прекрасно переноситъ комнатную культуру. Какъ всѣ растенія, разводимыя съ незапамятныхъ временъ, она произвела множество разновидностей. Италіанскій ботаникъ Гаспаррини даже раздѣлилъ обнимающій всѣ эти формы Линнеевскій видъ (Ficus Carica) не только на множество видовъ, но и на нѣсколько родовъ. Въ комнатной культурѣ распространена разновидность, зимою не теряющая листьевъ, и эта разновидность особенно интересна и поучительна потому, что къ ней, очевидно, принадлежала та смоковница, которую за ея безплодіе проклялъ Господь.

Дѣло въ томъ, что смоковницы этой породы (какъ узналъ я отъ римскихъ садовниковъ) *постоянно* завязываютъ *осенью* плоды, которые, провисѣвъ всю зиму на деревѣ безъ измѣненій, созрѣваютъ *раннею весною*.

Мы читаемъ у Евангелиста Марка (XI, 13), что Господь, увидѣвъ издалека смоковницу, *покрытую листьями*, направился именно къ ней, очевидно потому, что прочія смоковницы еще были голы, или слабо одѣты листьями, и что именно отъ смоковницы, одѣтой листвою, надлежало ожидать плодовъ.

Трудно отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что вводное предложеніе въ повѣствованіи Евангелиста Марка — не оу҃ бо бѣ вре́мѧ смо́квамъ — есть переходъ отъ знаменія къ знаменуемому, образъ тѣхъ недостойныхъ отговорокъ, коими мы, грѣшные, силимся прикрыть вину нашего безплоднаго существованія....

Конечно, при комнатной культурѣ, осеннія смоквы не переносятъ нашей длинной зимы, и сваливаются не созрѣвши. Но нельзя считать невозможнымъ, чтобы, по счастливой случайности, та или другая смоква уцѣлѣла и дозрѣла весною, въ полное поясненіе евангельскаго текста.

Для финиковой пальмы (Phoenix dactylifera), приспособленной къ сухимъ климатамъ, комнатный воздухъ едва-ли не пригоднѣе, чѣмъ влажный воздухъ теплицъ. Размножается она безъ всякаго труда сѣменами (финиковыми косточками). Но растетъ она медленно. Лишь достигши 4—5 лѣтняго возраста развиваетъ она вполнѣ характерныя ваіи крупнаго размѣра. Затѣмъ ростъ идетъ быстрѣе, и растеніе это, какъ всѣ пальмы, относится къ самымъ красивымъ и благодарнымъ изъ комнатныхъ растеній.

Замѣчу кстати, что въ комнатной культурѣ распространенъ, подъ названіемъ терновника, очень колючій кустарникъ (Euphorbia splendens), про вѣтки котораго, покрытыя частыми, острыми иглами, говорятъ, будто изъ нихъ былъ сплетенъ терновый вѣнецъ Спасителя. Прибавляютъ, что кустарникъ этотъ до крестной Его смерти цвѣтовъ не производилъ, но что съ тѣхъ поръ онъ ежегодно, къ страстной недѣлѣ, распускаетъ свои ярко-алые цвѣточки, дѣйствительно похожіе на капли крови. Сказаніе это лишено всякаго разумнаго повода. Euphorbia splendens—растеніе не Палестинское, а Мадагаскарское. Но поэтическая эта басня любопытна по своему, очевидно, позднему происхожденію и точному соотвѣтствію природнымъ свойствамъ растенія, съ коимъ связала ее народная молва.

Что касается до прочихъ библейскихъ и евангельскихъ растеній, то относительно ихъ между ботаниками существуетъ не малое разногласіе. Но всѣ повидимому

согласны между собою въ томъ, что душистый кустарничекъ, нынѣ разводимый въ садахъ подъ именемъ иссопа (Hyssopus officinalis)—не есть иссопъ библейскій, и что крины сѣмные, упоминаемые въ нагорной проповѣди, суть роскошно расписанные касатики (Iris), покрывающіе весною луга Галилеи. Касатики очень распространены въ нашихъ садахъ, и время ихъ цвѣтенія обыкновенно совпадаетъ съ недѣлею третьею, когда въ церквахъ читается на литургіи Евангеліе отъ Матѳея VI, 22—23.

Но и кромѣ растеній, упоминаемыхъ въ Священномъ Писаніи, есть много другихъ, интересныхъ въ отношеніи техническомъ и торговомъ, которыя полезно показать ученикамъ въ живыхъ экземплярахъ. Въ комнатахъ, не слишкомъ жаркихъ, прекрасно держится настоящее чайное дерево (Thea bohea), деревья лимонныя, померанцевыя. Прекрасно удается, въ просторныхъ горшкахъ, комнатная культура однолѣтняго хлопчатника (Gossypium herbaceum). Весьма распространена комнатная культура одного изъ растеній, дающихъ каучукъ—Ficus elastica. Но культура этого краснаго дерева, по быстротѣ его роста, требуетъ простора и высокихъ оконъ. Очень легко разводятся въ комнатахъ и такъ называемыя Богородицыны слезки (Coix lacryma)—пышный злакъ, сѣмена коего представляютъ естественныя, изящныя бусы, употребляемыя для приготовленія четокъ и ожерелій.

Количество-же растеній, чисто декоративныхъ, какъ лиственныхъ, такъ и красиво цвѣтущихъ, которые, при нѣкоторомъ просторѣ, могутъ съ успѣхомъ быть воспитаны въ комнатахъ—по истинѣ безгранично *).

Конечно, на этихъ немногихъ страницахъ я не могъ упомянуть и о сотой долѣ тѣхъ растеній, успѣшная

*) Самыя полныя на нихъ указанія можно найти въ книгѣ Регеля: „Содержаніе и воспитаніе растеній въ комнатахъ“.

культура конхъ возможна въ сельской школѣ и ея садикѣ, и выборъ между ними всегда будетъ зависѣть отъ личнаго вкуса, отъ случайныхъ удобствъ пріобрѣтенія. Буду счастливъ, если бѣглыя мои указанія пригодятся нѣкоторымъ сельскимъ учителямъ, между коими не мало любителей цвѣтоводства, привлекутъ другихъ къ этому столь доступному, столь отрадному занятію, приносящему столько поученій и садоводу-учителю, и его питомцамъ.

Но не могу скрыть отъ себя, что пока, помимо охоты учителей, недостаетъ многихъ условій для прочнаго насажденія подобныхъ занятій. Не говорю о жалкомъ состояніи нашихъ школьныхъ помѣщеній, о недостаткѣ въ нихъ свѣта и простора. Это неудобство всего легче поправимо и постепенно, хотя и медленно, устраняется. Гораздо существеннѣе жалкое положеніе большинства сельскихъ учителей, необезпеченное, неясное, и поэтому нравственно тягостное, заставляющее ихъ слишкомъ часто переходить съ мѣста на мѣсто, пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы промѣнять учительство на занятіе болѣе прибыльное, на положеніе, дающее болѣе опредѣленныя рамки ихъ правамъ и обязанностямъ. Отсюда неосѣдлость нашихъ учителей, рѣдкость между ними людей опытныхъ и зрѣлыхъ—обстоятельства, влекущія за собою послѣдствія несравненно болѣе важныя, чѣмъ затрудненіе занятій, дополняющихъ и украшающихъ ихъ преподавательскую дѣятельность.

Будемъ-же надѣяться, что дѣло начальнаго образованія войдетъ у насъ наконецъ въ общія, разумныя нормы, обезпечивающія правильность существенныхъ отправленій школьной жизни. Тогда лишь удастся намъ расширить и украсить эту жизнь всѣмъ тѣмъ, что просится на умъ, что подсказываетъ намъ сердце...

ВОЗРОДИВШІЯСЯ ШКОЛЫ ГРАМОТНОСТИ *).

На дняхъ мною получено по почтѣ 300 руб. на „нужды народнаго образованія", какъ значится въ приложенной анонимной запискѣ. Едва-ли я ошибся, узнавъ въ ней почеркъ одного изъ безчисленныхъ корреспондентовъ, лично мнѣ незнакомыхъ, но за прежніе школьные труды продолжающихъ питать ко мнѣ сочувствіе, подобное молитвенной памяти о давно умершемъ сотрудникѣ.

Какъ бы то ни было, отсутствіе подписи возбраняетъ мнѣ выразить мою признательность по адресу предполагаемаго благодѣтеля, и вынуждаетъ меня для этого прибѣгнуть къ посредству печати.

Признательность же эта, искренняя и глубокая, не можетъ удовольствоваться этимъ голословнымъ заявленіемъ и требуетъ нѣсколькихъ поясняющихъ строкъ.

Прекращеніе, за лѣтами и недугами, моей личной школьной дѣятельности совпало съ небывалымъ подъ-

*) Москов. Вѣдом. 1897 г.

емомъ и расширеніемъ дѣла начальныхъ школъ. Къ школамъ,—министерской и земской, коимъ служилъ я по мѣрѣ своихъ силъ, присовокупилась обновленная школа церковная, въ разнообразныхъ ея формахъ и степеняхъ. Быстро растетъ вокругъ меня толпа учащихся, быстро размножается количество тѣхъ сотрудниковъ—изъ духовенства, изъ крестьянствующаго крестьянства,—коихъ я всегда искалъ и пытался создавать, сознавая, что дѣлу они могутъ служить полнѣе и лучше, чѣмъ дано это мнѣ. Помогать же всему этому личнымъ трудомъ я уже не въ силахъ.

Всего отраднѣе, всего новѣе, при глубокой своей древности, типъ возродившейся школы грамотности, съ учителемъ — молодымъ мѣстнымъ крестьяниномъ, достигшимъ грамотности болѣе сознательной и полной, чѣмъ его сверстники-грамотѣи. До сихъ поръ лишь счастливая случайность или близость слишкомъ рѣдкихъ двухклассныхъ министерскихъ школъ создавала такихъ учителей. Нынѣ размноженіе ихъ обезпечено въ будущемъ устройствомъ второклассныхъ школъ Духовнаго Вѣдомства.

Эти-то учителя, доступные всякой крупной деревнѣ, и являются нынѣ доблестными рядовыми нашего разрастающагося войска. Само собою разумѣется, что успѣхъ ихъ дѣятельности немыслимъ безъ постояннаго и авторитетнаго руководства со стороны лицъ образованія болѣе высокаго. Руководители же эти повсюду на лицо. Это—священнослужители мѣстной церкви, и руководящій надзоръ имъ вполнѣ посиленъ. Рѣдкій приходъ, сверхъ школы при церкви, нуждается болѣе чѣмъ въ двухъ-трехъ школахъ грамотности.

Средства на содержаніе такихъ школъ находятся повсюду, ибо вознагражденіе учителей школъ грамотности исчисляется не сотнями, а десятками рублей, и

такое вознагражденіе вполнѣ ихъ удовлетворяетъ, если они учатъ въ родной своей деревнѣ, не отрываясь, ради учительства, отъ своего хозяйства.

Но есть одна издержка по школамъ грамотности, которая часто встрѣчаетъ препятствія неодолимыя. Заурядныя избы, въ коихъ повсюду первоначально помѣщались эти школы, становятся слишкомъ тѣсными, и переполненіе ихъ заставляетъ отказывать въ пріемѣ части желающихъ учиться. Такой отказъ, именно нынѣ, особенно прискорбенъ, потому что къ мальчикамъ въ возрастающемъ количествѣ начинаютъ присоединяться дѣвочки, и близко то время, когда намъ придется имѣть дѣло съ двойнымъ противъ прежняго количествомъ учащихся. Почти повсюду поднимается вопросъ объ устройствѣ для школъ грамотности особыхъ помѣщеній, просторныхъ и свѣтлыхъ, но почти повсюду средствъ на это не хватаетъ.

Разумѣется, дѣлаешь, что можешь, чтобы помочь горю. Но не всегда возможно все то, что нужно. Въ настоящую минуту, за крупными постройками истекающаго года, было мнѣ совершенно невозможно удѣлить именно 300 руб. на постройку, необходимую для переполненной школы грамотности. А деньги нужны были немедленно: вѣдь, лѣсъ вывозится зимой. И вотъ—эти 300 руб. на лицо, благодаря чуткой внимательности далекаго благотворителя.

Но объ этой школѣ стоитъ сказать два слова.

Помѣщается она въ деревнѣ крупной, дворовъ въ семьдесятъ. Таковыя въ уѣздѣ нашемъ—рѣдкость. Деревню эту я помню работящею и зажиточною. Издавна славилась она своими плотниками. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ ней уже существовала школа стараго типа. Но къ концу десятилѣтія школа закрылась, и въ деревнѣ открылся кабакъ. Благосостояніе ея стало

быстро падать, и она, наконецъ, дошла до самаго жалкаго положенія, матеріальнаго и нравственнаго. Долго и тщетно уговаривалъ деревенцевъ закрыть этотъ кабакъ энергичный молодой священникъ. Удалось ему поставить на своемъ лишь посредствомъ обѣщанія—открыть въ деревнѣ школу, какъ только будетъ закрытъ кабакъ. Этотъ аргументъ подѣйствовалъ, и священникъ сдержалъ слово при усердномъ моемъ содѣйствіи. Учебное дѣло онъ обставилъ прекрасно, поручивъ его двумъ лицамъ: молодому крестьянину, весьма трамотному и неутомимому труженику, и своему діакону, бывшему учителю и изрядному пѣвцу, который ежедневно проводитъ въ школѣ нѣсколько часовъ. Прибавлю, что надъ этою нашею затѣей многіе смѣялись, такъ какъ деревня находится лишь въ трехъ верстахъ отъ церкви, при которой имѣются двѣ школы—одна для мальчиковъ, другая для дѣвочекъ. Иные говорили, что новая школа будетъ пустовать, другіе—что опустѣютъ старыя. Ничего подобнаго не случилось. Въ старыхъ школахъ количество мальчиковъ продолжаетъ колебаться около 60, дѣвочекъ—около 30, въ новой же школѣ учениковъ 43, лишь потому, что помѣстить больше—физически невозможно. При просторномъ помѣщеніи количество это сразу повысится, тѣмъ болѣе, что учителя не ограничиваются двухлѣтнимъ курсомъ, а желающихъ приготовляютъ къ экзамену на льготу по воинской повинности. Пѣніе установилось твердо. Въ скоромъ времени ученики будутъ въ состояніи пѣть въ церкви всенощную (пѣніе на литургіи издавна исполняется прекраснымъ хоромъ при дѣвичьей школѣ).

Съ замѣной кабака школой деревня подобралась и затихла, и пьянство сразу значительно уменьшилось. Нѣтъ сомнѣнія, что скоро станутъ очевидными для всѣхъ благія послѣдствія, матеріальныя и нравствен-

ныя, этой перемѣны, послѣдствія, уже нынѣ замѣтныя близкому наблюдателю.

Счелъ долгомъ довести эти подробности до свѣдѣнія далекаго благотворителя, чтобъ онъ зналъ, какому живому и живительному дѣлу онъ оказалъ столь существенную, столь своевременную помощь.

Къ этимъ частнымъ указаніямъ не могу не присоединить нѣкоторыхъ соображеній, свойства болѣе общаго. Изъ среды заурядныхъ учителей школъ грамотности безпрестанно выдѣляются личности, по своимъ дарованіямъ, по своему характеру, способныя къ дѣятельности болѣе широкой. Для таковыхъ учебныя занятія, постоянное общеніе съ мѣстнымъ причтомъ, служатъ побужденіемъ къ дальнѣйшему самообразованію, въ духѣ церковномъ, и для таковыхъ не составляетъ особеннаго труда достигнуть, посредствомъ экзамена, званія полноправнаго учителя. Изъ нихъ выходятъ дѣльные, практически вполнѣ подготовленные учителя сельскихъ школъ любого наименованія.

Эти послѣдніе учителя, въ свою очередь, выдѣляютъ изъ своей среды наилучшихъ своихъ представителей на служеніе церкви въ качествѣ діаконовъ или псаломщиковъ. Явленіе это наблюдается не со вчерашняго дня. Огромное большинство нашихъ сельскихъ учителей происходитъ изъ сословій крестьянскаго или духовнаго и, не смотря на тысячу неблагопріятныхъ явленій, сохраняетъ съ церковью свою природную связь. Для молодого крестьянина-учителя, въ особенности женатаго, достиженіе сана діакона составляетъ, и въ матеріальномъ, и въ общественномъ отношеніи, шагъ громадной важности, во всѣхъ отношеніяхъ желательный. Съ обновленіемъ школы церковной, шагъ этотъ сталъ нормальнымъ для лучшихъ ея учителей, ибо епископы, при назначеніи діаконовъ, стали обращать особен-

ное вниманіе на педагогическую подготовку поставляемыхъ.

Всякій же діаконъ уже является кандидатомъ, хотя и отдаленнымъ, на священство.

Этотъ, сложившійся силою вещей, помимо всякихъ узаконеній, іерархическій строй въ теченіе жизни лучшихъ изъ нашихъ сельскихъ учителей и есть главная пружина, привлекающая къ этой должности, удерживающая на ней такое громадное количество молодыхъ людей, трудолюбивыхъ и способныхъ, при матеріальныхъ условіяхъ болѣе, чѣмъ скудныхъ, почти исключающихъ возможность брака и общественнаго воспитанія дѣтей, при общественномъ положеніи самомъ неопредѣленномъ и шаткомъ. Это же обстоятельство еще поддерживаетъ въ нашей начальной школѣ, всѣхъ наименованій, ея церковный характеръ, опредѣляя строй жизни всѣхъ тѣхъ изъ ея учителей, которые стали таковыми не случайно и не стремятся къ карьерамъ, ничего общаго со школою не имѣющимъ.

Само собою разумѣется, что этотъ, лишь начинающій обрисовываться, порядокъ вещей пріобрѣтетъ полный смыслъ и прочную почву, лишь при повсемѣстномъ распространеніи школъ второклассныхъ и размноженіи уже возникающихъ кое-гдѣ учительскихъ семинарій духовнаго вѣдомства.

Полагаю, что этихъ бѣглыхъ намековъ достаточно, чтобы напомнить о громадномъ значеніи церковно-школьнаго зданія, слагающагося на нашихъ глазахъ, чтобы выяснить цѣнность всякаго дара, способствующаго его созиданію. Честь прилагающему хоть одинъ камень къ тому мало-замѣтному, но глубокому и твердому его фундаменту, который представляетъ деревенская школа грамотности, руководимая достойнымъ священникомъ. Счастливъ и тотъ, кто такой камень можетъ передать.

Предупреждаю далекаго благотворителя, что о немъ, по угаданному его христіанскому имени, уже возносятся, въ невѣдомомъ ему сельскомъ храмѣ, горячія, искреннія молитвы.

Въ особенности молится одинъ крошка. Онъ—лучшій ученикъ и великій богомолецъ. Но онъ такъ малъ, что за столомъ писать ему почти невозможно. О партахъ же, за тѣснотой, до сихъ поръ нельзя было и думать...

ЦЕРКВИ И ШКОЛЫ *).

Англичанинъ Диксонъ, описывая однообразную ѣзду по пустыннымъ равнинамъ Сѣверной Россіи, вспоминаетъ о томъ отрадномъ впечатлѣніи, которое производитъ на усталаго путника слишкомъ рѣдкій видъ бѣлой церкви, возвышающей свои зеленые куполы надъ темною линіей лѣснаго горизонта.

Кто изъ насъ, при разъѣздахъ по глухимъ полосамъ нашего лѣснаго края, не испытывалъ того же впечатлѣнія? Однообразная смѣна болотъ и ельника, пустынныхъ полей и сѣрыхъ деревень только и прерывается видомъ погостовъ, обыкновенно расположенныхъ на мѣстахъ возвышенныхъ. Церкви—единственныя на пути зданія, говорящія намъ о прошломъ, и обѣщающія уцѣлѣть въ будущемъ, носящія на себѣ печать прочности и стремленія къ красотѣ. Вокругъ нихъ, на кладбищахъ, на усадьбахъ причта, уцѣлѣли и старинныя деревья. Въ изобиліи около нихъ растетъ красная верба, дерево въ сѣверной Россіи не дико растущее, но издавна разводимое для употребленія церковнаго, ради темно-багро-

---

* *Русское Обозрѣніе* 1898 г., январь.

ваго лака его вѣтвей и крупныхъ, серебристыхъ сережекъ. По мѣрѣ приближенія къ церкви учащаются деревни, вокругъ нея постоянно разбросаны помѣщичьи усадьбы или усадебки, по большей части запущенныя, но еще радующія взоръ высокими купами вѣковыхъ липъ и березъ.

И эта внѣшняя красота лишь—символъ красоты внутренней. Господствующее положеніе дома Божія надъ жилищами человѣческими говоритъ намъ о великой собирательной силѣ, объединяющей разбросанное по безмѣрнымъ пространствамъ населеніе. Его прочность и стройность, и блескъ его крестовъ, и привѣтная бѣлизна его высокой колокольни, среди сѣрой бѣдноты его окружающей, гласятъ о первенствѣ потребностей духа надъ нуждами житейскими. Зовущій голосъ его колоколовъ—голосъ иного лучшаго міра.

И къ этой красѣ за послѣднія десятилѣтія прибавилась краса знаменательная и новая. Мало осталось на Руси сельскихъ церквей, въ сѣни коихъ не появлялось бы скромное зданіе, все пронизанное свѣтлыми окнами. Къ этому зданію по дорогамъ и тропинкамъ, сбѣгающимся къ церкви, въ зимніе мѣсяцы, два раза въ день, тянутся толпы ребятишекъ, между коими все чаще и чаще попадаются дѣвочки. Зданіе, это—школа,—того или иного наименованія,—но, во всякомъ случаѣ—созданіе церкви, съ давнихъ вѣковъ питавшей въ народѣ высокое уваженіе къ грамотности и истинный взглядъ на ея значеніе, плодившей въ безвѣстной глуши отдѣльныхъ скромныхъ грамотеевъ, и тѣмъ, наконецъ, пробудившей общее стремленіе къ школьному ученію.

Ибо намъ, дѣлателямъ одиннадцатаго часа, не слѣдуетъ обольщаться. Не льготы по воинской повинности (многимъ учителямъ, по ихъ семейному положенію, онѣ даже вовсе не нужны), не улучшеніе способовъ обучс-

нія чтенію, письму и счету, не гадательная матеріальная выгода отъ *умѣнія* по этимъ частямъ заставляетъ безграмотныхъ родителей добиваться грамотности своихъ дѣтей, посылать ихъ въ отдаленныя школы, выносить на своихъ плечахъ постоянное возрастаніе издержекъ на школьное дѣло; но именно исконная и доселѣ живая связь съ церковію и стремленіе къ единственному *знанію*, до сихъ поръ сообщаемому нашею начальною школой—къ знанію слова Божія и церковныхъ молитвъ, до недавняго времени служившихъ нашему темному люду единственнымъ источникомъ поученія.—Впрочемъ, это нисколько не мѣшаетъ симъ безграмотнымъ ревнителямъ просвѣщенія цѣнить и способность писать толково и четко, и бойко считать; не мѣшаетъ имъ дорожить и тѣми практически полезными умѣніями и знаніями, которыя кое-гдѣ начинаютъ прививаться ученикамъ школьнымъ ученіемъ. Равнодушны они только, даже враждебны, къ той голой грамотности, приправленной жалкими обрывками энциклопедическихъ знаній, которая одна выносится изъ школъ, почему-либо лишенныхъ правильнаго воздѣйствія церкви, и можетъ повести лишь къ чтенію безполезному или вредному. Они твердо вѣрятъ, что школа можетъ быть полезна ихъ дѣтямъ, лишь поскольку она приближаетъ ихъ къ церкви; поэтому они особенно дорожатъ и матеріальною близостію школы къ храму Божію, съ его службами, съ непосредственнымъ сосѣдствомъ священника-законоучителя.

Но вотъ потребность въ школахъ уже возросла до того, что явилась необходимость заводить иныя школы, въ подмогу школамъ при церквахъ. Размножились искони существовавшія деревенскія школы, церковный характеръ коихъ обезпеченъ твердымъ преданіемъ и контролемъ самой деревни, нынѣ же огражденъ отъ вся-

кихъ нарушеній этого характера обязательнымъ надзоромъ приходскаго духовенства. Но этого мало: въ обширныхъ приходахъ оказалось необходимымъ открытіе вторыхъ и третьихъ школъ съ полнымъ трехлѣтнимъ курсомъ начальныхъ училищъ, съ полноправнымъ учителемъ. По странной, но легко объяснимой аномаліи, эти добавочныя школы, возникающія, по силѣ вещей, вдали отъ церквей, по большей части церковно-приходскія. Объясняется это тѣмъ, что при церквахъ мѣста уже давно заняты школами земскими или министерскими, размноженіе коихъ предшествовало размноженію школъ церковныхъ. Обстоятельство это, разумѣется, затрудняетъ участіе причта въ преподаваніи при школахъ, спеціально имъ ввѣренныхъ; но, съ другой стороны, способствуетъ равномѣрности этого участія при школахъ всѣхъ наименованій.

Нѣтъ сомнѣнія, что удаленіе отъ церкви—одна изъ причинъ, наиболѣе тормозящихъ возникновеніе школъ полноправныхъ и многолюдныхъ,—ибо школы грамотности привлекаютъ лишь учениковъ самыхъ ближайшихъ. Но такъ какъ потребность въ начальномъ обученіи постоянно возрастаетъ, и всякая живая школа грамотности стремится, при первомъ стеченіи благопріятныхъ обстоятельствъ, обратиться въ школу полноправную, то возникаетъ вопросъ, хватитъ ли въ ближайшемъ будущемъ силъ нашего сельскаго духовенства на исполненіе его школьныхъ обязанностей?

Вопросъ этотъ давно озабочиваетъ наше духовное начальство. Въ помощь священникамъ повсемѣстно назначаются діаконы, по возможности, изъ лицъ, практически знакомыхъ со школьнымъ дѣломъ. Привлекаются къ этому дѣлу и мало-мальски умѣлые причетники. Въ приходахъ обширныхъ и богатыхъ учащается назначеніе вторыхъ священниковъ.

Если всѣ эти мѣры для настоящей минуты и могутъ быть сочтены достаточными, то все-таки близко то время, когда школьное дѣло станетъ чахнуть, если размноженіе сельскихъ школъ не будетъ поддержано соотвѣтствующимъ умноженіемъ сельскихъ церквей.

Дѣйствительно, сельскихъ церквей у насъ слишкомъ мало. Пусть сельскій читатель вспомнитъ топографію извѣстныхъ ему приходовъ, и ему неминуемо придетъ на умъ три-четыре пункта, крайне нуждающіеся въ новой церкви. Не одни школьныя соображенія ведутъ къ этому заключенію. Деревни, отстоящія на 15—20 верстъ отъ своего приходскаго храма, не составляютъ рѣдкости; зайдите зимой въ одну изъ нашихъ сельскихъ церквей: трудно отстоять службу отъ тѣсноты и духоты. Свѣчи гаснутъ отъ недостатка кислорода.

Дѣло въ томъ, что, какъ узнали мы изъ недавней переписи, въ теченіе ста лѣтъ сельское населеніе Россіи болѣе чѣмъ утроилось. Не имѣю данныхъ о количествѣ сельскихъ церквей въ концѣ прошлаго столѣтія. Но можно сказать съ увѣренностью, что съ тѣхъ поръ число ихъ далеко не удвоилось.

Большинство нашихъ сельскихъ погостовъ считаетъ свое существованіе вѣками. Нынѣшнія каменныя ихъ церкви замѣнили цѣлый рядъ церквей деревянныхъ, обветшавшихъ или сгорѣвшихъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ онѣ построены въ эпоху Екатерининскую и Александровскую, и вмѣстимость ихъ соотвѣтствуетъ потребностямъ временъ минувшихъ. Въ это недавнее прошлое сельское населеніе, еще крайне малочисленное, почти все располагалось вдоль рѣкъ по узкимъ полосамъ, очищеннымъ отъ лѣса. Всѣ же громадныя пространства, пролегающія между рѣками, были заняты сплошными лѣсами, владѣльческими и казенными, и питаемыми ими болотами. Сообразно этому рас-

положились и погосты, и притомъ по большей части парами, по обоимъ берегамъ рѣкъ, на самыхъ населенныхъ пунктахъ ихъ теченія *. Это расположеніе церквей, вообще столь рѣдкихъ, увеличиваетъ ихъ отдаленіе отъ новыхъ поселеній и приходовъ. А таковыхъ возникло множество. Прежнія громадныя лѣсныя дачи, проданныя, вырубленныя и раздробленныя, замѣнились пахатною землей; постепенно высыхающія болота — покосами, и дали мѣсто многочисленнымъ новымъ деревнямъ и болѣе мелкимъ поселкамъ, основаннымъ выходцами изъ мѣстностей, болѣе густо населенныхъ. Особенно быстро размножились такія новыя поселенія за послѣднія тридцать лѣтъ. Такимъ образомъ увеличилось число прихожанъ старинныхъ погостовъ, независимо отъ повсемѣстнаго естественнаго прироста населенія.

Въ эпоху построенія всѣхъ этихъ церквей помѣстное наше дворянство, болѣе чѣмъ когда-либо, жило по деревнямъ. Смоленское же дворянство отличалось особеннымъ домосѣдствомъ. Въ то время всякій богатый помѣщикъ долгомъ считалъ украсить свою резиденцію каменнымъ храмомъ, по возможности благолѣпнымъ. Преданія о построеніяхъ этихъ въ изобиліи дошли до пишущаго эти строки, ибо всѣ церкви обширнаго округа Бѣльскаго уѣзда построены прямыми его предками (Пенскими, Потемкиными, Баратынскими, Рачинскими). Въ свое время онѣ считались достаточно обширными, и болѣе вниманія, чѣмъ на ихъ вмѣстимость, обращалось на ихъ своеобразіе и красоту. При этомъ давала себѣ полный просторъ фантазія строителя, не стѣсненная вмѣ-

*) Въ Бѣльскомъ уѣздѣ, по рѣкѣ Березѣ: Спасъ и Татево, Егорье и Рогалово; по р. Лушѣ: Глухово и Кострица, Травино и Топотово; по р. Обтѣ: Городокъ и Покровокъ, Верховье и Дунаево, Егорье и Голощаново и т. д.

шательствомъ казенныхъ архитекторовъ. Такъ, въ селѣ Бобровкѣ (Ржевскаго уѣзда) планъ церкви представляетъ правильный треугольникъ, отъ коего отрѣзано три малыхъ правильныхъ же треугольника, вмѣщающіе въ себѣ алтарь и два придѣла. Центральный шестиугольникъ, увѣнчанъ высокимъ куполомъ. Столь же страненъ планъ церкви Пыжковской. Онъ представляетъ правильный кругъ, къ коему примыкаютъ два малыхъ круга, вмѣщающіе придѣлы. Промежутокъ между двумя малыми кругами составляетъ общій тремъ церквамъ притворъ. Всѣ эти затѣи, конечно, требовали такого количества кирпича, коего хватило бы на церкви вдвое болѣе просторныя. О построеніи Дунаевской церкви (самой величественной въ уздѣ до построенія новой церкви при стекольномъ заводѣ Ю. С. Мальцева, по плану академика Бенуа) существуетъ слѣдующее преданіе. Кирпичъ былъ заготовленъ въ имѣніи строителя (Б. А. Потемкина), верстахъ въ шести отъ мѣста построенія. Чтобы доставить на это мѣсто весь этотъ кирпичъ (не менѣе милліона), строитель собралъ всѣхъ своихъ крѣпостныхъ и выстроилъ ихъ сплошнымъ рядомъ отъ кирпичнаго завода до мѣста закладки. Кирпичъ передавался изъ рукъ въ руки, безъ всякаго усилія, и весь былъ доставленъ на мѣсто въ три дня, которые были непрерывнымъ праздникомъ.

И нынѣ строятся церкви, хотя и болѣе скромныя, преимущественно на пожертвованія крестьянъ. Но строятся онѣ слишкомъ рѣдко. Богатые помѣщики покинули свои родовыя гнѣзда, или продали ихъ лѣсопромышленникамъ, въ нашихъ краяхъ, увы, по большей части—жидамъ! Это обстоятельство, разумѣется, значительно затрудняетъ церковностроительство, въ особенности же необходимое его дополненіе—отводъ для причта достаточнаго количества земли.

Это послѣднее условіе заслуживаетъ особаго вниманія. Можно сказать безъ преувеличенія, что на каждомъ пунктѣ, по своей населенности и условіямъ мѣстнымъ, дѣйствительно, нуждающемся въ церкви, таковая возникнетъ, если только найдется жертвователь, готовый надѣлить ее указнымъ количествомъ земли. Дѣло въ томъ, что тѣ немалыя денежныя средства, которыя требуются на построеніе храма, просторнаго и прочнаго, постоянно находятся, въ какой безвѣстной и бѣдной мѣстности ни предпринималась бы постройка. Для этого нуженъ только человѣкъ, готовый посвятить нѣсколько лѣтъ своей жизни на хожденіе по градамъ и весямъ нашего обширнаго отечества, для сбора копеекъ и рублей. Несомнѣнно, перепадутъ ему и сотни, и тысячи. А такіе люди, благодареніе Богу, на Руси еще не перевелись.

Обращаюсь съ этими соображеніями именно къ ревнителямъ школьнаго дѣла, ибо ревнители церковнаго строительства въ напоминаніяхъ моихъ не нуждаются.

Всякому искреннему ревнителю школьнаго дѣла необходимо сознать и помнить, что это дѣло, даже въ тѣхъ размѣрахъ, которые оно приняло нынѣ, безмѣрно превышаетъ силы всѣхъ органовъ правительства, завѣдующихъ школами, въ томъ числѣ и земства. Ибо дѣло это требуетъ надзора и руководства повсемѣстнаго и близкаго, постояннаго и авторитетнаго въ глазахъ населенія. Такой надзоръ, такое руководство посильны только органамъ церкви, только духовенству. Сплотить его ряды, поднять его нравственный уровень—должно быть заботой не одного духовнаго вѣдомства, но всякаго, кому близки интересы духовные. Школы, конечно, церковныя столько необходимы духовенству, какъ духовенство школѣ. Расширеніе пастырской дѣятельности, налагаемое на наше сельское духовенство обстоятельствами

времени, уже начинаетъ оказывать на него свое возвышающее дѣйствіе, и всѣ люди достатка матеріальнаго и мысленнаго обязаны поддерживать благое вѣяніе, поднявшееся въ лонѣ нашей Церкви, въ связи съ повсемѣстнымъ размноженіемъ школъ.

Много толкуютъ о дополненіи слишкомъ бѣдной нашей школьной сѣти. Исправимъ, дополнимъ сѣть нашихъ сельскихъ приходовъ, и половина дѣла будетъ сдѣлана. Другая, еще болѣе трудная—медлительная и глубокая—побѣда надъ закоренѣлыми язвами нашего сельскаго духовенства. Но все превозмогаютъ любовь и терпѣніе. Не обличеніе падшихъ, не глумленіе надъ зломъ тутъ нужно, но поддержка добра, но помощь погибающимъ. И тутъ наилучшею почвой дѣланія является та же школа, уже многихъ спасающая, многихъ отклоняющая отъ путей погибельныхъ.

Много толкуютъ нынѣ и о подъемѣ народной нравственности. Но нынче радѣтели этого дѣла возлагаютъ свои надежды на чайныя, на волшебные фонари, на невинныя гимнастическія увеселенія, на абсолютно невозможные въ сельскомъ быту народные театры, на попечительства о народной трезвости, въ своихъ уставахъ не идущія далѣе этихъ ребячливыхъ затѣй. И неужели никому не приходитъ на мысль, что съ роковыми пороками, разъѣдающими самую сердцевину народной жизни, можно бороться не поверхностными развлеченіями, а лишь подъемомъ и углубленіемъ народнаго духа? Не гимнастика и чай могутъ побороть кабакъ и винную лавку, а Церковь и освященная Церковью школа.

Безмѣрно и вѣчно значеніе Церкви, и отдѣльному мірянину не дано вліять на ея неисповѣдимыя судьбы. Но каждому изъ насъ дано, по мѣрѣ силъ, способствовать созиданію отдѣльныхъ ячеекъ, изъ коихъ слагается

великое церковное тѣло. Эти ячейки—приходы, по преимуществу сельскіе, несравненно крѣпче связующіе людей, чѣмъ быстро мѣняющіеся въ своемъ составѣ приходы городскіе. Безмѣрно дорога, въ этомъ смыслѣ, каждая кирпичина, каждая копейка, идущая на созданіе сельскаго храма.

Преходитъ образъ міра сего и въ смыслѣ матеріальномъ. Быстро исчезаютъ дремучіе лѣса, краса и слава нашего обширнаго сѣвера. На дѣвственной ихъ почвѣ быстро разростаются новыя поселенія, удаленныя отъ церквей и школъ, лишенныя между собою всякой духовной связи. Безотраденъ и сиротливъ видъ этихъ новыхъ поселковъ, вокругъ коихъ разрушена всякая красота естественная, не успѣло создаться никакой красоты культурной. При видѣ оголеннаго холмика, господствующаго надъ такою мѣстностью, невольно воображеніе создастъ призракъ бѣлокаменной церкви, окруженной деревьями, не подлежащими вырубкѣ, и при ней просторной школы, отъ которой во всѣ стороны разбѣгаются протоптанныя ребятами тропинки. Нынѣ же сколь немногіе изъ этихъ ребятъ имѣютъ возможность переселяться на зимнее житье въ отдаленное село,—а безъ этого школьное обученіе для нихъ невозможно. Сколь рѣдко остальные, сколь рѣдко ихъ родители попадаютъ въ церковь? Земли куплены въ долгъ, приведеніе ихъ въ культурное состояніе требуетъ усиленныхъ медлительныхъ трудовъ. Не скоро накопится избытокъ, позволяющій думать о построеніи храма. Но земли на это дѣло пока еще вдоволь, и почти вездѣ при помощи человѣка убѣжденнаго и добраго, располагающаго хотя малыми денежными средствами, можетъ быть приступлено къ дѣлу.

„Нужно стремиться къ невозможному для того, чтобы достигнуть возможнаго“, говаривалъ мой покойный землякъ А. А. Лярскій, оставившій по себѣ, въ имѣніи своемъ подъ Смоленскомъ, великолѣпную церковь, построенную по плану римскаго Пантеона. Въ дѣлѣ же церковнаго строенія, какъ убѣдили меня долголѣтнія наблюденія, всякая невозможность оказывается лишь мнимою. Тотъ даръ „матеріализаціи“, который напрасно приписываютъ себѣ профессіональные медіумы, ниспосланъ Богомъ людямъ благой воли и неуклоннаго терпѣнія. Тѣ призрачныя церкви и школы, тѣ новыя дубравы, которыя невольно рисуетъ намъ неугомонное воображеніе, онѣ въ дѣйствительности украсятъ оголенныя вершины холмовъ, осѣнятъ и просвѣтятъ сиротѣющіе поселки, если только сосредоточить наши мысли, наше хотѣніе, на существенномъ и главномъ, къ чему приложилось бы все прочее—на размноженіи церквей.

ЗАИКАНІЕ И ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОЕ ЧТЕНІЕ *).

Заиканіе — недугъ у дѣтей болѣзненныхъ и слабонервныхъ нерѣдкій, подчасъ значительно затрудняющій имъ школьное обученіе.

Способы лѣченія этого недуга давно выработаны въ Америкѣ Г-жею Лей (Leiph) и распространены въ Европѣ. Сущность ихъ заключается въ гимнастикѣ голосовыхъ органовъ, а именно въ систематическихъ упражненіяхъ въ декламаціи нараспѣвъ стиховъ и благозвучной прозы, сперва медленной, затѣмъ ускоряющейся.

Помню деревенскаго сосѣда, страдавшаго заиканіемъ въ степени чрезвычайной. Онъ ѣздилъ въ Парижъ лѣчиться отъ этого недуга. Лѣчили его преимущественно протяжною декламаціею, на псевдо-классическій ладъ, монологовъ Расина и Корнеля, и вернулся онъ исцѣленнымъ, повидимому, окончательно. Въ рѣчи его не осталось ни малѣйшихъ слѣдовъ заиканія, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ говорилъ вполнѣ плавно. Но случилось ему за что-то сильно разсердиться на своего кучера. На поспѣшномъ упрекѣ онъ заикнулся:

---

*) *Народное Образованіе*, 1898 г., апрѣль.

недугъ вернулся съ прежнею силою, и онъ до самой смерти остался заикою.

Наша начальная школа, независимо отъ цѣлей лѣчебныхъ, обладаетъ, въ церковно-славянскомъ чтеніи, могучимъ средствомъ для устраненія неправильностей выговора. Въ особенности можно сказать это о школѣ церковной, въ коей больше вниманія и времени удѣляется на чтеніе отчетливое и истовое, приложимое въ богослужебной практикѣ. Способность къ такому чтенію не можетъ быть развита безъ долгихъ предварительныхъ упражненій въ чтеніи протяжномъ, нараспѣвъ. Школа въ этомъ отношеніи оказываетъ вліяніе благодѣтельное. Сплошь да рядомъ въ ней исчезаютъ, какъ-бы сами собою, слабыя степени заиканія.

Нельзя сказать того-же самаго о болѣе сильныхъ степеняхъ этого недуга. Заурядное классное чтеніе, самостоятельное изученіе нѣсколькихъ богослужебныхъ текстовъ недостаточны для ихъ устраненія. Нужны добавочныя упражненія въ чтеніи именно протяжномъ, нараспѣвъ, и непремѣнно подъ наблюденіемъ учителя. Предоставленные самимъ себѣ, ребята, уже побѣдившіе техническія трудности чтенія, непремѣнно стремятся къ тому д р о б н о м у чтенію, отчетливому и быстрому, коимъ щеголяютъ опытные причетники, которое иногда, по соображеніямъ практическимъ, и бываетъ нужно, во время длительныхъ службъ.... Но преждевременныя упражненія въ такомъ чтеніи для заикающихся гибельны, ибо именно вызываютъ припадки заиканія. Честь и слава тому учителю, который займется съ заикающимся ученикомъ отдѣльно, не допуская его до быстраго чтенія, пока онъ вполнѣ не освоится съ чтеніемъ медленнымъ. Чтеніе нараспѣвъ, очень протяжное, какъ и пѣніе, доступно всякому заикающемуся.

Прошлою весною въ Татевской школѣ окончилъ

курсъ мальчикъ, сильно заикавшійся. Нѣкоторое улучшеніе въ его выговорѣ въ школѣ произошло, но до полнаго исцѣленія было еще далеко. Осенью онъ поступилъ въ Дунаевскую второклассную школу, при чемъ я обратилъ вниманіе завѣдующаго ею священника на необходимость продолжать упражненія въ протяжномъ церковно-славянскомъ чтеніи. Почтенный о. Березкинъ не пожалѣлъ своихъ трудовъ, и на дняхъ я убѣдился, что мальчикъ совершенно пересталъ заикаться, когда находится въ спокойномъ состояніи духа.

Послѣднее обстоятельство заставляетъ меня напомнить о необходимомъ условіи успѣшнаго лѣченія заиканія голосовыми упражненіями, условіи, безъ коего, впрочемъ, немыслимъ успѣхъ въ какомъ-бы то ни было школьномъ дѣлѣ. Условіе это—внимательное обращеніе, ровное и кроткое, съ учащимися дѣтьми. Заиканіе, въ корнѣ своемъ—болѣзнь нервная. Оно поддерживается и усиливается нервными потрясеніями, даже незначительными. Особенно сильно дѣйствуетъ на заикающихся—страхъ. Достаточно рѣзкаго окрика, чтобы вызвать заиканіе у ребенка, къ нему расположеннаго. Всѣмъ учителямъ извѣстно, съ какимъ трудомъ отвѣчаютъ на экзаменахъ ученики, хотя-бы въ легкой степени заикающіеся. Въ большинствѣ случаевъ самое возникновеніе недуга связано со случайнымъ испугомъ.

Затѣмъ, лѣченіе заиканія именно чтеніемъ церковно-славянскимъ, истовымъ чтеніемъ богослужебныхъ текстовъ, представляетъ то неоцѣненное преимущество, что оно безсознательно продолжается и внѣ школы паціентомъ, пріобрѣвшимъ навыкъ и вкусъ къ чтенію въ церкви. Лишь продолжительная практика можетъ упрочить результаты лѣченія.

Невольно думается, что если бы мой покойный сосѣдъ, вмѣсто того, чтобы ѣздить въ Парижъ, выучился

у мѣстнаго церковника истово читать, хотя-бы часы III и VI, и затѣмъ неуклонно читалъ ихъ передъ каждою литургіею въ своемъ приходскомъ храмѣ, онъ добился-бы исцѣленія болѣе прочнаго. Быть можетъ, благочестивое это упражненіе при томъ помогло бы ему сдерживать тѣ припадки гнѣва, изъ коихъ одинъ внезапно уничтожилъ результаты Парижскаго лѣченія....

НѢЧТО О СВОБОДѢ ЧТЕНІЯ И РѢЧИ *).

За послѣднее время не менѣе толковъ, чѣмъ вопросы о начальной школѣ, возбуждаютъ тѣсно связанные съ ними вопросы о публичныхъ чтеніяхъ для народа, о народныхъ читальняхъ и библіотекахъ. При этомъ не всегда въ достаточной мѣрѣ принимается во вниманіе различіе условій, при коихъ сіи благія подспорья школьнаго дѣла могутъ получить надлежащее развитіе въ городахъ, съ одной стороны, а съ другой—въ отдаленныхъ отъ нихъ селеніяхъ. Въ нижеслѣдующихъ строкахъ могу, на основаніи личныхъ наблюденій, коснуться этого дѣла лишь насколько оно осуществимо въ средѣ именно сельской.

Всего болѣе мѣста въ толкахъ, печатныхъ и устныхъ, объ этихъ предметахъ занимаютъ нескончаемыя жалобы на стѣсненія, коимъ подвергается какъ составъ народныхъ библіотекъ и читаленъ, такъ и устройство народныхъ чтеній. Списки книгъ допускаемыхъ въ библіо-

*) Москов. Вѣдом. 1898 г. № 112.

теки слишкомъ де односторонни и скудны. Народныя лекціи стѣснены де до крайности обязательствомъ дословнаго чтенія весьма ограниченнаго количества книгъ и брошюръ, совершеннымъ запрещеніемъ свободной рѣчи лектора, которая одна де могла бы внести въ эти чтенія надлежащую жизненность и дѣйственность.

При этихъ жалобахъ на стѣсненія, дѣйствительно весьма значительныя, постоянно умалчивается о причинахъ, по коимъ эти стѣсненія безусловно необходимы. Всѣ эти правила имѣютъ въ виду *исполнителей*, въ руки коихъ, при настоящемъ положеніи вещей, неминуемо должно попасть это дѣло. Единственныя помѣщенія, при коихъ возможно устройство сельскихъ библіотекъ, въ коихъ мыслимы народныя чтенія, въ нашихъ селахъ суть школы. Большинство этихъ школъ суть школы земскія; изъ школъ же церковно-приходскихъ пока лишь весьма немногія располагаютъ достаточнымъ для подобныхъ цѣлей просторомъ. Поэтому, очевидно, въ огромномъ большинствѣ случаевъ дѣло должно быть ведено либо дѣятелями земскими, коихъ ничто не обязываетъ къ знакомству съ народною литературой и къ правильнымъ на нее взглядамъ, либо дилетантами народнаго просвѣщенія, въ средѣ коихъ возможны всѣ мыслимыя увлеченія и заблужденія, либо сельскими учителями, людьми по большей части весьма молодыми и неустановившимися и всецѣло (въ школахъ земскихъ) находящимися подъ вліяніемъ лицъ двухъ первыхъ категорій. Каковъ былъ бы составъ сельскихъ библіотекъ и духъ народныхъ чтеній, предоставленныхъ естественному своему теченію, показываетъ недавній опытъ. Пишущій эти строки пережилъ не только усиленное распространеніе, посредствомъ искусственной дешевизны, но и массовое даровое навязываніе сельскимъ школамъ такого явно-вреднаго матеріала

какъ изданія Пашковскаго кружка, изданія „Посредника“, изданія Комитета Грамотности. Достаточно ему было назвать себя въ печати сельскимъ учителемъ, чтобы вызвать высылку на его имя самыхъ отвратительныхъ издѣлій заграничной и русской печати.

Но несравненно важнѣе этихъ соображеній слѣдующее обстоятельство, о коемъ постоянно умалчиваютъ наши огорченные просвѣтители:

У насъ существуютъ сельскія библіотеки, пока, правда, крайне скудныя, но составъ коихъ не ограниченъ никакими запретительными или разрѣшительными каталогами. Это—библіотеки церковныя, начинающія оживать тамъ, гдѣ церковь успѣла создать при себѣ добрую школу. У насъ существуютъ народныя чтенія, быстро распространяющіяся, пользующіяся громаднымъ успѣхомъ и рѣшительно ничѣмъ не стѣсняемыя, ни въ выборѣ темъ, ни въ способѣ изложенія. Это, такъ-называемыя, внѣбогослужебныя собесѣдованія. Еслибы наши просвѣщенные благотворители занялись обогащеніемъ книгами церковныхъ библіотекъ, конечно, не по своему выбору, а по выбору завѣдующихъ ими священниковъ, они могли бы быть увѣрены, что доставятъ народу именно ту книжную пищу, которая ему потребна, и именно въ той формѣ, которая для него удобопріемлема. Что же касается внѣбогослужебныхъ собесѣдованій, то ни въ какой посторонней помощи они не нуждаются, кромѣ и безъ того необходимаго расширенія школьныхъ помѣщеній, повсюду становящихся слишкомъ тѣсными не только для народныхъ чтеній, но и для прямыхъ своихъ учебныхъ цѣлей. Волшебные фонари, составляющіе украшеніе, болѣе показное, чѣмъ существенное, этихъ чтеній, отнюдь не составляютъ необходимаго условія ихъ успѣха. Употребленіе ихъ умѣстно лишь тамъ, гдѣ народъ уже привыкъ вни-

мательно вслушиваться въ чтенія, независимо отъ всякихъ добавочныхъ приманокъ*).

Поразительный успѣхъ внѣбогослужебныхъ собесѣдованій обусловливается двумя обстоятельствами, весьма существенными.

Во первыхъ, выборомъ темъ для чтеній и бесѣдъ. Темы эти заимствуются преимущественно изъ области духовно-нравственной, наиболѣе привлекательной для простыхъ слушателей этихъ бесѣдъ. Но было бы ошибочно думать, что изъ нихъ исключены темы иного рода, характера чисто-мірскаго. Если собесѣдованія, ведомыя въ храмѣ, заключены въ рамкахъ строго-церковныхъ, то собесѣдованія, перенесенныя въ школу, какъ въ большинствѣ случаевъ это и бываетъ, допускаютъ весьма значительную мѣру разнообразія. Но затрогиваютъ они темы не входящія въ обычную ихъ сферу лишь по какому-либо опредѣленному поводу, придающему этимъ темамъ живой интересъ, каковы: крупное современное событіе, значительная годовщина, или просто—возможность указать слушателямъ на что-либо дѣйствительно для нихъ интересное и полезное.

Объяснюсь примѣромъ. Прошлымъ лѣтомъ нѣкоторые изъ моихъ учителей ѣздили на Измайловскую пасѣку обучаться практическому пчеловодству. Привезли они оттуда не только запасъ полезныхъ свѣдѣній, но и цѣлый рядъ рамочныхъ ульевъ разныхъ системъ, собственной работы. Ульи эти временно были поставлены на крыльцѣ школы. Въ слѣдующее воскресенье, по окончаніи утрени, народъ, по обыкновенію, повалилъ въ школу на бесѣду. Но на крыльцѣ ульи невиданнаго устройства остановили толпу, въ коей оказа-

*) См. интересную замѣтку Ѳ. Р. о народныхъ чтеніяхъ въ № IV *Народнаго Образованія* за текущій годъ.

лось не мало пчеловодовъ. Вышелъ учитель и, чтобъ удовлетворить общее любопытство, при всѣхъ разобралъ каждый изъ ульевъ, подробно объясняя его устройство, цѣль и пользу всякаго отдѣльнаго приспособленія. Отецъ діаконъ, приготовившій бесѣду совсѣмъ иного характера, конечно, и не подумалъ прервать эти разъясненія, а присоединился къ учителю, чтобы помочь ему въ его демонстраціи. Импровизованную эту бесѣду пришлось повторить въ слѣдующее воскресенье, ибо въ церковь пришло много людей, не бывшихъ въ ней въ день первой бесѣды. Академическимъ чтеніемъ о предметахъ общеполезныхъ заинтересовать нашу аудиторію невозможно. Но она всегда выслушаетъ съ полнымъ вниманіемъ живую рѣчь о полезномъ дѣлѣ человѣка, лично надъ этимъ дѣломъ потрудившагося.

И это прямо приводитъ насъ ко второй причинѣ постояннаго успѣха нашихъ внѣбогослужебныхъ собесѣдованій. Причина эта заключается въ преобладаніи живой, свободной рѣчи надъ чтеніемъ рѣчи печатной. Такая свободная устная рѣчь о предметахъ самыхъ возвышенныхъ нашему духовенству не только разрѣшена, но всячески въ немъ поощряется и, по мѣрѣ личныхъ силъ, каждому изъ его членовъ предписывается. Тѣмъ болѣе пастыри душъ уполномочены говорить своимъ пасомымъ о предметахъ житейскихъ все, что они считаютъ ведущимъ къ ихъ благу. Живая же, неписанная рѣчь, даже самая нескусная, далеко оставляетъ за собою, въ дѣйствительности и внушительности, даже самую общедоступную, самую образцовую письменную прозу, особенно въ устахъ человѣка до тонкости знающаго степень пониманія своихъ слушателей и согрѣтаго къ нимъ истинно-пастырскимъ усердіемъ. Эта свобода духовенства, какъ и всякая на землѣ свобода, плодъ строгаго самоограниченія, плодъ подчиненія сво-

ихъ личныхъ вкусовъ и мнѣній идеалу столь высокому, что во свѣтѣ его не можетъ устоять ничто нечистое и вредное. Свобода эта въ дѣлѣ народныхъ бесѣдъ распространяется въ нѣкоторой мѣрѣ и на помощниковъ духовенства—учителей и прочихъ усердствующихъ мірянъ. Ни одинъ священникъ не разрѣшитъ таковымъ импровизацій на темы религіозныя, государственныя, общественныя. Всякій допуститъ свободную устную рѣчь, неизбѣжную въ поясненіяхъ по предметамъ техническимъ и хозяйственнымъ, сопряженныхъ съ демонстраціями. Всякій допуститъ, подъ своимъ контролемъ, часто необходимое чтеніе печатныхъ текстовъ mutatis mutandis, то-есть съ пропускомъ мѣстъ, аудиторіи непонятныхъ, съ замѣной терминовъ невразумительныхъ болѣе доступными, со вставкой свѣдѣній, которыя авторъ предполагаетъ общеизвѣстными, но которыя могутъ быть совершенно чужды слушателямъ безграмотнымъ. Нужно замѣтить, что если матеріалы для сплошнаго, буквальнаго чтенія передъ людомъ темнымъ пока скудны, матеріалы для чтенія, такимъ образомъ поясненнаго, весьма обильны. Но они разбросаны въ журналахъ и газетахъ, духовныхъ и свѣтскихъ, сочиненіяхъ многотомныхъ и цѣнныхъ, и въ нормальные списки допущенныхъ чтеній никоимъ образомъ попасть не могутъ. Отыскать и приспособить ихъ къ данной цѣли можетъ лишь свободная личная инціатива.

Всякое дѣло, находящееся въ рукахъ людей къ нему непризванныхъ, неминуемо вызываетъ самую сложную, самую стѣснительную регламентацію. Регламентація эта, впрочемъ, совершенно безплодна. Возбуждая постоянное неудовольствіе, она не въ силахъ—ни предотвращать явленія уродливыя и вредныя, ни вдохнуть въ дѣло какую-либо плодотворность и жизненность.

Вѣстникъ Европы, постоянно печалуясь о стѣсненіяхъ, коимъ подвергается дѣло просвѣщенія народа путемъ печатнымъ и устнымъ, въ то же время печатаетъ объемистый романъ изъ фабричной жизни г. Боборыкина подъ названіемъ „Тяга“. Какого бы мы ни были мнѣнія о талантѣ г. Боборыкина, нельзя не признать фотографической вѣрности тѣхъ подробностей, коими онъ обставляетъ фабулу своихъ многосложныхъ твореній. Въ романѣ не мало мѣста удѣлено фабричной библіотекѣ. Завѣдующая ею старушка изображена съ особенною любовью. По поводу этой библіотеки узнаемъ, что полуграмотные рабочіе усердно изучаютъ всю передовую литературу послѣдняго пятидесятилѣтія, начиная съ Бѣлинскаго и кончая современными марксистами. Они же глубокомысленно комментируютъ романы Шпильгагена, Бурже и Золя. Вѣроятно, лишь изъ скромности умалчивается о собственныхъ, столь назидательныхъ, твореніяхъ г. Боборыкина, нынѣ повсюду, благодаря *Нивѣ*, распространенныхъ. Мелькаетъ фигурка четырнадцатилѣтняго мальчугана, изучающаго *Рим*ъ Золя. Заботливая старушка-библіотекарша долгомъ считаетъ проэкзаменовать интереснаго мальчика и убѣдиться, что онъ усвоилъ и запомнилъ содержаніе подсунутой ему полезной книги...

Всѣ эти уродства, и многія иныя, имъ подобныя, совершенно неизбѣжны, пока дѣло начальной школы и всѣ приспособленія, долженствующія продолжать и дополнять это дѣло, будутъ въ рукахъ лицъ, для коихъ умственный и нравственный подъемъ массъ не есть цѣль предначертанная долгомъ и совѣстію, а средство для достиженія иныхъ цѣлей, невѣдомыхъ и смутныхъ. Наше духовенство, путемъ внѣбогослужебныхъ собесѣдованій, уже успѣло доказать, что порученное ему, въ извѣстной мѣрѣ, школьное дѣло оно не только спо-

собно вести, но призвано успѣшно продолжать и дополнять. Остается пожелать, чтобъ это дѣло всецѣло было поручено Церкви, чѣмъ какъ за начальною школой, такъ и за всѣми прочими видами народнаго учительства была бы обезпечена истинная, плодотворная свобода, безъ коей все дѣло народнаго просвѣщенія остается безжизненнымъ и безплоднымъ, несмотря на всѣ приманки, коими стараются его обставлять.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ СТАТЕЙ.

стран.

Предисловіе стоитъ отъ автора по поводу изданія собранія . 1

Замѣтки о сельскихъ школахъ.

I. Ложный характеръ сужденій о сельской школѣ въ періодической и въ общественной. Русская школа противоположна западной. Особенности нашей сельской школы: первобытный характеръ, церковно-славянскій языкъ и пренебреженіе къ ней учениковъ. Значеніе этихъ особенностей для правильной постановки школьнаго дѣла. II. Цѣлесообразность школьной жизни: а) ученики. Отсутствіе и малое количество удовольствій въ школѣ. Характеристика сельскихъ учениковъ. Отношеніе ихъ къ школѣ и къ предметамъ преподаванія. III. б) Учителя. Характеристика учителей изъ образованныхъ сословій, изъ недоучекъ, прибѣгшихъ званію учителя по званію и изъ учителей сельскихъ старшихъ. Дѣвическіе типы. Законоучитель-священникъ. Отношеніе-ли любятъ духовенство къ народному міру и школѣ. IV. Недостатки въ обученіи. Недостатокъ книгъ, матеріаловъ, вещественныхъ и волостныхъ. Преимущества школъ церковно-приходской. V. О преподаваніи русскаго и церковно-славянскаго языка. VI. Преподаваніе арифметики. Увлеченіе ученіемъ умственнымъ счетомъ. VII. О необходимости преподавать первоначальныя свѣдѣнія изъ Закона Божія однимъ священникамъ, а не изъ нихъ исполнителей разныхъ предписаній этого закона. VIII. О преподаваніи церковнаго пѣнія, геометріи, географіи, исторіи, естествознанія, науки. О необходимости школъ земледѣльческихъ и ремесленныхъ. IX. Результаты школьнаго ученія и образованія, полученнаго въ церковно-приходской и практической жизни сельскихъ учителей, и въ какомъ родѣ желательно видѣть ихъ. X. Ложный взглядъ на сельскія школы, какъ на средство противодѣйствія развитію матеріальнаго благосостоянія народа. Ошибочность такого взгляда. Вліяніе школы на матеріальное благосостояніе народа. Вліяніе школы на нравственность народа. Вліяніе школы на семью. Вліяніе школы на общество. Заключеніе . . . . . 3—103

ОГЛАВЛЕНІЕ СТАТЕЙ.

СТРАН.

Нѣсколько словъ отъ автора по поводу изданія сборника . 1

Замѣтки о сельскихъ школахъ.

I. Ложный характеръ сужденій о сельской школѣ въ печати и въ обществѣ. Русская школа противоположна западной. Особенности нашей сельской школы: церковный характеръ, церковнославянскій языкъ и проживаніе въ ней учениковъ. Значеніе этихъ особенностей для правильной постановки школьнаго дѣла. II. Элементы школьной жизни: а) ученики. Отсутствіе и малое количество дѣвочекъ въ школѣ. Характеристика сельскихъ учениковъ. Отношеніе ихъ къ школѣ и къ предметамъ религіознымъ и нравственнымъ. III. б) Учитель. Характеристика учителей изъ духовныхъ семинарій, изъ недоучекъ, пріобрѣтшихъ званіе учителя по экзамену и изъ учительскихъ семинарій. Деревенскіе грамотеи. Законоучитель-священникъ. Справедливъ-ли упрекъ духовенству въ равнодушіи къ школѣ. IV. Недостатки въ организаціи школъ министерскихъ, земскихъ и волостныхъ. Преимущества школы приходской. V. О преподаваніи русскаго и церковно-славянскаго языка. VI. Преподаваніе ариѳметики. Увлеченіе учениковъ умственнымъ счетомъ. VII. О необходимости предоставить право преподаванія Закона Божія однимъ священникамъ, въ виду неудовлетворительныхъ результатовъ преподаванія этого предмета свѣтскими учителями. VIII. О преподаваніи предметовъ добавочныхъ: церковнаго пѣнія, геометріи, географіи, исторіи, естественныхъ наукъ. О необходимости школъ земледѣльческихъ и ремесленныхъ. IX. Результаты школьнаго ученія для умственной, религіозно-нравственной и практической жизни сельскихъ учениковъ, и въ какомъ родѣ желательно дальнѣйшее образованіе наиболѣе способныхъ изъ нихъ. Заключеніе . . . 3—103

II

Народное искусство и сельская школа.

СТРАН.

I. Въ театрѣ-ли нужно искать удовлетворенія эстетическимъ потребностямъ народа? Вѣра—источникъ и условіе искусства. Художественное и образовательное значеніе церковнаго чтенія и пѣнія. II. Богатство художественнаго матеріала въ нашемъ церковномъ пѣніи. Основной характеръ церковныхъ распѣвовъ. Ихъ жизненность. Необходимость церковной гармонизаціи всего богослужебнаго круга. III. Условія подъема церковнаго пѣнія въ области высшаго музыкальнаго творчества и сельской школы . . . . . 104—123

Школьный походъ въ Нилову Пустынь.

День первый. Сборы въ Татевской школѣ. Составъ паломниковъ. Молебенъ. Первыя впечатлѣнія пути. Меженинская школа. Радушный пріемъ и угощеніе. Вечернія молитвы. **День второй.** Утреннія молитвы. Распредѣленіе на группы. Проводы. Панорама пути въ долинѣ рѣки Туды. Привалъ у мельницы. Неудачное сокращеніе пути. Обѣдъ на постояломъ дворѣ въ Пыжахъ. Выходъ на большой богомольный трактъ. Ночлегъ въ дер. Боровыя Нивы. **День третій.** Переходъ черезъ р. Пырошню. Вспоминаніе объ усмиреніи быка въ Березуяхъ. Завтракъ въ Клешнинѣ. С. Оковцы. Чудотворныя иконы Животворящаго Креста и Божіей Матери. Святой ключъ. Переходъ до Селижарова. Черезъ Волгу на паромѣ. Величавая архитектура Селижарова монастыря. **День четвертый.** Путь до Осташкова. Встрѣчи съ богомольцами. Зехново. Край преп. Нила. Живое безсмертіе Угодника. Прибытіе въ городъ. **День пятый.** Осмотръ города. Встрѣча съ Татевскими богомолками и посѣщеніе Житнаго монастыря. Книжная лавка. Переѣздъ на пароходѣ до Ниловой Пустыни. Чаепитіе въ монастырской чайной. Всенощная въ соборѣ. Ужинъ и ночлегъ. **День шестой.** Ранняя обѣдня и молебенъ у мощей Преподобнаго. Чаепитіе и павлинъ. Поздняя обѣдня. О монастырскомъ пѣніи. Прогулка по берегу озера. Вечерня. **День седьмой.** Напутственный молебенъ у мощей Преподобнаго. Обратный путь. Свѣдѣнія о количествѣ богомольцевъ, посѣщающихъ Пустынь. Пріобрѣтеніе описаній Осташкова, Ниловой Пустыни и другихъ осмотрѣнныхъ святынь. Походъ до Зехнова. **День восьмой.** Дальнѣйшее путешествіе. Осмотръ и рисованіе видовъ Селижарова монастыря. Оковцы. Два слова о молитвахъ

стран.
утреннихъ и вечернихъ. **День девятый.** Осмотръ Оковецкой церкви и пріобрѣтеніе иконъ Божіей Матери. Поворотъ на Бобровку. Радостное настроеніе по поводу воспоминаній виденнаго въ Пустыни. Ночлегъ у церковнаго старосты въ Каменкѣ. **День десятый.** Утренняя молитва. Бобровка. Архитектура церкви. Радушный пріемъ. Угощеніе обѣдомъ и чаепитіе въ школѣ. Послѣдній переходъ. Разсказъ о событіи въ имѣніи Сидорово въ концѣ прошлаго столѣтія. Встрѣча домашними. Образовательное значеніе паломническихъ путешествій. Мысли о растительной пищѣ и значеніи постовъ. Объ условіяхъ прочнаго существованія и развитія школъ подобныхъ Татевской . . . . . 124—186

Изъ записокъ сельскаго учителя.

Отрывокъ первый. Объ условіяхъ художественной дѣятельности въ прежнее время по рисунку Бандинелли, Строй художественной жизни учениковъ Франца Листа и современныя условія художественнаго образованія. Затруднительное положеніе учителя при обнаруженіи одаренныхъ художественнымъ талантомъ учениковъ. О необходимости распространенія иконописныхъ школъ. **Отрывокъ второй.** Побужденія къ основанію общества трезвости среди учениковъ Татевской школы. Неожиданное увеличеніе общества. Причины размноженія обществъ трезвости. Воззваніе къ воспитанникамъ духовно-учебныхъ заведеній. **Отрывокъ третій.** Описаніе совершенія Великаго повечерія на первой недѣлѣ Великаго поста въ деревнѣ. Высокое содержаніе Часослова и Псалтири и практическое значеніе ихъ ежедневнаго употребленія . . . . . 187—236

Церковная школа.

I. Причины отрицательнаго отношенія къ церковной школѣ. Разборъ ихъ и выводы въ пользу церковно-приходской школы. II. Призывъ къ матеріальной помощи начальнымъ школамъ. Желательный о типѣ школы. Анализъ элементовъ школьной жизни и современныхъ теченій въ жизни русскаго образованнаго общества. III. Пожеланія Знаменскихъ прихожанъ относительно обязательнаго обученія дѣвочекъ. Источникъ этихъ пожеланій. Школы грамотности во главѣ съ центральной церковно-приходской, какъ наиболѣе удобныя для распространенія всеобщаго обученія. Обращеніе къ духовенству. Заключительныя пожеланія. 237—299

Чтеніе Псалтири въ начальной школѣ.

СТРАН.

Чтеніе Псалтири церковное и по покойникамъ. Возраженіе противъ механическаго чтенія въ школѣ. Пособія для объяснительнаго чтенія. Псалтирь, какъ символъ связи школы съ Церковью. Школы грамотности, какъ школы по преимуществу псалтирныя . 300—312

Начальная школа и сельское хозяйство.

Вопросъ о надѣленіи школъ землею и цѣли этого надѣленія. Практическая невозможность школьныхъ занятій полеводствомъ и скотоводствомъ. Занятія второстепенными отраслями хозяйства: огородничествомъ, плодоводствомъ и пчеловодствомъ и польза этихъ занятій . . . . . 313—326

Школьное цвѣтоводство.

Значеніе цвѣтоводства. Выборъ между растеніями кустарными, вьющимися и травянистыми для школьнаго палисадника. Культура комнатныхъ горшечныхъ растеній. Библейскія и евангельскія растенія . . . . . 327—341

Возродившіяся школы грамотности.

Признательность неизвѣстному благотворителю за пожертвованіе на «нужды народнаго образованія». Быстрое размноженіе начальныхъ школъ. Неотложная нужда школъ грамотности. Вліяніе школы, получившей помощь, на жизнь деревни. Соображенія о дальнѣйшей судьбѣ лучшихъ изъ сельскихъ учителей . . . 342—348

Церкви и школы.

Значеніе церкви для населенія. Связь школы съ церковію. Малочисленность сельскихъ церквей. Призывъ ревнителей школьнаго дѣла къ церковно-строительству . . . . . 349—359

Заиканіе и церковно-славянское чтеніе 360—363

Нѣчто о свободѣ чтенія и рѣчи . . . . 364—371

37.75
S
57
1957
3

ФАБРИКА
Н.В.ГАЕВСКАЯ
Б.ДВОРЯНСКАЯ
МАГАЗИНЪ ВЛАДИМ

Ed.H
R

626114
Rachinsky, Sergyei Aleksandrovich
Сельская школа.
3d ed.
«Title translit.:Sel'skaya szkola.

DATE

UNIVERSITY OF TORONTO
LIBRARY

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET